

Министерство образования и науки Российской Федерации

*АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ*

***РУССКИЙ ХАРБИН,
ЗАПЕЧАТЛЁННЫЙ В СЛОВЕ***

Выпуск 8

**Художественная этнография Северной Маньчжурии:
русский и китайский текст**

Благовещенск

2021

Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци; пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021. – 262 с.

Основу восьмого выпуска сборника составили воспоминания харбинцев о повседневной жизни дальневосточного зарубежья, архивные разыскания по литературе, культуре, этнографии Северной Маньчжурии, впервые публикуемые тексты харбинских поэтов, писателей, журналистов. Большую часть публикаций составляют результаты исследований сотрудников Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета, посвящённые устной истории Харбина и художественной этнографии.

Издание адресовано, в первую очередь, специалистам – исследователям культуры и литературы русского зарубежья, но будет интересно и учителям-гуманитариям, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей, культурой и литературой.

Рецензенты: *В.В. Агеносов*, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы ИМПЭ (г. Москва);

Ли Иннань, профессор Университета Иностранных языков (г. Пекин, КНР).

ISBN 978-5-93493-369-3

© Амурский государственный университет, 2021

© Кафедра литературы и мировой художественной культуры, 2021

© Коллектив авторов, 2021

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

AMUR STATE UNIVERSITY

***RUSSIAN HARBIN
CAPTURED IN THE WORD***

Volume 8

**Literary Ethnography of Northern Manchuria:
Russian and Chinese Texts**

Blagoveshchensk

2021

BBK 83.3 (2 Ros=2 Rus) 6
R 89

*Published by the decision
of the Academic Council
of the Amur State University*

Russian Harbin, Captured in the Word. Vol. 8. Literary Ethnography of Northern Manchuria: Russian and Chinese Texts / Ed. By A.A. Zabayako, G.V. Efendieva; transl. into Chin. Wang Yuqi; transl. into Engl. O.E. Tsmikal. – Blagoveshchensk: Amur State University, 2021. – 262 p.

The basis of the eighth volume of the collection is formed by the memories of Harbin residents about everyday life of the Far East emigration, archival research in literature, culture, ethnography of Northern Manchuria, texts of Harbin poets, writers, journalists published for the first time. Most of the publications are the results of research of the Center for the Study of Far Eastern Emigration of Amur State University, that deal with the oral history of Harbin and literary ethnography.

The publication is first of all addressed to specialists – researchers of culture and literature of the Russian emigration, but it will be also interesting for the teachers of humanities, students, and for a wide range of readers interested in the national history, culture and literature.

Reviewers: *V.V. Agenosov*, Honored Scientist of Russia, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Literature of Institute of International Law and Economy (Moscow);

Li Yingnan, Professor of the University of Foreign Languages (Beijing, China).

ISBN 978-5-93493-369-3

© Amur State University, 2021
© Department of Literature and World Culture, 2021
© Collective of authors, 2021

俄罗斯联邦科学教育部

阿穆尔国立大学

俄式哈尔滨
记录在文字中的哈尔滨俄侨

第8辑

中俄文化背景下的北满洲艺术民族志

布拉格维申斯克

2021

俄式哈尔滨, 记录在文字中的哈尔滨俄侨。第8辑。中俄文化背景下的北满洲艺术民族志/主编:A.A. 扎比娅卡、Г.В. 艾芬季耶娃;中文翻译:王宇琦;英文翻译:O.E.茨梅卡尔。- 布拉戈维申斯克市:阿穆尔国立大学, 2021年。- 262 页。

第八辑学术文集包含哈尔滨俄侨的远东边疆日常生活回忆录, 文学、文化、北满民族志方向的档案学术研究以及哈尔滨诗人、作家和记者们首次发表的作品。文集中大多数作品呈现了阿穆尔国立大学远东侨民研究中心研究工作者的研究成果, 该中心致力于哈尔滨的口述历史与艺术民族志研究。

学术文集主要面向:文化、文学研究方向的专家、学者, 对此类研究感兴趣的人文学科类的教师、硕博研究生与大学生, 以及所有对俄罗斯历史、文化, 文学感兴趣的读者。

评议人: *B.B. 阿格诺索夫*, 俄罗斯联邦功勋科学家, 语文学博士, 格里鲍耶多夫国际法和经济学院新闻学与文学教研室教授 (莫斯科);

李英男, 北京外国语大学教授(中国, 北京)。

ISBN 978-5-93493-369-3

©阿穆尔国立大学, 2021
©文学与世界艺术文化教研室, 2021
©作者团体, 2021

Русский Харбин в письмах, очерках, воспоминаниях, исследованиях

ХАРБИНКА ПО ЖИЗНИ. НАТАЛИЯ ЛАЛЕТИНА

А.А. Забияко

Юбилею Натальи Николаевны Лалетиной посвящается

В далёком, тихом латышском городке Огре, недалеко от Риги, живёт красивая почтенная дама. Каждый вечер, до самых холодов, дама ходит купаться на реку – именуемую также Огре. Так она привыкла с детских лет – всё лето проводить на Сунгари, коварной маньчжурской реке, по двум берегам которой располагается город Харбин (а река ныне, на китайский манер, называется Сун-хуа-цзян). Зимой же неутомимая харбинка, пересекая горбатый огринский мостик, гуляет по прибрежному парку.

Иногда она посещает местный богатый рыночек, со знанием дела выбирая то карпа, то окорок, то пряности. Ей ничего не стоит и сала засолить, и пирог испечь, и китайские пельмени налепить. По православным праздникам она посещает храм. У неё на «попечении» – не молодые уже приятельницы, нуждающиеся в заботе. Раз в месяц вместе с подругами, такими же русскими латышками, дама выезжает в Ригу и, справив нехитрые житейские дела, посещает недорогой китайский ресторан. И каждый день она трудится – пишет, читает, ведёт активную переписку, общается по Skype, обменивается репликами в WhatsApp с такими же харбинцами, их детьми, просто друзьями. В конце недели трудолюбивая женщина перечитывает написанное и констатирует: «Эти дни прошли не зря». На зиму дама обычно уезжает к внучке в Вену. Но долго там не задерживается, несмотря на то что родные обеспечивают ей все необходимые условия. Она – вольная птичка, её независимой натуре нужны самостоятельность и тишина для раздумий.

В этом году Наталья Николаевна Лалетина отметит свой третий тридцатилетний юбилей. Вернее, своё шестое пятнадцатилетие. Кажется, что она так и осталась в том возрасте – юной, со свежими впечатлениями, с готовностью горячо воспринимать всё новое, пылко влюбляться и страстно негодовать.

Только вот глаза подводят... Но зато – не подводит сердце. Чутьё у неё на людей – всякий позавидует. Тем отраднее, что судьбе было угодно, чтобы мы встретились.

Знакомство с Наталией Николаевной Лалетиной, как и всё, что связано с Харбином, подарено мне судьбой. Моя первая встреча с нею была заочной. Наша коллега, страстная харбинистка и подвижница, Светлана Лешошко, в 2016 году приехала в Благовещенск на конференцию «Россия и Ки-

*Наталья Николаевна Лалетина.
Ноябрь 2020 (архив ЦИДВЭ)*

тай на дальневосточных рубежах» и привезла в подарок нашему Центру изучения дальневосточной эмиграции книгу «Японцы».

До «японцев» в 2016 году мы в своих исследованиях ещё «не созрели». Автор была нам не известна. Потому, пролистав книгу и отметив живой характер повествования, я поставила её на полку – до лучших времён.

В 2018 году, в Харбин, куда я приехала на конференцию «Любимый Харбин – город дружбы», Наталия Николаевна прибыла в качестве свидетеля харбинской жизни и мемуаристики. Здесь её «Японцев» участники конференции расхватили, а моя книга лежала на кафедре и ждала моего возвращения. К тому времени наш Центр уже развернул свои исследования по устной истории Харбина и Северной Маньчжурии [Забияко, Забияко, 2017а, 65–73; Забияко, Забияко, 2017б, 229–242; Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко, 2019, 200–214], кроме того, мы приступили к изучению взаимных образов художественного восприятия русских и китайцев [Забияко, Сенина, 2017, 19–32; Забияко, Сенина, 2018, 212–220], и как раз только-только обратились к проблеме взаимного восприятия русскими и китайцами – японцев. Услышав доклад о китайской деревне, расположенной прямо в Харбине (текст публикуется в нашем сборнике), я поняла, что готова слушать Наталию Николаевну долго, внимать каждому слову... К сожалению, наше первое интервью получилось скоротечным. Деятельная Наталия Николаевна куда-то спешила, конференция подходила к концу, но всё же полтора часа нашей харбинской беседы я успела записать.

Вернувшись домой, я «проглотила» «Японцев» за три дня. В перерывах между моими читками книгу отбирал супруг. А потом, как водится, мы обсуждали прочитанное. Книга тут же откочевала к китайским аспирантам. Кому, как ни им, первым следовало узнавать о том, что переживал их город во времена оккупации. Но там – не только про оккупацию и вообще – не про неё, о чём позднее...

Бог любит троицу. Видимо, за какие-то хорошие поступки провидение подарило мне третью встречу с Наталией Николаевной. И ни где-нибудь, а в праздных Карловых Варах, прямо на мостовой Колоннады, между гуляющими с «поильничками» отдыхающими. И хотя времени у нас было в обрез, три вечера мы провели вместе, в долгих харбинских разговорах за кофе. В 2020 г. я мечтала поехать к Наталии Николаевне в Огре.

Пандемия внесла свои коррективы. И – по вине закрытых границ и благодаря нашему взаимному интересу друг к другу завязалась у нас страстная переписка и ежедневные беседы-интервью по WhatsApp. Строились они методически так: Наталия Николаевна просила назвать ей тему, и через некоторое время наговаривала мне ответы.

*Н.Н. Лалетина и А.А. Забияко.
Карловы Вары. Колоннада (архив ЦИДВЭ)*

Устные истории Наталии Николаевны открыли мне и моим коллегам совсем иной Харбин. Харбин девочки, живущей в Саманном городке рядом с китайцами и японцами. Дочери бывшего колчаковского офицера, монархиста, вынужденного продавать газеты, чтобы прокормить жену и дочь. Свою будущую любимую жену и мать Наташи Николай Николаев буквально вытаскил с того света, потому что та пребывала в полном отчаянии от потери сына. Её первый муж, богатый коварный китаец, отсудил ребёнка у матери и не давал им встречаться. Так и потерялись в результате в бурном потоке событий китайской истории Наташа и её брат-метис Серёжа...

Наталия Николаевна Николаева (Лалетина) родилась в 1931 г., практически перед приходом в город Квантунской армии, потому успела захватить три образа жизни Харбина 40-х гг. XX века – эмигрантский среднестатистический быт, японские порядки, советизацию после прихода Красной Армии в 1945 году. Её сознание вобрало также и все три, сменяющие друг друга, системы харбинского образования той поры – дореволюционную (эмигрантскую), японскую, советскую.

Взросление маленькой Наташи протекало под покровительством православных наставников. Её рассказы о начальных школьных годах неизменно начинаются со слов благодарности духовнику Николаю Труфанову.

Затем, в средней школе, она со сверстниками узнала японскую методику образования. До сих пор Наталия Николаевна знает многие японские выражения, положительно отзываясь об этических принципах японской системы самовоспитания, о японской эстетике, о любви к порядку. И всегда при этом упоминает об огромном ухе-плакате, висящем у них в школьном коридоре в период японской оккупации...

Потом пришли советские войска. С трудом, но русские ребята перестроились – через «не хочу», через детские наивные попытки саботировать непривычные формы образования. Советская – в лучшем понимании этого выражения – закалка отзывается в пронизывающем её сознание интернационализме и комсомольском задоре, в свежем восприятии всего нового, в постоянной жажде самосовершенствования. Но ведь это, если, сказать по правде, всё то, что советская идеология вобрала от исконных русских основ.

Закончив школу, Наталия Николаева успела поработать в нескольких городах на линии КВЖД в Маньчжурии, в мукденских и чаньчуньских магазинах Чурина.

После победного 1945-го она вместе со своим первым мужем прониклась идеями репатриации и, подхватив маму и нехитрые пожитки, отправилась в СССР, на целину. Следом приехал отец, который с трудом покидал Харбин по идейным соображениям, но целовал родную землю на станции Отпор... На родине бывших харбинцев постигли известные многим испытания. Но они выдюжили. Наталия Николаевна успешно закончила институт, стала перспективным инженером, работала на руководящих должностях. Харбинская закваска постоянно двигала её вперёд, к новому и неизведанному. А Харбин никуда не уходил. Харбин растворился в крови, определил многие её поступки. Не случайно вторым её супругом стал живший в советской в те годы Латвии всё тот же харбинец, Иван Лалетин, бывший военный переводчик. С ним пережила она потерю любимого сына, перестройку, развал СССР, переезды в Находку, Владимир, возвращение в Огре...

Кстати, во Владимире судьба подарила Наталии Николаевне почти 4 года знакомства с Валерием Янковским, выходцем из прославленной семьи Янковских – тоже бывшим эмигрантом, репрессированным, ставшим замечатель-

тельным советским писателем¹. Ни много ни мало – бывшие дальневосточники выяснили, что имеют общие корни, но дороже в те годы им было их эмигрантское кровное родство.

В конце 90-х гг. прошлого века, не совсем неожиданно для себя, Наталия Николаевна начинает писать. Поначалу ею двигало желание понять, что происходило с её родным городом и Китаем в 90-е годы, для Китая тоже перестроечные. К пониманию того, *что* должно стать магистральной линией творчества, пришла Наталия Лалетина уже в процессе.

Вот как она рассказывает об этом:

«Ведь я начала писать сначала, когда мы жили в Находке, где-то в 90-х годах [1990-х годах], когда я ездила постоянно в Харбин оттуда.

Мы в 92-м году [1992] приехали в Харбин с мужем. Нас пригласил его директор, с которым он работал, его замом и переводчиком одновременно. Он нам устроил эту поездку. И когда я увидела снова Харбин... У меня было такое чувство к этому всему, к Харбину увиденному, старому ещё... В том 92-м году [1992], правда, там было много чего разрушено, но всё равно стоял храм и там шла служба. Мы ещё пришли с дедом к отцу Григорию, исповедались, причастились у него, и он всё делал по старым российским канонам. Такое было чувство, что мы там дома. Что мы дома, понимаете! Хотя не было уже, много чего не было. И вот, значит, я решила. То, что мы за неделю увидели там и побывали везде, где только можно, нас везде возили китайцы: и за Сунгари, к „Миниатюру“, которого нет уже давным-давно, конечно, и домой ко мне, в Саманный городок и Модягоу. В общем всё, что могли, посмотрели. И вот я думаю: „Всё“.

Я когда приехала домой, я начала в 92-м году [1992] писать такие маленькие воспоминания и записывать, что я там видела, что я себе представляла и что я увидела воочию. И вот однажды у нас вышла газета. Вы, наверное, знаете, у нас есть такой комментатор, не знаю его звания, но фамилия его Третьяков, он, по-моему, журналист, тогда он ещё был молодой, он издавал газету. У меня есть эта газета, но названия я не помню, я её найду. И вдруг мне моя подруга из Москвы, бывшая харбинка, соседка, с которой мы жили через забор, она живёт в Москве, она мне говорит: „Наталия, ты можешь написать какую-нибудь статью о Харбине?“. И я вот написала о том, как делали праздничные, новогодние, святочные вечера, как гуляли харбинцы, как я подглядывала маленькая всё это через портьеру, потому что смотрела, не участвуя, а просто как зритель, да ещё и тайный зритель. И вот я смотрела как гуляла харбинская наша там диаспора.

На одном из святочных балов, когда люди собрались, накрыли столы и посадили во главу угла „свадебного генерала“ – то есть японец сидел из тайной японской военной миссии. Обязательно, как правило, должен был присутствовать каждый раз, на каждом вечере, на каждом балу, где было гуляние для того, чтобы слушать, подслушивать, прислушиваться и всё это дело как бы фиксировать. И я была свидетелем, когда все подпили, он сидел – ушки на макушке, глазки-то везде всё глядят, нет ли где провокаций, нет ли тут чего-то такого крамольного. Люди подпили и как начали петь „Выходила на берег Катюша“. Вот он сидел, сидел, качался, качался, тоже пьяненький, и начал подпевать эту „Катюшу“!

Это я написала в статье, это было моё первое сочинение, когда я это сделала публично. Ну, потом одно за другим пошло, пошло, пошло, поехало.

¹ Валерий Юрьевич Янковский (15 [28] мая 1911, Владивосток – 17 апреля 2010, Владимир) – русский советский писатель. Член Русского географического общества. Почётный гражданин Владимирской области.

Уже позже, гораздо позже я начала писать „Картинки с китайской натуры“, потому что я ездила через станцию Пограничная в Китай. Я печаталась в „Русской Атлантиде“, Надя [Разжигаева. – А.З.] с удовольствием меня всегда печатала.

Я начала писать „Картинки с китайской натуры“¹, и я их написала уже почти, можно сказать, до конца, как вдруг меня осенило. Думаю: „А что, я не могу написать разве о себе, о своей жизни в Харбинё?“². У меня возникла эта мысль, и вы знаете, она начала меня точить и точить, думаю: „Надо!“. И я уже тогда отдала почитать эти „Картинки“ Янковскому². Янковский сказал: „Послушайте, это, конечно, очень хорошо, но что Вас побудило *сейчас* это делать? Зачем *это* Вы пишете и какой смысл от того, что Вы мотаетесь сами для себя по этим городам и собираете какие-то сведенья? Ну, понятно, что Вам хочется показать параллель между старым и новым Китаем, это понятно, а почему бы Вам не написать, хотя бы вот – о себе?“. И вот тут я, значит, решила, что я буду писать.

Но, конечно, в начале, когда я это начала в 92-м году [1992], а мы жили тогда в Находке, я, конечно, начала карандашом писать, ручкой обычной. У меня много таких записей есть, когда я писала „Картинки с китайской натуры“, я писала ручкой. Потом я купила или кто-то мне отдал... подарил машинку. И я стала печатать на машинке. И вот на машинке у меня пошло, пошло.

И где-то, наверное, в 98-м году [1998] были там у нас соседи, молодые ребята, муж с женой, он с Сахалина, она с Владивостока, у них мальчишечка только родился, сейчас мальчик взрослый. Они меня научили обращаться с компьютером. И вот оттуда у меня началось окончательно. Началось писание на компьютере. Сколько компьютеров у меня перебыло, старенькие всё покупала, такие, знаете...

И потом я начала печатать „Японцы“ отрывками, кусочками, книжки ещё не было. Я эту книгу потом уже собрала, где-то, наверно, скажу вам где-то в 14-м или 15-м году [2014 или 2015], такой самиздат. У меня здесь это Кетнеры, моя знакомая в Огре, она тоже только пробовалась сама делать книги. Сначала это были книги, знаете, поперечные, <формат> А4, в поперечном таком состоянии книжка, не очень удобочитабельные, не читабельные, да. Потом она, значит, сделала мне японскую книжку.

Она у меня до сих пор есть эта книжка... „Японцы“ она мне её сделала уже с фотографиями. Но опять же всё-таки это был самиздат.

Книги Н.Н. Лалетиной

¹ Вторая книга воспоминаний Н.Н. Лалетиной, связанная с поездкой автора в Китай в 1992 году (опубликована в 2017 г.).

² Валерий Юрьевич Янковский.

И вот когда кинули клич в семнадцатом году [2017] на Конгресс, вот тут-то мы с ней развернулись. Мы решили, что должны сделать хорошую книгу. И скорей-скорей-скорей давай начали делать. Первая книга была у меня напечатана в Огре. Но, конечно, там не было ничего проверено, откорректировано, потому что всё это делалось наспех, потому что нам нужно было ехать на Конгресс. И мы её повезли, эту книгу. И уже к этому времени была сделана книжка „Картинки с китайской натуры“ тоже, да. Я ещё две книжки повезла, да, в Харбин на Конгресс.

Потому всё было спонтанно сделано, без каких-либо дневниковых записей или ещё чего-то. Вот так что я вам коротенько тоже сказала» [Н.Н. Лалетина (1931 г.р.). Интервью 23.11.2020 г. Огре. Соб. А.А. Забияко].

Первое открытие Наталии Лалетиной как мемуариста – она сама, вернее, её alter ego, героиня воспоминаний. Природа подарила маленькой Наташе Николаевой удивительную память и свежесть восприятия окружающих реалий. Врождённое любопытство и родителями сформированная настойчивость открыли ей многие стороны богатой харбинской культуры, преумножив затем всё возможностями советского образования.

Второе открытие – это её родители, их судьбы, их отношения в семье, к людям, к России. Среда, в которой она воспитывалась (неграмотная, но весьма одарённая мама, начитанный и разнообразный в своих умениях отец, соседи самых разных социальных слоёв, японские и китайские друзья, строгие учителя, бдительно следящие за чистотой речи своих учеников) сформировала удивительно богатый, яркий языковой багаж будущей мемуаристки. Плюс наследственная прямота. Одним метким словом Наталия Николаевна может охарактеризовать человека так, что можно смеяться неделю. И удивляться точности и образности характеристики. А это – благодаря её дару комического. Редкому, не каждому данному умению увидеть несообразности кажущегося и всамделишного. Прочитайте её рассказ «Страшная месть» – и вы всё поймёте¹.

Все эти способности Н.Н. Лалетиной с лихвою воплотились в уже упомянутой замечательной книге «Японцы» – о ней написана блестящая рецензия Е.В. Капинос и Е.Н. Проскуриной [Капинос, Проскурина 2020, 319–335]. Не имея за спиной никаких PR-тренингов, наша витальная харбинка дала своей книге такое название, мимо которого русскому человеку пройти – трудно. По разным причинам. Это уже потом читатели начинают понимать, что не всё так однозначно.

Во время нашей дебютной встречи я первым делом спросила её: «Почему „Японцы“, если речь идёт о русском Харбине и о русских?» И Наталия Николаевна ответила весьма убедительно: «Да потому что жизнь наша в эти годы [а это ни много ни мало – 13 лет!!! – А.З] шла рядом с японцами, под неусыпным надзором японцев, и об этом ещё никто не писал. Японцы нас учили, научили многому хорошему. Ну, и следили за нами, конечно».

Это – третье, концептуальное открытие Наталии Николаевны Лалетиной. До неё в отечественной харбинистике не было отдельного мемуарного повествования, в котором бы фокус концентрировался на жизни обычного русского эмигранта – в условиях оккупации, в привыкании к этому состоянию взрослых людей, бывших белопоходников, отчаянных вояк, непримиримых монархистов. С одной стороны – постоянный страх перед непредсказуемыми выходками распоясавшихся «самураев», боязнь за жизнь в прямом смысле слова (всем известны мрачные истории о похищении людей прямо среди бела дня в Харбине японски-

¹ Впервые рассказ был опубликован в латышской газете «Суббота» (23 февраля 2011 г.) и получил премию М. Задорнова. Затем этот фрагмент вошёл в книгу «Японцы».

ми спецслужбами), с другой стороны – игры русских малышей с японскими ребятами, их общение с китайскими женщинами-хранительницами домашнего очага, покупки вкуснейших японских сладостей на Рождество, лето, проводимое в японских шлёпанцах... Мы привыкли к условной корреляции образов *русских* и *китайцев* в историографии Харбина первой половины XX в. К этому нас приучили наши мемуаристы и историки, такой расклад удобен и китайской науке. Но воспоминания девочки-харбинки и мемораты уже зрелой нашей респондентки Наталии Николаевны Лалетиной создают образ Харбина с иной point of view, как бы кому-то не хотелось это признавать...

Таким образом, воспоминания Н.Н. Лалетиной становятся особой страницей «харбинского текста» как особой системы исторических, мемуарных, литературных, архитектурных свидетельств истории этого уникального города [Цзюй, 2019, 120–135; Цзюй, 2020, 391–402]. Именно потому особенный интерес для нас представляют устные истории Наталии Николаевны, мемораты, развивающие и дополняющие каждый мини-сюжет её «Японцев».

Мемораты – фольклорные жанры особого рода. Для их обозначения используются разные именованья: «семейные истории», «биографические рассказы», «семейные биографические рассказы». Часто употребляется довольно широкое и одновременно ёмкое понятие «устный рассказ» («устная история»). Как правило, меморат не существует вне общения с реципиентом-собирателем, вне среды, предполагающей интерес к устной истории «ничего не знающего» о ней человека. Если песни, частушки, причитания бытуют среди носителей фольклора в качестве «фольклорной реальности» – на праздниках, свадьбах, похоронах и т.д., то для исполнения мемората необходима особая ситуация заинтересованности, доверительной беседы, интервью.

Мемораты Наталии Николаевны о Харбине – это устные свидетельства о жизни этого города и в этом городе первой половины XX в., обладающие непреходящим значением человеческого документа, «уходящей природы». С этим новым ракурсом эмигрантских харбинских подробностей связано самое удивительное открытие воспоминаний Н. Лалетиной – история повседневной жизни Харбина первой половины XX века в её мельчайших деталях, с одной стороны – описанная панорамно, с разных её ракурсов, с другой – в чётко простроенном семиозисе. В эту повседневную историю уместились не только школьные и уличные впечатления юной девочки, изъездившей на трамвае и протопавшей в японских сандалиях все харбинские улочки и проспекты. В ней совместились элитные и простонародные занятия харбинцев, их дореволюционные привычки и суровая реальность 30-х гг., их религиозная жизнь и религиозный синкретизм [Цзюй, 2019, 120–135; Конталева, 2019, 306–317], их досужие разговоры о том, что в харбинистике уже обрело статус «элитарного» (личные впечатления, суждения, слухи об А. Вертинском, Л. Андерсен, отеле «Модерн», культурной жизни, и т.д.).

И самое главное – Наталия Николаевна этими подробностями щедро делится. Редкий наш день проходит без того, чтобы она не рассказала о главном в её жизни – о Харбине, о Китае, о русских, китайцах, японцах тех лет, о своём понимании их общей жизни в Северной Маньчжурии.

Как у любого первооткрывателя и талантливой автора, у Наталии Николаевны давно появились свои эпигоны. То выходят одни воспоминания, в центре которых – её, «лалетинские», неповторимые образы и выражения (и даже премии на этом зарабатывают, ловкачи). То её же знакомые харбинцы вослед своей землячке начинают переписывать-перебирать-перевирать уже запечатлённое. Она сердится, обижается, а потом машет рукой. И – правильно.

В архиве Центра изучения дальневосточной эмиграции хранится теперь около 70 расшифрованных мемуаров Наталии Николаевны на разные темы – о профессиях харбинских китайцев, об этническом характере китайцев и японцев, о харбинских мифологемах (Свято-Николаевском соборе, Николае Угоднике, Чурине), о преступном мире Харбина, его старожилах-основателях, харбинских учителях, приходе Советской Армии, взаимоотношениях «советских» и «австралийских», «китайских» харбинцев, детском фольклоре харбинцев, многом другом [Лалетина, 2020, Лалетина, 2021]... По этим материалам пишут свои исследования сотрудники Центра, работают студенты и аспиранты.

Все эти мемуары несут печать особого, яркого языка нашей воспоминательницы. «А знаете, на каком языке мы там говорили? [При нашей первой встрече. В ответ – мой вопрошающий взгляд. – А.З.]. – На русско-маньчжурско-китайско-японско-тарабарском языке! [Торжествующе. – А.З.]. Язык Наталии Николаевны – не тарабарский, нет. Это живой, образный язык с живыми харбинскими интонациями и ударениями. Как она сохранила всё это?! Её воспоминания – и письменные, и устные – пропиты харбинскими различными языковыми реалиями: поговорками, присказками, диалектизмами, харбинизмами... Именно язык Наталии Николаевны порождает очередную историю, становится сюжетообразующей основой её письменных и устных воспоминаний, создавая то, что именуется в фольклоре *маргинальными текстами*. Например, истории «про харбинских ёргов», про «хлюздов», про «гуранов» и т.д.

«Есть у меня мечта, Аничка (так она обращается ко мне, в соответствии с харбинской грамматикой). Может быть, когда-нибудь Никита [Никита Михалков, её кумир. – А.З.] вдруг дойдёт до моей книги. И снимет прекрасный фильм о русском городе в далёкой Маньчжурии и о маленькой девочке, которая там жила, росла, бегала в кинотеатр „Модерн“ на иностранные фильмы с Гретой Гарбо, лопала тахулу [карамелизованный гигантский боярышник – А.З.], ходила в русскую, потом в японскую, а затем в советскую школу и справляла все русские и не русские праздники, как и все харбинцы... Мечта, конечно, наивная мечта, но ведь как было бы здорово!...»

И ведь это правда – какой посыл для нашего кинематографа! Роскошный, не затёртый, неисчерпаемый... Каждый микросюжет – новая серия, новые герои, окружённые харбинскими реалиями, дышащие русским духом дальневосточного эмигрантского бытия.

А мы надеемся, что публикуемые ниже материалы, начиная с написанной Н.Н. Лалетиной автобиографии, продолжая её воспоминаниями, устными мемуарами, заканчивая записанной ею со слов Ивана Лалетина историей окончания II Мировой войны, будут почище любого кино. И наши читатели получают возможность узнать живой Харбин 30–40-х гг., пройти по его улицам, надышаться его сложными запахами, услышать голоса ушедшей эпохи. Погрузиться в атмосферу жизни харбинских русских, китайцев, японцев в её полу-литературном, полу-фольклорном – лалетинском – запечатлении.

***С юбилеем, дорогая Наталия Николаевна!
Спасибо, что Вы – есть!!!***

Благодарности. Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

Библиографический список

Забияко, А.А. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трёхречья / А.А. Забияко, А.П. Забияко // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1 (54). – С. 65–73.

Забияко, А.А. Маргинальные письменные тексты русских Трёхречья: частные истории формирования маргинальной этничности / А.А. Забияко, А.П. Забияко // Cuadernos de Rusística Española. – № 13. – 2017. – С. 229 – 242.

Забияко, А.А. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX в. / А.А. Забияко, А.П. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4. – С. 212–220.

Забияко, А.А. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. / А.А. Забияко, Е.В. Сенина // Emigrantologia Słowian. – 2017. – Vol. 2. – P. 19–32 [Электронный ресурс]. – URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/02.-Zabijako-Senina-Obraz.pdf> (дата обращения 15.06.2020).

Капинос, Е.В. «Любите Россию!»: русский Харбин в воспоминаниях Н. Николаевой / Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. – М.: Алетейя, 2020.

Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине / Е.А. Конталева // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. – Владивосток, 2019. – С. 306–317 [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--80aphn.xn--plai/lyubimyy-kharbin-gorod-druzhby-rossii-i-kitaya-materialy-mezhdu> (дата обращения 17.06.2020).

Лалетина Наталия Николаевна. Серия интервью (43 мемората). Август-октябрь 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://museum.amursu.ru/index.php/publikatsii/65-ru-harbin/memoraty/164-intervyu-natalya-nikolaevna-laletina> (дата обращения 29.08.2020).

Лалетина Наталия Николаевна. Интервью. 23.11.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://museum.amursu.ru/index.php/publikatsii/65-ru-harbin/memoraty/251-intervyu-23-11-2020-natalya-nikolaevna-laletina> (дата обращения 29.11.2020).

Лалетина Наталия Николаевна. Интервью. 06.01.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://museum.amursu.ru/index.php/publikatsii/65-ru-harbin/memoraty/250-intervyu-06-01-2021-natalya-ni> (дата обращения 10.01.2021).

Цзюй, Вэй. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат / Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, А.А. Забияко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 200–214.

Цзюй, Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куньи // Традиционная культура. – 2019. – № 4. – С. 120–135.

Цзюй, Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов Австралии / Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – С. 391–402.

АВТОБИОГРАФИЯ

Н.Н. Лалетина

Наталья Николаевна Лалетина (ур. Николаева; 13 августа 1931, Харбин, Китай) – инженер-технолог лёгкой промышленности, автор книги воспоминаний «Японцы».

Отец Наталии Николаевны – **Николай Дмитриевич** (1896–1974) был родом из Ямбурга (ныне – г. Кингисепп Ленинградской области РФ). В Ямбурге он окончил церковно-приходскую школу и затем Коммерческое училище. С началом Первой мировой войны поступил в школу прапорщиков, позднее ушёл добровольцем на фронт. Во время Гражданской войны воевал под командованием Каппеля в армии Колчака. Участвовал в перевозке останков генерал-лейтенанта В.О. Каппеля (скончавшегося 26 января 1920 г.) в Харбин и захоронении его в подворье Иверской церкви. Позднее Н.Д. Николаев продолжил участие в Гражданской войне. В феврале 1922 г. участвовал в одном из последних сражений заключительной части Гражданской войны – под Волочаевкой, где был тяжело ранен, год лежал в госпитале на Русском острове. После выздоровления перебрался в Харбин.

*Наталья Лалетина
в годы работы в Чанчуне*

Мать Наталии Николаевны – **Катерина Илларионовна Круль** (в замужестве Николаева; 1898–1962) родилась в Забайкалье. Её отцом был сосланный в Сибирь польский офицер, а мать – забайкалка¹. В возрасте 2-х лет Катерина Илларионовна осталась сиротой, и её забрал в свою семью её двоюродный брат Антон Сеницын, работавший в то время бухгалтером в Управлении КВЖД в Харбине.

Харбин был основан в 1898 году как опорный пункт, обслуживавший строительство Китайско-Восточной железной дороги.

После Октябрьской революции, наряду с персоналом КВЖД, население города заметно возросло за счёт русских беженцев, вынужденно эмигрировавших от большевистских расправ, а также военных после Белого исхода.

В Харбине встретились и обвенчались Николай Дмитриевич и Катерина Илларионовна. В 1931 г. родилась их единственная дочь Наталья. В 1932 г. и до 1945 года Маньчжурия оказалась оккупированной японцами. Поэтому первые детские и юношеские воспоминания девочки были связаны именно с этим событием. В 1939 году Наталья поступила в эмигрантскую школу, которую уже под другим названием закончила в 1946 году. После разгрома Квантунской армии Харбин был занят Красной Армией, что ознаменовалось началом репрессий против местного русского населения. Политические перемены назревали и в китайском обществе, итогом коих стал приход коммунистов к власти в 1949 году.

Начался процесс советизации, в особенности молодёжи. В 1948 г. был создан Союз Советской Молодёжи (аналог советского комсомола), и Наталья Николаева стала членом этой организации.

По окончании школы в 1950 году Наталья вышла замуж за Сергея Платонова, родила сына, работала в бухгалтерии, преподавала русский язык в китайских

¹ Жительница Забайкалья.

школах и учреждениях. По её словам, «она рвалась на Родину!», хотя отец её от этого отговаривал, считая, что лучше уехать в Австралию. В Харбине проводилась активная кампания по агитации к отъезду русского населения на родину – в СССР. В 1954 году Наталия с мужем Сергеем, сыном Володей и мамой покинули Китай. Позднее к ним присоединился и Николай Дмитриевич. Первым местом их «новой жизни» стал Красноярский край, где им предстояло осваивать целину.

В 1956 году бывшим харбинцам разрешили свободно выбирать место жительства. Семья решила отправиться в Омск, но и там жизнь оказалась нелёгкой. На Урале, в Берёзовском, жила бабушка мужа. И Наталия с семьёй вновь оказались в пути. Несколько лет прожили в Берёзовском. Заработки были скудными. Надо было подрабатывать. Для Наталии, которую отец с детства приучил к труду, это не составляло проблемы. Вязание, изготовление юбок гофре и плиссе приносили хороший доход.

Следующим этапом в жизни семьи стала Алма-Ата. Здесь Наталия Николаевна окончила техникум Лёгкой промышленности и получила специальность техника-технолога. Живя в Алма-Ате, работала сначала начальником цеха в швейной фирме «Казахстан», затем инженером, младшим, старшим научным сотрудником института «Казниибит» в течение десяти лет. Написана диссертация, но защита не состоялась по причине болезни. В 1975 году Наталия Николаевна получила диплом Московского института Лёгкой промышленности. В том же году Наталия Николаевна приехала в Латвию по приглашению на работу в Огрский трикотажный комбинат. Работала сначала начальником в швейном цехе ПТУ, затем в должности начальника закройного и швейного цехов. В 1981 г. перешла на работу в Саласпилсский Институт Леса «Силава» в конструкторское бюро конструктором, где трудилась до выхода на пенсию в 1986 году.

*Н.Н. Лалетина с Г.В. Мелиховым и Л. Намом.
Москва, 1998 г.*

В 1989 году Наталия Николаевна со своим вторым мужем Иваном Лалетиным переселилась на Дальний Восток, в г. Находку. Прожили там до 2001 года. Объездила весь Дальний Восток, побывала в Китае, в том числе, в Харбине, Муданьцяне, Линькоу, Гирине, Мукдене, Бенси, Шанхае, Сучжоу.

С 2005 года Наталия Николаевна Лалетина снова живёт в Огре. Несмотря на возраст, по мере сил работает, пишет воспоминания. В 2016 году в Огре вышла её книга «Японцы», где она повествует о своей семье и о судьбах многих русских семей, оказавшихся на чужбине, о детских и юношеских годах в Харбине.

С 2005 года Наталия Николаевна Лалетина снова живёт в Огре. Несмотря на возраст, по мере сил работает, пишет воспоминания. В 2016 году в Огре вышла её книга «Японцы», где она повествует о своей семье и о судьбах многих русских семей, оказавшихся на чужбине, о детских и юношеских годах в Харбине.

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

ОДА БОЛЬШОМУ ПРОСПЕКТУ

Н.Н. Лалетина

Моё появление на свет случилось в городе Харбине в Славянском городке, а дальнейшая жизнь продолжилась совсем неподалёку от Славянки, так её в то время называли, на Ротной улице густонаселённого Модяговского района. И только после долгих, казалось, шести лет моей жизни, мы наконец попали в городок, расположенный к юго-западу от Харбина – Саманный. Но речь пойдёт совсем не о нём, а о Большом Проспекте, проходящем по нему. Городок этот имел в своём составе широкую улицу, которая носила гордое название – БОЛЬШОЙ ПРОСПЕКТ! Будь то город или небольшой городок или даже посёлок – везде есть в каждом из них ГЛАВНАЯ УЛИЦА. Вот этой главной улице нашего города я и посвятила не одну страницу, когда говорила о нашей там жизни, эта улица, этот Проспект, стала ГЛАВНОЙ улицей моей жизни на целые тринадцать лет!

Отрезок Большого Проспекта, ровно от моста Си-да-чао (Западный мост), отделявшего наш Саманный городок от города, на протяжении всего-то в три квартала, стоил того, что нужно о нём рассказать, т. к. на этом его небольшом отрезке кипела жизнь во все времена года. Зимой и летом работала лесопилка, и звуки электропилы, крики возчиков с нагруженными донельзя хилыми лошадаками-монголками, орущих на всю округу нецензурную китайскую брань, адресованную в основном несчастным животным, всё это до поздней ночи выливалось в сплошную какофонию. Нередко, со слезами на глазах, приходилось быть свидетелями избияния животных за то, что подчас бедная лошадака не могла сдвинуть с места тяжело гружёную телегу. Почти они все, эти несчастные молчаливые помощницы-лошадаки, были с выбитыми глазами. Многие, в это время случившиеся рядом люди, не могли спокойно смотреть на избияния и неустанно ругали возчиков несчастных животных.

На этом же квартале, где в начале его, была лесопилка, стояла рядом беленькая хатка, там жили старички-украинцы Сухомлины. В маленьких окошках, почти доходивших до завалинки, всегда стояли горшки цветущей герани, и хатка, всегда аккуратно выбеленная хозяевами, выглядела весёленькой. Впритык к ней пристроилась китайская лавочка с множеством разной снеди, начиная от зелени, квашеных овощей, тофу и лёгкой закуски к ханшинной водке «Аннушка» (самогонка, прозванная русскими жителями Аннушкой), которую попивали заходившие в лавочку русские мужички за стоявшими у стенки двумя столиками.

Насколько мне не изменяет память, мы всегда пользовались услугами этой недорогой лавчонки, благо, что до неё было 5 минут ходьбы от дома. Кроме всех других преимуществ, её хозяин Васька-китаец давал в долг «под запишу»,

*К прогулке по Проспекту готовы!
Наташа с мамой и соседкой
(архив Н.Н. Лалетиной)*

это было всегда и везде в порядке вещей, если ты заслужил доверие «хозяина». В холодные зимы лавочка спасала ещё и тем, что не надо было бежать на базар, всё было под рукой – и картошка с морковкой и капустой, и даже «Краковская» колбаса из Фуцзядяна, хотя жители были наверняка уверены, что в военное время от неё «подтягивало» в животе! Сразу за лавочкой стоял добротный двухквартирный дом с небольшим двором, в сарае которого жила индюшачья семья, и зайти во двор без опаски было затруднительно: откуда-то вмиг приключался индюк и, угрожающе распушив хвост, шёл в наступление, норовя ущипнуть. В первой квартире дома жила моя маленькая подружка Томочка Талаева с мамой Лёлей и папой Женей, а во второй – зубной доктор Верёвкин, у которого я не раз, сидя в кресле, извивалась под «ножной» бормашиной.

За их домом начиналась Владивостокская улица, уходящая от Проспекта вдаль к Корпусному городку, и далее шёл следующий второй квартал в продолжение Большого Проспекта, на углу которого вначале была русская лавка Москаленко. В ней были в продаже пузанки, а попросту килька, только больше размером, и конфеты «Пупсики» и «Раковые шейки» – мечта нас, детей! Сразу, почти в первый же день окончания войны и освобождения города от японцев, лавка исчезла и там оказалась Военная комендатура со СМЕРШ. Туда стали «приглашать» всех, якобы причастных к работе у японцев. Пришёл черёд и моему папе, но он с японцами не имел ни малейшего соприкосновения, хотя и был десятским нашей улицы, а поэтому мог бы «настучать» на таких вот случившихся. Он «не знал таких», однако, следователь спросил о сыновьях соседей Постниковых. Но и здесь отец не удовлетворил вопроса, откуда же ему было знать о них, работавших у японцев, ведь они жили не дома, а в другом городе, в Тямусях!¹

Вскоре, уже после ухода Красной Армии из Маньчжурии, в русской лавке снова объявился хозяин. Не знаю, прежний или кто другой, но лавка снова открылась, и там стали продавать вкуснейшую патоку, которую мы покупали «с голодухи» по сладкому в большом количестве и поедали вместо сахара, исчезнувшего с прилавков в войну. А вместо «Аннушки», а попросту – китайской самогонки, в моду вошёл портвейн, очевидно появившийся из японских «подвалов».

На этом же втором квартале сразу за лавкой была кузница, и мы частенько бегали туда за шипами, которыми играли в японскую игру Джан-кен-пой (считалка: камень-ножницы-бумага). И как всегда, каждый день ходька подковывал очередную коняшку. Подкову он аккуратно вбивал в копыто бедного животного, которое стояло беспокойно, временами вздрагивая, и видно было по его телу, как пробегали волнами мурашки. Мы, молча, стояли, пережидая эту мучительную, казалось, процедуру, пока он не закончит подковку. Жалко было лошадку, и как это она не смогла его, мучителя, лягнуть! Но страшнее было – случался испуг – когда ставили тавро. Вот тут уж не до спокойного лицезрения! Раскалённое в горне железо со страшным шипением припечатывалось к крупу бедного животного, стоявшего в стойле и накрепко привязанного. От «поджаренного» места шёл смрад, и мы в ужасе бежали сломя голову от «места пыток».

Летом в самом «торговом центре» городка, то есть возле лавочки Васьки, на Проспекте, высились горы арбузов и дынь, прочно обосновавшихся до самого последнего момента, когда последний арбуз будет продан или съеден! А почему ещё и съеден? Да потому, что тут же всё это – и арбузы, и дыньки, поедалось на

¹ Цзямуся (кит. упр. 佳木斯, пиньинь *Jiāmùsī*) – в начале XX в. городок близ Харбина. В настоящее время – городской округ в провинции Хэйлунцзян (КНР) на реке Сунгари. Граничит на северо-западе с городским округом Хэган, на северо-востоке с Еврейской автономной областью и на востоке – с Хабаровским краем России, на юге – с городскими округами Шуань-яшань, Цитайхэ и городом Харбин.

месте! Вокруг валялись огрызки, и соответственно, тучи мухотни и пчёл – вилошь и жужжало в воздухе. Ясно, что их хозяева – крестьяне, приехавшие торговать своим добром, здесь же дневали и ночевали. Днём была сутолока торга: если это был арбуз, то он, предварительно обтёртый грязной тряпкой, надрезался острым ножом, чтобы удостовериться, что он красный и сладкий, и спелый. Ну, а если дынька – то с ней расправлялись куда проще: опять же, обтерев её тряпкой или об штаны, виртуозно с лёгким треском разбивали об колено, с размаху вытряхивая такие же сладчайшие семечки! Китайские маленькие дыньки – это ни с чем несравнимое лакомство, чрезвычайно душистое и сладкое-пресладкое!

Вечерами торговцы-крестьяне, они же – хранители своего «добра», надолго оторванные от родного крова, вынужденно коротали наступившую ночь, варили нехитрый чши-фан (еда) и укладывались на покой, кто как мог, устраиваясь возле сладкого товара. Этот небольшой отрезок Проспекта сулил им пропитание на долгую холодную зиму.

Очень часто, почти каждый день, с Проспекта слышались звуки музыки: заунывные китайские сопелки, скрипки, с боем в барабаны и тарелки, музыка сопровождалась воем плакальщиц. А то лилась бесшабашная «Полечка» или «Венгерка», это играли нанятые русские музыканты, а тем было всё равно что исполнять, лишь бы платили. За плакальщицами и музыкантами несли множество «домашней утвари, животных», сделанных из жёлтой бумаги, якобы для обихода в загробной жизни покойного. Всё это при похоронном ритуале предавалось огню. Иногда мы, дети, услышав вой плакальщиц и звуки музыки, бегали смотреть, хотя почти каждый день местные жители провожали кого-то в последний путь.

Возле моста Си-да-чао (Западный мост) наш самановский Проспект заканчивался. Но, прежде чем продолжать двигаться по Проспекту в сторону Нового города, стоит рассказать об этом мосте. Мост, как бы соединяющий или разделяющий (как хотите!) город с городком, был попросту никудышным по всем раскладкам. Во-первых, под ним шли постоянно грузовые поезда на восток, и он, будучи и без того хилым и ветхим, постоянно содрогался. И, если ты шёл в это время по мосту, то прибавлялось ещё чувство страха – а вдруг завалюсь вместе с мостом?! Да, он был весь в щелях и дырах, а доски, определяющие тротуар для пешеходов, качались как пьяные. На его проезжей части гружёные телеги зачастую застревали колёсами в выбоинах, и возницы в это время, ругая беспощадным китайским матом бедных лошадок-монголоков, неистово пытались вылезти из создавшегося положения. Но почему-то в то время хозяйничающим в городе японцам, было всё – как будто так и надо, и нечего ломать голову, пока наконец шедший по такому же ветхому мосту трамвай через речушку Модяговку не упал вместе с мостом в речку.

От моста Си-да-чао до Кривой улицы в этом небольшом отрезке Проспекта народ ходил к остановке трамвая по обочине проезжей части, тротуаров не было в помине. По правой стороне этого отрезка дороги ютились лавчонки со всякой всячиной – такие, как «универсам», только мелочёвка, – и живущие в глубине квартала на Судной улице довольно состоятельные бывшие советские железнодорожники Греховы пользовались их услугами. Дом у них был добротный – большой, со многими квартирантами. По левой стороне выходили на Проспект жилые китайские дома, но не фанзы, а кирпичные. От них вглубь шла улочка, где белели русские домики. Жила в одном из них Галя Демент, замечательная портниха – модельер с золотыми руками, но маленькими детскими неразвитыми ножками, неприспособленными ходить, т.к. в детстве упала и получила травму.

Большой Проспект, начавшись от Соборной площади в Новом городе, шёл много километров (3 или 4 километра в то время казались очень большими) на

западную часть города ровной своей дорогой в Саманный городок, минуя немало знатных строений и поселений. В моей школьной жизни он имел много места. Тринадцать лет я ежедневно и ежегодно ездила трамваем, на драндулете, реже – в машине, а больше всего ходили пешком, когда в одиночку, а когда и с девочками-соученицами. Были моменты – мальчишки подвозили на велосипеде, но это случалось довольно редко.

А пешком ходили ради экономии денег, чаще всего. Всё началось с того самого момента, когда вновь обретенные товарки-соученицы первого отделения (класса), в основном жившие на Зелёном базаре, всегда ходили пешком, и я с молчаливого согласия на много лет стала им попутчицей. По дороге домой шли мимо всяческих соблазнов, как-то на пути встречавшихся! Из школы на Почтовой улице шли, минуя Торговую улицу, здесь, возле Обелиска борцам против Коминтерна, сидел ходька-китаец с калёными орешками. За квартал до места, где он жарил в большой жаровне в потухших углях фундук, был такой чарующий их аромат, что невозможно было пройти мимо, чтобы не поддаться соблазну и не купить небольшой кулёчек ещё горячих ароматных лесных орешков! А запах жареных каштанов был ещё более вожденно-чарующим, но как-то не получалось их покупать, вероятно из-за недоступной цены. Родители не давали денег «на шалости», только на проезд! Значит, следовало экономить и идти пешком. И эта «наука экономить» положила своё начало в первом классе!

Дальше шли по проспекту через Соборную площадь мимо Свято-Николаевского собора, минуя обелиск-часовню борцам против Коминтерна, и здесь нас ждал ещё один ходька с обилием выбора всяких разных сладостей. Он сидел на маленькой скамеечке, а на столе перед ним было невообразимое множество всякой всячины вкусностей, орешков и даже горячий сладкий розовый картофель (но это только зимой), невообразимо вкусный, о котором и мы понятия не имели, что он называется – батат¹!

Весь «ассортимент» невозможно было охватить одним махом – такое было разнообразие. Цены на всё-про-всё были копеечные, но для нас и они были не очень доступны. Попробуй-ка, уложись в стоимость трамвайного билета и то только – «туда», но – пешком в обратную сторону, домой, так как не получалось утром идти в школу пешим ходом, поджимало, как всегда, время, грозящее опозданием, да и далековато было идти в одиночестве. Поэтому, почти каждый день мы не миновали этого торговца и что-то покупали у него за копейки. Предпочтением были калёные орешки фундук, арахис во всех видах – солёный, в глазури, в леденце и просто жареный в масле. Конфеты как-то не припомню, чтобы он ими торговал, но «Пупсик» – такие были в обёртке в лавочках. Была всегда пастила из боярки, а она в Китае необычайно больших размеров и сладкая. Вот из боярки лежала пластом пастила, которую он нарезал по желанию и нашим денежным возможностям. Ещё она же тонким слоем была закручена в трубочку, и её можно было есть, постепенно раскручивая, по дороге. Зимой наоборот, боярка (плоды боярышника), облитая леденцом и мороженная, нанизана была на палочку, как шашлык, и разносчик носил это лакомство на плечах, как павлиний хвост, распушённый кисло-сладким чудом! Ещё зимой были вожденные «липучки»! Вот и до сих пор, у кого из харбинцев ни спроси, все вам скажут, что такое «липучка» зимой! Липучка – это сладкое хрустящее чудо, обсыпанное кунжутными семечками! И сделана она из патоки либо в виде толстой сигары, либо шарика, полых внутри и замороженных. Весь эффект поедания «липучки» состоит в том, что её,

¹ *Батат* – вид клубнеплодных растений, по внешнему виду напоминает картофель, за что и получил прозвище «сладкий картофель».

хрустящую, надо есть на морозе, ибо в помещении она тает, становится липучей и теряет свою прелесть!

У уличных торговцев зимой можно было купить мороженые чёрные груши. Но никак нельзя было их поедать, идя по улице. Дома, они, залитые холодной водой, таяли и отдавали свою сладкую сочную прелесть. Наряду с грушами также продавалась мороженая хурма. Но она называлась «каки»¹ – хурмы, как такового названия, тоже не было и помину. «Каки» были зимой ещё как бы вяленые, то есть в виде мягкой лепёшки, припудренной рисовой мукой, чтобы не была липкой. Такие «каки» были очень сладкие и как бы получившие иной вкус.

Что и говорить, ни о какой чистоте рук с обеих сторон, ни о лежащем «товаре», покрытом грязными тряпками, или о ноже, а ещё и о рое мух, как-то и не было речи. Мы мало уделяли этому внимания, и никакие угрозы и предупреждения родительские не действовали, мы покупали и ели купленное дорогой, возвращаясь пешком из школы домой. Но, бывало, такое самоволие не проходило даром и иной раз заканчивалось весьма печально, бежала бегом и давала слово – слушать материнский наказ: не есть ничего по дороге!

Ещё об одном вожделенном удовольствии, о котором нельзя умолчать. Это «поми-хуа», а в переводе – «Кукурузный цветок», или, как все сейчас знают: «Поп корн!». Так вот, возле лавочки, что на Проспекте, имею ввиду отрезок Большого в нашем Саманном, где постоянная летняя «ярмарка арбузов», почти ежедневно и летом и зимой появлялся изготовитель, он же и продавец поми-хуа. Возле него всегда собиралась стайка детей – не только получить за пять *цзыр* [копеек. – А.З.], а и насладиться волшебством, когда простое зёрнышко превращается в цветок! В то время всё это было довольно просто. Мастер, сидя на скамеечке, крутил плотно закрытую ёмкость, подогреваемую небольшим пламенем, определённое время, известное только ему одному. Когда наступал момент, открывалась ёмкость, и из неё с треском выстреливала масса зёрен, уже превращённых в белые пушистые цветки. Предварительно всё пространство было ограждено сеткой. На пять цзыр можно было купить большой пакет Поми-хуа. Но иногда этот «Волшебных цветков мастер» превращал в цветки не только кукурузу, но и зёрна сои, риса не было – хозяева-японцы строго следили и наказывали.

Идём далее. Путь лежал от Обелиска борцам с Коминтерном на Соборной площади к ХОТКСу [Харбинское Общество Теннисного и Конькобежного Спорта], и минуя его, стояло как бы вглубь квартала – Управление Железной Дороги, на переднем плане которого был небольшой сад. А по левой стороне слегка наискосок находился Желсоб (Железнодорожное Собрание) со сквериком впереди него, но о нём речь чуть позже.

За Управлением дороги начинались два здания бывших Коммерческих училищ, в одном из которых, втором, мы проучились весь 47-й год в седьмом классе. Тогда было холодное и голодное время. Город ещё не оправился после войны, не было топлива прогреть большое здание с высокими потолками в прекрасных классных комнатах. Мы мёрзли, сидели в шубах и строчили конспекты замёрзшими руками и замёрзшими чернилами. В желудках наших тоже было холодно от их пустоты.

Когда мы учились вместе – самановские, корпусновские и новгородские, в одном из бывших зданий Коммерческих училищ ровно весь 1947-й учебный год, частенько после школы ходили пешком. Две остановки ехать было накладно, а ещё была причина: трамвай доходил до Зелёного базара, и отсюда шла до последней остановки до Кривой улицы всего одна колея, то есть, он ждал встречного

¹ *Каки* – хурма (яп.), от лат. *Diospyros kaki*.

и только потом добирался до конечной Кривой улицы, ну не выгодно было для наших карманов!

Против Зелёного базара жила подружка Алла Саркисянц. Дом их стоял вглубь от проезжей части, как бы в отдельности. Справа от их дома по Проспекту стоял (стоит и по сию пору) дом-утюг с двумя орлами наверху, смотрящий в сторону уходящего Сунгарийского проспекта, а слева от дома Саркисянц начинались домики железнодорожников аж до самой Кривой улицы. На переднем плане в их доме была аптека в арендуемом у хозяев дома помещении. Мы туда редко когда заглядывали. В основном летом играли в саду, лазили по деревьям, особенно когда поспевала черёмуха. Это было удовольствие! Чёрные руки и рот, ободранные колени, а ещё больше – шерстяные гусеницы, от которых не было спасения. Папа Аллы, армянин высокий ростом и большого размера вширь, ругал нас и, крича и ворча, звал Аллу домой. В доме как-то мы не старались бывать. Там были хоромы. В большой комнате – гостиной, во всю стену было огромное зеркало, и мы, ёжась, лицезрели себя в нём. Редко, когда хозяева сажали за стол. Был идеальный порядок во всём – в доме, еде, в этикете. А мы были полууличные девчонки, особенно подружка Лиля с Зелёного базара. У них была многодетная семья с низким достатком, где уж там уследить за этикетом... Но она была очень хорошей для всех нас компаньонкой – товаркой, душой компании. И время летело за играми, пока не громовой голос отца звал Аллу домой.

Конечно, возвращение домой в трамвае в столь «расписном виде» хорошего не сулило, только бы добраться в непристойном образе побыстрее домой. Отсюда, в одну длинную остановку расстояния, надо было бежать мимо низкорослых железнодорожных домов, тихих, утопающих в зелени, не увидишь никого, только случайные прохожие. Однажды, а дело было раннее, я училась на Таможенной улице в классе, наверное, четвёртом, а может быть, и меньшем. Почему-то добиралась с предпоследней остановки пешком одна из школы. И меня обуял страх. Шла по левой стороне Проспекта мимо всё таких же железнодорожных домов. Прошла уже квартала два – никого. И вдруг! На горизонте от меня шагов может двадцать-тридцать, возникла фигура мужчины, как мне показалось, «сорокота» (так в нашем ребячьем лексиконе это сорокалетний старый мужчина), который приближался, неся в руках небольшой чёрный чемоданчик. Ужас охватил меня, когда он приблизился навстречу и заговорил:

«Девочка, куда ты идёшь, я тебя провожу!»

Я, не ответив, рванулась прытко, как только могла, и изо всех сил побежала от него! Ветер свистел в моих ушах, но я бежала ещё шибче, без оглядки! Когда я добежала до угла Кривой улицы, оглянулась, не было никого ни близко, ни далеко!

В то время ходили по городу упорные слухи о Джеке-Потрошителе, якобы любителе ловить и потрошить женщин и девушек. Как он потрошил, мы толком не понимали, но само «потрошение» казалось страшным. Дома об этом не раз говорили и упреждали, что ходить в одиночку опасно, особенно девочкам. Даже называли фамилию какого-то перестарка студента Людикормина, будто он был насильником, да и не только, а убивал свою жертву. Но говорили про Модягоу, что видели его не раз там. Вот в моей голове и возник образ этого Джека, который мне повстречался по дороге домой. Я, увидев его чемоданчик, сразу вообразила, что в нём инструменты для истязаний... Этот случай надолго оставил во мне страх, и уже потом, даже постарше, я не гуляла в одиночестве.

На Зелёном Базаре, а этот район считался густонаселённым, особенно основным китайским населением, вкрапливались и русские домики. Жить было дискомфортно для этой части жителей. Зловонье, особенно в летнюю пору, непролазная грязь, помои сливались тут же, антисанитария – это факт. Но приходи-

лось бывать и в этой части Проспекта: там жили наши Красновы. Тётя Соня, я её считала своей родной, её муж дядя Ваня и их сын Витюша, ведь родилась я при них. Их сыночек Витя тоже ходил в моих братьях, с пелёнок облюбовал меня так, что даже хотел забрать, завернув в газету! Простим ему, он был четырёхлетний несмышлёныш, считал, что такое в самый раз! Сегодня правнуки Витюши знают памперсы и не только!

У тёти Сони, маминой лучшей подруги её сиротского детства, было уютно, всегда было настоящее украинское салыце и пуховая перина! А в садике под окном цвели Табачок, Резеда и Ночная красавица! На углу улицы, назовём её Третья, китайский огромный самовар зазывал своим свистком о том, что кипяток поспел. Приходите с чайником, и кипяток за три *цзыры*, дёшево и сердито!

И весь этот дух от терпких, готовящихся вокруг, китайских *цаев* – блюд, и смрад туалетов и помоек, как-то уходили напрочь. По-другому делу на этом отрезке Проспекта бывать не приходилось. Улиц было десять – все перпендикулярно Проспекту от одной и до десяти, названий им не заводили, и так понятно. В голодный 1947 год, а он был таким, страна ещё не оправилась после ухода японских хозяев, полки базаров и магазинов обещали быть полными, но недостатка в зелени, арбузов и прочих овощей не было. Но хотелось детям что-то перекусить на большой переменке. И вот, прямо напротив нашей бывшей Коммерческой школы, лавочка на Зелёном базаре! Вот она нас и подкармливала, готовя нам к переменке булочку с кремом, за что мы, покупая её у ходьки-лавочника, были благодарны ему и судьбе!

Будучи уже постарше, возвращались из школы пешком с подружкой Лилей Кушнир. Она мне нравилась своим хорошим воспитанием, но ещё больше тем, что с ней длинная дорога домой сокращалась от её интересных выдумок – отгадывать загадки, а то и шарады. Причём они всегда носили оттенок красивых, придуманных ею сравнений (*аллюзий*). Например, когда надо было отгадать шараду, в ходу были названия цветов и обязательно Лилии, а она-то была Лиля! Так незаметно мы двигались к дому, и дорога не казалась нам такой уж длинной. Она тоже жила на нашей улице Иманской, только чуть дальше, в сторону Хабаровской, в большом благоустроенном кирпичном доме. Говорили, что её родители Кушниры были приёмными, и девочка жила без горя и забот. Я одно время дружила с Наташей Субботиной, младшей сестрой Лили, жившей тоже недалеко от нас со своим отцом, их мама давно умерла, и вот такое случилось – девочек разлучила судьба... Наташа была славная и добрая характером девочка, хотя и с тяжёлым детством при больном отце. Она привыкла не надеяться ни на кого и ни на что, и рано стала работать, не окончив школу. Была и няней, и прислугой в домах, но как-то незаметно исчезла. Её сестра Лиля, наоборот, окончила Медтехникум и с родителями уехала в Австралию.

С Наташей мы повстречались через три года в Мукдене. Она работала у Чурина в книжном отделе продавцом, и жили мы с ней в одном доме и на одном этаже в чуринских квартирах.

Ещё однажды, гораздо позже, произошла случайная наша встреча уже в городе Кустанае. Была туда моя командировка, и вот снова встреча! Она с мужем Вовой Беляевым, нашим харбинцем, приглашают в гости. Ужинаем, пьем чай, играем в мачжан¹, вспоминаем наш Харбин, детство...! Мир тесен, неисповедимы пути...

¹ *Мачжан* (кит. trad. 麻將, упр. 麻将, пиньинь *májiàng*, палл. *мацзян*), *маджонг* или *мацзян* – китайская азартная игра с использованием игральные костей для четырёх игроков (каждый играет за себя). Широко распространена в Китае, Японии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

В дальнейшем сёстры встретились, Наташа прилетела воробышком к сестре в Австралию!

Итак, бывало, идя из школы домой, чтобы скоротать время на дорогу пешком, мы предавались отвлечениям на разные выдумки – загадки, шарады, а то и декламации каких-то незатейливых стишков или весёлых историй, и время уходило незаметно.

Но были и «удачные» деньки, когда у Серёжки Федоровича было настроение подвезти на велике. Тогда я, взгромоздившись сзади на багажник и трясясь на выбоинах и колдобинах по проезжей дороге (асфальтом и не пахло от Зелёного базара до Кривой улицы), возвращалась с ветерком!

Самый обыденный и дешёвый транспорт зимой и летом был трамвай. Утром бежали за ним, боясь опоздать, а о трамвайном расписании не было и речи. Бывали частые поломки, да и «вагоноуважаемые» вожатые, завидев бегущих, давали ход, и трамвай ушёл! Зимой в нём было холодно, как на улице, да ещё замёрзшие окна, битком набитый людом его салон, где уж там сиденья вдоль по бокам! Можно только в наилучшем месте на задней площадке пристроиться, да и то поделиться местами с мотором! Никаких «отстоев» на конечных остановках вкруговую не было: вагон ходил туда-сюда, спереди и сзади было по мотору. Билетёр пробирался сквозь плотную массу набивавшихся на остановках людей и взывал во всё горло: «пё-пё – билет-билет!»

Наконец, трамвай доходил до конечной остановки (утром) на Соборной площади. Народ вываливался из трамвая и рассыпался в разные стороны – кому-куда. Ну, а нам, школярам – бежать на Почтовую улицу, малолеткам, а чуть позже – на Таможенную и после на Садовую улицы в бывший колледж ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей), когда уже достаточно повзрослели!

Летом иное дело. Утром никуда не бежать, а поехать в город по интересам, тут уж выбирай, куда, когда и как удобнее. Лето, жара запредельная, окна трамвая открыты, но вот незадача: всегда во все времена устоявшийся чесночный дух – этот устойчивый запах «китайских духов»! Да и как быть населению без чеснока (читатель догадался, какие были китайские духи!), когда особенно в летнюю пору от повсеместной непролазной грязи, будь то базар или харчовка¹ с грязными полотенцами и посудой, начинались кишечные болезни, косившие основную часть населения – китайцев! Японцы (санитары!) усиленно заливали карболкой овощные базары и лавки так, что всё приходило в хлам и оставалось только выметать вон безвозвратно испорченное добро. Они усиленно прививали якобы противохолерные и противочумные средства (на самом деле, под шумок, наоборот).

Однако, лето – оно и есть лето, когда хочется с утра пораньше поехать за Сунгари, или в киношку, или пофланировать по Проспекту, по той части его, что берёт начало от Соборной площади и до новгородного Чурина, но об этом потом. Говоря о застрявшем глубоко в памяти Большом проспекте, приберегла самые примечательные, оставившие глубокий след в сердце его места, это о них: с левой стороны от Собора – Желсоб, рядом с ним библиотека КВЖД и с правой – каток ХОТКС.

Желсоб. Это Железнодорожное собрание, касающееся нашей семьи косвенно. Никто из родителей не был железнодорожником, если не считать, что мама от роду двух своих лет выросла в семье двоюродного брата, служившего бухгалтером на Железной дороге, а папа – всего полгода проработавший кондуктором в начале его харбинского пути. Но в своей молодости мама любила посещать

¹ Харчовка (рус., харб.) – маленький трактир, харчевня.

концерты и даже танцы в Собрании. Их дом железнодорожной постройки находился где-то неподалёку.

Для меня Желсоб – это открытие самой меня. Впервые, после школьных подмоштков, – как только были утренники, ёлки, Акты награждения за отличное учение, – я попала в большой и оглушивший меня, маленькую девочку, мир большой сцены. Сегодняшние дети совершенно свободны и раскрепощены в своих действиях, тогда же, живя в Китае, мы были более закрыты, стеснительны и скромны. Очутившись впервые в Собрании зимой, когда на тебе надето как на капусте, сто одежек – валенки, рейтузы, тёплый капор и шарф, всё это надо было снять самостоятельно внизу в раздевалке, ничего не потерять, главное – номерок. Прийти в себя и идти выступать на сцену, и это где-то в 8–9 лет. Огромная сцена с тяжёлым бархатным занавесом, ещё более огромный зал и сотни глаз, смотрящих на тебя... И вот я стою в деревенском сарафане, с длинной туго заплетённой русой косой, в платочке на голове и говорю, что ни за что не променяю свою деревню на шумный город и даже в нём – трамвай! А другая девочка, Люба Третьякова, спорит, что она не променяет город на деревню!

Это был мой дебют в Желсобе! Уже после, когда мы были постарше, выступал в Желсобе наш школьный хор, в котором мне посчастливилось петь. В то время каждый год во время Великого поста проходил смотр школьных хоров с исполнением духовного песнопения. Школьные хоры выступали с большой хоровой и сольной программой. Бывали и школьные концерты хоровой оперной музыки. Шла опера «Жизнь за царя», где арию Антонида исполнял маленький мальчик из «Русского Дома» – Павлик Сурков, который взывал девичьим голосом: «Отворите!». В концертах школьных хоров главное участие принимал хор женской гимназии под управлением регента Райского. Хор исполнял в Великий Пост «Аве Мария» Моцарта, «Свете Тихий» Чайковского, «Слава в Вышних, Богу» Бартнянского, «Благослови Душе» Рахманинова и другие. Ходить на концерты было огромное удовольствие, мы имели счастливую возможность соприкоснуться с большим искусством.

Другое дело, когда, как говорили родители, нас «гоняли» на какие-то японские собрания, где долго и нудно читал речь японский офицер, а китайский переводчик переводил. Мы мучительно сидели, слушали, ничего не понимая, и ждали окончания речи. Тогда это казалось бременем для посещений Желсоба.

Был в городе хороший школьный обычай – десятый выпускной класс за 100 дней до окончания школы устраивал праздник, – так называемая «Стоднёвка». И вот наши десятиклассники, будущие без пяти минут выпускники, приглашают нас, девятиклассников, на бал, и это как бы репетиция к грядущему выпускному Белому балу. Конечно, из представителей девятиклассников только идут двое – мальчик и девочка, как будущие десятиклассники. Так удалось нам – Гоше Стукову и мне – быть свидетелями этого необычайного торжества.

Помнится, было начало весны, теплынь, мы в лёгких нарядах в саду Желсоба на Летней веранде за накрытыми столами! Запомнилось это время, как ни удивительно, по «сладким» приметам: родители виновников этого торжества наготовили и напекли на славу к праздничному столу вкусных вещей, среди которых был пирог с чем бы вы думали? Да, с самым вкусным – свежей малиной, залитой малиновым желе в воздушном сливочном креме! Конечно же, это волшебство не могло не запомниться на всю жизнь!

В тот день снова спустился с небес мальчик Амур со своими меткими стрелами... Снова «на горизонте» случился Волька Мухарицын, и снова вспыхнула робкая любовь...

Это наши десятиклассники решили собраться отметить сообща это событие с ребятами, тоже будущими выпускниками – учениками лицея имени Александра

Невского. Но, надо думать, это была не та сумасшедшая страсть, случившаяся год назад, это была влюблённость, не похожая на ту, буйную страсть глупой девчонки, так увлечённой внешностью роскошного Магараджи...

Летняя веранда Желсоба была свидетельницей многих событий и встреч, известных в истоках становления нашего города людей, службы Железной дороги, многих-многих знаменитостей привечала она за время своего существования, один Лемешев, посещавший Харбин, любимый всеми женщинами и певший на сцене Желсоба, чего стоил!

Не хочется в мыслях уходить с этого излюбленного места – Желсоба. Он был и остался в памяти, как может родной дом, который не временно покидают, а насовсем. Так случилось, когда я окончила школу, со всеми прошедшими событиями – выпускные экзамены, прекрасный как финал, Белый Бал, берег любимой Сунгари, куда гурьбой пришли на рассвете, смутно возникшие у всех думы о нашем будущем, где и когда кому и кем быть... И этот же 50-й год, август и день моего рождения – последний день последней встречи с Желсобом. После чая с яблочным маминым пирогом решили окончить день моего праздника походом на танцы в Желсоб.

С грустью вспоминаю последнюю встречу, если бы то, что случилось в тот злопамятный вечер, вернуть... Это фойе, где мы сидели с Волькой у закрытых дверей, потому что опоздали, и зал, где потом были танцы, и открытая Летняя веранда, ставшая злополучной разлучницей...

Но здесь он, Желсоб, стал только невольным свидетелем явившегося третьего и тоже ставшего невольным, разлучника...

На память приходит ещё одно яркое воспоминание – библиотека совсем неподалёку от Желсоба. Когда и каким образом я в ней оказалась, только помню, что моё посещение в этот Храм источника знаний было необыкновенно фантастическим на столько, что я, девочка лет 11–12, была ошеломлена увиденным количеством книг, которые мне там могли спокойно дать тётеньки-библиотекари! К сожалению, кажется, один из последних дней посещения библиотеки был омрачён неприятным для меня событием. Помнится, было начало лета, на школьном заднем дворе распустилась пышным цветом с изумрудными листьями посаженная нами, школьниками, касторка для японских, якобы, нужд. И надо же было случиться такому несчастью – наестся зелёных касторовых плодов, уже появившихся в эту пору! И вот, после уроков и поедания касторовой зелени на перемене, я побежала в библиотеку. Что-то брала из книг (в то время уже был читальный «голод»), две или даже три книги, помню, что нести было тяжело. А тут ещё эта гадкая касторка вершила своё чёрное дело! Бежала на трамвайную остановку, но трамвая, как назло, не было. Вот так эти два случая в одно время так и остались в памяти, связанные воедино!

После 1944 года времена начали меняться, в воздухе повеяло запахом приближающейся развязки в нашей эмигрантской жизни, чувствовалось, что должно что-то случиться, но что, мы, дети, не понимали. Взрослые, конечно, что-то уже знали, а это «что-то» сулило всем конец японского насилия. На следующий год мы ещё учились первую его половину, но весь школьный наш двор был изрыт зигзагообразно окопами, через которые мы прыгали на переменах, играя в пятнашки со своим учителем японского Сэнсэем (не помню его имени). Но прежняя наша учительница Хиросэ-сан куда-то исчезла.

Уже после победы над Японией и её капитуляции настало для нас сумбурное время. Закрыли женские конвенты школьного образования и лицей Св. Николая для мальчиков, и вся эта ребятня хлынула в эмигрантские школы, пришли и в нашу. Влилась компания девочек-сорвиголов из конвента Св. Урсулы. Они как-то после закрытого учебного заведения острее почувствовали свободу!

Мы подхватили их настроения и тоже пожелали быть свободными! Это выразалось в том, что перестали слушаться учителей, считая их перевёртышами, стали демонстративно убегать через форточку из класса. Хуже того, однажды подложили в классную печь взрывчатку (её в то время было предостаточно), и печь взорвалась, благо, никто не погиб. Но не помню, чтобы кто-то разобрался в содеянном, вероятно, в то время всем было не до того.

Вот в это смутное «время перемен», превращения «гусениц в куколки» и из «белых» в «красные» стало не до чтения и походы в библиотеку прекратились. Настал тяжёлый переходный возраст.

Ещё одно обожаемое мной место в начале Проспекта от Собора – это ХОТКС (Харбинское Общество Теннисного и Конькобежного Спорта!). В детстве было много увлечений, и среди них вожделенная мечта – кататься на коньках, была, пожалуй, из главных. Конечно, в списке желаний стоял балет, игра на пианино, быть артисткой, но разве всё это могло быть сравнимым с коньками, когда летишь, и кажется, что всё летит с тобой вместе! Вот ты упал, ой как больно, мгновение, и снова торопишься встать и бежать!

Первые шаги на одном коньке, привязанном к валенку, возле дома на улице, куда соседи зимой выливают помой. Коньки – «Снегурки», были такие, без ботинок. Как они мне достались, так и осталось не известно. Подружка Таня Скванова была чуть старше и училась уже в нашей Вышеначальной школе, кажется, в первом (пятый класс) классе. Наша школа состояла из четырёх отделений и двух классов – мальчиков и девочек отдельно и называлась Школой на Почтовой улице, хотя мы уже со второго года обучения бегали в неё на Таможенную улицу.

Так вот, моя подружка после школы во всю каталась в ХОТКСе на коньках «Астра», а мне оставалось только завидовать! Видя мои катания на замёрзшей помойке, Отец купил мне «Астры» конечно же, с ботинками, и я, счастливая, в один прекрасный короткий зимний день оказалась на катке в нашем ХОТКСе! Как вчера, ясно вижу этот каток: три ступеньки в раздевалку, довольно просторный зал, жарко натопленная печь, ящики для одежды и вдоль них стоящие скамьи. В переднем углу буфет с чаем, бутербродами с чайной вкуснейшей колбасой и бисквитное пирожное, пролитое сиропом, необычайной вкусноты, такое пекли кондитеры только в нашем городе. Говорят, детский вкус неприхотливый, но я отдаю должное и мне подтвердят мои земляки-харбинцы: кондитеры и колбасники в городе были отменные!

Наскоро переодеваемся, нужно хорошо и туго зашнуровать ботинки, чтобы они плотно сидели на ноге, и затем пройти по деревянному дощатому полу на лёд. А там уже катание вовсю, и почему-то мне запомнилось, катались вереницей «против часовой стрелки», но не берусь утверждать. Помнится, много было школят, а детворы – нет. Спортсмены бегали на коньках-«норвежках». Они пролетали мимо таких же, как я, неумёх, иногда те и другие, кто-то падал. Здесь же катались на коньках-санках, у кого были помощники. А в самом центре катка часто можно было видеть пару катающихся фигуристов – девушки Сакай и её партнёра Сухова. Они танцевали вальс и делали пируэты. Им часто аплодировали и восхищались их умением. В то время для нас фигурное катание было редкостью. Зимний день короток. Солнце рано садится на покой, и надо, сломя голову, торопиться успеть до темноты домой, Отец был строг и не любил непослушания.

Наступивший август 1945 года многое изменил в городе, не стало японского давления над всеми нами, пришла долгожданная свобода, превратившая нас совсем в других школьников. Нам сказали, что наконец-то мы будем учиться с сентября, как должно и быть, хотя прошедшую первую половину года нам снова вменили на обучение. Итак, мы пошли в учение по новой советской программе.

Но, сейчас речь пойдёт не об этом, хотя надо было бы сказать обо всех трудностях не только обучения наукам, но и о ломке всего нашего сознания, оказавшегося в новой ситуации. Постепенно менялись мы и постепенно менялась вокруг нас обстановка города. На Соборной площади, а это главная часть Большого проспекта, стоял японский храм Цзиньцзя, который стал никому не нужен, кроме старых хозяев-японцев, но их уже не стало. Значит, и не стал нужен храм. А вот площадь пустующая, храм быстро снесли, он был маленький, низенький, как карточный домик, и поэтому вмиг исчез! Решено было на этом месте построить стадион, но пока его приспособляли под футбольное поле, мы туда ходили на всякие спортивные тренировки: бег на стометровку, гимнастические упражнения и т.п. Но вскоре стали создаваться футбольные команды, и наши мальчишко-соученики записались в команду и стали выступать в соревнованиях. Так площадь получила второе рождение, а мы – стали болельщиками за команду игравших наших ребят. На стадионе появились скамейки, и можно было, спокойно отдыхая в летнюю жару, посидеть. Это было не то, что когда-то на Пристанском стадионе, что недалеко от Бадеровского озера, где играл капитан Боря Цвибель со своей командой, там надо было изнывать, стоя, пока Отец «болел» за свою команду.

Наш стадион стал ещё и местом свиданий влюблённых. Здесь случалось много любовных встреч. Ведь молодёжи хотелось где-то в летнюю пору встречаться. В команде играли наши соученики Гоша Стуков и Лоллик Гальвин, сразу обретшие массу болельщиц-поклонниц. То время было и трагическим, Лоллик получил, играя очередной матч, травму, и вскоре погиб. Это была трагедия не только нашей школы, но и города. И отпевали его в Соборе тоже всем миром, молодого, ушедшего так рано.

Я рассказала только о той «своей» половине Большого Проспекта, где прошла небольшая, но беззаботная часть моей жизни. Вторая половина Проспекта начиналась от Соборной площади прямой дорогой на восток к Успенскому кладбищу, которое стали называть Новым, как только прекратились захоронения на Старом кладбище Покрова Божией Матери.

Свято-Николаевский Сбор на Соборной площади как бы делил наш Большой проспект на две части – западную и восточную. Вторая его половина – восточная, уходила в сторону по направлению к Чурину и далее до нового Успенского кладбища.

От Соборной площади направляемся во вторую – восточную часть Проспекта. В начале воспоминаний я упоминала об отрезке, начинающемся от Собора и до магазина Чурина. Этот его отрезок был – особый променад! В летние каникулы, как только они начинались и мы ещё были полны школьных забот в виде каких-то незаконченных эсэсэмовских (ССМ – Союз Советской Молодёжи) дел, бежали по нему в нашу школу на Садовой улице. Это были годы конца сороковых, мы выросли, уже не на шутку кипели страсти, особенно после пришедших на смену американским боевикам фильмов, с любовными интригами, таких, как «Охотники за каучуком», где главный герой красавец Магараджа, от которого мы, почти каждая из нас, были в восторге и были по уши влюблены в героя фильма. Фильм шёл в «Орианте», маленьком и уютном кинотеатре неподалёку от Чурина. Надо сказать, то было время наводнивших наш город «чужих» фильмов. После японского табу появились американские фильмы, как «Северная звезда» о далёком северном колхозе (не подумайте плохого!), американцы неплохо осветили борьбу колхозников с фашистами во время войны, их быт и нравы. И мы, сном и духом не знавшие толком ничего ни об СССР, ни о колхозной жизни, всё же поверили, что всё было именно так, как представили голливудские кинематографисты. Но всё же фильм был воспринят с интересом и не потому, что

«америкосовый» после долгих лет «молчания» при японцах, это было привычно для харбинцев, а вот о родной стороне было удивительно и любопытно узнать.

Вообще-то в мои детские, попавшие в сороковые, годы, «Ориант» считался как бы детским кино. В нём, особенно в зимние месяцы, постоянно шли фильмы с маленькой голливудской артисткой Ширли Тэмпл, и тогда зал был полон детворы, особенно девочек. Это всегда был детский праздник, весёлый и шумный, со множеством сюрпризов, сладостей и обязательно с американской сладкой серой (жевательная резинка), которая всегда была на лотке вместе с плитками шоколада у услужливого мальчика-боя, разносившего сладости во время сеанса.

Все годы, живя в Харбине, очень удобно было туда ходить. «Ориант» был, как говорят, с руки, и мы, пользуясь наступившей, наконец, летней свободой, часто в него бегали. Он был маленький и уютный, а вот напротив наискосок от него кино «Азия», наоборот, был непривлекателен – там было всегда холодно, а потому и неуютно.

Шли фильмы тех лет, пришедшие к нам в наш город, ставший чистым от ненавистных японцев, а потому и свободный выбирать – как жить, что смотреть и куда ходить, не оглядываясь на них, а можно ли?! Наступила молодость, а с ней и чувство упоения и лёгкости свободы бытия!

Возвращаясь к теме молодости и пришедшей с жарким летом не менее жаркой любви. Почему-то (безусловно, понятно!) такие яркие герои, как с экранов одушевлённый Магараджа, будили в юной душе жаркий огонь и заставляли страдать... А тут на пути живой прототип – красавец и точная копия злосчастного Магараджи!

Итак, отрезок Большого проспекта от Соборной площади в сторону Чурина, если идти по левой стороне. Сначала гляну на правую его сторону. Тогда этот квартал был ещё застроен железнодорожными домами с садами вокруг них и не представлял для нас особого интереса. Говоря о его левой стороне, продолжаю тему, куда мы, будучи школярами, любили похаживать. В раннее время, при японцах, там пользовалась несомненным успехом фабрика «холодка на палочке», а попросту, молочное или фруктовое мороженое – Айс-кэки и Айс-крыму – фруктовое и молочное. Зайти туда в летнюю харбинскую жару было одно удовольствие, и мы наслаждались, поедая эти сладкие замороженные палочки. Иногда не миновала удальцов ангина, особенно – поедавших на спор большое их количество.

Неподалёку от фабрики мороженого, на углу Стрелковой улицы, расположился киоск, в нём китаец-лавочник торговал вкусностями с фабрики знаменитого грека Ипсианти, славившегося такими сладостями, как халва из грецких орехов. Здесь же, в киоске можно было купить вкуснейшую Баклаву и Тригоны, да и лавочник предлагал выпить настоящей вкусной пшённой бузы. Эта вкуснятина стала для нас достижима уже после того, когда наш город очистился от японцев, и мы, четыре подруги, довольно часто пользовались продукцией знаменитого кондитера. Об этом я упоминала в своей книге «Японцы», где мы, повзрослевшие восьмиклассницы, воспользовавшись обилием японских книг от ушедшего Кювака (японская организация), ставших макулатурой, обменивали в этом памятном киоске её на сладости достойного кондитера Ипсианти.

Большой проспект, от Стрелковой улицы один квартал до угла Новоторговой с правой его стороны. Читателю может быть непонятно, почему вдруг любовь к Магарадже и этот неприметный ничем, как только стоянкой частных такси, «пяточок», вот именно!

А вот и нет! Хозяин одной из машин такси, возница всех желающих прокатиться с ветерком, красавец и точная копия, кого бы вы думали, – да, да, Магараджи! Ведь это же надо такому случиться?!

И я в плену страданий, мечтаний и снова страданий... Это страдания юной глупенькой девочки, возомнившей и придумавшей безответную любовь. Вот именно, безответную. Когда выясняется, что ему 28, он женат, и у него есть маленький сыночек... Жестокое разочарование, но жар чувств, обрушившийся на бедную головку, лишает разума. Напрасно девочки, хотя и тоже сумасбродные и также переживающие пришедшую пору возникших чувственных влечений, пытаются охладить любовный пыл подружки, тщетно!

Лето в полном разгаре, едем с Галей Дорошенко за Сунгари, купаемся и загораем. Возле кафе «Миниатюр» встречаем Ксену Ефимову, внучку чаеоторговца Чистякова, Ксена же и наша соученица. Они с мамой неподалёку от кафе сняли дачу, и мы все вместе проводим время. Тут вдруг на горизонте появляются два знакомых хлопца: Волька Мухарицын и Миша Суховольский (Муховольский и Сухарицын, так их в шутку окрестили!). Какая встреча! Почему на каникулах не дома, на станции Яблоня? И мы все вместе хорошо проводим время!

Все мои любовные переживания, так быстро и бурно начавшиеся по весне, как-то постепенно ушли в тень, растаяли. Мы с подружкой наслаждались последними школьными каникулами и последнего школьного для нас лета. Впереди предстоял 10-й класс. Обеим нам было без малого по семнадцать годков, мы были счастливы и беззаботны. Бездумно побежали к Коле-парикмахеру и сделали обеим электрическую завивку. Мы купались в реке, бегали под дождём, не заботясь нимало о причёске, она и так была прекрасной, и не думая о том, что придёт осень и спросит, а как же школа, последний класс перед выходом в жизнь? Как наша строгая Верушка, ведь она спросит с нас за наши самовольные метаморфозы! Шёл последний год нашего долгого вхождения в самостоятельную жизнь. Впереди было неясное будущее, хотя знали, кто-то пойдёт дальше учиться, кто-то будет строить свою семью, но невольно у многих из нас бередила голову мысль: что дальше, где нам всем быть, что будет, какие перемены готовит нам жизнь в стране и родной, и не Отчизне, ведь мы же русские! Уже впереди маячил тот день и час, мы задумывались каждый в одиночку, но никогда вслух не рассуждали и оставляли свои мысли «на потом». Даже отдаляли думы, впереди было много барьеров, не вполне объяснимых и не объясняемых ни школой, ни родителями.

В воздухе родного города уже витал дух перемен, а каких, догадывайся и додумывай сам... Организация молодёжи в ССМ, а это собрания, встречи со старшими организаторами, «пропесочивание» за плохие оценки в школе (раньше кроме учителей и родителей, никто не увещевал), наконец, киношные хождения на советские фильмы – всё это и явилось в образе свежего ветра, повеявшего в наши молодые сердца и головы!

Продолжаем свой путь по левой стороне Проспекта до угла Стрелковой улицы, а она не была сквозной, так как начиналась от Проспекта перпендикулярно ему и шла к Почтовой улице, минуя новгородный базар. Далее был второй и последний перед Чуриным квартал, на котором была масса магазинчиков в виде пассажа, и этот квартал так и звался – Пассажем. Магазинчики были полны всякой всячины, но мы, в основном, бегали туда «за булавками», потому что не припомню в них ничего путёвого. В этом же ряду, кажется, был какой-то Салон дамского платья. Здесь же принимал заказы шанхайский портной. В то время такие портные славились как лучшие из лучших, у которых можно было пошить прекрасный мужской костюм и даже фрак, и дамское пальто по последней моде. Помню, после войны маме довелось купить трофейное шерстяное солдатское одеяло цвета «хаки», китаец мастер выкрасил его в тёмно-синий цвет, а шанхайский портной сшил мне модное пальто, в котором я долго ходила. Этот район

Нового города был очень востребован харбинцами во все времена, и вот почему: основной причиной, в сравнении с Пристанью, была дешевизна всех предлагаемых китайскими мастерами услуг. Проще простого – китаец-портной мог перелицевать то или иное изделие из одежды, поштопать изъян так, что потом невозможно было простым глазом найти его. Да и перелицованное изделие получало вторую жизнь при нехватке средств в тяжёлое для многих людей время. После окончания войны в моду среди молодых харбинок вошли сапожки, и тут же сапожникам этого района работы стало невпроворот. Девушки форсили в женских сапожках, у которых, в отличие от мужских, верх голенища был вырезан сердечком! Мода эта продолжалась довольно долго, и я, будучи уже в девятом классе, а это был 1949 год, однажды пришла в класс в новых шоколадного цвета расшитых цветной кожей сапожках и тут же попала в классную стенгазету с дружеским шаржем, ловко подмеченным нашим одноклассником Колей Цебергом!

Вот такие профессионалы были в этом районе города – более, чем в богатом районе Пристаней. Южнее, к Новому городу примыкал густонаселённый русскими жителями район Модягоу, оттуда за покупками к Чурину и по всем делам тянулись в Новый город, и он считался Центром города.

Но мы миновали Пассаж (тогда так его и называли), дошли до угла Новоторговой улицы, вот и Центральная аптека, как раз напротив магазина Чурина. Сюда опять же ходили и ездили за лекарствами. Напротив аптеки – Чурин (Акционерное Общество «И.Я. Чурин и Ко»). О нём уже достаточно много написано харбинцами и его бывшими служащими – какой это был примечательный во всех случаях универсальный магазин, чем он славился, каким товаром, привозным отовсюду и собственноручно изготовленным, как чуринский подовый хлеб, сайки-«жулики», пирожные, конфеты «Раковые шейки», тянучки и... колбаса! Ах, как славились чуринские колбасные изделия, какое обилие разных сортов можно было купить в праздник Св. Пасхи – например, чтобы украсить пасхальный стол! Наряду с гастрономическим и кондитерским отделами, у меня, по воле моего Отца, часто случалось посещение Скобяного отдела. В нём надо было покупать олифу, кисточки, краски, гвозди, шурупы и другую мелочь. Отец посылал с запиской, деньгами (и на мороженое в том числе!), со строгим наказом всё купить, ничего не потерять и осуществить такое поручение по-быстрому! И я, стремглав, летела пулей на трамвай, бегом туда-обратно, успев по дороге съесть мороженое! Отец в летнее время обязательно что-то делал по нашему небольшому, но требующему приложения мужских рук, дому.

Но я уже, частенько увязавшись в компанию с мамой (она по субботам покупала остатки шёлковых тканей «с акцией», шила дома), тянула её в кондитерский отдел за невозможно какими вкусными треугольными шоколадными вафлями или сливочными тянучками. К сожалению, «сладкое» время окончилось, началась Вторая Мировая война... Четвёртый угол перекрёстка – первые три: с правой стороны стоянка такси, с левой – Аптека и Чурин. Угол наискосок от Аптеки занимал кондитерский магазин «Акрополис», где были вкуснейшие пирожные, булочки с кремом и множество других очень вкусных сладостей вроде нуги, щербета и других восточных сладостей, уже и не осталось в памяти их названий, только приятные воспоминания этой чудесной вкуснятины.

За Чуриным – Большой проспект, а почти что через два квартала начиналось с правой его стороны старое Покровское кладбище. С годами его существования оно превратилось в парк, хотя и оставалось местом Великой скорби. «Унесли за Чурина» – была скорбная фраза, когда ещё довольно долго хоронили на нём харбинцев. В памяти остались Большой крест – Памятник сразу за оградой, так, что можно было, не заходя на кладбище, его видеть. Он был воздвигнут в 1920 году

в память 20-летия павшим борцам в так называемом Боксёрском восстании 1900 года. Мы в то время, в сороковые годы, мало что понимали и знали об истории как самой постройки Дороги, так и об этом печальном событии. Старшие говорили, хотя мать как-то вскользь вспоминала: «Да, вот было Боксёрское восстание», – когда ей самой в то время было около двух лет. Бывало, в раннем детстве ходили строем говеть на Страстной неделе Великого поста в Покровский храм к нашему учителю Закона Божиего о. Николаю Труфанову. После службы в храме, счастливые и довольные случившейся свободой, бродили стайкой девочек по кладбищу, любовались величественными, порой художественными памятниками, собирали здесь пышно цветущие фиалки и раскладывали их, в основном, на заброшенных могилах. К знакомому с детства, такому величественному гранитному Кресту, к его подножию, в знак детской скорби клали букетики. С трудом читали надпись по-славянски: «На этом старом железнодорожном кладбище нашли вечное упокоение многие из первых деятелей по постройке и охране КВЖД 12 июля 1920 года в день 20-летия отбития атаки боксёров на Харбин воздвигнут крест сей в молитвенную память об этих отважных пионерах русского культурного дела и да сохраняются их могилы в неприкосновенности на вечные времена. Да стоит сей крест незыблемо и да напоминает о почивших носителях русской культуры».

Здесь были два Обелиска также в память павших в Русско-японскую войну, перенесённые в Санкешу на новое за городом кладбище Хуань-шань, героям русско-японской войны. На одном из них было написано – «Капитану 2-го ранга Александру Александровичу Корнильеву, погибшему в 1904 году во время Русско-японской войны». Оба Обелиска были установлены на задворках кладбища.

В то время мы мало уделяли внимания эмоциям в силу своего детского недоумения. Их, безродных и безымянных, было уже много среди прекрасных, богато изукрашенных, памятников. Да, Покровское кладбище было своего рода Музеем города, ушедшим в память ещё оставшихся в живых, да сохранившимся на фотографиях прошлого...

Повзрослевшие, мы убегали на кладбище с уроков, делая «завертай». Наша школа была недалеко, в том же районе, в здании бывшего Украинского дома, 3-я Полная средняя школа. Правда, со мной это случилось в первый и последний раз в девятом классе, когда мы с Викой Пустельник решили сбежать с уроков, причём, она – ещё и с урока музыки. Стояла весна, и почему-то очень не хотелось сидеть в классе! Мы бесцельно бродили по кладбищу с тяжёлыми сумками учебников, она ещё и с нотной папкой. Как-то моментально прошло желание бродить и захотелось домой. Конечно же, на следующий день наше «мероприятие» стало предлогом приглашения в школу родителей. Не помню, чем закончилась эта затея, только осталось неприятное волеизречение исключить обеих из школы и оставить без Аттестата зрелости.

Выросшие и ставшие членами ССМ, мы перестали посещать храм (хотя и не совсем). Сказывалось влияние и давление новой, пришедшей в город советской власти. Наступили весенние пасхальные праздники, с урезанными напрочь днями пасхальной недели, но, всё же на второй день Светлого праздника мы явились в класс с куличами и крашеными яйцами. Во всём городе и в наших сердцах чувствовался большой праздник, когда всю неделю во всех храмах звонили в колокола все, кто хотел, и колокольный звон гудел на весь город. В те далёкие годы (при японцах) в школах одним из основных предметов считался Закон Божий, и его преподавал нам в нашей эмигрантской школе священник отец Николай Труфанов, настоятель Покровского храма. Поэтому мы, школьники младших классов школы на Почтовой улице, посещали постоянно этот храм с исповедью своему Учителю.

В годы японской оккупации наш храм, а мы его и считали «нашим», был особенно близок, как расстоянием, так и детскими обязанностями делать «большое и важное дело» – посещать безродные могилы, а особенно заброшенные военные кладбища, в то время разбросанные и безнадежно остававшиеся без присмотра. Мы периодически посещали такие вот места. Очевидно, сверху спускалось распоряжение это делать, да ещё с молчаливого согласия японцев, и наши благодарные учителя старались это осуществлять, прививая тем самым нам патриотизм и чувство долга перед павшими русскими воинами.

Но, вернусь к упомянутому месту – Покровскому храму. Минуя его, переходим улицу. И вот она – лютеранская Кирха. Попасть внутрь никак и никогда не случалось, но её двор, а вернее сад, был нам доступен. Это – мне с Танюшкой, моей товаркой и участницей всех наших походов и игр. Впервые она привела меня в сад Кирхи – тихий и тенистый, усаженный не то кустарником, не то деревьями. Таких ягод, за которыми мы без спроса лазали, нигде я больше не встречала. Собирали их с кустов, их даже не могу с чем-либо сравнить по вкусу, помню только то, что они тогда казались нам непонятно какими вкусными. И это воспоминание о Кирхе.

А вот ровно напротив Кирхи был мрачный (так нам тогда казалось) Костёл. Туда строго-настрого родителями не разрешалось не только что заходить, но и останавливаться возле него. Не знаю и не помню, что говорили, только для нас это было табу. Но, однажды случилось вот что. Мы, нарвав ягод, вышли из сада Кирхи, что напротив, перешли на противоположную сторону Проспекта, и вдруг очутились в сети распахнутых рук и ещё чего-то чёрного, как потом поняли, это был слугитель Костёла в чёрной сутане, который решительно потянул нас в Костёл! Мы с Танюшкой, в ужасе отпрянув, стали изо всех сил упираться и кое-как вырвавшись, побежали прочь в сторону Чурина. Когда всё же рассказали родителям, те ещё раз нас предупредили, что он-де хотел нас окрестить в католиков... Но его поступок остался тайной. Как знать, что тогда нам померещилось... Тогда у нас, у многих, в головах был памятный насильник Людикормин, и чувство ужаса при малейшем поползновении со стороны незнакомого мужчины возобладало.

Уже будучи постарше, ходили стайкой девочек, но и среди белого дня случались казусы. Как-то весной после уроков пошли готовить математику к нашему добрейшему и желающему всеми силами подтянуть нас перед экзаменами, учителю Александру Ивановичу Иванову, жившему тогда на Ашихэйской улице недалеко от Чурина клуба. Идём, смеёмся, день прекрасный, солнечный, не предвещающий ничего дурного. Мы счастливы в начинающейся юности, и вдруг перед нами вырастает фигура китаецца в халате, полу которого он молниеносно распахивает и... – о, ужас – голое мужское естество! Мы от неожиданности – врассыпную с воплями ужаса! Тогда вот попадались такие больные, приводящие в бегство всех встречных.

На новгороднём Проспекте где-то с правой стороны был ресторан «Эдем». В то, наше время, он, по-видимому, потерял былую славу ресторана, а стал местом, куда заходили посетители посидеть, выпить за беседой, поиграть в «девятку» (была такая карточная игра, которой многие жители мужского пола увлекались), иногда продолжавшуюся далеко за полночь. Ресторан «Эдем» был в полуподвале, или в подвале... были его кабинеты. Репутация была не очень... Похоже, там были и «девочки»...

Было и ещё одно значное место, но не на Проспекте, а в районе Новоторговой и Почтовой улиц – «Ала-Верды». Название этого заведения сулило думать, что там будут угощать шашлыками, а то и сациви и сацибели, однако, на слуху как-то об этом слышали. Многие жёны мужей-гуляк сетовали, что туда безвозвратно попусту уходил домашний бюджет.

А Большой проспект продолжался. Ездили в ту сторону редко, слава Богу, и вот почему. Там было Новое кладбище Успения Божией Матери, но ходить туда без надобности не стоило. В нашей семье родных никого там не было похоронено, по крайней мере, у мамы была только одна безродная бабушка Екатерина, к которой мы ходили на могилку на Радоницу, а когда случалось пойти к Демидову, почившему супругу тёти Юли, то заодно и заходили к бабушке. Хоронили в моей памяти близких знакомых двоих или троих. У моей подруги, да и её мамы – подруги моей, умер в Шанхае папа Володя Шкильнюк. Он служил там волонтером, и перитонит сгубил его, не успели спасти. Помнится, хоронили мы его вчетвером – Таточка с мамой Лидой и мы с мамой. То были одинокие похороны, шёл мелкий осенний дождь, и на душе у всех нас было горько и обидно, что мы только одни вынуждены провожать усопшего. После отпевания и похорон зашли в какую-то харчовку где-то в районе Нового города и устроили поминальный обед. Второй раз в этом моем подростковом возрасте хоронили опять же маму второй моей подруги Томочки Талаевой – тётю Лёлю. Помню, что очень плакала я, уже вполне осознавая невозвратимую потерю ушедшего любимого человека, какой она и была – доброй, отзывчивой, весёлой и беззащитной. Был месяц буйно цветущих астр, которыми весь её «новый дом» осыпали доверху... А Томочке было всего семь лет, и она не могла ещё до конца понять, что мамы нет...

Новое кладбище Успения Божией Матери было заключающим Большой проспект, хотя в продолжение его всё же было ещё одно – Еврейское кладбище, и там же был крематорий. Это кладбище было ухожено и выглядело богатым. Когда настало время разрушения святынь во время китайской «культурной революции», евреи, они из жителей города были первыми, откликнулись и перенесли могилы многих своих родных на новое кладбище в Санкешу-Хуаншань, где оно находится по сей день, в прекрасном состоянии, чего нельзя сказать о православном кладбище там же.

На Радоницу на кладбище собиралась половина города жителей, и толпы нищих, просящих подаяния, с раннего утра сходились к воротам Успенского кладбища. К полудню они плотно стояли вдоль дороги Проспекта, аж на целый квартал, уже многие с полными до верха мешками с куличами и крашеными яйцами. Вероятно, шли с соседних районов Подола, Фудзядяна, Пристани. Это были в основном китайцы и цыгане, русских не было. Об этом можно с похвалой сказать, заботу проявляли все благотворители и все Общества дарителей, принимавших участие в создании домов престарелых одиноких людей и детских приютов. Никогда во все времена в городе не стояли и не ходили нищие из русских побираться.

В конце поминального дня мы, изрядно уставшие после посещения знакомых могил, собирались домой. Возле воинских захоронений, именуемых Братской могилой, служилась Вселенская панихида. Она начиналась в 5 часов вечера в светлый день Радоницы ежегодно возле ограды кладбища.

Ещё одно примечательное место в этом районе Проспекта – китайский храм Ти-лоу-сы¹. Но прежде, чем попасть в него, необходимо было пройти через большой базар, и почему-то он располагался там именно в одно и то же время с Радоницей. Ничто так не запомнилось из предлагаемой продукции, как огромные брусы, если так можно назвать, студенистого и прозрачного «холодца», а попросту сделанного из кукурузного или картофельного крахмала, и этот брус они нарезали слоями, кому сколько для приготовления специального блюда Ла-пир.

¹ Ти-лоу-сы (Цзилэсы – Цзилэ, кит. trad. 極樂寺, упр. 极乐寺, пиньинь *Jilè Sì*) – буквально: «Храм блаженства/наивысшей радости».

Заходить в храм не особо разрешалось, ламы в жёлтых одеяниях зорко следили за посетителями. Буддистские боги были страшны в своём облики, при виде их становилось не по себе и хотелось поскорее бежать вон, что мы и делали с мамой. Он, этот страх ребёнка перед сверхъестественным, остался по сей день. Когда мы сравнительно недавно, в Всемирный Конгресс, группой посетили бывшее Успенское кладбище, вернее, остатки того, что было Кладбищем, все захотели пойти в храм Ти-лоу-сы, а он совсем стал рядом, мне как-то не захотелось заходить внутрь.

Наконец, главное место Большого Проспекта – это Соборная площадь! Она была прекрасной во всех отношениях, это был ансамбль всех строений, обрамляющий её, это был Центр города, видимый со всех улиц, подходивших к Собору со всех четырёх сторон, центр Православия города во главе с Собором Святого Николая – Покровителя города. Большой проспект, как бы прорезал площадь, проходя через неё. Каждое утро, идя в школу, я выходила из трамвая и почти каждый раз забегала в часовню, к Св. Николаю и ставила свечку, прося Его о помощи. Затем шла в сторону Обелиска борцам с Коминтерном, проходила по дороге мимо стоявших справа Московских рядов, а в то время – японского кооператива Монтецу, и шла на Таможенную улицу в школу. И так всё время в течение тринадцати лет продолжался мой маршрут.

Для нас, школяров, Соборная площадь была приятным времяпрепровождением после уроков. Летом были каникулы один месяц, и мы любили посидеть возле Обелиска и обязательно сфотографироваться у китайца-фотографа «на пятиминутку», а это означало, что пока он, в течение чуть более пяти минут, проявлял и слегка подсушивал фотокарточки, мы даже не успевали порезвиться на вольном воздухе в этом маленьком скверике. Там было одно удовольствие – посидеть на камнях или на скамеечке среди уже подросших кустарников и молодых деревьев.

В первое посещение Харбина через почти сорок лет (вместо Обелиска стоит прекрасный Памятник Солдату и Матросу, высоко держащим орден Победы – Обелиск за освобождение от японцев) деревья были уже выросшие как раз ровень с ним!

В лютые зимы не очень-то хотелось сидеть возле Обелиска, но было ещё одно излюбленное место на Площади – японский храм Дзинцзя, как раз напротив Обелиска. Там всегда, невзирая на мороз, стоял со своим сундучком китаец-фотограф, готовый предложить свои услуги. И мы, спрятав свои *фуросики* («авоська» вместо портфеля) за колонну, спешили запечатлеться! И чтобы обязательно попала в кадр кружевная изгородь дома *Джибелло Сокко*¹!

Справа от храма Дзинцзя было (и есть до сих пор) здание Ильинской больницы, на первом этаже которого располагался магазин календарей Фоменко. Помимо главного товара – календарей, магазин торговал канцелярскими принадлежностями. Ах, какое обилие для маленького школяра было в нём, чего только там не было! Пенал, куда укладывались карандаши, ручки, ластик, запасные пёрышки, да ещё много чего нужного в маленьком хозяйстве! А тетрадки всевозможные: и в клеточку, и в линейку, и в косую линейку, и в каждой – промокашка! Чернильницы-непроливашки, чернильницы обычные, пёрышки № 86 для правильной и красивой каллиграфии! Ещё были мел и пластилин, клей (хотя сваренный дома, ценился больше!). Ещё для различных поделок была гляцевая и

¹ *Джебелло Сокко П.И.* (итальянец по происхождению и инженер по образованию), основавший в Харбине в 1917 г., в 1919 г. построил себе особняк в Николаевском переулке в Новом городе.

гофрированная бумага всех цветов, из которой можно было делать всевозможные украшения для ёлки, как хлопушки, гирлянды и разноцветные цепи. Но верхом счастья были масляные картинки – букетики цветов, деды Морозы, снеговики, ангелочки, смотря кому и чему всё это предназначалось. Ими украшали праздничные мешочки-подарки, сшитые из атласной ткани, и они, набитые сладостями и фруктами с грецкими орехами, клались под ёлку. Цветы и ангелочки, как правило, наклеивались в альбомы, предназначавшиеся к дню Ангела в подарок. Но! Ни в коем случае не разрешалось клеить такие картинки ни в тетрадку, ни на неё, а уж, тем более, в дневник, – это было табу.

Ходить в магазин Фоменко было большим удовольствием. Здесь, внутри него, был особый вожделенный запах всех лежавших и стоявших предметов для маленького человека-школьника, обомлевшего от счастья и радости иметь всё-всё это. И мы стайкой девочек почти каждый день старались пойти в этот поистине сказочный и волшебный для нас мир и приобрести хоть что-то малейшее и нужное для себя.

Второй этаж здания был полностью в распоряжении Ильинской Больницы. После здания больницы стоял дом Соборного персонала. А далее, за ним, начиналось Старохарбинское шоссе, ещё в начале постройки города Харбина именуемое Хорватовским в честь управляющего КВЖД Дмитрия Леонидовича Хорвата. Но в нашу бытность, живя в Харбине, мы называли это шоссе равно одинаково и всем всё было ясно. Сразу за шоссе был (при японцах) построен отель «Кондо» по имени его построившего – японского богатого владельца лесных концессий.

Наступивший 1949 год принёс нашему городу некоторую свободу: 1-го октября Китай отпраздновал образование Китайской Народной Республики, пришла народная власть и она, в первую очередь, выразилась в укреплении нашей свободы хождения по городу в наступившие холода, особенно зимой. Восьмая Китайская армия чётко занялась чисткой города от бандитов, воров и убийц. Наступило время, когда стало возможно ходить по городу в ночь-полночь, и мы, повзрослевшие, возвращаясь с концертов и вечеринок, шагали по тёмным улицам нашего Проспекта и вовсю орали песни – «Дан приказ ему на запад...» и подобные другие патриотические песни. Иногда слышали окрик часового: «Стой, кто идёт?!» И мы хором отвечали: «Свои, советские!» Конечно же, по-китайски! Молодые наши души были спокойны: нас охраняют!

Оканчиваю своё повествование о нашем харбинском Большом проспекте, несравненно БОЛЬШОМ, иначе и не сказать. Он, если взглянуть на карту города, разрезал его, наш город, как бы пополам, проложив своё шествие с окраин на Западе и следуя прямой дорогой на Восток. И в самом его центре на возвышенности стоял Свято-Николаевский Кафедральный Собор на большой центральной площади, носившей название СОБОРНАЯ!

Куда бы нам не приходилось идти или ехать, мы всегда проходили мимо Собора. Со всех сходящихся сторон – проспекта, шоссе, улиц, он был далеко виден, величавый и гордый. Таким он остался в памяти. И, когда вернувшись в девяностые годы в родной город, я увидела вместо того великолепного храма, варварски осквернённого и разрушенного в годы китайской «культурной революции», несуразную клумбу в виде большого цветка, сердце моё тревожно забило, захотелось плакать... Я стояла на месте предполагаемой остановки трамвая, который когда-то увозил меня домой в сторону Саманного городка, закрыла глаза и мысленно представила его в былом величии...

Много раз во все времена было хожено в Собор на богослужения, чьи-то свадебные венчания, похороны. Бывало, и сама принимала участие в ношении треневесты (поистине королевский наряд). Также, бывало, бегали с подружками

после школы в открытый всегда Собор поставить свечку и помолиться, а то и посмотреть на покойника, почти всегда там стоял гроб с покойным, и детское любопытство брало вверх над страхом.

Насколько помню, Собор, не сговариваясь, посещали в Вербную субботу мы, девочки, когда ещё учились на Таможенной улице и когда посещать службу в церкви считалось в порядке вещей, то есть до 1945 года. В это время, в последние недели Великого поста, уже становилось в городе тепло, можно было сменить чулки на носочки (особый шик!) и пойти в Собор, в ограде которого собиралась детвора и молодёжь с ближайших районов. Надо было постараться пройти сквозь строй мальчишек, хлеставших девочек по голым в носочках ножкам и старавшихся ударить каждую хоть раз прутом от вербы, приговаривая:

*«Верба – хлёт, бьёт до слёз,
Верба бела, бьёт за дело,
Верба красна, бьёт напрасно...»*

Свято-Николаевский Собор на Соборной площади Большого проспекта остался в памяти православных жителей Харбина, конечно, так же, как и сам Проспект – ГЛАВНАЯ АРТЕРИЯ нашего города Харбина...

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

БУДНИ ПРОШЛОГО КИТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Н.Н. Лалетина

Харбин. Сороковые годы. Пока шла война – где-то далеко в мире, на Западе, здесь – на Северо-востоке Китая, всё затихло, как перед грозой...

Примыкая к городу, как бы продолжая его, прилепилась китайская деревня. Вот уж поистине стёрта грань между ними!

Вокруг кукурузные поля вперемежку с соевыми и огороды, дальше к юго-западу – ассенизационные поля, где по приказу «хозяев» японцев высушивают готовое гуано, пакуют в джутовые мешки на экспорт по миру, как натуральное удобрение.

В деревне – в основном, крестьяне, часть из них огородники, здесь же и водоносы, и кули, промышляющие случайными заработками, и старьёвщики, бродящие по дворам русского Саманного городка – благо, город близко, рядом.

Ютятся деревенская семья обычно в глиняной фанзе, чёрной от копоти. По всему жилищу, состоящему из одного помещения, расположен кан (нары, подогреваемые снизу печным обогревом), покрытый циновкой и тряпьем. На этом кане проводят всю свою жизнь: спят, готовят пищу, шьют одежду и даже тряпичную обувь – как главную, другой обуви и не знают. Здесь рождаются и здесь же умирают... Живут все – и взрослые, и дети, и дети детей, здесь проходит вся жизнь. Грязь, паразиты, болезни...

Существование семьи скудное. Из злаков только гаолян и чумиза (сяо мицза), риса не видят – отбирают под страхом смерти оккупанты-японцы для солдат своей армии. Мясо – его почти не видят, а если и покупают в лавке, то 2–3 ляна (ляна около 50 г.) и несут на верёвочке, продетой в этот небольшой кусочек, и из этого маленького кусочка готовят несколько блюд! Ранней весной, когда зацветают вязы и покрываются «кашкой», собирают с деревьев эту «кашку». В еду также идут одуванчики, лебеда, сныть¹.

Глава семьи один кормит всех, а она обычно многочисленна. Дети подрастают и тоже начинают помогать отцу. Мать, как правило, с маленькими ножками. Обычай этого варварства ушёл в далёкое прошлое, когда маленьким девочкам калечили ножки так, что женщина не могла далеко и быстро ходить, и большую часть своей жизни проводила, сидя на кане. Прядёт целыми днями на прялке – колесе хлопковую пряжу, – нитки, по крепости, не уступающие дратве. Такие нитки идут на изготовление подошвы для тряпичных туфель. Бедняки всю жизнь до самой смерти зимой и летом не знают иной обуви.

Китайцы – большие мастера на выдумки, превращая в подлинное творчество то, что может создать разум и руки человека. Хотя сам процесс изготовления такой обуви и немудрёный, но он стоит внимания: верх обуви шьётся из материи на подкладке, он, по возможности, украшается вышивкой, а то и просто гладкий. Подошва, а это особая технология, так крепка, что выдерживает и осеннюю непогоду, и стужу. Собирается она из кусочков различных тряпок, слой за слоем, аккуратно проклеивается самодельным клейстером, прессуется и высушивается. Затем подошва вырезается по контуру ступни, и, наконец, простёгивается кру-

¹ *Сныть обыкновенная* – целебная трава; широко распространена в Средней Азии, на Кавказе, по всей территории Европы и в горах Казахстана. Сныть обыкновенная представляет собой многолетнее травянистое растение с ползучим корневищем, голым стеблем и собранными в зонтик белыми цветками. С давних времён известна как очень ценное пищевое растение. В листьях сныти присутствует значительное количество полезных компонентов и соединений, благодаря чему эта трава применяется для лечения различных заболеваний.

говыми дорожками, частыми стежками, теми самыми крепкими нитками, что прядёт китаянка, сидя на кане. Затем готовая подошва соединяется с верхом и – обувь готова!

Обувь шьют женщины, а так как в семье много ног, и маленьких, и больших, то в любое время хозяйку можно застать за этой работой. Замечено, что никогда ни дети, ни тем более взрослые не ходят босые.

Девочки никогда не играют на улице, они обычно всегда с матерью заняты незатейливым хозяйством, не то, что мальчики. С западной стороны деревня отделена оврагом, который разделён стрелкой (насыпью) на две части. Левая его часть – идут поезда на восток, большую часть товарняки, вторая часть оврага зимой и летом – сборище детворы: зимой катание с горки, в летнее время, пока нет дождей, разные игры, а в дождливую погоду накапливается грязная зловонная лужа. Также зимой и летом часто попадают приметы варварства – трупы новорождённых девочек, завернутые в соломенную циновку. Зимой их съедают голодные уличные псы (по поверью – так можно задобрить их божество), летом – стоит трупный смрад и стаи мух.

Вся беда в том, что родившаяся девочка – это лишний рот, не помощница в работе, и от неё необходимо избавиться как можно быстрее. Аборты «хозяевами» японцами строго карались как лишнее «беспокойство», а в бедняцкой семье и без того ни лишней «члена» (деньги).

В обычном понятии стирка белья, одежды – это обилие воды и мыльной пены. По-иному стирает одежду китаянка, а то и сам хозяин-китаец. Сидя на крошечной скамеечке прямо на земле, поставив корыто между ног, она «давит» в полном смысле этого слова стираемую в горстке воды одежду. Главное условие такой «стирки» – не пролить ни капли воды из корыта-тазика. По старым поверьям это – большой грех, а там, как будет выглядеть после этого выстиранная одежда, не важно. После просушки всё тщательно разглаживается катком, по-другому – скалкой (отсюда: *скать* бельё, т.е. гладить). Вода покупается, если поблизости нет водоёма. Водонос принесёт её в квадратных банках-ведрах на коромысле, возьмёт плату. Приходится экономить и, соответственно, стараться не пролить ни капли. Но, что характерно для жителей, живущих возле речки или озера, закон «не пролей» остаётся в силе. Конечно, ни о какой горячей воде летом нет речи, нагреется на солнышке. Зимой скудного огня в очаге едва хватает, чтобы сварить пищу и одновременно согреться на кане – одним боком, потом другим. Воздух в фанзе остаётся холодным, и в чём были одеты, в том и легли на ночь.

Очаг в фанзе не затухает, поддерживаемый круглые сутки несгоревшими остатками угля, собранными на свалках. Дети, вооружённые ящиками-ситами,

*Китайская деревня. Наташа с другом
(архив Н.Н. Лалетиной)*

просеивают остатки угля от золы. Это каждодневная добыча тепла, забота подростков.

На Северо-востоке Китая в годы войны морозы доходят до -40 градусов Цельсия, и волей-неволей холод гонит добытчиков тепла на морозные свалки с клюкой и ситом. Ни в деревне, ни в городе, нигде никогда не валяется ни щепки, не говоря уже о каких-то дощечках или ветках деревьев. Заборы стоят, пока вдруг не покосилась доска. Она тут же исчезает на топливо. Всё, что может и должно гореть – горит, обогревая жилища, а они в большинстве своём из глины. Нет деревянных полов и перекрытий, разве что двери, да оконные рамы, вместо стёкол – слюда. Крыша фанзы из гаоляна, или камыша, или – соломы. Как обогреть такую фанзу? Вот и приходится спать всей семьёй вповалку, прижавшись друг к другу.

Оккупанты-японцы нисколько не озабочивались высокой смертностью населения, для них чем больше умирало основного населения, тем меньше забот, меньше ртов. Богатейший Северо-восток – Маньчжурия – целенаправленно и постоянно разграблялась пришлыми «хозяевами». Голодные голые и босые *ёрги*¹, зачастую морфинисты, подбирались ими и увозились в неизвестном направлении, якобы на лечение. Позже, когда пришло освобождение от их рабства, выяснилось, что за городом в глубочайшей тайне производились опыты на живых людях зверскими приёмами. Это был «Отряд 731» – фабрика смерти².

Одежда зимой – это ватные куртка и штаны, независимо от пола и возраста, надетые зачастую прямо на голое тело. У маленьких ребятишек штанишки сзади с разрезом, чтобы не было канители снимать их по надобности. Зимой в сорокаградусный мороз выглядывающие попки малышей – такие же розовые, как и щёчки! Дети простужены, под носом всегда бегут две чёрные дорожки.

На уличной катушке весь день детвора, опять же мальчишки, с увлечением гоняют по льду «волчок», подстёгиваемый верёвочным кнутиком. Можно покататься на старой сковородке или кастрюле, выброшенной на помойку, в лучшем случае – скатиться на санках, а то и просто на животе, ведь на голой попке не покатаешься!

Китайцы – выдумщики разного рода неприхотливых ребячьих развлечений – о коньках и лыжах в то время и понятия не имели, зато зимой с азартом катались на одной дощечке, прикреплённой к ноге, стегали «волчок». Летом – увлекательная игра: виртуозно, с вывертом ноги, подкидывать кусочек меховой шкурки с прикреплённым кусочком свинца так, чтобы он как можно дольше находился на лету, а то и погонять стеклянные шарики-ионики в лунку. *Ионики* – подобие бильярда, но только без кия и стола. Набор шариков всех радужных тонов, прозрачных и матовых, с идеальной гладкой поверхностью. Игра заключается в том, кто загонит наибольшее их количество в лунку.

Неподалёку от деревушки – гольф-поле. Там играть запрещается, но зато можно насобирать закатившихся и затерявшихся гольф-мячей. Они величиной

¹ *Ёрги* (ед. ч. *ёрга*, харб., очевидно, маньч.) – нищий, бродяга, бездомный.

² *Отряд 731* (яп. 731 部隊 *нанасанъити бутай*; кит. трад. 七三一部隊, упр. 七三一部队, пиньинь *qī sān yī bù duì*, палл. *цисанъи будуй*) – специальный отряд японских вооружённых сил, занимался исследованиями в области биологического оружия, опыты производились на живых людях (военнопленных, похищенных китайцев, русских). В этом отряде также проводились бесчеловечные опыты с целью установления количества времени, которое человек может прожить под воздействием разных факторов (кипяток, высушивание, лишение пищи, лишение воды, обмороживание, электроток, вивисекция людей и др.). Нередко жертвы в отряд попадали вместе с членами семьи; также было много случаев, когда в отряд забирали (в подопытные) членов семьи жертвы, пытавшихся узнать у японских властей судьбу арестованного родственника.

почти с пинг-понговый мяч, но тяжелы, будто налиты свинцом. Но нет же – там внутри тонкая резиновая нить, длиной «до неба», намотанная клубком, для прыгучести. Находка такого шарика ценится дороже всех ребячьих богатств: на неё «длиной до неба» можно заменять всего-всего, начиная от хлеба и других не менее важных ценностей! А уж всякие нехитрые поделки из разноцветной бумаги, сложенной в гармошку и прикреплённой с обоих концов к палочкам-ручкам! При растягивании получался бумажный фонарик, перекрутил – хвост павлина. Немного фантазии, и возникает новая композиция. А трещотки, имитирующие циркад, если их раскрутить! Свистульки невероятно, как и из чего сделанные, даже из глины. И если налить в её отверстие воды, то возникают соловьиные трели.

А уж хлопушки – это истинное чудо пиротехники! Особенно поднимается треск хлопушек в Новый Год по лунному календарю, Чунь-цзе. Трещат ими до поздней ночи, в воздухе стоит гарь. Ребятишки ворохами выносят их на улицу и маленькие, и большие, и совсем крохотные, размером с огарок церковной свечки. Их, связав в пачку, поджигают, и начинается стрельба, как из пулемёта! Это – любимое занятие детей, да и взрослых, на Новый год, который длится несколько дней.

Это было давно... Нет нищих деревень, как нет и женщин с изуродованными ногами. Нет и злых оккупантов-поработителей – японской военщины... Свежий ветер перемен принёс на смену отжившим традициям, тому, что мешает жить и идти вперёд, в новую экономику, политику, всё то передовое и новое, что характеризует сегодняшний день Китая. В 1978 году начала проводиться реформа «Гайге», которая стала важнейшим этапом в истории «Синь Чжунго» – нового Китая. Известные китайские реформы, проводимые «Великим архитектором», Дэн Сяопином, прежде всего, начались с преобразования китайской деревни. На смену народным коммунам пришли бригады и домохозяйства – так называемые семейные подряды. Преимущество таких форм трудовой организации заключалось в том, что новым крестьянским коллективам позволяли оставлять излишки продукции, то есть получать прибыль, реализуя сверхурожай на рынке, зарождающемся в Китае. Земля стала сдаваться крестьянам в аренду и со временем могла переходить в собственность.

Это способствовало значительному повышению уровня жизни в деревне. Результаты реформ доказали – за несколько лет выросло вдвое количество выращиваемого крестьянами зерна, в конце 90-х годов Китай стал первым по заготовке мяса и хлопка.

Новый Китай живёт проблемами большого образовательного процесса, верит и возлагает на них свои надежды и связывает с ними будущее страны, свою судьбу.

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

МЕМОРАТЫ О ХАРБИНЕ И ХАРБИНЦАХ (ИЗБРАННОЕ)

Н.Н. Лалетина

Об учебе по японской системе, о повседневных занятиях при японцах, о японской одежде

«Ну, во-первых, как начиналось утро. Каждый божий день в школе, на Таможенной улице, она называлась школа третья, начальная школа, вернее, она третья начальная и выше начальная школа, потому что там было шесть классов, шесть лет дети учились. Вот какие были, значит, с утра у нас дела? Ну, во-первых, мы все, если это было тёплое время, у нас был большой двор, прямо плац целый, и мы с утра делали зарядку обязательно, обязательно, ну, зимой не делали, потому что зимой негде было. У нас в зале... был зал пыльный, с замытыми полами, а на улице мы делали зарядку каждое божье утро. Был у нас преподаватель Анфиногенов, такой был он... Я потом пришлю фотографию большую, где мы все и вышена начальная и начальная школа, мы кончали четвёртое отделение, а вышена начальная <школа> кончали второй класс. И мы там все засняты гурьбой, как говорится, дети внизу и наверху, посередине учителя и там даже наш отец Иоанн Шачнев, потому что мы были „взрослые“ в кавычках, и нам уже закон Божий преподавал он, а отец Николай Труфанов уже преподавал в младших классах, начал с первого класса преподавать, с первого отделения, раньше так называли.

Ну, короче говоря, мы делали зарядку, которую я делаю по сей день. Это зарядка именно такого японского характера, не сказать, что японская, нет. Зарядка, в общем, как зарядка, только её нам внедрили и её нам заставляли нас это делать. Там всё и для рук, и для позвоночника, и для всех крутящих шейного отдела, поясничного отдела, в общем всё, всё, всё. Вот делаю до сих пор. Потом мы шли в вестибюль на молитву. Мы молились. Вот я уже говорила. Мы пели „Царю небесный“ и, по-моему... „Отче наш“ не пели, а может, пели, убей не помню, и спросить не у кого. Спрошу, вообще-то, я сегодня получила письмо из Австралии, спрошу.

Значит после того, как мы пропели стоя, потому что у нас было собрано детей с первого по шестой <класс> в этом вестибюле, все классы собирались, все стояли, как говорится, по ранжиру, в том плане, что с первых до шестых <классов>. Теперь... после молитвы была торжественная официальная часть каждое утро. Это как может Таскина знать, когда она в советской школе училась? Конечно, не знала она. Мы же под японцами, под колпаком. Была у нас сразу в этом вестибюле дверь в учительскую, и мы стояли, молча ожидали, выходил наш директор Пётр Алексеевич Матросов. Мы звали его Пёт Сеич, Пёт Сеич. У него было пенсне, и он так очень строго оглядывал нас из-под пенсне. Но в это время он был с опущенной головой в своём мундире. Какой-то такой у него был френч или как называется там – высокий воротник застёгнутый, галстука не было, как-то вот так вот этот френч на нём сидел. Как бы очень строго, потому что он вообще-то был и офицер бывший, белый, безусловно. Выправка у него была военная...

И мы должны были всё это прослушать с опущенной головой. Все. Никто не имел право поднять голову и, как говорится, и подглядывать ни в коем разе. Он выходил из этого... учительской, руки были протянуты вперёд, перпендикулярно к телу и в руках он держал такой свиток белый. Ну, что такое свиток, знаете, да? Такой скрученный, и он его нёс с опущенной головой. Затем он к нам поворачивался лицом. Мы так это слегка видели, конечно, что это так делалось, ну, подглядывали, конечно, естественно. И вот он начинал там читать. А читал он, значит, манифест

его императорского величества императора Маньчжоу Го или Маньчжоу-Диго. Сначала было Маньчжоу Го, потом Маньчжоу-Диго. И он читал его Императорского Величества Пу И. И вот там что начиналось так: „Мы, наше Императорское Величество, и т.д.“. Убей, не помню, что там было, мы не вникали в какие-то эти речи, а раз мы не вникали, мы терпеливо стояли, ждали. Он это всё прочитал, потом это всё неторопливо свернул свиток, снова повернулся очень чётко назад, наоборот и ушёл в эту... в учительскую. После этого мы пели гимн его Императорскому Величеству Тэнно¹. Это гимн японскому императору. Он был Хирохито. Но его никогда не называли Хирохито, потому что это его имя земное, а он считался божественным жителем, потому что он высший, был ближний к Богу, и он был Тэнно. Вот так писалось. Два О на конце. И значит, мы пели гимн Кими га ё² [君が代 *Kimigayo*] – это гимн императору. Ну, я слова знаю, но не все, надо будет все переписать слова и запомнить, потому что я уже забыла. Потом, когда мы пропели этот гимн, мы слушали старшего по школе ученика шестого класса, то бишь второго класса, да, потому что было четыре отделения и два класса, который говорил: „В сторону его Императорского Величества поклон! Сайкерэй“³ – по-японски, и мы поворачивались все, как один на Восток и делали глубокий поклон в сторону его Императорского Величества. Дальше. Конечно, на этом всё кончалось, выходил опять директор и говорил: „Так, смиренно, по классам расходись“. Бывали дни, когда мы пели марш их комсомолу, молодёжный марш. Он начинался „Миато и каино сора акэтэ“⁴, то есть марш комсомольцев японских. Ну, значит, ничего не понимаю там в переводе, это все было выучено наизусть, конечно, и мы пели. Ну, знаете, как Вам сказать... Нам нравилось, потому что была такая музыка, как бы весёлая – „Миато каино“, а вот „Кимига“ – это, конечно, было немножко торжественно, и нудно, и спокойно. У нас была учительница Хиросэ-сан, маленького роста, очкастая, очень строгая. Она нас учила с первого отделения по четвёртый <класс> и мы прекрасно занимались японским. Нам нравилось. Почему? Потому что очень легко было учиться. Во-первых, у них была и есть до сих пор азбука *катакана*⁵, которую предназначают детям либо старикам, без иероглифов. Очень хорошо, пятьдесят одна буква, очень хорошо читается как стихотворение, то есть она читается слева направо, эта азбука, и сверху вниз. Но первая буква „А“, конечно, и вот целая строчка первой буквы „А“ идёт все гласные „А“, „И“, „У“, „Э“, „О“.

Вторая строчка „Ка“, „Ки“, „Ку“, „Кэ“, „Ко“ и так далее. Ка Са, так значит, если вниз А КА СА ТА НА ХА МА Я РО ВА. Вот это буквы и катаганы, и хираганы. Хирагана началась где-то в пятом году обучения, и мы проучили эту хира-

¹ Тэнно (яп. 天王 *Тэнно*; *Тэн'о*; «Небесный хозяин») – многозначный термин: Тэнно – титул императора в современной Японии.

² *Кими га ё* (君が代 *Kimigayo*, часто переводится как «Правление императора») – японский государственный гимн, принятый после реставрации Мэйдзи (1868). До 1945 года «Кими га ё» был официальным гимном Японской империи, включавшей, помимо собственно Японии, захваченные ею земли в Китае и Корее.

³ У японцев для приветствия применяется три вида поклонов: самый низкий – сайкерей, 45 градусов – знак глубокого уважения к собеседнику; средний – под углом 30 градусов, лёгкий – под углом 15 градусов.

⁴ Речь идёт об «*Айкоку косинкёку*» (愛国行進曲 *Айкоку ко:синкёку*, «Патриотический марш») – песне 1937 года. В ней выражается гордость за Японию и её национальную идею, призыв к японскому народу установить господство над всей Азией и защищать свою страну в случае агрессии. «Патриотический марш» носил отчётливо националистический характер и был создан специально для поднятия боевого духа.

⁵ *Катакана* – одна из двух (наряду с хираганой) графических форм японской слоговой азбуки – каны. Для катаканы характерны короткие прямые линии и острые углы.

гану год в пятом классе, потом, значит, шестой у нас уже нас взломали, японцы уже, так сказать, *аримасен*¹, уже их не было и конечно, мы дальше уже ничего не учили, и иероглифы... до них дело не дошло. Мы начали учить Хирогану, она такая же пятьдесят одна штука, также А КА СА ТА НА ХА МА Я РО ВА, и так далее, но такие там были закорючки, такие закорючки, что я иногда смотрю в словарь и думаю: „Боже! Как мы это всё писали и учили“. Ужасно! Очень трудно, а уж, тем более, эти иероглифы. Но сказать, что она была, конечно, не только преподавателем. Она была надсмотрщиком, она была свидетелем всех наших дел эмигрантских. Она, очевидно, конечно, была по-своему там была „кэгэбэшница“ японская, то есть она была, как они все, в школах в эмигрантских, она была поставлена японской военной миссией для того, чтобы осуществлять слежку.

<...> Мы в школе полностью зависели от японцев. Как хоть и говорят, что мы под БРЭМом находимся. Что БРЭМ² и так далее. Белые эмигранты, ну а у нас, значит, Бюро российских эмигрантов, конечно, мы же все с навешенными были этими жетонами. Дети-то нет, родители. Сначала им навесили белые такие значки, назывались бляха, ну а потом, значит, уже начали все негодовать, что собачьи какие-то номера. Ну, они сделали потом такие жетончики в виде, как сейчас делают, когда русские... не флаг, как называется, орден что ли... двуглавый орёл. Вот вместо двуглавого орла сделали бело-сине-красный, вот такой значок. Вешали, вот у мамы висит, кстати, на маминой фотографии, у неё тоже прилеплен, пристёгнут. Ну, что они делали? Они нас заставляли во все японские праздники ходить, во-первых, праздновать, обязательно в эти праздники утром мы пели марш комсомольцев ихних, обязательно пели, потом ещё у нас было.

Зимой, вернее весной, был праздник восьмого марта – это был День Лошади. К этому дню мы собирали всегда спитый чай, приносили в школу. Мы должны были весь год собирать этот чай, то есть выбрасывать чай не рекомендовалось. Не то, что запрещалось, но говорили, что вы должны собрать чай, к восьмому марта принести японским лошадям, этим военным лошадам. Значит, угощали их этим спитым чаем. Это был день восьмого марта, праздник дня Лошади.

Потом... Ну, Новый год мы как-то их не праздновали, и свой Новый год у нас не очень так особенно праздновался, потому что праздновали Рождество, а в Новый год был как-то пост рождественский. Ну, кто-то праздновал, конечно. Я не хочу сказать, что все не праздновали, праздновали. И гуляли, конечно, этот Новый год встречали. А потом встречали старый Новый год. А потом, значит, когда мы уходили летом на один месяц на каникулы и даже не в каникулы. В самый жаркий месяц июль мы ходили гулять на каникулы. Мы, значит, ходили на празднование Дня мальчиков, День был риса, потом День был, когда нужно было кланяться богине Аматаэрасу³. Потом были всякие ярмарки в это время, а ярмарки проходили там, на площади, где был храм *Аматаэрасу*, это был храм *Дзиндзя*⁴. Огромная площадь, огромная. Потом там после этого построили стадион, после сорок пятого года [1945]. Вот, и мы, конечно, ну как сказать, всегда принимали в этом участие, нас гоняли, как родители говорили: „Опять детей погнали

¹ Пидж. «попрощались».

² Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи (БРЭМ) – организация, созданная японцами в 1934 г. Создание БРЭМ преследовало следующие цели: объединить русскую эмиграцию, чтобы оказывать на неё чисто японское влияние, и активизировать под японским контролем антисоветскую пропаганду и разведывательную работу.

³ *Аматаэрасу* – богиня-солнце, одно из главенствующих божеств всеяпонского пантеона синто, согласно синтоистским верованиям, прародительница японского императорского рода.

⁴ *Дзиндзя* (цзинцзя, яп. 神社) – синтоистское святилище, вместе с территорией вокруг. Чаше под «дзиндзя» понимают только само святилище.

кланяться“. Это значит, нас погнали. А куда погнали? Погнали, например, был праздник Риса. Значит, надо было идти строем туда, в эту Дзйндзя, там кланяться опять [говорит по-японски] в сторону его императорского величества, потом этой Аматаэрасу кланяться надо было. Потом был вот этот праздник мальчиков у них, <праздник> девочек не празднуют, <праздник> мальчиков только. То они вывешивали по городу такие... как вам сказать, наверное, из бумаги, сделанные карпы, рыбы-карпы. Они везде вешали, вместо флагов они вешали карпов. Это был символ мужества мальчиков. Это вот у китайцев – дети, мальчики, когда они толкают огромный персик. Вот это у китайцев, а у японцев, был, значит, символ мужества, почему-то, карпы были.

Ну, особенно, я не помню, мы, конечно, в этот праздник никуда не ходили. Но вот праздник, когда нас гоняли – День его Императорского Величества рождение. В день рождения богини Аматаэрасу, потом, значит, день рождения был Ниппон (это Япония), тут уже в городе вывешивали эти японские флаги белые с красным кружочком. Потом летом, особенно летом, когда мы уже были на каникулах, обычно в это время был праздник дня Аматаэрасу, значит было... Ну, во-первых, нас гоняли туда, опять гоняли ей кланяться, а потом мы, конечно, могли уходить, но мы оставались смотреть. А смотреть было много чего. Во-первых, там, на этом плацу, огромном была ярмарка ко всему ещё. Расположили, значит, где-то Г-образно, примерно так вот в сторону Вокзального проспекта и в сторону, по-моему, Почтовой <улицы> углом, понимаете, углом. Это была ярмарка, а первым делом, что мы смотрели? Мы смотрели это шествие богини Аматаэрасу.

То есть из этого домика, ну как бы молельный домик такой был, приземистый, с таким... крышей такой изогнутой, как бы крыльшками вверх, выскакивали, наверное, штук десять... ой, какой десять, наверное, двадцать, по обеим сторонам по десять, молодцов-япошек. Они были голые, у них были какие-то короткие штаны типа, ну как сказать, сейчас бы сказали – шорты, но не шорты, а такие лёгкие штаны. Внизу у них были, значит, на ногах у них были гетры и такие носки с пальцами – *чеко-таби* называется.

Вот. И сверху у них на шее у всех были полотенца накинута, длинные такие полотенца, которые свешивались впереди и ещё ко всему, значит, там был у них пояс чёрный и вот, как вам сказать, ну как бы носилки они несли. Носилки – это было ну как обычно, две таких как бы палки. На этих палках прикреплён домик, в домике богиня Аматаэрасу, видимо, такая икона была, нам её не показывали, её не видно было, она была внутри. И вот эти как бы палки с обеих сторон держали мужики эти, японцы голые, и они их тащили на плечах, каждый, значит, правая сторона на левом плече и левая сторона на правом плече, да? И они были как бы привязаны поясами к этим палкам, то есть очень это было компактно, крепко, так, чтобы ничего не упало и никогда ничего не рассыпалось. И они, конечно,

Лето на Сунгари. Наташа с отцом (архив Н.Н. Лалетиной)

сами не должны были споткнуться, не дай господь, потому что там страшное дело. Очень тяжёлое было. И вот этот домик как бы паланкин вроде бы, но не он. Домик не маленький, такой. Тяжеловатенький, потому что мужики держались и они бежали, причём они бежали вприпрыжку, в ногу бежали все, и в это время был такой их клич: „Ёйсё-ёйсё-ёйсё!“, вот таким образом, они все хором. И вот это получилось хорошо, в ногу, потому что „Ёйсё-ёйсё“ это давало им ритм.

Вот они бежали, сначала они оббегали перед этим их храмом молельный, они кружили, кружили, кружили, потом они бежали к воротам, а ворота такие П-образные, бежали к воротам, потом обратно. А мы все это стояли, наблюдали, конечно. Мы могли стоять, смотреть. Стояли китайцы, русские.

У меня была подружка Танюшка, у него папа тоже Николай. Их же пять Николаев было, у папы, все, кстати, инвалиды были друзья. Ну, с ней мы с пелёнок дружили. И вот мы каждое лето, конечно, ходили туда, покупали эти японские *гэта*, деревянные колодочки, на лето хватало две пары. Мы, конечно, бегали в колодках, потому что это самая простая была, очень дешёвая обувь, лёгкая, можно было в любую погоду. А дожди-то страшные, ливни были, с пузырями. Где-то откуда-то взялся ливень – тут же, и десять минут, и нету. Вот в этих колодках мы всё лето, пока не порвутся эти верёвочки сверху, причём натирали аж до крови, бегали вот это всё, как-то не было защитных таких слоёв, которые продеваешь между пальцами её. Так у нас всегда до крови. Потом, значит, чем лечили? Тем, что одевали парусиновые такие белые тапочки как бы... В то время мы не называли их тапочками, а „парусинки“. Вот их чистили зубным порошком, днём на солнышко поставишь, высох этот самый порошок, встряхнул, одел и пошёл. Белое, как белизна, и бегай себе... Да и в город ходили в них. Ходили в город, потому что очень легко и дёшево, была такая хорошая...

*Харбинские подружки.
Наташа – в центре, на корточках
(архив Н.Н. Лалетиной)*

И мы, значит, с ней ходили специально на ярмарку за этими башмаками, потому что в другое время их можно было купить только на пристани. Там было два универсальных японских магазина – „Такива“ и „Морошо“. Вот мы туда ходили, специально ездили за этими башмаками, за колодками, мы их называли „колодки“. Колодки, ну, они деревянные, конечно, у меня сейчас до сих пор пара колодок лежит японских...

Японское отношение к китайцам

О китайцах там даже и разговора не было, китайцами там нигде не пахло, ни в школе, нигде-нигде-нигде, потому что они были в забитом состоянии. Они были вообще никто. Китайцы – это были *ходьки*¹, китайцы – это были ёрги, то есть которые даже на китайской улице валялись в подворотнях, обкуренные

¹ *Ходя, ходька* – прост., название китайцев-рабочих.

опиумом. Их просто японцы забирали, они грузили их и увозили в неизвестном направлении. Ну, мы потом уже, сейчас, конечно, уже по-другому всё смотрится и видится. Конечно, мы думали о том, что их увозили в отряд 731, потому что куда их девать? Их же ни кормить, ни поить нельзя было, тратить на них деньги, зачем? Китайцев вообще не было. Вы знаете, я вам скажу такую вещь, что они были не то, что на вторых ролях, они даже на третьих-то не были. Ну... как вам сказать. Конечно, обслуга была: билетёры, в транспорте, особенно в трамваях... Какой ещё транспорт? Ну эти, как они, извозчики, которые на лошадёнках, на драндулетах возили нас. А драндулет что такое? Двухколеска, как их называли ещё, „американка“. Мы на „американке“. Чтобы когда-нибудь китайцы были таксистами? Боже сохрани, близко не было. В те времена ещё и рикши ходили, до сорок пятого года ходили рикши, свободно и спокойно. Ездили на них японцы, конечно. Сидит такой пузатый японец, вперёд не то, что пузатый, вперёд военный сидит, голова кверху задрана, в очках, в фуражке японской, а то и в *киовакайке*¹, и шпага сбоку у него как бы приторочена. Ну, конечно, на этих ездили ещё китайские толстые *тату*, то есть толстые животы, богачи. И китайцы, они тоже ездили, им надо было ездить на какие-то там свои торги, свои собрания-совещания, богачи ездили китайцы. Но чтоб беднота ездила? Никогда. Китайки ещё ездили в очень красивых нарядах, особенно при японцах, в китайских халатах шёлковых, тоже восседали такие мадамки, которые были жёнами богатых китайцев. А так, конечно, беднота, ни в коем случае [не ездили]. Вообще, женщины по городу китайские не ходили, их не было. Они предпочитали сидеть дома, отсиживаться, ну а так ходили всякие там китайцы, всякие торговцы, всякая шушера-мушера. Да, вот так. Так что японцы, конечно, давали всем жару, нещадно их лупцевали, нещадно, так сказать, считали их низшей расой, естественно. Они [китайцы] были никто, если уж на то пошло. Вы понимаете, вот, ну что еще было среди японцев? Как говорится, ну, стоило внимание, их внимания. Они, во-первых, очень любили Участковую улицу, особенно. Там была, знаете что? Нет, не была. Там был район Красных фонарей, помимо Фудзяцзяна. В Фудзяцзяне был, наверное, я вам говорила. Шии-лоу-гай, это шестнадцатая улица. Как скажешь Шии-лоу-гай, это значит улица бардака. Там были красные фонари. И вот эта Участковая улица с левой стороны, вниз она спускалась от угла, как сразу идёшь по виадуку. Спустился, и тут же Участковая улица и... если я не ошибаюсь, или Участковая или Новгородняя? Надо по карте посмотреть, может, я могу ошибиться, потому что уже забыла. Значит, на углу стояла, углом стояла редакция „Харбинского времени“. Ну, там была редакция одно время и „Время“, потом „Харбинское время“ – газета русская, и вот с этого русского „Времени“ по левой стороне были, значит, дома терпимости. Ну, они были, я не знаю, наверное, русские дома терпимости, потому что там служила, не работала, будем говорить, одна из наших соседок. Она проработала там много лет, оттуда она забрала себе в мужья такого же, ну как их называли, мужика, который тоже, его услугами пользовались мужчины. И вот она, я потом могу вам рассказать, просто это ни к чему сейчас это наговаривать, потому что уже дело личное, как говорится. Потом можно рассказать вам. Мы жили рядом и часто наши были всегда встречи... Мама её очень жалела, ну жалела, как человека, что она проработала это всё. А он, этот Ёська, её муж,

¹ *Киовакайка* – очевидно, форменная одежда, куртка (словообразовательная модель по типу тужурка) члена Общества Кио-Ва-Кай (Кио-Вай-Кай). 25 июля 1932 г. в Маньчжурии было организовано общество Кио-Ва-Кай («Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи»), также можно перевести как «Содружество наций», по-китайски переводилось в разных звучаниях: Си-Хэ-Хай, Сихэхуэй и более распространённое Си-Хэ-Хой), в этот же день была принята «Декларация об учреждении Кио-Ва-Кай».

он выпивал, он был как сказать, не пьяница, но выпивал, частенько; нигде не работал, она его содержала, бедная, но это потом. Ну, так этот вот квартал, он там вообще, особенно в ночное время вечером лучше не ходить, особенно русских не было и китайцев тоже не было [русским и китайцам туда не нужно ходить]. Там было засилие японской солдатни, они ходили в эти бордели и были зачастую пьяные, конечно. И там такие безобразия творились, могли не только избить, но и убить. Потому что такое у них было обязательное положение, надо было избивать и убивать. Русские люди знали об этом и туда никогда не нос свой не совали. А если таксисты, они тоже туда ездить не ездили, я так думаю. Потому что, если пьяный попадался, я уже говорила, что пьяный попадался шофёру русскому этот японец военный, значит жди, что либо бесплатно проедет, либо он тебе руку отнимет своей шпагой. Потому что они, как трезвые, как правило, они не ездили, они ездили только пьяные на такси. Ну, а на рикше – китайцы их боялись, их просто избегали в это время туда наведываться, потому что там кроме избиения, никакого навару не было. Ну, вот так что.

О занятиях харбинских китайцев

Вы знаете, ходили эти старьёвщики, так называемые „*тарае щипай*“ (в переводе – старые вещи покупай), „*тарае щипай*“. Тарае щипай – это вот песня была постоянная и всегдашняя. Тарае щипай, он пришёл, на коромысле своём две корзинки. Собрал, ну всякое... будем говорить, г...: ну, гвоздики, ну какие-то, знаете, щепки, тряпки, какие-то банки, какие-то битые-небитые, ну в общем всё, что выбрасывается на помойку. Это чистильщик своего рода был. Вот.

И потом они это всё несли на барахолку. Барахолка находилась где-то там на Пристани, не то в Фудзядзяне, я сейчас не помню. Может, в Фудзядзяне даже. Но тащили на барахолку. Что такое была барахолка, в нашем понятии? Это кошмар.

Туда приходили люди, что-то брали, там покупали. Ну, господи... ну, что можно там набрать из выброшенного? Конечно, кому-то надо было болтики, кому-то винтики, как говорится, кто-то чего-то собирал. Ну, а он, значит, ещё это собирал, старался какие-то копейки дать, но мы, конечно, естественно, никогда не брали. Всё это собиралось, где-то мусор собирался и постепенно выкидывалось. Ну, вот.

О харбинском гостеприимстве

А в отношении вы говорите харбинской закваски... Да... Я вам скажу так, не все, но многие. Это было так, что без чая, без стола никогда никто никого не отпускал. Был ли то русский, был ли то китаец, неважно, неважно. Это было хлебо... как сказать, как же это называется... сейчас скажу... ой, забыла, забыла название. Как это говорится. Значит, пришёл сосед: „Чайку хотите?“ Хочет-не хочет, садят. Или там пришел, у нас там вечно зимой околачивались старики, которые были безродные.

Вот у нас ходил один бывший купец. У него был шикарный дом, такой старой постройки. Он был ещё, ко всему, где-то работал. Чуть ли не на дороге. Ну, значит, денег ни копейки. Конечно. Откуда взять? Ну, откуда взять? Не было. Ясно, что ни на какой уголь, ни на какие дрова. Значит, всё, что можно было, истопить, истопилось. Заборы, какие-то постройки – это всё ушло в трубу. Спал он дома, значит, в валенках, в шубе. А зимой-то, будь здоров, до сорока <градусов> ведь морозы были. Вот приходит он к нам греться. Сядет, сидит. Мать ему нальёт, значит, борща, он поест борща, ещё что-то там, если есть такое, второе там... Потом, значит, чаю, потом разомлеет, потом уснет. Но, бывало, что и рю-

мочку подавали, потому что „Аннушку“ покупали, эту хану¹ в лавке, копейки она стоила. Иногда так, если отец там выпивал, значит, он ему нальёт. Но тот совсем, значит, разомлел и спит. Боже мой! Мы были во вшах. Он нам обязательно приносил вшей. Ой! Вот как вспомню... Я злилась, конечно. А куда деться? Папа всегда жалел, потому что у нас папа всегда сердобольный был. Не знаю, как-то мама не то, что она не была, но она всегда под папиной пятой была, и папа всегда командир был в первую очередь, первая его рука.

А что с китайцами делалось? Приходит старьёвщик. Он его садит жрать. Извините за такое грубое выражение. Опять же, если есть борщ, нальют борща. Если там что-то какой-то суп, нальют супа, с хлебом, конечно, потому что *леба*...² *леба* для них это всё было... *Леба*. Мы рис не ели, японцы нам же не давали рис, нигде его в продаже не было, а у китайцев отбирали его сразу. Ну...

Вот, знаете, пришёл электрик этот, как он называется, счётчик проверять. Проверил счётчик, записал, папа его садит жрать опять. Боже мой! Он всех китайцев вечно, ну, вот кто бы ни пришёл... Ну, водонос – нет, водонос быстро пришёл, воду вылил, ушёл. Убежал. Пришел с травой летом, у нас две коровы было. Значит, траву принёс. Папа сено покупал, зимой он покупал, ездил в Сарту, на станцию, покупал там сено. А вот, значит, летом травку, такую хорошую, в пучках. Он принесёт на коромысле травы, у нас всё такие счастливые были коровки, потому что пастбищ не было, стояли дома, во дворе, на заднем дворе. Они там и гуляли, и стояли, в общем, вот так. Ну, вот. Ну, если, значит, какой праздник, особенно Троица, конечно, накормят, напоят. На Пасху, конечно, куличей дадут и яиц покрасят. Крашенных яиц. Но вот не было такого, вы понимаете. Вот как-то вот... Я, наверное, от папы. И Вика [внучка Н.Н.] такая же, и сын такой же был, это всё у нас от папы.

Там никогда, кто бы не ... не говоря о том, уж гости, какие гости, там соседи приходили и их сажали за чай. У нас так всегда было принято, понимаете? Ну, не было такого. Редко, кто не садил. Я приехала, значит, к священнику нашему харбинскому, это было давно. Я работала в институте и ездила по всему Казахстану по командировкам, приехала в Уральск, нашла своего харбинца, он был

Редкая встреча. Наташа со старшим братом-метисом. Харбин, 1936 (архив Н.Н. Лалетиной)

¹ *Хана* – дешёвая китайская водка. Очевидно, от «ханшин» (традиционный китайский крепкий алкогольный напиток, обычно из чумизы, но также гаоляна, кукурузы и других местных зерновых культур, напоминающий неочищенную хлебную водку, мутноватого жёлтого цвета, со специфическим запахом).

² *Леба* (*лиеба*, *далиеба*, *далеба* – кит. упр. 大列巴, пиньинь *dàliēba*) – сочетание 列巴 (*леба*) является фонетической передачей русского слова хлеб; русский хлеб, разновидность пышного хлеба из дрожжевого теста, производимого в Китае и сделанного по русскому рецепту.

священником. Я тоже написала о нём. Конечно, первым делом усадили, напоили, накормили, чаю с харбинским вареньем, таким, знаете, с пирогами с харбинскими – матушка его, два харбинца. Это уже, наверное, была норма. У нас не было другого иначе. Как-то они, знаете, дружили все. Боже мой.

А соседи тоже... И соседи... всегда соседи сажали за стол, боже мой! Всегда. У нас сколько было таких, очень близких соседей, с которыми дом был пополам и рядом Сорочиха, у которой четыре девки, которая говорила: „По воду, по хлеб, айда-те“, – вот такие вот слова. Ну, такие вот они были, где-то с Вятки бежавшие, но имели советский паспорт, кстати, потом спрятанный паспорт нашли в сорок пятом году [1945] и выдали, как говорится, на-гора».

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

«Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ КОНЦА КВАНТУНСКОЙ АРМИИ...»
*Из воспоминаний семнадцатилетнего юноши,
рассказанных через полвека им самим*

И.Г. Лалетин

*И на Тихом океане свой окончили поход...
(эпиграф, данный скриптором)*

Вместо предисловия.

Иван Геннадьевич Лалетин (18.01.1928 – 17.09.2006) родился в Хабаровском крае (ныне это территория Амурской обл.), в с. Воскресеновка. В Китае жил с 1932 по 1954 гг. Учился в начальной школе в г. Мукдене, затем в Русском Доме в г. Харбине, в Харбинском энерготехникуме. Дисциплины «электрические сети» и «оборудование» преподавали японские профессора на японском языке, техникум был приравнен к высшему образованию. Практику Иван проходил на Мулинских копях.

В момент входа советских войск в Мукден Иван находился на каникулах и жил под Мукденом у матери в бывшем доме-дворце Чжан-Цзолина, где его мать, Мария Осиповна, работала домоправительницей на заводе Бринера.

После ухода Советской Армии из Мукдена он ещё некоторое время служил при военной комендатуре города.

Потом работал на железной дороге энергетиком, владея в совершенстве китайским и японским. Работал последние 10 лет в Мукдене у Чурина начальником АХО (административно-хозяйственным отделом), переводчиком генерального директора, в качестве переводчика принимал непосредственное участие во всех торговых советско-китайских коммерческих сделках.

В 1954 г. с семьёй – первой женой, дочерью, тёщей и матерью с отчимом уехал на целину. Через год они перебрались в Ригу, на родину тёщи.

Там он поначалу работал крановщиком на железной дороге, затем много лет был заместителем начальника базы Главснаба Латв.ССР. Был беспартийным и не владел латышским, тогда вся документация была на русском. В руках было огромное хозяйство (дом матери он построил сам из отработанных на железной дороге шпал). Был на хорошем счету, имел очень много грамот и премий за отличную работу.

В 1975 г. женился на Наталии Николаевне Платоновой (Николаевой). Прожил с ней 31 год.

Иван Лалетин. Маньчжурия. 1945 г.

Н.Н. Лалетина

Шёл 1945 год. Август. После окончания Харбинского русского техникума я начал работать по своей специальности «технолог-электрик», а летом подрабатывал на заводе Бринера, который находился недалеко от города Мукдена в посёлке Дун-шан-туйцзы. Делали каоценитовые плиты – в основном для строительства японских военных домиков. Материалом для этих плит служило местное сырьё – стебли камыша и гаоляна. Получались очень тёплые щиты, а отходы от них шли на отопление. Обрезки «маки» (по-японски – чурки) были основным топливом для автомобилей, работающих от газогенератора. Шофёр Ситко, работавший в то время на заводе, брал меня в помощники. В те годы можно было видеть повсюду в городах чумазных, закопчённых, засмолённых помощников шофёров, растапливающих такие «котельни» в машине.

В небе часто стали появляться американские самолёты «В-29» и бомбили японские военные городки. В самом городе Мукдене было довольно беспокойно. Японские отряды ходили по проспекту Чжун-шан-лу, а китайцы распространяли слухи, что под Мукденом уже появились советские войска.

Войска шли через Монголию, через Большой Хинган, затем по ветке вышли на Тун-ляо, потом уже – на Мукден, 20 августа. Мы, побросав все дела, пошли смотреть.

Подъезжают. Видят, какой-то белобрысый парень стоит.

– Русский, ты кто? И по-русски говоришь? И по-японски, и по-китайски? Садись на мотоцикл!

Мне было семнадцать с половиной лет, когда я был мобилизован в ряды Советской Армии в августе 1945 г. в г. Мукдене в качестве переводчика с японского и китайского языков. Служил в 15-м Разведбате (бывший 80-й стрелковый батальон, командир капитан Гусев) 20-й бригады 5-го Гвардейского танкового корпуса, командир батальона майор Петр Устюжанин, командир разведотделения лейтенант Макаров. Этот Разведбат производил разоружение воинских частей Квантунской армии.

Подъехавшими были первые разведчики, которые набивают указатели на дорогах.

Охрана ещё стояла японская. Спрашивают – где железнодорожный вокзал? Садись, поехали! Два мотоцикла с люльками, пулемёт «Дегтярёв». Я их вывез на площадь, круг, где Ямато-отель, штаб Квантунской армии, и на вокзал, затем влево от вокзала, в сторону Мампи. Остановились. Слышим грохот. Разведбат. Шло 10 танков, но один, головной, подбили, когда они в Тун-ляо шли. Справа – болото, слева – болото, танки шли по насыпи. Влетели 9 японских самолётов-«камикадзе»¹ в колонну и подбили головной танк, «камикадзе» врезался в башню танка. Водитель погиб, его вынесли через нижний люк. Подошёл второй танк, столкнул подбитый танк в болото, и водитель говорит: «В кабине мужик-лётчик и женщина, видимо семейная пара смертников». Остальные 9 танков пошли на Мукден. Остановили флагом колонну. Вылезит из танка комбат майор Пётр Устюжанин. Ему говорят – удобная площадь, красивая. (За Чуриным, где храм Цзинцзя, маленькая улочка, по которой всегда ездил чуринский (торговая

¹ *Камика́дзе* (яп. 神風 *камикадзэ*, *симпу*; *ками* – «божество», *кадзэ* – «ветер») – «божественный ветер», название тайфуна, который дважды, в 1274 и 1281 годах, уничтожил корабли монгольской армады хана Хубилая на подступах к берегам Японии. В середине XX века слово «камикадзе» стало использоваться для обозначения японских пилотов-смертников, появившихся на заключительном этапе войны в Тихом океане. «Камикадзе» – часть более широкого японского термина *токкотай*, которым обозначали всех добровольцев-смертников (не только лётчиков).

фирма И.Я. Чурин и Ко) кучер Фома на своём экипаже, по Чжун-шан-лу не разрешали ездить на лошадях. Вот возле этой площади мы и остановились, в той узкой улочке.

Пятнадцатый Разведбат подходит, танки вышли на площадь, оцетинившись стволами в разные стороны. Потом подошли броневики, мотоциклисты, оружейные машины и остальное хозяйство – полевые кухни и т.п. Здесь и остановились на ночлег, меня домой не пустили. Мать ничего не знала, так как я жил у Бринера, а она – у Соловьёва, хозяина винно-водочного завода, в Дун-лине, за императорскими гробницами. Здесь Соловьёв построил свою ферму. Красивый дом, усадьба с серебряным камином. Моя матушка у Соловьёва была домоправительницей.

Иван Лалетин с однополчанами (на фото первый слева). Дальний, 1945 г.

Накрапывал дождь, натянули брезент. Произнесли тост за Родину, за Сталина. Я в то время и пива-то не пил, а тут налили спирт в крышку котелка, вот так. Попробуй отказаться, не выпить! Значит, враг! Утром в городе начали разоружать японцев. Показал им штаб Квантунской армии, но в нём уже никого не было, все сбежали. А в городе на больших заводах гарнизоны стояли. Заводы сахарный, мукомольный, которые снабжали японскую армию, там была охрана из 40–50 человек. Поехали туда. Разоружение продолжалось весь день. Затем дали команду всем выходить на площадь, взяв с собой трёхдневный сухой паёк, можно и рис. После обеда, во второй половине дня, сказали, что подходят тыловики, т.е. 5-й Гвардейский танковый корпус Разведбат 20-я, 21-я, 22-я бригады. А мы – 15-й Разведбат 20-ой бригады 5-го Гвардейского танкового корпуса. Говорят, получен приказ, завтра утром марш-броском на г. Дальний.

– Дорогу знаешь? Говорю, что тут знать? Выйдем на Ань Шань, через речку Хуан-Хэ.

Там мост был на окраине, возле военного городка, где сбили американский В-29. Недалеко, километров 25 – Ань-шань. Подъехали туда, а там две японских дивизии стояло. Часовой руки поднимает, но винтовку не отпускает. Открыли ворота, прибежал дежурный по гарнизону, с аксельбантом.

– Где у вас высокий начальник?

– Го хан, кушает!

– Быстрей веди!

Второй адъютант: – Подождите, майор!

За столом сидит генерал, палочками ест рис. Сразу встал. «Сувэртэ... советская армия!» Плац здоровый, и насыпи земляные, пороховые погреба, снаряды.

– Передай ему, что всю технику, артиллерию, снаряды, танки – на плац, строить рядами. Выделить охрану 300–400 человек, иначе растащат китайцы.

Вдалеке слышен паровозный гудок, ждёт, чтобы дали ход. Терраса через весь дом. Мы вышли и видим – подходит наш состав с металлургического комбината в Ань-шане. Генерал вышел, смотрит – танки, целый эшелон танков на платформах.

– О-о, – говорит, – время не тратьте, всё свозите на плац.

И поехали мы дальше. Комбат связался по радиации с командованием, чтобы команду дали, так, мол, и так: 2 дивизии Квантунской армии численностью 30 тысяч человек. Ну, а мы – дальше. Где перестрелки маленькие, гарнизоны в поле, даже стоят армейские части. Пришлось не раз идти с белым флагом к капитулировавшим осаждённым японским частям. Они пьяные орала и палили вверх. Шёл до холодного пота и озноба, забыв не только японский, но и родной язык, извините, с мокрыми частями нижней одежды. Рядом идущий лейтенант понуждал: «Ну, говори!» Но язык будто прирос к гортани.

– Солдаты и офицеры! Ваша армия капитулировала, ваш император подписал капитуляцию! Выходите по одному, сдавайте оружие!

Они к морю идут по целине, на корабли, а мы – по дороге. Они вооружённые, и мы – тоже. Друг друга не трогаем, извините, враги – врагов! Они отступают, мы наступаем, нам надо быстрей. Сказали, корабли подошли, самолёты приземлились, а охраны нет. Наземных войск нет. Американцы и англичане, соединённый флот подошёл, и американские и английские самолёты, и наши – подошли. У них авианосцы с самолётами. Утром рано – вброд. По мостам не шли, речки мелкие, рядом с мостами, они могли быть заминированы. В 6 часов, с рассветом, вошли в город Дальний, от Ань-шаня до Дальнего часов 20, 400 км, – с остановками, преградами, отстреливаясь. Танки-то эшелоном отправили, а у нас были броневики и американские бронетранспортёры ДОДЖ $\frac{3}{4}$, спаренные пулемёты стояли, и, в основном, мотоциклы. Пришли в город. В центре точно такой же круг и Ямато-отель, как в Мукдене, ну – копия. Японцы же строили. Я удивился: в Мукден, что ли обратно вернулись? Вышел генерал. Майор отрапортовал ему.

– Езжайте на взморье в Хашигаура и там останавливайтесь. Выделите по городу патруль, чтобы курсировать, а то моряки тут начинают безобразничать, мародёрствовать.

А тут и американские моряки появились, а охраны нет, вот наши охрану и вели на мотоциклах, на машинах наряд – офицер и 2 солдата. А утром подошли

части. С вокзала идут колоннами и поют: «Вставай страна огромная...». Такой рокот, аж мурашки по коже, красиво идут! Начали занимать комендатуру.

А мы в Хашигаура отдыхали целый месяц. В город ездили с разрешением, иначе шутки плохи, комендатура схватит, не обрадуешься!

В этот короткий месяц в армейской газете «Суворовский натиск» была напечатана статья о нашем батальоне и его командире Петре Устюжанине, который был награждён в честь Победы над Японией орденом Красной звезды. И фотография с надписью «Танки майора П. Устюжанина на Тихом Океане» – он в окружении нас, солдат, на фоне танка Т-34 у самого берега Тихого Океана.

Я был в разведке лейтенанта Макарова, Гвардии рядовой 5-го Гвардейского танкового корпуса им. Сталина. Солдатская книжка, обмундирование, довольствие, всё, как и полагается, чёрные погоны с эмблемой танка. Командовал Гвардейским танковым корпусом генерал-полковник Кравченко, а нашей бригадой – генерал-майор тоже Кравченко, однофамилец.

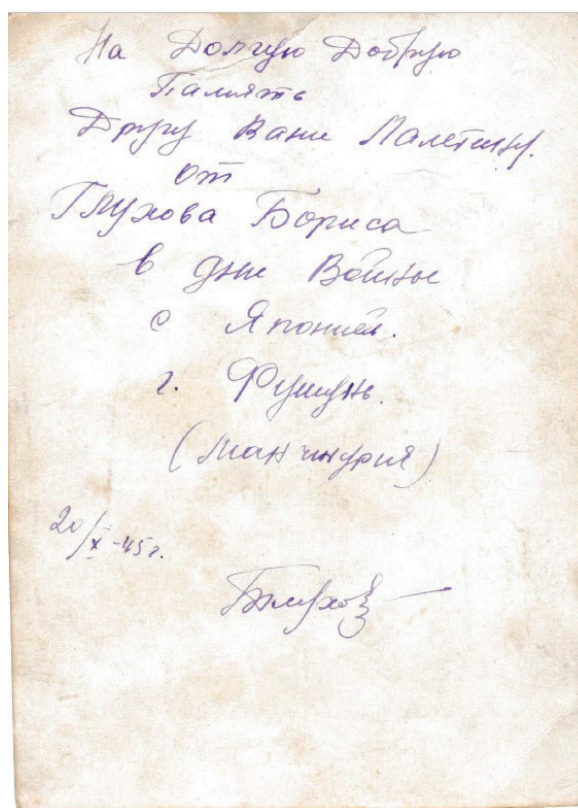
Однажды, это было уже в декабре, в Мукдене, вызвал к себе на собеседование особист (особый отдел НКВД), поинтересовался, где и с кем жил, чем занимался. Посмотрел мой китайский документ, попросил дать солдатскую книжку «на ознакомление» на день-два и браунинг. Через два дня я хватился книжки, но лейтенант Борис Глухов мне сказал:

– Так вот же он на вокзале, там эшелоны грузят, отправляются на родину, гони быстро туда!

Конечно, никого уже невозможно было отыскать, стояло несколько эшелонов.

Иван Лалетин с однополчанами (на фото второй справа). Люйшунь, 1945 г.

Оборотная сторона фотографии

Книжка моя солдатская осталась у него. В ней ещё лежала справка, выданная начальником штаба 15 Разведбата с его подписью и печатью о том, что я был призван в ряды Советской Армии в качестве переводчика японского и китайского языков.

Интересно, что за время моей службы этот особист не раз предлагал мне перейти к нему на дознание пленных. Их ночами пытали, били смертным боем, отливая водой, страшные пытки. Но я отказался, я здесь, в Мукдене, должен был остаться – жить.

Через месяц мы своим ходом поехали обратно, а танки отправили на станцию и погрузили в эшелоны. Уже не торопились – в Фу-шун. Под Мукденом несли охрану, демонтировали станцию Фу-шун. Солдаты зубилами долбили, взрывали, потом все генераторы, турбины, станки, машины, оборудование, кранами поднимали на платформы и отправляли в Советский Союз, как контрибуцию. Это была ещё война. Китайского правительства, кроме Гоминдана, не было. Когда советская армия уходила, всё сдавала Гоминдану: склады, военную амуницию, японское вооружение, продукты. 8-ой армии ещё тогда не было, она была под Тямусы.

Пришли в Фу-шун, потом в Бэн-сиху, он рядом, разоружать военные аэродромы в горах. Потом был Мукден. Стояли в железнодорожном городке, где, в основном, жили русские из Харбина. Здесь стояли домики на 2 семьи. В них до этого жили японские боссы. Мы заняли почти весь городок.

В январе-феврале я работал, уже как вольнонаёмный при комендатуре, хотя и в солдатской форме, и на солдатском довольствии, но без солдатской книжки и оружия. Военным комендантом города был генерал-майор Ковтун-Станкевич.

Пришло время сбора камней... Хотелось узнать, был ли такой в Советской Армии гвардии рядовой Иван Лалетин? В Центральном Архиве Министерства Обороны СССР не оказалось ни малейших следов солдата Лалетина, хотя имена всех командиров от мала до велика подтвердили. В Военкомате развели руками, сослались на то, что в момент призыва в армию не было полных восемнадцати лет, и работник Особого отдела не хотел рисковать судьбами – своей и командиров Разведбата, ведь то время – было время лагерей.

*Записала жена Ивана Лалетина Наталия
г. Огре, Латвия. 2006 г.*

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

НАДЕЖДА

В. Руденко

От редакторов:

Воспоминания Валерия Джановича Руденко – известного в СССР художника-иллюстратора – посвящены его матери, Надежде Аверьяновне Руденко. В судьбе этой женщины переплелись разнообразные историко-культурные, социально-политические, этнокультурные обстоятельства: авантюризм отца, уехавшего из Америки в Маньчжурию, Харбин, революция, Гражданская война, миграции политически заряженных китайцев в Россию, деятельность КИМа, русско-китайские браки, годы советско-китайской дружбы, «культурная революция», эпоха реформ. Сердечно благодарим нашего давнего друга и коллегу профессора Ли Иннань (Пекинский университет Иностранных языков), дочь Ли Лисаня и Елизаветы Павловны Кишкиной, сестру Аллы за знакомство с Валерием Джановичем и возможность узнать о нём как мемуаристе.

Часть 1

Моя мама Надежда Аверьяновна была довольно скрытной особой и не любила распространяться о своей жизни, особенно о молодых годах. Мне, конечно, было известно, что её родители Анна Николаевна и отец Аверьян Александрович происходили из деревни Перерост Гомельской губернии. Деревня Перерост – это убогая белорусская деревня, где мне довелось побывать в 1949 году у сестры Анны Николаевны – Авдотьи Николаевны. Она была замужем за Елисеем Федотовичем Шкиро, который владел письмом, и Надежда поддерживала с ним переписку, благодаря которой я и оказался на родине предков. Бабка Авдулька, как её называли сельчане, вместе с Елисеем жила в убогой, ушедшей по окна в землю хате с глинобитным полом, а спать меня укладывали на печку.

Аверьян Руденко (нижний ряд, первый справа). Харбин, 1920 г. (архив В.Д. Руденко)

Анна Николаевна, моя бабушка, была абсолютно неграмотной. В мои детские годы я видел, что она с трудом корявыми буквами пишет свою фамилию – Руденко. В отличие от неё, дед Аверьян Александрович был не только грамотным, но и интересовался широким кругом событий, происходивших в Российской империи и за границей. Он вёл дневничок, в котором делал заметки – типа гибели Титаника или потребления водки в России.

Вот почему в его голове зрели всякие авантюрные идеи. Он вместе с женой отправляется в Мариуполь, где становится мастером сталелитейщиком, а после рождения дочери Надежды, в 1907 году, решает эмигрировать с семьёй в США. Из литовского порта Вентспилс на пароходе «Empress of Russia», вместе с тысячами других искателей счастья, разместившись на открытой палубе, они пересекают Атлантический океан.

Так началась эмигрантская жизнь семейства Руденко. Вместе со своими товарищами Аверьян Александрович ищет работу и находит её – сначала в Филадельфии, а затем в Детройте на автозаводе Форда, в должности мастера-литейщика. Бабушка Анна Николаевна за всё время пребывания в Америке выучила лишь одно слово «TOOLS» – инструменты, и впоследствии, уже в Москве, говорила мне: «Лерик, убери свои тульсы» (то есть инструменты). Другое дело Надежда – она поступила в Primary School и училась отлично, как и детей всех эмигрантов, её переименовали в Ida Ruddell. Училась Надя в американской школе 4 года.

И что интересно, этих знаний английского языка ей хватило на всю жизнь. Как-то во время гастролей лондонского театра в 50-е годы прошлого века она разговаривала с английским актёром Полем Скоффилдом (Paul Scofield) и тот сделал ей комплимент: «Какое у вас прекрасное произношение!» Да и работала она всю жизнь с английским языком.

В Детройте семья жила в коттеджном посёлке среди таких же рабочих семей. Никто из них не страдал от каких-либо невзгод. Напротив, за время жизни в Америке Анна Николаевна обзавелась ещё двумя детьми, Жаном и Максимом, младшими братьями Надежды.

К несчастью, их судьбы после отъезда из Америки сложились печально. Жан утонул в китайской реке Сунгари, а Максим, после переезда в СССР в 20-летнем возрасте, был обвинён в шпионаже в пользу Японии и сослан за 101 километр, где и провёл всю жизнь. Сертификат об американском происхождении, то есть об американском гражданстве, бдительная старшая сестра Надежда уничтожила, лишив Максима надежды уехать в США.

А пока Аверьян работал у Форда, жизнь текла своим чередом и всё складывалось благополучно. Но вот любознательный Аверьян прослышал про революцию в России и, будучи, радикально настроенным, решил ехать в Россию делать революцию. Не было у Аверьяна чувства стабильности, всё время он искал перемен, видел будущее в анархизме и думал, что анархия спасёт Россию. Если бы его голова была бы устроена по-другому, остался бы он в Америке и дал бы счастье своей многочисленной семье. Но нет, он сдёрнул семью с насиженного уютного

*Надя и Максим Руденко.
Харбин, 1922 г. (архив В.Д. Руденко)*

местечка и из канадского Ванкувера, собрав пожитки в два кованых сундучка, (на одном из этих сундуков мне пришлось спать Москве несколько лет) отправился через Азию в Россию, потому что в Европе шла I Мировая война. Остановка – в японской Иокогаме, затем китайский порт Тяньцзинь и, наконец, Харбин. Для Надежды это путешествие было мукой. Прощание с Америкой, со школой и американскими друзьями-одноклассниками было очень болезненным. Что делать, если отцу, как говорят, «возжа под хвост попала».

Семья застряла в Китае, поскольку в Россию попасть было невозможно – шла Гражданская война, а Аверьян с семьёй после приезда в Харбин попал в разряд эмигрантов. И хотя Аверьян был рабочим, тем не менее, все установки от Советов в отношении эмигрантов распространялись и на него. Он устроился на работу на КВЖД, где был и слесарем, и кондуктором. Своих политических убеждений он не скрывал и вёл пропаганду среди своих единомышленников-эмигрантов, за что эта группа была арестована в Харбине китайскими властями, но благодаря ходатайству генерала Хорвата группа была освобождена. Это событие отражено на групповой фотографии после освобождения из китайских застенков в Гирине.

Китайский паспорт
Аверьяна Руденко (архив В.Д. Руденко)

Удостоверение КВЖД Аверьяна Руденко,
1921 г. (архив В.Д. Руденко)

После приезда в Харбин семья как-то устроилась с жильём, Аверьян работал и мог содержать семью. Конечно, трагедия с Жаном и ранение в глаз Максима были сильным моральным ударом для всей семьи. В 1922 году семью постигло ещё большее несчастье: во время конфликта на КВЖД в стычке с идеологическими противниками Аверьян был убит и брошен под поезд. Его похоронили на кладбище в Харбине, рядом с сыном Жаником. С этого момента началась вдовья жизнь Анны Николаевны. Что могла делать деревенская безграмотная женщина? Она устроилась работать уборщицей в советское консульство.

Надежда, совершенно не знавшая русского языка, поступила в Харбинскую начальную школу, где по настоянию отца игнорировала уроки закона Божьего. Когда в класс входил огромный батюшка в рясе, Надежда вставала и выходила из класса. Так в 9 лет уже проявлялся её характер. Со временем у Надежды появились подруги – это были дети работников консульства и тогпредства. Среди них была Лидия Деденёва, Юлия Целемчук, Тюня Киселёва и другие, с которыми она часто проводила досуг.

*Надежда и Анна Руденко на могиле Аверьяна.
Харбин, 1932 г. (архив В.Д. Руденко)*

По окончании школы Надежда поступила в Харбинское коммерческое училище, где примкнула к молодёжной коммунистической лиге Харбина и спустя некоторое время стала помощником вожатого пионерского отряда.

Получив профессиональное образование и в совершенстве владея английским языком, Надежда по рекомендации преподавателя была принята в советское Торгпредство практиканткой – машинисткой на английском языке и параллельно дешифровальщицей документов по коду Бентли. Оклад жалования ей назначили – 20 золотых рублей. Работала молодая сотрудница добросовестно, с полной отдачей сил. И каково было её удивление, когда ей на руки выдали 56 золотых рублей. Так начальство оценило успехи Надежды. После неожиданной смерти директора Торгпредства Надежда, имея к этому времени отличный послужной список, устраивается на работу в Коммерческое агентство КВЖД в г. Мукден, где в 1928 году ей доверяют абсолютно секретное задание, о котором она рассказала мне на девятом десятке жизни. Советское руководство подготовило покушение на генерала Чжан Цзолия, который выступал ярким противником Советского Союза.

Надежда в Харбине. 1930 г.

Уже было сделано две попытки, но неудачно. Последняя попытка – взрыв поезда в районе Мукдена.

Так вот, для контроля успешности покушения в район взрыва была направлена Надежда вместе с сотрудником Советского консульства.

Они под видом любовной пары находились в районе ожидаемого взрыва. А после его осуществления направили шифровку об успешности проведённой операции. Так что можно сказать, доверие к Надежде было на высоком уровне.

В 1931 году члены семьи получили советское гражданство и выехали в СССР.

Там Надежда была направлена в КИМ (Коммунистический Интернационал Молодёжи) в отдел международных связей, а за тем в Коминтерн в шифровальный отдел, где частыми посетителями были Димитров, Вальтер Ульбрихт, Пальмиро Тольятти, Мориз Торез и другие. Далее была работа в Издательстве «Иностранный рабочий».

Брат Максим в 1938 г. был арестован как японский шпион и всю жизнь провёл за 101-м километром.

Бабушка уже не работала и получала от Инюрколлегии пенсию за Аверьяна до смерти в 1950 г. в размере 134 рублей 25 копеек – поскольку КВЖД находилась под юрисдикцией СССР, и Аверьян считался совслужащим.

Это – совсем другие истории.

Часть 2

За пределами Харбина

Тем временем на крайнем юге Китая в провинции Гуанси местные власти готовили группу успешных китайских студентов для продолжения образования в США. Среди них был студент Мо Чентан, только что вернувшийся из Пекина, где он блестяще окончил педагогический институт. По всем качествам он импонировал провинциальному начальству: стройный красавец из небогатой помещичьей семьи с дипломом Пекинского университета. Перед отъездом его индивидуально принял губернатор провинции, долго беседовал с ним и в заключение сказал:

– Уважаемый господин Мо, провинция посылает вас в Нэшвилльский университет для продолжения образования. Наша администрация и я лично, верим в то, что, обретя новые знания, вы вернётесь в родную провинцию и будете отдавать все силы для её процветания!

– Обещаю, – коротко ответил Мо и, вежливо отвесив поклон, удалился из кабинета.

Китайские студенты, отъезжавшие в Америку, экипировались по высшему разряду. Шикарные костюмы, галстуки, каюта 1 класса на пароходе «Президент Мэдисон».

Прощальные гудки, и пароход двинулся в Тихий океан. Путешествие на пароходе для Мо было неплохой подготовкой к встрече с Америкой. Его английский ещё не достиг совершенства, но он мог свободно общаться с англичанами и американцами.

По прибытии в Нешвилльский университет он взял себе имя Джеймс Мо и поселился на съёмной квартире, с усердием приступив к занятиям. Кроме того, он увлёкся теннисом и выступал на университетских турнирах, даже был чемпионом. Об этом свидетельствует Патрик Леско, автор книги «Красная Империя» (Париж 1999 г.), который побывал в университете и обнаружил запись об этом событии в университетских скрижалях. Университетская жизнь увлекла молодого китайца, однако стипендии, которую ему выплачивала провинция, на жизнь хватало с трудом, поэтому ему приходилось подрабатывать в ресторане, на мойке

посуды. Однажды, когда он возвращался по шоссе с работы в ресторане, около него притормозил шикарный автомобиль. За рулём была симпатичная молодая блондинка. Естественно, проехать мимо красавца китайца она не могла.

– Куда идёт молодой человек? – с приветливой улыбкой спросила она.

– Иду в университет.

– А не возражаете, если я вас подвезу?

– С удовольствием!

Он сел в машину, и она понеслась, но не по знакомой дороге в университет. Машина остановилась у входа в роскошную виллу. Девушка сказала: «Поживи у меня!»

Так Мо несколько дней провёл у этой замечательной особы, которая оказалась дочерью известного американского писателя.

В университете, познав марксизм, он организовал коммунистический кружок, а дальше – больше – забросил учёбу в университете и целиком посвятил себя коммунистическому движению, перебрался в Нью Йорк и был выбран Секретарём китайской секции Компартии США. Он активно участвовал в политической жизни Америки, но при этом регулярно получал стипендию от своей родной провинции. Что позже стало обвинением против него за якобы подрывную деятельность на территории США, и последующей высылки из страны. За время его деятельности в Нью Йорке у него появилась юная сподвижница Мэри Мэй (её родители эмигранты из Витебска), которая стала не только помощницей, но и любимой женщиной. Она без колебаний отправилась с Джеймсом в СССР, в Москву, как верная спутница, преодолела далёкое путешествие с высланным из США мужем. В СССР она пробыла недолго – когда узнала, что у неё будет ребёнок, она обратилась к мужу за советом, где рожать. И посоветовавшись, решили, в Америке будет лучше, так как условия жизни в СССР в то время были плохие. Мэри уехала обратно в Америку, где в 1934 г. у неё родилась дочь Виктория.

Итак, Мо оказался в Москве, где его, как известного китайского коммуниста, работавшего в США, по линии Коминтерна направили на работу в китайскую газету «Голос Родины». Там он встретился с Ли Лисанем¹. Они делали газету вдвоём, гранки отправляли в Париж, где газета печаталась и потом распространялась в Китае.

В Москве Мо должен был сменить имя для конспирации.

В первом отделе его спросили:

– Товарищ Мо, в Москве вы не можете работать под своим настоящим именем. Вам нужен псевдоним!

Мо думал, какое имя выбрать для последующей жизни. Его взгляд скользил по комнате и остановился на письменном столе, на котором лежал экземпляр газеты «Правда». И тут его осенило:

– Чжан Бао! Вот мой псевдоним, он означает – «Лист Газеты».

С этого момента все его документы были оформлены на имя Чжан Бао.

Позже, вместе с Ли Лисанем, он переводится в редакцию издательства «Иностранный Рабочий», где встречается с Надеждой. Здесь хотелось бы отметить один географический феномен: прежде чем встретиться в Москве, Надежда

¹ *Ли Лисань* (кит. 李立三, пиньинь *Lǐ Lìsān*); урождённый *Ли Лунчжи* (кит. 李隆郅, пиньинь *Lǐ Lóngzhì*); 18 ноября 1899 – 22 июня 1967) – китайский революционер, член Коммунистической партии Китая, один из её основателей. Занимал посты секретаря Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК, заместителя председателя Всекитайской федерации профсоюзов. В конце 1920-х годов благодаря своему таланту организатора и оратора, а также заработанному влиянию в партии, фактически исполнял обязанности генерального секретаря КПК.

обогнула земной шар с востока на запад, а Чжан Бао совершил кругосветное путешествие в противоположном направлении.

Надежда внешне очень напоминала ему Мэри Мэй – такой же выразительный нос, такие же голубые глаза. Это был его тип женщины. Немудрено, что они стали жить вместе и им даже выделили комнату в недавно построенном доме для сотрудников издательства в Москве в Капельском переулке. Вот только номер дома был несчастливым – №13. Вскоре у них в феврале появился сынок, которого назвали в честь популярного тогда лётчика Чкалова. Летом выезжали на дачу в подмосковное Ухтомское, куда приезжали друзья – Ли Лисань с женой Лизой. Та искренне завидовала Надежде, когда брала на руки шестимесячного Лерика.

Вот ирония судьбы – Елизавета Павловна никак не могла в тот момент подумать, что младенец, которого она держит на руках, через 50 лет станет её зятем!

Но счастливая семейная жизнь Чжан Бао и Надежды вскоре была разрушена. Как и в случае с дедом Аверьяном, снова сыграл роль политический строй, который своей беспощадной рукой разрушал жизнь простых людей. В сентябре в дом №13, в квартиру счастливого китайца, рано утром грубо постучали сотрудники НКВД и объявили, что гражданин Чжан Бао арестован. Всё, что он успел сделать, это обнять и поцеловать Лерика, а тёща Анна Николаевна тайком сунула ему в карман немного денег.

Итак, с 1937 года для Чжан Бао началась 20-летняя одиссея скитаний по ГУЛАГу.

Много пришлось пережить китайцу из тропической провинции в северной тайге и за полярным кругом. Не раз он был на грани смерти, но нашлись добрые люди, которые спасли ему жизнь.

В 1949 году на пороге нашей комнаты в коммунальной квартире на Капельском появился китаец – большого роста, с лицом, немного пострадавшим от инсульта. Его звали Ляо. Он сообщил нам, что Чжан Бао жив, и дал его адрес в глухом отдалённом селении Усть-Кулом, неподалёку от Воркуты. Началась переписка. Но вскоре, в том же 1949 году, она прекратилась на долгое время. И только через год восстановилась, но уже из Усть-Енисейска Красноярского края, куда Чжан Бао сослали по повторному сталинскому приговору.

Надежда порывалась поехать в этот медвежий угол, где Чжан Бао жил под надзором властей, но друзья не советовали совершать такой поступок, так как это грозило интернированием всей семьи.

Чжан Бао делал попытки вырваться из этого кошмара, писал письма тт. Сталину, Ворошилову, а позже и Мао Цзэдуну – он наивно верил, что письма дойдут до адресатов, но они тормозились на уровне лагерной цензуры.

Тем не менее, после смерти диктатора и определённых изменений в аппарате ВКП (б), прошёл процесс реабилитации. В конце 1956 года Чжан Бао на короткое время приехал к семье в Москву повидаться с Надеждой и сыном, который уже был студентом второго курса. По этому случаю Чжан Бао, получивший за 20 лет, проведённых в тюрьмах и лагерях 3000 рублей компенсации, купил сыну часы «Победа» со светящимся циферблатом.

В этом же году, уже в Пекине, он пришёл к своему другу Ли Лисаню, занимавшему в тот момент высокий пост в КПК. За чашкой чая тот сразу предложил:

– Товарищ Чжан Бао, я напишу тебе рекомендательное письмо, напишу, что ты был под именем Джеймс Мо преданным коммунистом и проделал огромную работу в компартии США, сделал много полезного для Компартии Китая.

– Спасибо за добрые слова и рекомендацию! – сказал Чжан Бао. Он то знал, как высоко ценится мнение Ли Лисаня в партии.

В ЦК немедленно рассмотрели рекомендацию высшего руководителя и предложили Чжан Бао пост замминистра. Но Чжан Бао возразил:

– Я так долго отсутствовал на Родине, что фактически утратил связь с ней и не знаю текущего момента. Но за время лагерей в СССР я изучил русский язык и готов с ним работать.

– Ну, вот и хорошо, назначим тебя начальником русской редакции Агентства Синьхуа. Это – очень высокая должность, которая требует знать реалии СССР, ориентироваться в его политических и экономических проблемах.

На этой должности Чжан Бао проработал вплоть до «культурной революции».

В 1957 году к нему в Пекин приехала жена Надежда Аверьяновна. Так совершилось её второе пришествие в Китай, но уже в совершенно новом качестве. Чжан Бао принял её к себе на работу в качестве специалиста русского языка. Несколько раз к ним приезжал сын Валерий, который в 1957 году, будучи с родителями на отдыхе в курортном местечке Бейдахэ, встретился с дочерью Ли Лисаня – Аллой, в то время той было 10 лет.

Близилась «культурная революция». Начало 60-х годов прошлого века было отмечено резким ухудшением экономического положения в Китае и фактически разрывом отношений с СССР. В такой ситуации Надежда вынуждена была вернуться на родину, а оставшиеся в Пекине советские жёны китайских товарищей были посажены в тюрьмы.

Что касается Чжан Бао, то благодаря комментарию Чжоу Эньлая, который сказал: «Чжан Бао не так много сделал плохого для Китая», его сослали для перевоспитания в деревню, где он провёл 6 лет. Он стал писать стихи, а по возвращении организовал поэтическое общество «Дикие травы», секретарём которого он стал. Кроме этого, его кооптировали на должность начальника русского отдела Бюро Переводов при ЦК КПК. Там он проработал до ухода из жизни в 1996 г. Надежда умерла в Москве в 1998 году.

Надежда и в третий раз побывала в Пекине после 30-летнего отсутствия. Она встречалась с Чжан Бао, который за эти десятилетия обзавёлся новой семьёй, но отношения с Надеждой и Валерием поддерживал.

В 1987 году Валерий, во время пребывания в Москве Елизаветы Павловны Ли и её младшей дочери Аллы, кстати, родившейся в Харбине, сделал предложение Алле, и в этом же году они поженились. Валерий к тому времени уже был в разводе со своей первой женой Татьяной – внучкой поэта Демьяна Бедного, и имел одного сына.

Елизавета Павловна скончалась в 2015 году в возрасте 101 года. Она похоронена на Пекинском кладбище в Ароматных горах.

Пекин, 2018 г.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Амурского государственного университета «Русские в Китае и китайцы в России: социокультурный, этнокультурный опыт адаптации в XX–XXI вв.».

Библиографический список

Руденко, В.Д. Ауфидер – Ку-Ку! Повести и рассказы / В.Д. Руденко. – М., 2017.

Кишкина, Е.П. Из России в Китай. Путь длиною в сто лет / Е.П. Кишкина. – М., 2013. – 615 с.

Lescot, P. L'Empire Rouge / P. Lescot. – Paris, 1999. – 516 p.

Dreager, J. Looking East. Novel / J. Dreager. – Los Angeles, 2016. – 420 p.

**«НЕ ДУМАЙТЕ, ЧТО МЫ ВАС ЗАБЫЛИ...»:
ПИСЬМА КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ РУССКОГО
ЯЗЫКА В ХАРБИНЕ Г.П. КЛЕПИКОВОЙ 1950-Х ГГ.
(ИЗ СОБРАНИЯ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ)**

Т.М. Белькова

В начале 2003 г. собрание Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова пополнилось коллекцией Галины Павловны Клепиковой – бывшей «харбинки», преподавательницы русского языка в Харбинском институте иностранных языков 1940–1950 гг. Личные вещи, фотографии и письма были переданы Г.П. Клепиковой сотруднику музея Л.В. Корневой в рамках выставки, посвящённой русской эмиграции в Харбине.

Галина Павловна родилась 23 сентября 1925 г. в Харбине в обеспеченной семье благовещенского ресторатора Павла Фёдоровича Емельянова (1884 г.р.). В собрании Государственного архива Хабаровского края в архиве «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» сохранилась личная анкета на П.Ф. Емельянова, в которой указано, что он мигрировал в Харбин в 1921 г. и работал управляющим в ресторанах Харбина и Шанхая [ГАХК. Ф. Р-830. О. 3. Д. 14701]. Галина Павловна до 1935 г. училась в гимназии Достоевского в г. Харбине, затем поступила в «1-ую Харбинскую школу языкознания», которую закончила в 1943 г. После этого она стала преподавать русский язык как иностранный для китайских студентов в Институте иностранных языков в Харбине до 1954 г. В тоже время она вышла первый раз замуж за г-на Шеломенцева, сведений о котором не сохранилось. В 1954 г. Галина Павловна была репатриирована в СССР, сначала в Красноярский край, а с 1957 г. постоянно стала проживать в г. Хабаровске, где вышла во второй раз замуж за профессионального переводчика В.М. Клепикова (закончил факультет переводчиков в Шанхае, Китай). Близких родственников и детей не осталось. Вела довольно замкнутый образ жизни, но состояла в клубе «Харбин», созданном Ларисой Владимировной Корневой, сотрудником Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. В коллекции, переданной в музей, представлены серебряный именной подстаканник от отца, китайский веер из шёлка и кости ручной работы, именной Псалтырь с инвентарной карточкой «1-ой Харбинской школы Языкознания», несколько семейных фотографий с родителями, бабушкой и личные – в детском и взрослом возрасте, а также несколько писем от китайских студентов из КНР. Эти материалы обладают не только достойными экспозиционными качествами, но несут историческую значимость по русскому зарубежью в Китае.

Наибольшую ценность, на наш взгляд, в коллекции Г.П. Клепиковой имеют письма от китайских студентов, адресованные Галине Павловне, которые проходили у неё обучение русскому языку в Харбинском Институте иностранных языков в 1940–1950 гг. Всего в коллекцию вошло шесть писем: пять писем из г. Пекина, университета Цинхуа¹, одно письмо из г. Кантона, Южно-китайского политехнического университета, которые охватывают период 1950-х гг. Повествование в четырёх письмах идёт от лица всей группы студентов, с перечислением и упоминанием русских имён женского и мужского рода. Здесь надо отметить, что многие китайские студенты при изучении иностранного языка берут себе имена изучаемой страны для более доступного общения с носителями языка. Письма

¹ *Университет Цинхуа* (кит. упр. 清华大学) – один из ведущих университетов КНР, был основан в 1911 г.

передают воодушевление молодых китайских выпускников новым этапом своей жизни и коммунистическими идеалами. Часто используются слова «товарищ», «строительство коммунизма» и т.д. Обращение к Галине Павловне на «Вы/Вас/Вам», исключительно с большой буквы, передаёт глубокое уважение к преподавателю. В основной части писем заключена информация по теме обустройства бывших студентов на новом месте, о работе и учёбе.

Содержательная часть писем наполнена ценными сведениями о социальном и политическом положении в Китае в самом начале строительства нового коммунистического государства и о роли и влиянии на него Советского Союза в этот период. И, безусловно, для специалистов письма могут стать источником некоторых исторических сведений, которые представляют научный интерес. Так, из писем мы получаем ещё одно свидетельство присутствия советских специалистов при китайских учебных заведениях и их значительный вклад в реформирование системы высшего образования КНР в 1952–1955 гг. Интересен факт введения сдачи норм ГТО в КНР в начале 1950-х гг. по примеру СССР. Кроме того, из писем становится известно, что в середине XX в. ещё была существенная разница между диалектами китайского языка. В одном из писем автор сетует на то, что один из бывших студентов, носитель пекинского диалекта, направляясь работать из Пекина в Шанхай испытывал большие трудности в общении и понимании шанхайского диалекта. На сегодняшний день такая разница между диалектами по всему Китаю нивелируется, а *путунхуа*¹ получил широкое повсеместное распространение.

Важно отметить высокий уровень владения русским языком авторов писем, в которых практически отсутствуют стилистические, грамматические и речевые ошибки. Более того, примечательны некоторые выражения («не хватает умения примениться к новой обстановке и продолжают учиться и работать по-студенчески», «По сему, нашему Сергею, хитрому и в то же время любимому», «гордитесь за своих ребят, творчески воспитанных Вашим трудом», «16 человек из нас получило пятёрку по этой, как говорится, «самой запутанной дисциплине» – политэкономии»), которые, в свою очередь, тоже характеризуют умение пользоваться русским языком и самостоятельно выражать свою мысль на нём. Далее приведено три наиболее содержательных письма, которые раскрывают настроение после военного времени и строительства нового государства и могут содержать интересные сведения для специалистов по советско-китайским взаимоотношениям. Тексты писем были выправлены в соответствии с современной письменной нормой, авторский стиль сохранён.

**Письмо от китайских студентов
(143 группы Харбинского института иностранных языков)
из Университета Цинхуа (Пекин) – Г.П. Клепиковой²**

Апрель 1954 г.

Дорогая Галина Павловна!

Время летит быстро, как стрела, и уже больше восьми недель прошло, как мы расстались с Вами, с родным институтом. Вы, наверно, сердитесь на нас за то, что мы Вам долго не писали, но только не думайте, что мы Вас забыли. Нет,

¹ *Путунхуа* (кит. упр. 普通话, пиньинь: *Pǔtōnghuà*) – официальный язык в Китайской Народной Республике, на Тайване и в Сингапуре.

² ХКМ КП. 13701/10.

это не может быть. Стоит нам говорить по-русски или читать книги на русском языке, и мы вспоминаем, кто дал нам эти знания.

Сначала Вам расскажем о первых впечатлениях и настроении, когда мы опять видели Пекин, сердце нашей Родины, с которым расставались мы уже один год. Пекин сильно помолодел и изменился. Когда наш автомобиль проезжал площадь Тяньаньмэнь, все оживились, и нам казалось, что Тяньаньмэнь стал выше, великолепнее, площадь стала шире. Автомобиль выехал за город. Ох! Разве это северный пригород Пекина, по которому мы раньше часто гуляли. Шоссейная дорога раньше была только одна, а теперь параллельно с ней проложена другая, новая. Вдоль них насажали деревья. На широкой равнине везде строятся сооружения. На автомобиле задорно звучал наш весёлый смех и оживлённый разговор и, наверно, далеко доходили. Один закричал «Новое здание! Раньше не было, четырёхэтажное!» А вскоре другой вскрикнул: «Видите ли, там строится огромное здание, ещё выше, шестиэтажное!». Ведь здесь только часть Пекина, здесь строятся здания учебных заведений. В промышленном районе картина строительства ещё более велика. Недалеко от нашего университета появилось восемь институтов, которые будут рассылать каждый год много инженеров во всякие отрасли хозяйства страны. Это значит культурно-просветительное дело нашей страны сделало большой шаг вперёд, и это особенно волновало нас. Отсюда мы ясно чувствуем, как бьётся сердце нашей Родины. Но жаль, что мы ещё не обошли весь Пекин, так как очень заняты. Потом Вам расскажем больше.

Теперь мы находимся в переходе от студентов к кадрам. Кроме Николая, мы все учимся, но и вступили в профсоюз и получаем заработную плату. Мы учимся и русскому языку, и специальностям. Главный предмет у нас ещё русский язык. Большинство учится русскому языку каждую неделю по 18 учебных часов, а Лёва, Митя, Миша, Витя, Павел, Толя и Саша учатся 36 ч., потому что они ранее начнут работать. Теперь мы проводим текст «Самые любимые». Чтобы не потерять привычки говорить по-русски, выработанной с трудом в И.И.Я.¹, у нас развёртывается движение за разговор, только обстановка, с этой стороны, хуже, чем в Харбине. Кроме русского языка, у нас ещё дисциплины о свои специальностям. Поэтому мы очень заняты, каждую неделю надо заниматься больше 60 учебных часов. Благодаря лучшему питанию и постоянному занятию спортом, наше здоровье в полном порядке. Мы теперь боремся, чтобы сдать нормы ГТО нашей страны, которые скоро будут официально объявлены по всей стране. Николай стал преподавателем русского языка, в скобках говоря, он на вид настоящий преподаватель. Интересно, что среди его учеников и профессор, который читает Николаю лекцию по специальности. Мы находимся на переходе от студентов к кадрам, однако у некоторых ещё не хватает умения примениться к новой обстановке, и они продолжают учиться и работать по-студенчески. Поэтому наш день Союза молодёжи состоялся на тему: «Как самостоятельно учиться и работать». На собрании было уяснено, что новая обстановка требует у нас большей самостоятельности, например, в И.И.Я. учебная программа учебный план были установлены институтом, который имеет богатый опыт по подготовке переводчиков, а для кафедры русского языка нашего университета это есть совсем новая работа.

Четвёртого апреля была сорок третья годовщина нашего университета. Был праздник в университете. Около двадцати тысяч человек посетило наш Чин Хуа на празднике. В тот день мы впервые работали переводчиками. Дело в том, что к нам приехали сотни советских специалистов, и нам пришлось быть и переводчиками, и проводниками. Вам легко представить себе, до какой меры

¹ Харбинский институт иностранных языков (прим. автора).

мы волновались. Олег даже перепутал «двенадцать» и «двадцать». Мы вели специалистов в лаборатории и мастерские и немного объясняли им. Собственно, что мы не были в состоянии подробно объяснить, так как мы русских слов по специальности знаем мало.

Под руководством партии и правительства, благодаря изучению передового опыта Советского Союза Чин Хуа превращается в новый политехнический университет, который подготавливает для промышленности научно-технические кадры, занимающиеся самостоятельной и творческой работой. Сейчас у нас проводится пятилетнее обучение. Мы применили советскую систему обучения, методику преподавания, учебную программу и учебный план. Почти все учебники и учебные пособия, используемые нами, советские. У нас в университете созданы и будут созданы новые курсы, например, курсовое проектирование и дипломное проектирование, которых раньше не было. Все эти успехи неотделимы от помощи советских специалистов. Отсюда мы и сознаём важность нашей должности. Мы стали больше любить русский язык и благодарим И.И.Я. и Вас за то, что Вы дали нам это орудие для служения народу и строительству нашей страны.

Мы горячо приглашаем Вас приехать в Пекин и посетить наш университет, ждём ваш ответ.

С приветом уважающие Вас студенты 143 гр.

Теперь Таня с Зоей 144 гр. живут вместе в большой комнате. Им, кажется, очень скучно, и они хотят, чтобы Вам охотно было жить вместе с ними при Вашем приезде.

Наверно, Вы очень заняты, но всё-таки мы желаем, чтобы Вы могли приехать к нам. Не бойтесь, что здесь Вам неудобно, мы все будем Вашими переводчиками и проводниками. Мы подготовим всё для Вас.

В письме мы и посылаем Вам обратный конверт, на котором написан наш адрес на китайском языке.

Письмо от китайских студентов (143 группы Харбинского института иностранных языков) из Университета Цинхуа Пекин – Г.П. Клепиковой¹

Июнь 1954 г.

Наша дорогая преподавательница тов. Шеломенцева:

Ваше письмо мы получили. После того как прочитали и узнали о Вашем отъезде на Родину, голова кружится, как у Вас, т.к. наш друг, который нас учил и строил социализм на нашей земле, с нами расстанется. Но мы хорошо знаем, что Вы станете строителем коммунизма, поэтому в то же время и нет слов для выражения нашей радости. Несмотря на то, что мы находимся далеко друг от друга, но наши сердца очень близки, и слышно их биение. Теперь мы Вам напишем о своей жизни и работе.

Полагаем, теперь, когда закончился учебный год и через 2 месяца начнётся новый семестр, Вы наверняка очень заботитесь о том, какие работы мы получили от Министерства. Ох! Довольно разные!

Сейчас Вам напишем.

Устными и письменными переводчиками специалистами будут работать Лёва, Митя, Витя, Олег, Сева, Саша, Павел, Толя, Алёша, Таня и Яша, всего 11 человек. Большинство этих товарищей, кроме Тани, Павла, Олега, Яши, в эти каникулы остаются в университете, и они будут сильно заниматься рус-

¹ ХКМ КП. 13701/11.

ским языком. Они сейчас глубоко почувствовали свою недостаточность знаний русского языка. С целью испытывать новичков месяц назад начальство университета дало им возможность попробовать в работе, чтобы они при настоящей работе не потерялись, однако почти все затруднялись, не исключая никого.

Васю и Славу назначили перенести учёбу специальных предметов. Они беспрекословно приняли эту неотложную задачу, зная её важность и необходимость. Но они решили не забыть русского языка и составили долгосрочный план для этого.

После каникул Сеня, Юра, Боря, Миша поедут в Харбин. Они будут заниматься в ХПИ¹, т.к. там советские специалисты ведут занятия. Через три года, когда они закончат институт, они уже станут маленькими специалистами-преподавателями по «материаловедению и термообработке», «сварке» и «организации и планированию социалистического промышленного предприятия». Они сильно обрадовались, когда они узнали, что их пошлют в Харбин, и они смогут увидеться с Вами и Верой, об этом они долго мечтали. Но каково же было их разочарование, когда они прочитали Ваше письмо!

Таня и Ваня в эти каникулы тоже поедут в Харбин на практику. Они тоже мечтают о встрече с Вами, и сейчас, наверно, Ваша бедная Танюша ещё не узнала о Вашем уезде на Родину. Когда она узнает об этом, вероятно, плакать будет!

Шура отправится в Шанхай учиться «технике безопасности и противопожарной технике». Он беспокоится за то, что он не понимает шанхайского языка, и ему нужно будет другого «переводчика». Он жаловался, что шанхайский язык даже труднее русского языка! Мы посоветовали, чтобы он учился шанхайскому языку у Севы.

Андрюша и Иван недавно держали экзамены за всю программу. Они, может быть, будут отправлены в СССР учиться, и мы договорились, что, если они смогут поехать в СССР, они обязательно обратятся к Вам.

Ваня в следующем семестре будет работать на кафедре электростанции. Антон в дальнейшем ещё будет учиться русскому языку и специальным предметам.

Сергея позавчера вдруг вызвали к заведующему отдела кадров. Его назначили работать в «Министерстве высшего образования». Посему нашему Сергею, хитрому и в то же время любимому, волей или неволей придётся разлучаться с нами.

Николай-то в дальнейшем ещё учит своих учеников-профессоров русскому языку.

Вот мы перечислили наши работы, и Вы, наверно, при чтении этого письма очень удивляетесь. А просим Вас: «Гордитесь за своих ребят, творчески воспитанных Вашим трудом». Мы будем нести на своих плечах небольшую задачу строительства, но являющуюся существенной деталью великих работ. Мы все Вам обязаны: в работе мы Вас не подведём, ответим на Ваши заботы и неутомимое преподавание горячим и творческим трудом, безграничной преданностью своей Родине.

Недавно мы все держали экзамены по специальностям, политучёбе и русскому языку. К сожалению, отметки по русскому языку ещё не знаем. Отметки по специальностям мы перечислим в таблице. Что касается политучёбы, то мы теперь стоим на первом или втором месте нашего университета. 16 человек из

¹ Харбинский Политехнический Институт (кит. упр. 哈尔滨工业大学) – один из ведущих государственных университетов, основанный в 1920 г. учёными и инженерами из Российской империи (прим. автора).

нас получило пятёрку по этой, как говорится, «самой запутанной дисциплине» – политэкономии. Ведь это первое или второе место мы завоевали нелегко, а с трудом. Эти «отлично» нам чего-то стоят. Саша, Сергей, Иван – многие занимались до глубокой ночи. Петя (144 группы) даже читал до 3 часов ночи.

Сейчас Олег, Антон, Яша, Павел уже поехали на практику. Олег и Яша – в городе Сиань. Антон – на автозаводе в городе Мукдене, а Павел – в Дальнем. Через неделю Таня и Ваня поедут на «Дин-пу озеро» в провинции Сундянь. Через месяц ещё отправятся в Харбин. Они должны будут исполнить практическое занятие на теплоэлектростанции Харбина.

Теперь лица, которые на каникулы остаются в университете, занимаются русским языком с новым преподавателем Яковом Алексеевичем Романовым, который недели три назад приехал к нам. Нам сразу понравился его бодрый голос и его ясное объяснение. Кроме того, нас, в особенности Толю, заинтересовала его разговорная речь «понимаете ли». Он, на первый взгляд, очень строгий. Но на проверку оказался очень добрый. Поэтому никто из нас его не боится.

Накануне первого мая была хмурая погода, мы все боялись за то, что будет дождь на параде. Но была очень хорошая погода на второй день. В шесть часов утра мы встали. Каждый надел самую любимую и красивую одежду. В девять часов мы приехали в город. На улицах везде и всюду были пёстрые толпы. Дойдя до Тяньаньмыня, мы все оживились. Одни говорили: «Уже один с лишним год мы не видели нашего председателя Мао», а другие «На этот раз надо ясно посмотреть». Когда мы шли мимо трибуны, мы высоким голосом кричали: «Да здравствует товарищ Мао Цзэ-дун». Тогда наш любимый председатель Мао, улыбаясь, махал рукой, конечно, радости нашей не было предела.

Чтобы интереснее проводить праздник, мы не сразу вернулись в университет, а решили остаться в городе. В семь часов вечера мы пошли на площадь Тяньаньмэнь участвовать на вечере. Конечно, народу было много. Мы с трудом пробрались. Там мы шли и танцевали до глубокой ночи. Потом мы ютились в домах Максима, Юры и Шуры. Итак, мы провели весёлый праздник.

Теперь мы очень активно занимаемся спортом. В конце семестра мы всей группой сдали нормы ГТО и тем самым заняли одно из лучших мест. Вскоре мы получим медали.

Сейчас мы пишем Вам радостную весть о том, что Саша, Зоя (студентка 144 гр.) вступили в компартию, Павел принят в Союз молодёжи. Они служат нам хорошим образцом, и мы решили следовать их примерам.

Успеваемость по ГТО

Отлично: Антон, Максим, Алёша, Миша, Саня, Иван, Андрюша, Саша, Ваня.

Хорошо: Шура, Лёва, Олег, Яша, Юра, Митя, Витя, Слава, Павел, Толя, Сергей.

Посредственно: Вася, Сева.

Боря уже совсем поправился. Теперь он становится более живым. Месяца через два он с Мишей, Сеней, Юрой поедут в ХПИ учиться.

Хорошо мы закончим это письмо до сих пор.

Желаем Вам больших успехов в участии строительства коммунизма.

Прощай: наша преподавательница и друг.

Ваши студенты и друзья 143 группы.

**Письмо от Ляо Зун-лен (КНР, г. Кантон, Южно-китайский
политехнический институт) – Г.П. Клепиковой¹**

21.12.1957 г.

Здравствуйте, т. Шеломенцева!

С Новым Годом!

Простите меня за то, что, давно получив письмо от Вас, а я до сих пор не ответил Вам.

Я не могу много рассказывать Вам о своей жизни, работе, потому что в следующем семестре я буду преподавать специальности по машиностроительному делу, поэтому мне надо повышать качество, методы преподавания и уровень русского языка. Вследствие этого у меня мало свободного времени.

Спасибо Вам, что Вы заботитесь о моей учёбе, работе и даже моей дочери. У нас всё благополучно.

К сожалению, мне не удалось поехать на фестиваль. Если я буду в Москве, я обязательно навещу Вас.

Письмо короткое, но я всегда вспоминаю Вас. Желаю больше получать писем от Вас.

Ваш студент Ляо Зун-лен.

г. Кантон.

Библиографический список

Личное дело Емельяновой Галины Павловны. 23.09.1925 // ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 14701.

Письмо от китайских студентов (143 группы Харбинского института иностранных языков) из Университета Чин-хуа Пекин – Г.П. Клепиковой. Апрель 1954 г. // ХКМ КП 13701/10.

Письмо от китайских студентов (143 группы Харбинского института иностранных языков) из Университета Чин-хуа Пекин – Г.П. Клепиковой. Июнь 1954 г. // ХКМ КП 13701/11.

Письмо от Ляо Зун-лен (КНР, г.Кантон, Южно-китайский политехнический институт) – Г.П. Клепиковой. 21.12.1957 г. // ХКМ КП 13701/15.

¹ ХКМ КП. 13701/15.

Источниковедение и текстология литературной харбинистики

ПИСЬМА ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА ЛИДИИ ХАИНДРОВОЙ ИЗ ХАРБИНА И ПЕКИНА. 1938–1941

О.Ф. Кузнецова

Поэты Валерий Францевич Перелешин (Салатко-Петрище; 1913–1992) и Лидия Юлиановна Хаиндрова (Хаиндрава; 1910–1986) познакомились в Харбине в 1932 г. Перелешин тогда впервые опубликовал стихи в лучшем харбинском журнале «Рубеж»¹. В воспоминаниях «Два полустанка» Перелешин писал, что в «Рубеже» он сразу встретился с Арсением Ивановичем Несмеловым (Метропольским; 1889–1945) и Лидией Хаиндровой: «Несмелов оказался господином среднего роста, довольно полным. Лицо у него было бело-розовое, волосы почти седые. Его стихи я часто встречал в „Рубеже“, и он также вёл стихотворный фельетон в газете „Рупор“. Редактировал он и страницу „Юнчита“: только недавно я узнал, что свои самые ядовитые отзывы о претенциозных стихиках начинающих он подписывал гетеронимом „Тётя Розга“. Журналистика была в его случае несомненным врагом поэзии, приучая его к спешке и небрежности.

Хаиндрова оказалась красивой, очаровательной дамой с лицом кавказского типа (чудесные большие бархатные глаза, очень белая кожа). Говорила неторопливо, иногда произносила (и писала!) „ы“ вместо „и“, хотя по-грузински не говорила. Весь её облик – барственный, мягкий, полный доброжелательства – располагал к ней сразу и навсегда» [Перелешин, 1987, 32–33].

Поверив после публикации в «Рубеже» в свой поэтический талант, Перелешин записался в известное молодёжное литобъединение «Чураевка». В нём участвовала и Лидия Хаиндрова. Она считала себя ученицей Арсения Несмелова. Хотя Несмелов в деятельности «Чураевки» участия не принимал, но за деятельностью чураевской молодёжи следил, писал на их поэтические сборники рецензии. Перелешин высоко ценил стихи Несмелова, который был значительно старше. Ко времени начала «поэтической карьеры» Перелешина Несмелов уже выпустил несколько книг и был признан лучшим поэтом Харбина. Но позже, по мере «взросления», Перелешин начал чувствовать себя конкурентом Несмелова. И через десять лет, став автором нескольких собственных сборников, Перелешин уже готов был поспорить за место на журнальной полосе с Арсением Несмеловым. Во всяком случае, в письме к матери (от 19 июня 1944 г. из Шанхая) он писал, что недоволен подачей его стихотворений в «Рубеже»: «Только Несмелова согласен я иногда пропускать вперёд себя; если это условие не будет соблюдаться, перестану печататься» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 2.1, ед. хр. 4, л. 291].

В 1938 году, когда началась публикуемая здесь переписка, Перелешин только что выпустил свою первую книгу «В пути» (Харбин, 1937), на которую отозвались положительными рецензиями в прессе не только бывшие чураевцы, но даже Георгий Адамович в парижских «Последних новостях» (за 24 февраля 1938 г.). И хотя «Чураевка» была уже закрыта, участие в чураевском кружке

¹ Редактором журнала «Рубеж» (1926–1945) был *Михаил Сергеевич Рокотов (Бибинов; 1895–1985)* до его отъезда в 1941 году в Калифорнию. Одно время на посту главного редактора его замещал А. Несмелов.

помогло Перелешину утвердиться в правильности выбранного им жизненного пути. В «Чураевке» он, как авторитетный знаток правил стихосложения, даже давал советы начинающим поэтам, которые хотели стать участниками кружка, в специальной рубрике чураевской газеты «Почтовый ящик». Так что, когда Лидия Хаиндрова обратилась к Перелешину с просьбой стать редактором её первой книжки «Ступени»¹, он отнёсся к этому с привычной серьёзностью – предложил что-то из её стихов поправить, а что-то вообще не включать в книгу. Это стало одной из тем их переписки.

Просьба Хаиндровой о помощи в издании книги была связана ещё с тем, что тогда она жила в японском в то время городе Дайрене². Она была собственным корреспондентом и представителем харбинского издательства «Заря»³. Издать русскую книжку в Харбине было проще. Там всё ещё выходили русские газеты и журналы, работали типографии – несмотря на продолжающуюся Японо-китайскую войну и на то, что с 1932 г. Маньчжурия была оккупирована японскими войсками и Харбин стал частью созданной ими в марте 1934 г. империи Маньчжоу-го.

Конечно, литераторам в Харбине нужно было помнить о цензуре. Например, редактор «Рубежа» предупредил Перелешина, что никаких его политических стихов в журнале печатать не будет. То же, кстати, говорил своим питомцам в «Чураевке» руководитель литстудии поэт Алексей Ачаир (1896–1960): никакой политики. Хаиндрова прошла школу «Чураевки». О политике не писала. И в 1939 году её книга «Ступени» вышла в Харбине, при редакторском участии Перелешина, без проблем.

Другая тема данной переписки связана с событием, совершенно изменившим жизнь Валерия Перелешина. В мае 1938 года он постригся в монахи, ему было дано имя Герман, и он поселился в монастыре.

Это решение вызвано тем, что Юридический факультет, где Перелешин учился, закрыли, как и ряд других русских учебных заведений, и он поступил на Богословский факультет Института св. Владимира. Но отношения с духовными властями в монастыре у него не сложились. Его поэтические таланты, публикации стихов в «Рубеже» там не приветствовались. Перелешин мечтал уехать из Харбина в Пекин. Об этом в письмах он пишет Хаиндровой. Хаиндрова пыталась договориться с главой Российской духовной миссии в Пекине архиепископом Виктором⁴ (Перелешин в письмах называет его Владыкой), с которым она была знакома, чтобы Перелешина перевели в Миссию (в Бэй-гуань).

В результате осенью 1939 года Перелешин смог уехать в Пекин. При этом он продолжал учиться на Богословском факультете и временами приезжал в Харбин – сдавать экзамены. Перед отъездом из Харбина, в письме за август 1939 года, Перелешин благодарит Хаиндрову за помощь и сообщает, что у него «начинается новая жизнь». Следующие письма им написаны уже из Пекина.

¹ Позже вышли книги Лидии Хаиндровой «Крылья» (Харбин, 1941), «На распутье» (Шанхай, 1943). В СССР вышла маленькая книжка «Даты, даты...» (Краснодар, 1976).

² *Дайрен* – так назывался город в то время. До Русско-японской войны 1904–1906 годов это был русский город Дальний. После второй мировой войны он отошёл к Китаю и получил название Далянь. Русские харбинцы обычно отдыхали там на курортах, окружающих город.

³ «Заря» – имеется в виду издательство в Харбине, где кроме газеты «Заря» (1920–1938), выходил и журнал «Рубеж».

⁴ *Архиепископ Виктор* (в миру Святин Л.В., 1893–1966) был главой Российской духовной миссии в Пекине с весны 1933 года. Перед этим он какое-то время был настоятелем Покровской церкви в Тяньцзине, затем рукоположён в епископа Шанхайского, а в 1937 году стал архиепископом.

В письмах Перелешин рассказывает Хаиндровой о событиях своей жизни, о новых стихах и статьях, которые печатает в Харбине.

В 1943 году Перелешин был направлен из Пекина в Шанхай для преподавания в реальном и коммерческом училищах закона Божьего. В это время Хаиндрова уже жила в Шанхае, и они там встретились. В переписке больше не было нужды.

В сделанном Перелешиним позже примечании к письму от 27 декабря 1941 года Перелешин писал, что, едва приехав в Шанхай, он «почти сразу встретился с Лидией Юлиановной, работавшей тогда кассиршей в «Little coffee shop» на Авеню Руа Альбер, в центре французской концессии. Через несколько дней Николай Владимирович Петерец¹ созвал всех нас – восемь поэтов – на первое собрание литературного кружка «Пятница», памятником которого осталась лучшая поэтическая антология, издания на Дальнем Востоке, – «Остров». Кружок собирался еженедельно в перестроенном гараже под квартирой Марии Наумовны Шелешниковой в «пассаже», № 4 по Рут Груши. В том же «пассаже» жила Лидия Юлиановна с мачехой и братьями, а позднее, когда «Пятницы» уже не было, поселился и я» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 2.1, ед. хр. 5, л. 26].

В предисловии к сборнику «Остров» поэт Николай Щёголев (1910–1975) писал: «Два года, каждую пятницу сходились мы у этого овального стола, на своём искусственном острове, а вокруг бушевала война, свирепствовали японские оккупанты, царил жесточайший материальный и моральный гнёт. Работать литературно, высказываться художественно было негде из-за цензуры...» [Щёголев, 1946, 9].

В «Острове» у Хаиндровой напечатано несколько стихотворений. В том числе это:

Россия, твой ветер привольный,
Призывно и мощно поёт,
И радостно сердцу и больно,
И просится сердце в полёт.

Но поздно, я слишком устала...
Душа каменеет моя.
О гребень девятого вала
Моя разобьётся ладья.

И я не дойду – не узнаю
Ни ласки, ни власти твоей
И вздохом тревожным растаю
Средь чуждых китайских полей

[Хаиндрова, 1946, 210].

Хаиндрова уехала в СССР на следующий год после выхода сборника «Остров». Перелешин писал: «В 1947 г. Лидия Юлиановна с семьёй уехала в Советский Союз, и моя переписка с нею прервалась на двадцать лет. А потом – ещё через двадцать лет – она разыскала меня уже в Бразилии, и мы опять вели очень

¹ Петерец Николай Владимирович (1907–1944) был одним из самых активных участников литературного кружка и умер ещё до его закрытия. «Пятница» просуществовала с 1943-го до 1946 г., когда был выпущен результат их двухлетнего труда – сборник «Остров». В нём напечатаны стихи участников кружка: Лидии Хаиндровой, Лариссы Андерсен, Марии Коростовец, Николая Щёголева, Николая Петереца, Варвары Иевлевой, Владимира Померанцева, Валерия Перелешина. Биографических данных об упомянутой ниже М.Н. Шелешниковой найти не удалось.

оживлённую переписку¹. 19 июня 1986 г. Лидия Хаиндрова умерла в бывшем Екатеринодаре², о чём сообщила мне письмом её дочь» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 2.1, ед. хр. 5. Л. 26].

А несколько лет спустя, незадолго до своей смерти, Перелешин получил несколько писем, и тоже из СССР, из города Верхняя Пышма Свердловской области, от дочери другого харбинского поэта – Арсения Несмелова, – от Натальи Митропольской (1920–1999). Они с матерью, Е.В. Худяковской (1894–1988), в 1935 г. уехали из Харбина в СССР. К тому времени Несмелов и Худяковская уже расстались. Это произошло в 1927 г. Дочери было около семи лет. Дальнейшая судьба семьи Несмеловых очень похожа на трагические судьбы многих семей в СССР. Арсений Несмелов был арестован в Харбине и умер в 1945 г. по дороге на родину. Его жена (бывшая жена) арестована в СССР в 1937 году и получила восемь лет лагерей.

Прошло больше полувека, и вот в письме Перелешину от 21 апреля 1991 г. Наталья Арсеньевна пишет о публикации стихов Перелешина в СССР, в «Огоньке» [«Валерий Перелешин», 1989, 13], и радуется, что творчество русских харбинцев начало возвращаться на родину. Она рассказывает, что к ней приезжал режиссёр³ со свердловской киностудии, который снимает документальный фильм «Китайская Атлантида» о «китайских русских». И там «говорится об Арсении Несмелове» и звучит много его стихов. «Фильм уже был близок к завершению, – пишет дочь Несмелова, – когда я познакомилась с режиссёром. Поэтому кадров с моим участием немного. Я только читаю стихи из новой книги (и плачу при этом)» [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 2.1, ед. хр. 15, л. 12].

В 1990 году в США вышла книга стихов Несмелова «Без России» [Несмелов, 1990], составленная из прежних сборников стихов Несмелова. Видимо, речь о ней. Перечитывая в книге стихи отца, Наталья Арсеньевна догадалась, «поняла», что одно из стихотворений посвящено её матери. «И душа у меня замерла...», – пишет она Перелешину в письме. [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 2.3.1, ед. хр. 15, л. 4.] Вот это стихотворение:

Было очень темно. Фонари у домов не горели.
Высоко надо мной всё гудел и гудел самолёт.
Обо всём позабыв, одинокий, блуждал я без цели:
Ожидаящий женщину, знал, что она не придёт.

В сердце нежность я нёс. Так вино в драгоценном сосуде
Осторожнейший раб на пирах подавал госпоже.
Пусть вино – до краёв, но на пир госпожа не придёт,
Госпожа не спешит, её нет и не будет уже!

И в сосуде кипит не вино, а горчайшая влага,
И скупую слезу затуманенный взор не таит...
Я на небо гляжу. Я брожу как бездомный бродяга.
Млечный Путь надо мной. «Млечный Путь, как седины твои!»

[Несмелов, 1990, 329–330].

¹ В архиве сохранилось 25 писем от Л. Хаиндровой к В. Перелешину из упомянутой им переписки за 1972–1978 годы из СССР. [ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608, оп. 2.2, ед. хр. 53. Л. 1–67]. В письмах Л. Хаиндрова рассказывает В. Перелешину о своей жизни в СССР, которая, судя по её письмам, сложилась вполне удачно.

² Теперь это город Краснодар, где существует личный архив Л. Хаиндровой, сохранённый её дочерью Т.А. Серебровой.

³ Свердловский режиссёр Б.Г. Урицкий снял фильм, названный потом «Чужие города» (1993).

Неизвестно, согласился ли Перелешин с догадкой дочери Несмелова. По болезни он уже не мог отвечать на письма. Переписка их прекратилась после четвертого письма.

Изначально это стихотворение вошло в харбинский сборник Несмелова «Белая флотилия» [Несмелов, 1942]. На первой странице сборника, подаренного Перелешину в Харбине Несмеловым, есть дарственная надпись: «Дорогому собрату по искусству Валерию Перелешину – автор». «Собрат по искусству» – в устах Несмелова, строго судившего чуроевцев, – такая оценка дорогого стоит.

После гибели Несмелова Перелешин много сделал для сохранения его поэтического наследия, разыскивал в харбинской прессе стихи поэта, вместе с Михаилом Рокотовым¹, главным редактором журнала «Рубеж», они готовили «Арсениану» – Рокотов перепечатывал из «Рубежей» стихи Несмелова. Они планировали выпустить книгу стихов поэта. Им это не удалось, но собранные материалы были использованы при издании книг Несмелова в России.

Архив Несмелова не сохранился. И всё же информация о Несмелове, о других дальневосточниках, по крупицам собирается [Забияко, 2012; Забияко, 2014; Забияко, Эфендиева, 2015 и др.]. Узнать о судьбах харбинских литераторов, об атмосфере в русском Харбине, можно и из материалов архива Перелешина, из переписки тех лет, в том числе и из публикуемых писем. Эти письма Валерия Перелешина Лидия Хаиндрова вернула ему перед отъездом в СССР из Китая. И они сохранились в его архиве в виде сделанных им машинописных копий с добавленными им самим при перепечатке комментариями.

Некоторые письма воспроизводятся здесь с купюрами – сокращения делаются в тех случаях, когда в письмах появляются повторы (письма терялись, задерживались), или там содержится избыточно подробная бытовая, внелитературная информация, – просьбы, поручения и т.д. Все сокращения отмечены отточием в угловых скобках. В тех случаях, когда в письмах встречаются легко расшифровываемые сокращения слов, часть слова дописывается.

Публикуемые письма хранятся в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук [ОР ИМЛИ РАН, ф. 608, оп. 2.1, ед. хр. 5, л. 1–40].

Письма

1 сентября 1938

Дорогая Лидия Юлиановна,

Письмо Ваше получил 30.VIII и за эти два дня просмотрел присланные стихи. Некоторые из них нахожу вполне пригодными для немедленного напечатания, в иных следовало бы сделать кое-какие исправления и улучшения (там, где это очевидно, и легко сделать, не расстраивая общего строя, т. е. в отдельных словах – я, может быть, и сам сделаю). Некоторое число стихотворений я не печатал бы. Ваш список «фаворитов», которых Вы непременно хотите видеть в книге, не может иметь для меня и моей работы большого значения, поэтому я посмотрю в него только в самом конце. Ведь книга – Ваша, поэтому окончательное суждение последует от Вас; мой же совещательный голос имеет значение только стороннего наблюдателя и друга.

¹ Жена Михаила Рокотова Агния Александровна была сестрой Анны Александровны Кушель – второй (гражданской) жены А. Несмелова, с которой он расстался в конце 1930-х годов.

Название «Ступени»¹ я одобряю. Наташа² тоже его приветствует. <...> Сегодня я уже сказал Наташе, что за корректурой присмотрю – т.е. условием будет (и Вы отметьте это в письме в типографию), что без моего разрешения печатать нельзя ни одной страницы. Предупреждаю, что в шрифтах я ничего не понимаю, сделайте выбор сами.

Стихи, мною исправленные, советую добавить, ибо переделки в них незначительные. О «Пастухе» я не говорю.

Горькие мысли мои напомнили Вы мне соображением о том, что я прежде поэт, а потом монах. Увы, это и другие замечают: у меня всё время происходят трения с высокими сферами по этому поводу.

На днях епископ Димитрий³ порекомендовал мне самому избрать себе «духовного цензора» и не печататься в «Рубеже». Назначить мне опеку он не решился – это слишком отдавало бы средневековыми нравами. Пилюлю потребовалось подсластить – и вот епископ долго внушал мне мысль, что мне и самому для самого себя необходим цензор. Выхода из этого положения я пока ещё не нашёл. Во всяком случае, печатать свежие стихи в «Хлебе Небесном»⁴, рядом с юмористическими виршами писак-дегенератов, я не намерен. Запрещению писать стихи вообще (т.е. не писать, а печатать их) я бы ещё, может быть, и подчинился бы п о к а, но этого епископ не требует, да и правильно, так как я слишком заметная фигура, чтобы подобная мера в отношении меня могла пройти незамеченной обществом. <...> Искренно преданный Вам монах Герман.

3 октября 1938

Дорогая Лидия Юлиановна,

<...> Вчера заказ был, наконец, сделан: всего 56 стихотворений, т.е. 64 страницы. <...> Если понадобится издатель, то мама согласна значиться на обложке.

Цена книги не указывается. Бумага, которую Вы избрали, слишком плотна – В.В.⁵ советует заменить её более лёгкой. Деньги за переписку на машинке получены.

¹ Все три сборника Лидии Хаиндровой, изданные в Китае, – «Ступени» (1939), «Крылья» (1941) и «На распутье» (1943) напечатаны петитом и по формату миниатюрны. (Примеч. В. Перелешина).

² Наташа Резникова – журналистка («нимфа „Рубежа“»), писательница, поэтесса. (Примеч. В. Перелешина). Наталья Семёновна Резникова (1911–1995) – поэтесса, писательница. Часто печаталась в журнале «Рубеж», где вела отдел библиографии.

³ Епископ Димитрий (Вознесенский) – один из нетерпимейших «гасителей духа», в последующие годы причинивший мне много огорчений. В той беседе нашей он обмолвился остроумным замечанием. Когда я сказал, что «как монах я обязан повиноваться, но как поэт остаюсь свободным», – хитрый старец ослабил и возразил: «Так Вы и предполагаете пребывать во двою естеству?» (Примеч. В. Перелешина). Епископ Димитрий (1871–1947) после воссоединения с Русской православной церковью в 1945 году вернулся в СССР. Простудился и умер в ленинградской больнице.

⁴ «Хлеб Небесный» (1926–1946) – православный иллюстрированный журнал, издавался тогда – при Казанско-Богородицком мужском монастыре в Харбине. Одно время редактором журнала был настоятель монастыря, епископ Синьчзянский Ювеналий (Килин; 1875–1958), с 1941 г. ставший епископом Цицикарским. В 1945 году он, как и епископ Димитрий, тоже вернулся в СССР.

⁵ Василий Витальевич Плотников, заведовавший типографией «Заря», очень опытный и благожелательный. (Примеч. В. Перелешина).

Все мои надежды поневоле связаны теперь с епископом Ювеналием¹: архимандрит Василий сюда не вернётся, да это по многим причинам следует считать лучшим выходом для всех сторон (я имею в виду Бюро Эмигрантов, больницу, монастырь, приход, епископа Ювеналия и самого о. Василия). Не знаю, конечно, пригласит ли он меня к себе в Германию – немецкого языка я не знаю и не очень одобряю политический режим этой страны. Думаю, что пригласит – т. е. напишет «приезжайте», а приехать не удастся из-за того, что проезд стоит дорого.

Наши монахи уверяют, что епископ Ювеналий вскоре же по приезде рукоположит меня.

Был у меня Н.И. Бронецкий². Произвёл на меня впечатление глубоко несчастного человека. Впрочем, он культурен и был бы интересен, если бы не эта его одержимость христианством – одержимость чисто сектантская. Конечно, если он напишет мне, я буду добросовестным корреспондентом.

Боюсь только, что письмо к Бронецкому можно писать с копией для Гроссе³ – люди одного духа.

<...> Книжечек Арсения и Наташи⁴ я ещё не видел. Арсений обещал мне подарить её, но я не застал его дома, а живёт он на Пристани, и выбраться к нему – для меня целая история. Наташа – как это в её еврейском стиле! – когда я спросил, вышла ли её книга, рассказала мне какую-то басню о том, что, хотя книга готова, но «Заря» ей её почему-то не выдаёт (совершенно неправдоподобно, так как цензурный срок, оказывается, тогда уже истёк). Больше не спрашиваю – подумает ещё, что подготавливаюсь к подарку, а я этот шедевр знаю, так как бегом выправлял его, и справился о выходе книжки только из вежливости.

Е.А.⁵ ни «за догматику», ни за «свободное творчество», а просто против меня. И каждое слово в мою пользу вызывает с её стороны целую бурю нападок. Бог с ней! Но, по-моему, пора уже старушке утешиться.

Вам «почти» не понравились стихи Рачинской⁶, – а мне они никогда не нравились: едва ли она написала хоть одну приличную вещь. Её считают по простодушию классиком из-за того, что под своими опусами она обозначает то

¹ *Епископ Ювеналий* – строитель и первый настоятель харбинского Казанско-Богородицкого монастыря. Сделанный викарным епископом («синьцзянским»), он оказался не у дел. В монастыре заменил его архимандрит Василий (Павловский), декан Богословского Факультета, который и постриг меня в монашество 7-го мая 1938 г., а вскоре был по каким-то причинам выслан эмигрантскими и японскими властями из пределов Маньчжурской империи под видом командировки на собор в Сремски-Карловцы, откуда не вернулся в Харбин, а был назначен настоятелем русской кладбищенской церкви в Потсдаме. (*Примеч. В. Перелешина*). Позже упоминаемый здесь архимандрит Василий (Павловский; 1880–1945) стал епископом Венским.

² *Бронецкий Н.И.* – дамский парикмахер из Дайрена, писавший стихи.

³ *Гроссе Лев Викторович* (1906–после 1950) – поэт. В статье «Лев Гроссе, поэт-мученик» Ю. Крузенштерн-Петерец писала: «Гроссе считал, что коммунизм и есть христианство, только в грубой форме, христианство, которое должно будет очиститься, чтобы засиять миру истинным светом. <...> Он был, конечно, христианином самой чистой воды» [Андерсен, 2006. 385].

⁴ Имеется в виду книга стихов Арсения Несмелова «Полустанок» (1938), вышедшая в издательстве «Заря», и книга стихов Натальи Резниковой «Песни земли» (1938).

⁵ *Генкель Елена Александровна*. У неё в Дайрене двадцатитрёхлетний Перелешин гостил летом 1936 г. Е.А. Генкель была старше Перелешина более чем на 10 лет. Возникший у них там роман закончился быстро, и Генкель, видимо, почувствовала себя оскорблённой. В письмах к Хаиндровой Перелешин не раз упоминает о том, что Е.А. распространяет о нем нехорошие слухи в кругу их общих знакомых. (См. письмо от 7 июня 1939 г.).

⁶ *Рачинская Елизавета Николаевна* (1905–1993) – поэтесса, писательница.

«сонет», то «триолет», а между тем ни разу ещё настоящего, правильного, сонета я у неё не видел. А эта «Смолянка» напомнила мне Апухтина⁷.

Наташе не завидуйте, что «её книга уже вышла» – для неё было бы лучше, если бы она вовсе не выходила. Ибо дальше последует обычное, по программе: нежная рецензия за жалованье М.С.⁸, рассуждения о «простоте» и «искренности» в «Заре» Д. Сатовского⁹, который тоже «у дяди служит», – и гробовое молчанье всей остальной прессы. Оцените тот факт, что ни одна из Наташиных книг до Европы просто не дошла. Правда, мои книги – кое-какие – пропали бесследно. Но всё же на «Излучины» отозвались Ходасевич, Ладинский, Цетлин, а на «В пути» – «Последние Новости» (рецензии этой я не видел, так как номер был изъят)¹⁰.

Читали в «Заре» о подвигах Петереца и Светлова? И этот дурень Щёголев туда же ввязался. Странные возвращенцы¹¹, которые почему-то никак не едут сами, а кадят издали.

Вот, кажется, и все новости.

Пришла мамина сестра – водворился шумный разговор, а посему письмо кончаю. Привет от мамы и Виктора¹².

Искренно преданный Вам монах Герман.

19 мая 1939

Дорогая Лидия Юлиановна,

Сегодня утром получил, наконец, Ваше письмо: у меня вошло уже в традицию находить Ваши письма при выходе из дома в амбулаторию на укол. Здоровье моё, к слову сказать, почти наладилось: чувствую себя отменно хорошо. Ваше стихотворение мне очень нравится. Думаю, однако, что вторая строфа вовсе не нужна. <...>

Разумеется, я не думал бросать стихотворчество даже ради золотой шапки, даже ради епископского посоха. Если «иссякну» – то замолчу, но пока есть во мне этот голос – писать должен и буду.

Напрасно Е.А. <Генкель> всё ещё обсуждает мои дела – я со своей стороны её делами нимало не занят. Да и вообще, пусть все Е.А. всего мира выскажут своё мнение – я всё-таки останусь при своём. Но Бог с ней.

От Владыки Виктора пока ничего нет, но дошёл до меня слух, что в высших сферах шла речь о том, чтобы передать меня в ведение пекинской епархии. Это было бы хорошо, но Факультет... А впрочем, всё в воле Божьей, и я уверен, что всё идёт к лучшему.

⁷ Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893) – русский поэт.

⁸ Рокотов Михаил Сергеевич (Бибинов; 1895–1985) – редактор журнала «Рубеж». Редакция журнала занимала большую залу в квартире отца Наташи, присяжного поверенного С.Я. Резникова.

⁹ Сатовский-Ржевский Дмитрий Григорьевич (1900–1944) – журналист, сотрудник «Зари».

¹⁰ Отзыв Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972) на книгу Валерия Перелешина «В пути» (1937) был напечатан в номере «Последних новостей» за 24 февраля 1938 г. в разделе «Литературные заметки».

¹¹ Николай Светлов (1908?–1970-е) и Николай Щёголев после войны уехали в СССР. Николай Петерец участвовал в Союзе возвращенцев, принял советское гражданство, умер до окончания войны, в 1944 году, в Шанхае.

¹² Салатко-Петрище Виктор Францевич (псевд. Ветлугин, 1915–2005) – брат Валерия Перелешина. Участвовал в «Чураевке» как поэт. Окончил Политехнический институт и надеялся, что ему удастся получить работу в США, например, на заводе. В июле – августе 1940 года он уехал в США, служил в американской армии в сигнальном отряде на Аляске, потом был инженером-электриком. Уехав из Харбина, стихов, насколько известно, не писал.

Осенью будет тут у нас архиерейский слёт: исполняется 50 лет священства архиепископа Мелетия, который будет «по давности» возведён в сан митрополита. Приедут сюда архиепископ Виктор, епископ Иоанн (может быть), митрополит Сергей из Японии и даже митрополит Анастасий из Югославии, который привезёт с собой Курскую чудотворную икону.

От Ганшина¹ Виктор имел письмо, где описаны условия работы на заводе, но о жалованье ничего не сказано.

О вечере поэтов знаю только из газет. Конечно, участия в нём не приму, т. к. это не монашеское дело, да и по другим причинам. К тому же, меня никто и не пригласил. С некоторого времени А. Ачаир стал ко мне недоброжелателен – возможно, что обиделся на мою рецензию о его «Лаконизмах», которые я очень выбранил в «Гун-Бао».

Да, Недельская², действительно, небездарна – М.<ихаил> С.<ергеевич> показал мне кое-что из её новых стихов. Но «Болезнь» была груба и разрознена. У М.<ихаила> С.<ергеевича> странный обнаружился подход к стихам: он по пальцам считает «образы» и радуется каждому как дикарь блестящей пуговице.

Маленькое Ваше стихотворение очень милое. Посвящать стихи духовным лицам, кажется, можно. Вспоминаю, что в журнале не раз читал жуткие вирши, посвящённые епископу Димиртию, архиепископу Василию и ещё кому-то. Но и сам божественный Пушкин посвятил Митрополиту Филарету Московскому своё стихотворение по поводу переделанного тем стихотворения «Дар напрасный...», кончавшееся так:

И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт³.

Не получая от Вас писем так долго, начинал уже беспокоиться. Мама думала, что, не дай Бог, дочурка опять прихворнула.

Думаю, что М.<ихаил> С.<ергеевич> нарочно «выдерживает» стихи Вашего брата⁴, чтобы он не набаловался.

Некоторое время назад написал я стихотворение «Молитва»; хочу переписать его для Вас, т.к. всё ещё не успел занести его в «Рубеж», да там и так есть ещё две вещи.

Молитва

Пускай не сиротой, бескрылым недоноском, Гонимым на земле, не принятым в раю, Я стану глиною, о Господи, иль воском: Ту глину претвори Ты в амфору свою!

Пусть, раскалённая в очистительном горниле, Дыханьем севера потом охлаждена, Она созиждется в неодолимой силе – И меткою Твоей отмечена со дна.

¹ Ганшина не помню или не знал. (Примеч. В. Перелешина). Видимо, в письме речь идёт о заводе в США.

² Речь идёт о поэтессе Елене Недельской (1912–1980/1981?), о которой Перелешин в 1973 году опубликовал мемуарный очерк. См. ниже.

³ Речь идёт об известной поэтической дискуссии митрополита Московского и Коломенского Филарета с А.С. Пушкиным по поводу стихотворения поэта «Дар напрасный, дар случайный...» (26 мая 1828). В ответ Пушкину, споря с юным поэтом и наставляя его, митрополит написал стихотворение «Не напрасно, не случайно...». Пушкин ответил стихотворением «В часы забав иль праздной скуки...», последние строки которого цитирует здесь Перелешин.

⁴ Брат Л. Хаиндровой – Леван Ивлианович Хаиндрава (1916–1996) – писатель, родился в Харбине. В 1947 году уехал в СССР.

Ты заключишь в неё то благовоний зёрна, То свитки древние пророков и псалмов: Всё сбережет она – прочна, огнеупорна И радостью полна до блещущих краев!

Валерий Перелешин 9.V.1939

Второй раз ещё только брался за шестистопный ямб. На заре своей молодости писал четырёхстопным, теперь осел на пятистопном. Вот-то горе будет, если через каждые пять лет буду прибавлять по стопе!

В газетке Духовной Семинарии повторил два стихотворения: «Мы» и «Ловец». Возможно, что оба попадут в сборник, но я всё не могу отважиться на его издание. Нет, старые стихи совсем другого духа и не уживутся с новыми. Издаю пока только «Добрый Улей»¹, а постороннее пока отложу.

Прочёл недавно «Голубь над Понтом»². Вот это действительно книга! Заметили ли Вы рецензию о ней? Там Анна названа была «порфиноносной», а всё действие, оказывается, происходит в эпоху «конца античного мира» (!).

Всего доброго, привет от мамы и Виктора.

Пишите, посылайте стихи. Монах Герман.

Следует заниматься историей раскола, а я вдруг увлёкся греческим языком – да так, что не могу оторваться. И вот – теряю драгоценное время, а между тем, конец мая близится и с ним письмо от епископа Василия и, значит, возможность того, что я окажусь на IV курсе.

7 июня 1939

Дорогая Лидия Юлиановна,

Несколько дней назад получил Ваше письмо от 26 мая, но всё не мог собраться ответить. Много хлопот и забот выпало мне за последние недели. Буду отвечать в том порядке, в каком написали письмо Вы. Итак, от Владыки Виктора всё ещё нет достоверных вестей, и я не знаю, действительно ли он предпринял что-нибудь. Движения воды всё ещё не заметно. Впрочем, архимандрит Филарет хочет устроить меня в Дом Милосердия и обещает вновь побеседовать с архиепископом Нестором. Однако теперь я уже мало рассчитываю на всякие ходатайства: судьба моя переменится только тогда, когда Господу будет угодно. Тогда всё само собой устроится.

О каком другом слёте, кроме архиерейского, может идти речь? Не угадываю. Да и архиерейский-то будет не очень важным: митрополиты Анастасий и Сергей, кажется, не приедут – первый в силу соображений финансовых, второй – тактических.

Ганшин тоже ничего не пишет. Вероятно, вакансии пока нет.

О вечере поэтов, вероятно, читали в «Заре». Я присутствовал (за кулисами). Олег Чернышов, мой большой друг, читал «Рок»³ – немного напутал, но публика этого не замечает и приняла его приветливо. Доход от вечера, разумеется,

¹ Во вторую книгу «Добрый улей» (Харбин, 1939), вышедшую за подписью: «Валерий Перелешин (монах Герман)», Перелешин включил и стихотворения «Молитва», «Мы», «Ловец».

² «Голубь над Понтом» (Париж, 1938) – роман Антонина Ладинского. Анна Ярославна – жена короля Генриха I Французского. Действие в романе происходит в XI веке, а античная эпоха, как принято считать, закончилась значительно раньше – в IV–V вв. н.э.

³ Стихотворение Перелешина из книги «В пути».

поделили «хапалы» – Шмейссер¹, Логинов², Маманди³, Обухов⁴. Не знаю, получит ли что-нибудь Несмелов. Думаю, что боязнь того, что придётся делиться со мной, была причиной того, что я не был как следует приглашён. Когда об этом возник вопрос, – поднят он был Наташей, – то Логинов сказал, что меня нигде невозможно разыскать (хотя два раза обедал у нас на этой квартире, гадкий старикашка). И Фаина Дмитриева⁵ поддержала его, хотя каждый день видит Олега (оба служат у Чурина⁶) и знает хорошо, что я встречаюсь с ним очень часто. Утешаю себя тем, что, во-первых, я всегда ожидал от этих людей именно такого отношения, и, во-вторых, тем соображением, что недоброжелательство и зависть являются признаками признания превосходства.

Ваши стихи прочитал Шмейссер. Но лучше бы он их не читал – так скверно у него это выходит. Прочёл он 2 вещицы – первая о том, как «Колумбы в море гибли», вторую не помню. О его манере читать, и дикции Олег сказал, что он «мочалку жуёт». Хорошо, что Олег оказался в зале, иначе и мои стихи ждала та же участь, так как Верлен⁷, предполагавшая читать мои «Сирень» и «Лето», конечно, не явилась. Олег же знает наизусть почти все мои стихи.

В фойе висели шаржи, нарисованные Vit'ой⁸: на Логинова, Ачаира, Маманди, Рачинскую, Арсения и Вас. Последний был таков: кавказская дева – и похожая, и непохожая, как всегда бывает в шарже. Арсений был изображён в образе свинском – розовый, благодушный; Логинов – землистого цвета старикашкой в пиджаке тоже землистого цвета – его форма; Ачаир – вампиром или Смерью-без-косы. Злился немного, но уверял, что «хохотал до хрипа». А Рачинская совсем не хохотала и злилась явно: «Ей-Богу, я не узнала бы! Ничего похожего! Кто это? Разве это я? Ни за что не узнала бы, если бы вы не сказали!» Между прочим, постарела она ужасно и совсем утратила прежний шарм. По сравнению с Наташей, Лариссой и Фаиной казалась прямо бабушкой. Да, ещё был шарж на Лариссу: женщина-кошка с ресницами по двугривенному за штуку.

Пишете, что худеете. Но до каких пределов можно худеть? Вам надлежит серьёзно обдумать этот вопрос. Смотрите, не привело бы это Вас к карату лёгких, а то и к чему-нибудь похуже. А я вот совсем выпутался из скверной истории – доктор даже отменил последние уколы; и я теперь свободен до осени!

Кстати, в оплату за Вашу таинственность, и я буду таковым же: напишите мне, в какие часы вечером или днём, лучше вечером, Вас можно застать дома. Предупреждаю в утешение, что никакой незнакомый субъект к Вам не явится. Непременно напишите.

Относительно Е.А. <Генкель> и её литературных вкусов замечу, что в стихах она ровно ничего не понимает и прежде всего ищет в них автобиографии

¹ Шмейссер Михаил Петрович (1909–1986) – писатель, поэт, журналист. Автор сборника прозы «Подвиг» (Харбин, 1941).

² Логинов Василий Степанович (1891–1945) – писатель, поэт, журналист.

³ Маманди (настоящая фамилия – Поперек) – бездарный юморист, писавший на злобу дня в «Харбинском времени». (Примеч. В. Перелешина). Маманди С., Недолин С. т.д. (Поперек Сергей Александрович; 1880–1954) – писатель, журналист, японист. Псевдоним «Маманди» в переводе с китайского означает «подожди».

⁴ Обухов Василий Константинович (1905–1949) – поэт.

⁵ Дмитриева Фаина Леонидовна (в замужестве Кононова; 1918 (?) – 1990) – поэтесса.

⁶ Универсальный магазин «И.Я. Чурина и Ко» был самым крупным русским магазином в Харбине.

⁷ Верлен Сабина Михайловна – известная актриса. (Примеч. В. Перелешина).

⁸ Вита (Загibalова) – известнейшая карикатуристка (почти в каждом «Рубеже» и во многих газетах). (Примеч. В. Перелешина).

(особенно в стихах своих знакомых) и всё старается принять на свой счёт. Много раз она попадала из-за этого в анекдотическое положение. Помнится, она приняла на свой счёт мой «Рассвет»¹ (несмотря на последнюю строфу) и, кажется, даже «Люсьену Летинуа»² ухитрилась придать какое-то чудовищно-вздорное толкование. Что же касается прозы, то, наряду с хорошими и средними книгами, Е.А. честно прочитывает всю чепуху Веры Наваль³, вроде «Лабиринта Гименея» в семи томах, из которых в шести героиня лечит мужа от пьянства и думает: изменить ему или не изменять? А в седьмом томе она, наконец, решается изменить, но в это время муж излечивается от пьянства.

Рад, что «Беседа в дороге»⁴ имела в Дайрене успех. Здесь, в Харбине, литературный воздух сильно разрежён – едва-едва попадают в лёгкие наши крупинки этого воздуха. Относительно посвящений: я не часто посвящаю стихи, думаю всё же, что посвящение придаёт вещи некую индивидуальность – связь с определённым лицом. О последнем обстоятельстве иногда приходится пожалеть: так, например, я совсем разлюбил свою «Сандрильону»⁵...

Рецензию Балакшина⁶ получил. Напишите, что было в «Русских Записках»⁷.

В статье своей о харбинских поэтах («Птицы певчие»⁸), манерной и притязательной, Ачаир Вас опустил, воспользовавшись, видимо, Вашим географическим положением. «Но ведь мне поручили написать только о харбинских поэтах», – скажет он. Больше всего тут, я думаю, зависти: его книги (обе)⁹ очень плохи; Арсений их очень бранил; я же сам не читал, но Арсению доверяю. Сборник этот, «Харбин в зеркале прессы»¹⁰, распространяет Коваленко¹¹, взял с меня 50 к.

Вот, кажется, и всё. Заранее томлюсь летней скукой: занятия и на Факультете, и в Семинарии¹² скоро окончатся. Особенно жаль расставания с ребятами. О переходе моем через III курс прямо на IV пока неизвестно, всё ещё нет письма от епископа Василия¹³.

Всего наилучшего. Большой привет от мамы и Виктора.

¹ Это стихотворение Перелешина из книги «В пути» обращено к мужчине.

² В стихотворении «К Люсьену Летинуа» из книги «В пути» Перелешин пишет об ученике Поля Верлена, в которого тот был влюблён.

³ *Наваль Вера Сергеевна* (Федотова; 1883–1944) – писательница. Её роман «В лабиринте Гименея» (Харбин, 1935) вышел в 2-х томах.

⁴ Стихотворение Перелешина, посвящённое Хаиндровой, вошло в его книгу «Добрый улей».

⁵ Это стихотворение из книги «В пути» Перелешин посвятил Е.А. Генкель. Но вскоре отношения их испортились.

⁶ *Балакшин Пётр Петрович* (1898–1990) – писатель, эмигрант первой волны.

⁷ «*Русские записки*» – общественно-политический и литературный журнал, выходивший в Париже в 1937–1939 гг. Первые четыре номера параллельно выходили и в Шанхае.

⁸ Статья Ачаира была опубликована в сборнике «Харбин в зеркале прессы». 1939. № 2.

⁹ У Ачаира тогда вышли книги: «Лаконизмы» (Харбин, 1937), «Полынь и солнце» (Харбин, 1938) и «Тропы» (Харбин, 1939).

¹⁰ «Там были напечатаны статья моей матери, наш общий рассказ «Бурьян» и очаровательный очерк архиепископа Нестора «От Камчатки до Ямайки». (*Примеч. В. Перелешина*).

¹¹ *Коваленко Алексей Иванович* – журналист из газеты «Харбинское время».

¹² Семинария в Харбине, где преподавал Перелешин, была открыта в 1939 г. Председателем Попечительского Совета Семинарии стал епископ Димитрий.

¹³ Не помню, какова была роль епископа Василия (Павловского), бывшего декана Богословского факультета, в то время уже епископа Потсдамского, в вопросе о моём «скачке» со второго курса прямо на четвёртый. (*Примеч. В. Перелешина*).

Да, был у В.В. Плотникова и беседовал с ним об издании второй книги. Всё дело обойдётся 27 рублей: недорого, но как трудно будет собрать эти деньги. Как идёт продажа «Ступеней»?

Искренно преданный Вам монах Герман.

19 августа 1939

Дорогая Лидия Юлиановна,

Большое спасибо за Ваше участливое отношение к моей книге; больше всего благодаря Вашему совету я решился всё же, несмотря на гнев архiereев и неодобрение архимандритов отдать в набор «Добрый улей»! Послезавтра будет уже корректура: по-видимому, сейчас в «Заре» мало работы.

Перевод Ваш получил, спасибо; реализую его тотчас по получении паспорта, который находится в департаменте полиции, откуда числа 23-го я должен буду получить разрешение на выезд. <...>

Третьего дня пришло ещё письмо от Владыки Виктора: он подтвердил своё приглашение и совет взять отпуск. Снова предлагает выбор между Пекином и Шанхаем – в первом монахи не получают жалованья, во втором – получают вознаграждение за церковную и за школьную работу. Но это «испытание златом» я преодолеваю: нет, я останусь в Пекине. Ещё пишет Владыка, что отпустит меня сдавать зачёты в Харбин, так как «Богословский факультет надо окончить, во что бы то ни стало». Это – его слова. Значит, понимает вполне моё положение, понимает, насколько важно для человека, пришедшего извне, получить это специальное высшее образование. Спасибо ему за это.

Итак, «начинается новая жизнь»¹, как сказал Данте. <...>

Преданный Вам монах Герман

*Russian Orthodox Mission
Pei-kwan, Peking.
26 сентября 1939*

Дорогая Лидия Юлиановна,

Вот я, наконец, и в Пекине. Ещё не успел во всём и во всех разобраться, но всё же уже теперь можно сказать, что Владыка действительно прекрасный человек, заботливый и внимательный ко всем, но среди его окружения не всё обстоит столь отраднo. Приехал я сюда 24-го утром, а 25-го уже давал уроки закона Божьего в школе «Русского дома»² малышам очень юного возраста. Сегодня начал по-настоящему работать в библиотеке, где обнаружил множество замечательных книг, и это несмотря на то, что древняя библиотека Миссии

¹ «Incipit Vita Nova». С этих слов начинается книга Данте Алигьери «Новая жизнь».

² «Русский дом» – обывательское название Пекинского Антикоммунистического Комитета. Ему принадлежала школа в Бэй-гуане. Была при нём и библиотека. В конце 1930-х гг., под давлением японских властей, роль Комитета усилилась как надзорного органа, который следил за идеологической стороной жизни русской эмиграции в Пекине. Одной из функций Комитета стала выдача удостоверений, по которым можно было получить паспорт и пропуск для поездок по Китаю.

сторела до последней книжки в боксёрское восстание¹. Со мною вместе работают ещё один монах Феодор и монахиня Гавриила.

Жизнь в Бэй-гуане во многом некомфортабельна: нет водопровода, мало мебели, тесно из-за беженцев из Тяньцзина, кормят не очень обильно, хотя и мясным. Но всё это не очень страшно, ибо за работу в школе и ещё за уроки в воскресной школе я буду иметь жалованье (рублей 20–25 в месяц), которого хватит на мелкие расходы и даже на то, чтобы улучшить питание. Летом, конечно, этой работы не будет (по счастливой случайности я попал в школу как раз в день начала занятий).

Думаю, что как только совершится мой перевод в Пекинскую епархию, так Владыка рукоположит меня в сан диакона, а там и пресвитера. Законоучитель школы должен бы быть священником, да и в церкви Миссии служить некому <...>

Ещё раз – большое спасибо за Ваши заботы. Кажется, я нашёл теперь благожелательного и достаточно сильного человека, способного защитить меня, когда понадобится. Работа в Миссии всегда останется интересной, поле деятельности необозримым. Здесь буду изучать китайский язык и литературу, буду читать, помогать по издательству, преподавать, служить в церкви, когда призовут. Благословен Господь, даже всякое зло направляющий к добру и ведущий нас через многие испытания к светлой и осмысленной жизни. Переживая тяжёлые дни, научаемся особенно ценить дни отрадные и благодарить за них Того, Кто посылает их нам.

О Ваших стихах напишу в следующий раз, так как хочется письмо это отправить сегодня же, ибо скоро начнётся всенощная и времени мало, да и предстоит ещё съездить в Русский дом, где получены мои остальные вещи (шедшие багажом) – среди них всё бельё и одежда.

Итак, всего доброго. Дай Боже, чтобы Ваша жизнь устроилась тоже более благополучно. Только не падайте духом и надейтесь.

Искренне уважающий Вас монах Герман

*Бэй-гуань, Пекин.
12 ноября 1939*

Дорогая Лидия Юлиановна,

Простите, что так долго не ответил Вам на благородное письмо Ваше от 18.X (вчера пришло и второе – от 4.XI). Конечно, давно написал бы, если бы жизнь моя в Миссии не осложнилась неприятностью самого житейского и сезонного характера. Дело в том, что уже 3 недели, как в Пекине холодно (числа с 26-ого октября), а я до сегодняшнего утра жил без отопления в плохо защищённом помещении. Все жители Бэй-гуаня, вообще, предоставлены самим себе: их кормят – так, что только-только достаточно, – и дают кров, а обо всём остальном, еже приложится, всякий должен позаботиться сам. Помимо плохих, это имеет и хорошие стороны, так как свобода никем не оспаривается, но зато расходы оказываются больше, чем можно ожидать, поскольку полагается, что монахи не получают жалования, и имеют всё казённое. От этой причины

¹ *Боксёрское восстание*, или *восстание ихэтуаней* – националистическое движение, направленное против засилья иностранцев, произошло в Китае почти за сорок лет до приезда Перелешина в Бэй-гуань. Китайские чиновники, подозреваемые в связях с иностранцами, тоже были казнены. Своего пика движение достигло в 1900 году. Тогда пострадала и Российская духовная миссия в Пекине. Она была сожжена, погибла библиотека, архив.

старожилы Бэй-гуаня ходят оборванными, запускают всякие недуги. Вывод из всего – надо работать на стороне. Мне пока что везёт: кроме школы даю ещё уроки в Воскресной школе и два частных. Продаю 6 книг: 3 «В пути» и 3 «Добрый улей», и, несомненно, продам ещё несколько. Благодаря этому жить будет возможно. Большое участие в моей судьбе принимают мои новые друзья: Мария Павловна и Флавий Иванович Коростовец¹ (люди книжные и очень интересные) и баронесса Ольга Владимировна Сталь-Гольштейн²: здесь они дали мне уроки на очень хороших условиях (с детьми обеих семей). Сегодня Флавий Иванович и его сын Марк, мой ученик, явились ко мне и принялись за работу: покрыли весь пол в комнате (он цементный) газетами во много слоёв, затем циновками и ковром; Марк заклеил окна ватой и бумагой, – словом, вооружили меня против зимы. Сегодня же мне поставили печь, уже час я сижу в тепле и пишу ответы на накопившиеся письма.

«Мысли» Ваши очень глубоки и своеобразны. Продолжайте эти записи и ни за что не обрывайте их. У меня никогда не хватало упорства и смелости вести дневник, но я, нет-нет, да и принимался за это прекрасное занятие, а после перечитывал записанное с огромным интересом, хотя ничего подобного Вашим записям по значительности и оригинальности у меня никогда не было.

Мама пересылает мне «Рубеж»; рад, что стихи Ваши печатаются всё время. Я написал в Пекине уже 5 вещей, 2 довольно удачных, но пока ничего не напечатано – может быть, ещё не получено. Недавно раздобыл английский словарь (у той же М.П. Коростовец), – без него не переведу «Старого Моряка»³, ибо встречаются там весьма устарелые словечки. А пока – прибавил ещё 2 строфы, то есть перевалил за половину 2 песни (а их всего 7). Много ещё работы. <...>

Попалось снова Ваше замечание о том, что в Пекине нет людей, – я сам так думал, но оказалось, что ошибся, ибо нашёл здесь людей «настоящих», читателей философских книг, поклонников стихов и полиглотов. И в Дайрене Вы встретили людей, а не только снобов, как m-me Генкель.

Блока я прочёл всё, но захотелось выписать только «итальянские стихи» и ещё несколько стихотворений из разных циклов. И ни одного из «Прекрасной дамы»⁴. Впрочем, было это давно, когда мне было 19–20 лет; сейчас многое открылось бы иначе. А Цветаеву полюбил – есть у неё блестящие вещи, особенно в «После России» и «Психее»⁵. Городецкий⁶ вообще – «звонарь», а не поэт. Не считаю его чем-нибудь больше. Есенина всё так же – терпеть не могу. Он всё же страшно некультурен и безвкусен, хотя и талантлив.

¹ Позже, в 1950-е гг., вся семья Ф.И. Коростовца (1887–?) – сына *Ивана Яковлевича Коростовца* (1862–1933) выдающегося русского дипломата, оказалась в Австралии. М.П. Коростовец (1899–1975) писала стихи, участвовала в шанхайском поэтическом кружке «Пятница».

² В воспоминаниях Перелешин писал, что баронесса О. Сталь-Гольштейн (урождённая Граве) занимала вторую половину того дома, где жила семья Коростовцов. Её покойный муж, «замечательный востоковед, числился профессором Харвардского университета, которому и завещал свою богатейшую библиотеку. <...> Университет платил ей некоторую сумму не то в качестве „вдовьей пенсии“, не то на хранение библиотеки» [Перелешин, 1987, 92].

³ Перевод Перелешина поэмы С.Т. Колриджа «Сказание старого моряка» вышел в 1940 г.

⁴ Перелешин, видимо, имеет в виду сборники стихов А.А. Блока (1880–1921) «Итальянские стихи» (1909), «Стихи о прекрасной даме» (1901–1902).

⁵ Сборники стихов М.И. Цветаевой (1892–1941) «Психея; Романтика» (1923), «После России» (1928).

⁶ Перелешин говорит о поэтах С.М. Городецком (1884–1967) и С.А. Есенине (1895–1925).

Теперь по поводу моих книг, Вами проданных. Если ещё не переслали денег в Харбин, то и не посылайте, а лучше переведите сюда, так как в «Зарю» я успею заплатить, когда буду лучше устроен, а мама всё равно пошлёт деньги мне же, так что они будут без конца путешествовать, и в конце концов доберутся до меня. Но помните, что Вы должны удержать за одну проданную мою книгу. Здесь я надеюсь продать ещё 2 книги, и уже написал маме, чтобы она выслала их мне, так как ей теперь не удастся самой это сделать, она много занята домашними хлопотами, в которых ей никто не помогает, а жизнь между тем всё усложняется.

Приятно было узнать, что брат Ваш не охладел к стихам. Давно что-то не читал его стихов; посылает ли в «Рубеж»? Подстрекайте его на добро, пусть пишет, он, несомненно, одарённый юноша.

И, наконец, о Ваших стихах.

«И на земле им тяжек, горек путь» –

не нравится мне это «тяжек-горек». Сделайте проще:

«И на земле их безотраден путь».

Остальное всё хорошо (это речь о «Душе»). В «Печали» не очень хороша последняя строчка (слово «божественный») и повторность рифмы «даль – печаль». Но содержание стало ясным.

Поверьте мне, что выражение «я все надежды подарила Богу» имеет смысл как раз противоположный тому, который Вы усматриваете – не полная безнадежность, а «упование на Господа»! Вот это-то и не понравилось, ибо всё остальное противоречит этой мысли. О «порфиноносной схиме» и «святительском венце» сказать больше нечего – порфира не схима, и схима не порфира, да и «святитель» – не «мученик». Увидите, что и Рокотов того же мнения.

Относительно настигающей «дали» судить трудно. Иногда это может быть хорошо, иногда – плохо. Можно заставить читателя поверить, что даль способна настигать, и тогда это будет оправдано.

С появлением печки жизнь должна войти в зимнюю колею: то есть, руки всегда будут грязные, воротнички – тоже, всё запылено, воздух – дымный, но ничего – «претерпевший до конца, тот спасён будет»¹, итак – потерпим.

Прочёл недавно книгу А. Штейгера «Неблагодарность»². Название не оправдано, но стихи хорошие (раздобыл их у баронессы Сталь), многое выписал во всеобъемлющую тетрадь. А нынче привез от М.П. Коростовец переведённые ею «Дао-дэ-цзин»³ философа Лао-Цзы, и тибетские буддийские книги о Мудрости – «7 книг мудрости Великого Пути»⁴, и ещё – «L'Oiseau bleu» par Maeterlinck⁵. Одновременно читаю Фаррара «Жизнь и труды св. ап. Павла»⁶ и великого П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины»⁷. Чудесные книги!

¹ Цитата из Евангелия (Матф.10:22).

² Книга А.С. Штейгера (1907–1944) «Неблагодарность» вышла в Париже в 1936 г.

³ Позже трактат «Дао-дэ-цзин» перевёл стихами Перелешин. Текст перевода сохранился в его архиве [Ф. 608, оп. 1.2.1, ед. хр. 13, л. 1–28].

⁴ В архиве Перелешина не сохранилась эта книга, изданная, видимо, в Китае.

⁵ «Синяя птица» – пьеса Мориса Метерлинка, написанная в 1908 г.

⁶ Книга «Жизнь и труды Святого Апостола Павла» английского богослова XIX в. Фредерика Уильяма Фаррара в начале XX в. была переведена на русский язык. Она стала продолжением его известной книги «Жизнь Иисуса Христа».

⁷ Книга религиозного философа, священника Павла Александровича Флоренского (1882–1937) «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» была написана в 1904–1908 гг. Издана в Москве в 1914 г.

Пока всего доброго. Пишите; я стараюсь всё же отвечать, как следует, и в этот раз меня задержал только холод: несколько дней я буквально не вылезал из-под одеяла.

Да хранит Вас Господь. Искренно преданный Вам монах Герман.

*Russian Orthodox Mission
Pei-kwan, Peking.
3 апреля 1940*

Дорогая Лидия Юлиановна,

Давно что-то не получал от Вас писем. Но всё-таки решил сегодня написать Вам «внеочередное» письмо – чтобы поздравить Вас с днём Вашей святой покровительницы и пожелать Вам всякой радости и многих ещё «Раздумий» – и, кроме того, поблагодарить Вас за неожиданную рецензию¹, которую сегодня получил от мамы. Верные мысли и хороший тон. Большое спасибо.

Прежде всего, кажется, следовало поделиться с Вами своей радостью: 30 марта Владыка возвёл меня в сан иеродиакона. Сейчас я окрылённо прохожу подвиг 40-дневного служения в церкви – учусь литургическому действию, учусь внимательно и добросовестно. Досугов, поэтому, теперь нет уже окончательно – они потеряны в деловой суете школ, канцелярских бумаг и прочего. Заснул осиротелый «Старый Моряк», дремлют милые катакомбы², покрывается пылью книга «Цянь-цзя-ши» («Стихи тысячи авторов»). Вот и сейчас письмо будет оборвано: завтра первая в моей жизни литургия преждеосвящённых – трудная, непривычная. К ней надо готовиться и читать длинное монашеское правило. А глаза слипаются уже сейчас.

Но я счастлив и благодарен Вам за Вашу мысль о Пекине, где меня все так полюбили (те, кто не любил – не в счёт – потому что любит Владыка и очаровательный о. Нафанаил³, с которым мы вместе служили мою первую неделю, который восхищается моими стихами и оказывает все мыслимые услуги. Любят мои светские друзья). В жизни есть смысл, глубокое содержание, цели меньшие, ближние, и большие, отдалённые.

На этом письмо, скрепя сердце, обрываю. Жду письма от Вас. Как Ваше здоровье, как стихи?

Да благословит Вас Господь. Ваш друг и богомolec иеродиакон Герман.

*13, Chernogorskaya st., ap.2.
Harbin.
27 декабря 1941*

Дорогая Лидия Юлиановна,

Очень давно нет от Вас вестей. Как поживаете? Как Ваше здоровье? Я писал Вам, кажется, в начале октября, потом получил от Вас перевод на 8 го-би

¹ Рецензия Хаиндровой на книгу Перелешина «Добрый улей» появилась в приложении к газете «Харбинское Время» от 25 марта 1940 года.

² «Дремлют милые катакомбы» – курсовое сочинение для Богословского факультета «Катакомбы, храмы в них и живопись». (Примеч. В. Перелешина).

³ *Архимандрит Нафанаил (Поршнев Н., 1899–1942)* – наместник Успенского монастыря в Миссии. В 1940 году он вернулся из Югославии (с 1939 года он был в отъезде, в Европе). Перелешин писал о нём с большой симпатией, как об умном, тонком и сердечном человеке. Он умер ночью в своей келье, как предполагали, от отравления угарным газом.

за проданные книги. Большое спасибо. Очень трудно устраивать нынче книги, за свою «Звезду над морем»¹ я всё ещё должен издательству \$ 22. Хотел бы к весне всё выплатить, чтобы можно было издать книжечку переводов с китайского языка. Но книжечка эта будет написана только в том случае, если я вернусь в Пекин – пока что мне это не удаётся.

Все дела мои в Харбине закончены. В середине ноября я сдал последний экзамен на Богословском факультете; теперь за мною осталось только кандидатское сочинение на тему «Философия страдания»; материалы почти подобраны, по возвращении в Пекин надеюсь скоро написать его, тогда и получу степень кандидата богословия.

Как Ваши литературные успехи? Читал Вашего превосходного «Мечтателя», но стихи Ваши вижу редко. Пишете ли? Как расходуется книга? Очень вредный формат и шрифт: если не очень светло, то читать действительно трудно.

В Харбине живёт теперь Борис Юльский², до последнего времени мы не виделись, а недавно он пришёл ко мне и теперь часто бывает. Он пишет отличные рассказы; я считаю его самым талантливым из беллетристов. Он же подвиг меня написать пару стихотворений, которые думаю направить на конкурс³. Но хотелось бы написать ещё что-нибудь. Как Вы относитесь к этому конкурсу? Перспективы благоприятные: Арсений⁴ и Шмейссер будут писать рассказы, а не стихи; Ачаир⁵ вошёл в жюри. Баришевская-Ней⁶ (Шура Носова, помните?), кажется, содрала своё стихотворение из какого-то старого журнала, и ей теперь едва ли поверят (тем более что раньше она писала очень слабо). Г-жа Даль⁷ прошла случайно и вторично, думаю, не пройдёт. Остаётся один Обухов⁸, но премий много. Если у Вас найдётся что-нибудь вроде «Одиночества», то Вы имеете большие шансы на успех.

К рождественскому номеру пишу для «Зари» три статьи; одну вчера дописал, сегодня буду писать об астрологии, которую изучил прошлой зимой в Пекине. Плодом этих занятий явилось, между прочим, стихотворение «Мой гороскоп», напечатанное в «Звезде над морем».

От всего сердца желаю Вам здоровья, которого Вам так недостаёт по временам, и, конечно, ещё больше желаю Вам новых достижений в поэтическом ремесле. Да благословит Вас Господь и да хранит Вас и Вашу девочку в Новом году. Мама просит передать привет, поздравления с Рождеством и Новым Годом и наилучшие пожелания.

Искренне преданный Вам иеромонах Герман.

¹ «Звезда над морем» (Харбин, 1941) – книга стихов Перелешина.

² Юльский Борис Михайлович (1911/1912–1950-е?) занял на конкурсе 1942 года в Харбине второе место среди беллетристов за рассказ «Таёжная сказка».

³ Речь идёт о втором (1942 г.) литературном конкурсе Главного Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. Раньше, на первом литературном конкурсе (в 1941 году) Перелешин занял первое место со стихотворением «Расплата», но поскольку Перелешин жил тогда в Пекине, т.е. вне Маньчжурской Империи, премию ему не дали.

⁴ Арсений Несмелов в конкурсе участвовал и занял третье место по разделу «Национальной героики» за стихотворение «Тральщик „Китобой“».

⁵ Перелешин считал, что А. Ачаир вошёл в жюри, чтобы избежать конкуренции с ним.

⁶ Поэтесса Александра Носова, в замужестве Баришевская (псевд.: Маргарита Достоевич, Ариадна Ней). На первом литературном конкурсе Главного Бюро в Харбине (1941 г.) Ариадна Ней получила одну из двух вторых премий за стихотворение Бальмонта, как потом выяснилось.

⁷ Поэтесса Елена Даль (Пласкеева).

⁸ Василий Обухов занял на этом конкурсе, 1942 года, первое место за стихотворение «Повесть о Пскове», а Перелешин – тоже первое место, в разделе «Лирики» за стихотворение «Возвращение».

Библиографический список

Андерсен, Л. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма / Л. Андерсен. – М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2006. – 524 с.

Забияко, А.А. Эмиграция и детство: «детский текст» в творчестве Арсения Несмелова / А.А. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 3(43). – С. 230–237.

Забияко, А.А. «Ледяная погибель» Арсения Несмелова: между «молотом» пропаганды и «наковальной» искусства / А.А. Забияко // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6 / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2012. – С. 132–148.

Забияко А.А. Прозаическая Арсениана: забытый архив русской жизни / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева // В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Научное издание: В 3-х томах. Т. I. Ч. 1, 2. Материалы к творческой биографии / Сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый, Г.В. Эфендиева; подгот. текстов Е.Е. Бибик, И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянской, Г.В. Эфендиевой; комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 850 с.

Несмелов, А. Без России / А. Несмелов / Под редакцией и с комментариями Эммануила Штейна. – США: Антиквариат, 1990. – 479 с.

Несмелов, А. Белая флотилия / А. Несмелов. – Харбин, 1942. – 63 с.

Перелешин, В. Два полустанка / В. Перелешин // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Pereles`in. Amsterdam: Rodopi, 1987.

Перелешин, В. Стихи / В. Перелешин // Огонёк. – 1989. – № 29.

Хаиндрова, Л. «Россия, твой ветер привольный...» / Л. Хаиндрова // Остров. – Шанхай, 1946. – С. 210.

Щёголев, Н. Предисловие / Н. Щёголев // Остров. – Шанхай, 1946. – С. 8–15.

**«ТЫ СНОВА В ДОБРЫЙ УЛЕЙ ВЛИТ...»
(ИЗ ИСТОРИИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В.Ф. ПЕРЕЛЕШИНА В РОССИЮ)**

Н.П. Гребенюкова

Книги поэтов русского дальневосточного зарубежья вернулись в Россию с волной репатриантов, многим из которых местом постоянного жительства был предписан Хабаровск. Бывшие эмигранты, среди которых было немало деятелей культуры, сохранили в памяти любимые стихи харбинцев, которые потом были тиражированы. Особенно часто переписывались и перепечатывались стихи В.Ф. Перелешина, Л.Е. Ещина, А.И. Несмелова, А.А. Ачаира, М.Ц. Спургота. Интерес к литературе эмигрантов уже в 1960-е гг. был настолько велик, что предполагался выпуск антологии поэзии русского Харбина. В 1967 г. в Хабаровске вышла «Антология поэзии Дальнего Востока», приуроченная к 50-летию Октябрьской революции. В книгу были включены и стихи А.И. Несмелова. Стихи крупнейшего поэта и переводчика русского зарубежья В.Ф. Перелешина (Салатко-Петрище) (1913–1992) стали публиковаться в СССР после 1987 г., когда отдельные любители поэзии уже были с ними знакомы.

Творческое наследие поэта стало объектом пристального внимания дальневосточных учёных с начала 1990-х гг., а в 2000-е гг. было издано несколько монографий, опубликован ряд статей, посвящённых поэзии В.Ф. Перелешина. Значительный вклад в исследование творчества поэта внесли доктор филологических наук, профессор, автор десятков работ о творчестве Валерия Перелешина, О.А. Бузуев (Комсомольск-на-Амуре) и кандидат филологических наук Т.М. Соловьёва (Южно-Сахалинск).

Биография поэта достаточно хорошо изучена, и многое для этого сделал переводчик и литературовед, «конфидент» поэта, Е.В. Витковский, которому В.Ф. Перелешин посвятил свою девятую книгу стихов «Ариэль» (1976). Отдельные факты биографии помогают понять историю возвращения творческого наследия поэта в Россию. Те яркие личности, с кем сталкивалась судьба Валерия Перелешина, несли в себе частицу Родины и во многом определили идейно-тематическое своеобразие его лирики.

В.Ф. Перелешин начал писать стихи с 5–6 лет, а с 14 печатать их [Сентянина, 2012, 239]; он издал, по разным подсчётам, четырнадцать книг. Поэт предполагал передать своё творческое наследие России, которую он покинул ребёнком, в семилетнем возрасте, эмигрировав в Китай с матерью, Евгенией Александровной Сентяниной (1897–1980) и братом Виктором (1915 г.р.) [ГАХК, ф. Р–830, оп. 3, д. № СД–2 6956, л. 18].

Известно, что свои стихи и переводы с английского Валерий Перелешин начал публиковать в журнале «Рубеж» с 1932 года. Именно здесь он прошёл первую и хорошую школу профессионального мастерства, и его учителем, после матери, стал главный редактор М.С. Рокотов-Бибинов. Впоследствии поэт тепло вспоминал о нём: «Сам не поэт, он обладал вкусом и был чрезвычайно широк и терпим. От поэтов он требовал, прежде всего, здравого смысла, не выносил жеманства и всякого рода „кувыркания под куполом“: выпирающих аллитераций, „рваных“ строк, не разрешал начинать строки с маленькой буквы или пренебрегать знаками препинания. Многие поэты, начинавшие свой путь на страницах „Рубежа“, навсегда сохранили благодарность этому на редкость доброжелательному и совсем „нестрашному“ редактору за ту прививку внутренней дисциплины, которую получили от него и которая предотвратила их от укло-

нов в „невнятицу“ и вошедший теперь в моду „формализм бесформенности“» [Бабкина, 2015].

В издательстве «Заря», где выходил и журнал «Рубеж», печатались все его первые книги; сборник стихов «В пути» (Харбин, 1937 г.), вышедший в свет до пострижения В.Ф. Перелешина в монахи, издала мать поэта. За годы монашества были изданы ещё три книги стихов: «Добрый улей» (1939), «Звезда над морем» (1941), «Жертва» (1944).

В Китае В. Перелешин получил хорошее образование; в анкете БРЭМа В.Ф. Салатко-Петрище в графе «Образование» указывал: «Гимназия ХСМЛ (окончил в 1930 г.) [с отличием – *Н.Г.*], Юридический факультет (окончил в 1935 г.)» [ГАХК, ф. Р–830, оп. 3, д. 41876, лл. 1,8]. В Харбине он закончил Богословский факультет и «в апреле 1943 года защитил диссертацию на тему «Философия страдания», став кандидатом богословия по истории философии» [Кузнецова, 2013]. Первые книги поэта сразу же получили высокую оценку критиков. Н.С. Резникова отмечала, что «стихи Валерия Перелешина, безукоризненные по форме <...>) несколько холодны, но холод этот – не от пресыщенности и равнодушия, – в нём очарование вершин и дыхание таланта» [ГАХК, ф. 3080, Журнал «Рубеж» № 39(608), 23 сентября 1939 г., л. 323 – об.]. В рецензии книгу «Добрый улей» А.И. Несмелов писал: «... стихи Валерия Перелешина превосходны. Даже некоторая тяжеловатость в некоторых из них – тяжеловатость благородного металла, отягощённого собственным атомным весом. Стихи Перелешина можно полюбить глубоко и навсегда» [ГАХК, ф. 3391, Заря. 1939. 1 октября. Л. 15].

Без истории жизни поэта, зашифрованной в его стихах, скрытой в письмах к друзьям, не поймёшь, как поэт Валерий Перелешин любил Россию и как он мечтал, чтобы на Родине издавались его книги... При этом поэт презрительно относился к советским реалиям, обвиняя советскую державу в «стадности» («Образец», 1970 г.).

В.Ф. Перелешин всегда чувствовал себя «до костного мозга русским». Он владел китайским, английским, португальским, французским, испанским; обладая редким лингвистическим вкусом, он знал русский язык превосходно. Много позже Валерий Францевич оказывал помощь (по его словам) русской поэтессе Лариссе Андерсен, проживавшей во Франции. Л.Ю. Хаиндрова вспоминала, что «Лариса Андерсен консультируется по русскому языку с Валерием и о стихах тоже» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3].

В 1943 г. в Пекине поэт написал своё самое пронзительное стихотворение «Ностальгия», в котором были такие строки: «Я сердца на дольки, на ломтики не разделю, / Россия, Россия, отчизна моя золотая! / Все страны вселенной я сердцем широким люблю. / Но только, Россия, одну тебя больше Китая». Это стихотворение Валерий Францевич отправил матери с припиской: «Обзавёлся я предметом роскоши: большой стеной *картой России* [Разрядка моя – *Н.Г.*]. Повесил её над постелью и часто разглядываю. „Россия, Россия, отчизна моя золотая...“».

В 1945 г. после того, как бóльшая часть Православной Церкви Китая признала главенство Москвы, В.Ф. Перелешин снял с себя монашеский сан [Кузнецова, 2013].

В 1952 г. В.Ф. Перелешин с матерью выехал через Тяньцзинь и Гонконг в Бразилию, в Рио-де-Жанейро. «Ветер торопит на юг: / высыхают прощальные слёзы», – ещё в 1936 г. пророчески писал поэт в стихотворении «Элегия» [ГАХК, ф. 3076, «Рубеж» № 15(428), 4 апреля 1936 г. Л. 92]. В 1980 г. брат Валерия Францевича Виктор перевёз их с матерью на дачу, в селение Мур; на следующий год Е.А. Сентянина умерла, а В.Ф. Перелешин жил там до конца своих дней.

В Бразилии в творчестве Валерия Перелешина наступил большой перерыв; поэт продолжал работать, но его стихи и статьи стали появляться в русских периодических изданиях во Франции и в США только в середине 1960-х годов. Лишь с 1968 г. русскоязычные читатели могли познакомиться с новыми сборниками стихотворений Валерия Перелешина: «Южный дом» (Мюнхен, 1968), «Качель» (Франкфурт-на-Майне, 1971), «Заповедник» (Франкфурт-на-Майне, 1972), «С горы Нево» (Франкфурт-на-Майне, 1975), «Ариэль» (Франкфурт-на-Майне, 1976), «Три родины» (Париж, 1987), «Из глубины взвозвах» (Холиоок, Нью Ингланд Пабблишинг, 1987), «Двое и снова один?» (Холиоок, Нью Ингланд Пабблишинг, 1987) и «Вдогонку» (Холиоок, Нью Ингланд Пабблишинг, 1988).

В.Ф. Перелешин выпустил антологию переводов из китайской классической поэзии Танской эпохи «Стихи на веере» (1970) и перевод поэмы китайского классика Цао Юаня «Ли Сао» (1975). Автобиографическая «Поэма без предмета» была опубликована сначала в Торонто, а затем вышла отдельным изданием в 1989 г.; книга «Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая» увидела свет в 1987 г. в Амстердаме.

Где бы ни издавались книги поэта, он адресовал их русскому читателю. Перелешина мало интересовала, по его выражению, «эпоха» – важнее был мир человеческих чувств. Примечательно, что одним из эстетических принципов литературно-художественного объединения «Пятница» (1943), участником которого был В.Ф. Перелешин, провозглашался уход в круг «неполитизированной» литературы и поэтизация мира эмоций. В 1970-е гг. в письме к П.П. Лапикену (1907–1983), бывшему члену харбинской «Чураевки», Валерий Францевич подтвердил верность этому принципу: «Я стремлюсь к поэзии вневременной и внепространственной (в скобках: вечной)» [Перелешин, 2004].

Горячо вступаясь за русского поэта И.В. Елагина (сына поэта-футуриста Венедикта Марта), Перелешин говорил: «Елагина не презирайте: он очень сильный поэт. Разошёлся я с ним из-за установок: он желает отражать эпоху, а я хочу её игнорировать, насколько это возможно» [Перелешин, 2014].

С начала 1950-х гг. до конца дней Валерий Перелешин вёл переписку с поэтами «русского рассеяния», в том числе с теми, кто был репатрирован в СССР, а также со специалистами по славянской филологии из стран Европы. Валерий Францевич не терял надежды, что придёт время, и книги поэтов дальневосточной эмиграции и его собственные будут издаваться в России.

В собрании Гродековского музея, в архиве исследователя литературы дальневосточного зарубежья А.В. Ревоненко, помимо уникальных изданий прижизненных книг поэтов русского Харбина, их машинописных рукописей, есть немало интересных писем, в том числе и письма о В.Ф. Перелешине.

Среди этого эпистолярного свода – письма Л.Ю. Хаиндровой. Поэт и Лидия Юлиановна «были большими и сердечными друзьями», их связывала «творческая дружба с ранней юности» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3]. Она когда-то приняла горячее участие в судьбе поэта: благодаря своей личной связи с главой Российской Духовной миссии, в 1939 г. она помогла Валерию Перелешину (о. Герману) перевестись в Пекин из монастыря Харбина, когда поэту стало там «особенно невыносимо».

К творчеству Л. Хаиндровой В. Перелешин всегда проявлял большое внимание. В одном из писем П.П. Лапикену он сообщал: «Другая радость: среди екатеринодарских поэтов (пятеро под одной суперобложкой) издан сборничек „Даты, даты...“ милой Лидии Хаиндровой. Из пятерых она лучшая. <...> Одно стихотворение посвящено „Евгении Сентяниной“» [Перелешин, 2014].

В.Ф. Перелешин посвятил Л.Ю. Хаиндровой стихотворение, которое Лидия Юлиановна приводит в одном из писем А.В. Ревоненко: «Между нами не годы, а только мгновенье, / И не тысячи вёрст. А распутье одно, / И, быть может, в недалнем уже воплощенье / Крепче за руки взяться нам будет дано?» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3, л. 58].

В письмах Лидии Юлиановны Хаиндровой А.В. Ревоненко содержится немало интересных биографических сведений о В.Ф. Перелешине и его творческой судьбе. Л.Ю. Хаиндровой В.Ф. Перелешин собирался завещать свои стихи. Поэтесса писала, что Валерий Францевич «хочет переслать мне все свои стихи и переводы, как новые, так и старые. Он хочет, чтобы его знали и дома. Вы понимаете, что значит дома?» (от 31.01.70) [«Будто нет расстоянья ...», 2006, 24]. В том числе автор писем сообщает о происхождении псевдонима «Перелешин»: «Что я знаю о фамилии „Перелешин“? Что подсказал этот псевдоним Валерию Францевичу редактор журнала „Рубеж“, в то время Михаил Сергеевич Рокотов, но спрошу его непременно о жителе Владивостока, военном моряке Перелешине, по странному стечению обстоятельств писавшем стихи» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3, л. 71].

В собрании музея представлены прижизненные издания книг В.Ф. Перелешина, вышедшие в 1930–1940-е гг. в Китае и после 1988 г., а также некоторые коллективные сборники, в которых публиковались стихи поэта. Уникальные прижизненные издания интересны ещё и тем, что на их форзацах и титульных листах автографы поэта. На титуле книги «В пути», посвящённой матери поэта, такой автограф: «Дорогому другу Юре Витвицкому на добрую память. Валерий Перелешин (ныне также иеромонах Герман). Харбин, 16.IX. 1941» [ХКМ КП, 12248/82].

В фондах музея есть и книги В.Ф. Перелешина «В пути». Стихи 1932–1937: первая кн. стихотворений (Харбин, 1937), «Звезда над морем». Третья книга стихотворений (Харбин, 1941), «Жертва». 4-я книга стихов (Харбин, 1944), «Стихи на веере». Кроме того, среди материалов В.Ф. Перелешина – «Антология китайской классической поэзии». (Посев, Франкфурт, 1970). «Оттиск. Цюй Юань. Ли Сао. Поэма в стихотворном переводе Валерия Перелешина с китайского оригинала» (Рио-де-Жанейро, 11 октября 1975 г.), страницы из журнала «Литературная Армения» (№5 1989 г.) со стихами В. Перелешина.

На титульном листе книги «Жертва» размашистым почерком автор сделал дарственную надпись незнакомке: «И если пасть беззубую, сухую / Откроет старость с хворью на горбе, / Стихом последним я отсалютую / Тебе, зеленоглазая, тебе!» [ХКМ КП, 12248/83]. В этом экземпляре, на странице 43, в стихотворении «Хуцинь» сделана авторская правка: в первом катрене стихотворения слово «едва» заменено более точным по смыслу словом «вдали». На странице 47 в предпоследнем четверостишии стихотворения «В Шаньхайгуане» слово «сердце» заменено словом «память». По мысли древнекитайского философа Лао Цзы, поэму которого «Дао-дэ-цзин» прекрасно перевёл В.Ф. Перелешин, «верные слова не изящны, изящные слова не верны».

На форзаце книги «Звезда над морем» – такая запись: «С днём Ангела! В далёкий Мукден, близкому другу. 1945 г. Харбин. Мария» [ХКМ КП 12248/79]. Мария – это один из псевдонимов поэта, которых у него было немало, и среди них А. Каюрин, Б. Стрельцов, Далёкий, Сигма и Мария Кареева. Под этими псевдонимами В. Перелешин подписывал стихи, публиковавшиеся в журнале «Рубеж». Именем «Маша» В.Ф. Перелешин называл свою пишущую машинку [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3].

Уже в 1960-гг. советские читатели познакомились с творчеством В.Ф. Перелешина, хотя его стихи стали публиковать в СССР много позже. В 1970-е гг. любители стихов, заранее зная о выходе в свет книг поэта, заказывали их автору, посылая деньги с просьбой отправить необходимое количество экземпляров [«Будто нет расстоянья...», 2006, 42].

В 1960-е гг. в Хабаровске предполагалось издание антологии поэзии Дальнего Востока, в которой были бы представлены стихи дальневосточных эмигрантов. Был и замысел переиздания их книг. Бывшие адресанты А.В. Ревоненко были воодушевлены, «приветствовали это начинание», ждали «воскрешения» забытых имён, однако ни в период оттепели, ни во время перестройки антологию издать не удалось.

В.Ф. Перелешин очень надеялся, что в СССР будут издаваться и сборники стихов поэтов дальневосточного зарубежья, в том числе книги А.И. Несмелова, которого считал в поэзии своим учителем. Об этом упоминает Л.Ю. Хаиндрова: «Он хлопочёт в какой-то типографии об издании всего Несмелова или хотя бы избранных стихотворений, сам собирается редактировать сборник» [«Будто нет расстоянья...», 2006, 24].

В.Ф. Перелешин был щедрым человеком, хотя отнюдь не богатым. Он посылал поэтам, бывшим харбинцам, свои новые сборники, которые, увы, не всегда доходили до адресатов. Об этом сообщала Л.Ю. Хаиндрова: «Он неоднократно посылал на моё имя для всех нас сборники, но так до сих пор ничего не дошло. Я ему уже писала, чтобы он оставил эти попытки, это стоит очень дорого, а ведь он материально в очень стеснённых обстоятельствах» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3, л. 71].

В 1970 г. после выхода в свет антологии переводов из китайской классической поэзии Танской эпохи «Стихи на веере» В.Ф. Перелешин задумал отправить её бывшим харбинцам. Чтобы получить разрешение переслать её в Советский Союз, он вёл переписку с органами госбезопасности – «с Комитетом». Л.Ю. Хаиндрова вспоминала: «Сейчас у него завязались какие-то деловые отношения с Комитетом, и он хочет попытаться через них послать мне опять бандероль с его с переводами древних китайцев, и для друзей тоже. Переводы отличные. <...> Сейчас он для Комитета переводит очень трудное собрание китайских стихотворений...» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3, л. 69].

Книги В.Ф. Перелешину всё-таки удалось отправить в СССР, и Л.Ю. Хаиндрова рассказывает такую историю. «Антология «Стихи на веере» была передана его другом-соучеником Юрием Волковым через какое-то третье лицо Андр[ею] Андр[еевичу] Вознесенскому для передачи мне <...>. Я написала вежливое письмо Андр[ею] Андр[еевичу] Вознесенскому, но вот до сих пор не получила даже нелюбезного ответа. Поэтам, достигшим больших высот, гуманность, чуткость и прочие благородные качества не полагаются. <...> невольную улыбку вызывала у меня мысль о том, что „китайские старцы“ почему-то могут быть опасными нашей стране, что все антологии до одной где-то задерживались. Бедный Валерий посылал и по официальным каналам, например, в Комитет, и тоже ни одно не дошло» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 3].

Поэт мечтал также о публикации в России своих португальских переводов. Л.Ю. Хаиндрова вспоминала, что это было «всего 53 стихотворения, в основном, как он пишет, просто стихи, и среди них несколько стихотворений религиозных» [«Будто нет расстоянья...», 2006, 25].

В середине 1970-х гг. В.Ф. Перелешин по совету французского издателя и переводчика Н.А. Струве предложил «самому авторитетному журналу вольного русского слова за рубежом» «Континент», издававшемуся с 1974 по 1992 гг.

в Париже, свои стихи в надежде, что их прочтут в России. Поэт послал их Юстине Владимировне Крузенштерн-Петерец для «дальнейшей пересылки» в редакцию, но бандероль вернулась назад. Валерий Францевич высказал предположение, что «по существу небольшая группочка монополизирует страницы журнала (и дотации) для себя. Выяснилась и пикантная подробность: отделом поэзии заведует... Наум Коржавин! Ему доставило бы огромное удовольствие возможность отвергнуть мои стихи как „несозвучные“ – и тиснуть в журнал страниц десять собственных виршей» [Перелешин, 2004].

Только с 1988 г., когда поэт стал уже всемирно известным и книги его выходили в США, в ФРГ, во Франции, в Нидерландах, его стали печатать в журналах Советского Союза. В 1988 г. газета «Московский литератор» опубликовала небольшую статью о поэте и его перевод с испанского языка сонета Хуана Боскана-и-Альмогавера «Пустынником я прожил нелюдимым». Позже появлялись его оригинальные стихи в «Огоньке», «Новом мире», в «Литературной учёбе» и других журналах. Но переводы стихов португальских поэтов Луиса де Камозенса и Фернандо Пессоа, которых поэт особенно любил, в России так и не были опубликованы.

Валерий Перелешин был в курсе всех событий, происходивших в Советском Союзе в 1980-е годы. В 1989 г., после землетрясения с эпицентром в городе Спитаке, в журнале «Литературная Армения» вышла подборка стихов поэта. Автор обращался к читателям: «Дорогие друзья, потрясённый новой трагедией армянского народа, хочу принять посильное участие в судьбах пострадавших – и предлагаю Вашему журналу несколько своих стихотворений. Гонорар за печатание прошу отдать нуждающимся в помощи» [ХКМ, ф. 52, оп. 173, д. 55. Л. 17].

Путь стихов В.Ф. Перелешина на Родину был непростым, но мечта, «чтобы его знали и дома», была настолько велика, что превратилась в творческую установку и заставляла поэта двигаться к цели. Перелешин радовался любому случаю, когда русские читатели знакомились с его творчеством. Так, студент из Ленинграда, убеждённый, что «в отрыве от народной стихии» не может быть поэта, вдруг открыл для себя поэзию Валерия Перелешина. В письме к П.П. Лапикену Валерий Францевич вспоминает: «Он принёс домой из университетской библиотеки книгу „С горы Нево“ и, как сам пишет, „остолбенел“. Проглотил и все остальные сборники, включая харбинские (которые хранятся в другом отделе, как редкие издания). Мой адрес узнал от о. Кирилла Фотиева, у него же прочёл книгу „Ариэль“ – и вот, „объяснился в любви“» [Перелешин, 2004].

На закате жизни В.Ф. Перелешин стал членом редакционной коллегии Тихоокеанского альманаха «Рубеж». На обложке альманаха, вышедшего во Владивостоке в 1992 г., была двойная нумерация: 1 (863). Литературный критик и искусствовед А.М. Лобычев в сборнике эссе «На краю русской речи» писал: «Саму идею издания „Рубежа“ всячески поддержал из Рио-де-Жанейро и словом, и собственными произведениями поэт Валерий Перелешин, который верил, что творческое наследие русского Китая неизбежно вернётся в общее русло отечественной литературы, когда она перестанет делиться на советскую и зарубежную» [Лобычев, 2007, 46].

В сборник «Добрый улей» В.Ф. Перелешин включил стихотворение «Беглец» [ГАХК, ф. 3082, «Рубеж» № 4 (521), 22 января 1938 г. Л. 48] о слепом монахе, покинувшем монастырь, «жилище чёрных простодушных пчёл», и ограбленном, брошенном хитрым поводырём. После скитаний лирический герой, персонификация автора, возвращается в монастырь, «в обитель звонов, ладана

и воска» – он «снова в добрый улей влит» (улей – символ сообщества единомышленников).

Стихи Валерия Перелешина продолжают возвращаться в Россию. К юбилею поэта, в 2018 г., в Москве, в издательстве «Престиж Бук», было издано собрание сочинений поэта в трёх томах; к счастью, сохранились ещё и прижизненные издания книг В.Ф. Перелешина, и харбинские журналы и газеты, в которых публиковали его стихи; в частных коллекциях есть и другие издания поэта. Полное издание творческого наследия Валерия Перелешина в России впереди.

Библиографический список

Бабкина, Е.С. М.С. Рокотов (Бибинов) – редактор детского журнала. (Из неопубликованного наследия отечественной журналистики) / Е.С. Бабкина. – Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Сер. 9. – Вып. 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view> (дата обращения 11.09.2020).

«Будто нет расстоянья и времени нет». Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко. – Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2006. – 108 с.

Кузнецова, О. «Слава тебе, уходящему юным из мира...». Поэт о. Герман (Валерий Перелешин) / О. Кузнецова // «Новый журнал». – 2013. – № 272 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zh-zal.ru/nj/2013/272/16k.html> (дата обращения 15.09.2020).

Лобычев, А. На краю русской речи. Статьи, рецензии, эссе / А. Лобычев. – Владивосток: «Рубеж», 2007. – 336 с.

Перелешин, В. Письма П.П. Лапикену (публикация О. Бакич) / В. Перелешин // Новый Журнал. – 2004. – № 234 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zh-zal.ru/nj/2004/234/per7-pr.html> (дата обращения 11.09.2020).

Сентянина, Е. Харбинские писатели и поэты / Е. Сентянина // Русский Харбин, запечатлённый в слове. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2012. – Вып. 5. – 270 с.

«ОБАЯТЕЛЬНЕЕ ВСЕХ БЫЛ ПОЭТ АЛЫМОВ»: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЭСТЕТА, КАНДАЛЬЩИКА И ПЕСНЯРА

Е.О. Кириллова

Сергей Яковлевич Алымов – имя по-прежнему малоизвестное в наши дни широкому кругу, но значительное, а в литературе дальневосточной – особенно. Специалисты-филологи знают Алымова прежде всего как незаурядного поэта начала прошлого века, чья жизнь и литературные эксперименты были напрямую связаны с активной деятельностью во Владивостоке и Харбине. Безусловен сегодня и тот факт, что своим творчеством поэт оказал значительное влияние на тогдашнюю художественную жизнь всего Дальнего Востока, задавал тон литературно-поэтической ситуации, породил эстетов-подражателей.

В истории русской литературы XX в. эмигрант Сергей Алымов значится как поэт, переводчик, прозаик, драматург, автор романа «Нанкин-род» (1929), стихотворных книг «Киоск нежности» (Харбин, 1920), «Отзвуки» (Иркутск, 1921), «Оклик мира» (Харбин, 1921), «Арфа без молний» (Харбин, 1922), «Пьяное сердце» (Харбин, 1922), «Стихи и песни» (М., 1949). В 1920–30-х гг. снискал себе имя и как автор различных эссе, рецензий на театральные постановки и художественные выставки русского Харбина.

Поэт родился в 1892 г., в селе Славгород Харьковской губернии на Украине. Происходил вовсе не из крестьян, как указано во многих источниках, а из старинного дворянского рода. Новая биография Алымова, где подчёркивалось, что он родился в семье крестьянина, а мать работала учительницей, была сформирована «социальным заказом», это стало официально преданная гласности биография поэта, шедшего «от народной основы» [Жаворонкова, 2007, 20]. Сергей учился в Харьковском коммерческом училище, но курса не окончил. За связь с революционной организацией был арестован, более года провёл под стражей. За причастность к анархистам (как член «Летучей боевой железнодорожной харьковской группы анархистов-коммунистов») был сослан летом 1911 г. в Сибирь, в Канский уезд Енисейской губернии, на «вечное поселение», откуда вскоре бежал в Китай. Побывал во многих странах, жил трудом неквалифицированного рабочего. Вместе с Верой Дятловицкой, его женой, девятнадцатилетний Алымов становится эмигрантом и оседает в Брисбене, Австралии. Здесь он вступает в Союз русских эмигрантов, в совершенстве овладевает английским языком, с головой окунается в общественную деятельность. Но зарабатывать на жизнь в стране Oz приходилось в основном физическим трудом: «Был грузчиком, землекопом, лесорубом, работал на скотобойнях, рыбачил, резал сахарный тростник, занимался архитектурой и сотрудничал в русской и австралийской прессе, печатая стихи, рассказы, статьи на русском и английском языках, – писал он в автобиографии. – Зарабатывал деньги в том числе и цирковым боксёром. Хватало на стихи». Писать стихи Алымов начал в Австралии, поэтому его ранние стихи эмигрантского периода разбросаны по страницам русских газет, издававшихся на пятом континенте. В июле 1917 г. поэт посетил Филиппины, Гонконг, Корею и Японию, острова Тихого и Индийского океанов и в том же 1917 перебрался в Харбин.

Во Владивостоке, Харбине и Шанхае Алымов находился с 1917 по 1926 (или 1928) гг. Обосновавшись в Харбине, который первые десятилетия XX в. называли «маленьким Петербургом», «маньчжурским Сан-Франциско» и даже «восточным Парижем», Алымов сотрудничал как актёр варьете в художественном кабаре «Chat Noir». Будучи автором многих номеров кабарежной программы,

он до конца марта 1919 г. совмещал эту работу с должностью конферансье, к слову, слыл одним из самых модных конферансье в городе. Алымова можно считать также основателем харбинских шантанов, например, клуба «Шантэклер», «заведовал он и литературной частью театра-кабаре „Кривой Купидон“, имевшего летний сад (Магазинная, 3). Вёл в них (на высоком, надо сказать, художественном уровне) литературно-художественную часть, выступал как артист, пел, танцевал...» [Мелихов, http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin_Seredina_20-h.html]. Совместно с художником Николаем Гуциным, выступившем иллюстратором поэтического сборника друга «Киоск нежности», другими художниками, артистами и поэтами Алымов в этом же году стоял у истоков харбинской художественной студии «Кольцо», богемной студии, устроенной в пустовавшей летом зимней будке при катке. «Молодёжь влекли поэты <...>. Гостей в „Кольце“ встречали ласково <...>. Обаятельнее всех был Алымов, его нельзя было не запомнить. Он был очень красив какой-то звериной красотой – высокий, гибкий, чёрные досиня волосы, огромные чёрные мерцающие глаза и татарские брови в разлёт» [Крузенштерн-Петерец, 2009, 286].

В 1919 г. Алымов бывает и во Владивостоке, где сближается с футуристами Д. Бурлюком, Н. Асеевым и С. Третьяковым. Открывает здесь кабаре «Чёрная кошка». Здесь же становится одним из видных деятелей Литературно-художественного общества Дальнего Востока (ЛХО ДВ). Выступает с эпатажными лекциями и докладами типа «Эротика на аэроплане Бурлюка» [ГАПК, Голос Родины, 1920, 15 апр.]. В 1921 г. становится членом президиума владивостокского Пролеткульта. Принимает участие в сборнике «Неравнодушные строчки», посвящённом годовщине событий 4–5 апреля 1920 г. – дня выступления японцев в Приморье. Альманах вышел в Чите в апреле 1921 г. под редакцией ярого апологета и идеолога футуризма на Дальнем Востоке Н.Ф. Насимовича-Чужака. В сборнике были опубликованы три «гневных» произведения Алымова: поэмы «Корея на кресте» и «Из берегов» (с посвящением Ольге Лазо) и стихотворение «Партизаны» (под псевдонимом Кузьма Жаж) [Неравнодушные строчки, 1921, 17–20, 44–45, 68–69].

Во время гастролей в Харбине Бурлюка и Асеева (начало марта 1920 г.) Алымов выступает вместе с ними. Именно по его инициативе в том же году по образцу владивостокского ЛХО ДВ и театра-студии «Балаганчик» в Харбине было образовано такое же объединение – Харбинское Литературно-художественное общество. В конце 1920 г. при нём был создан клуб, ставший центром местной литературно-художественной богемы. «Литературно-художественный театр» – так именовал себя шантан Алымова «Кабачок Богемы» (с характерным для тех времён подзаголовком), располагался он в доме Хаиндрова по Китайской, 44. «Имел президиум: Л.Х.С., С. Алымов, М. Бакалейников, Я. Градов, И. Дальгейм и Борис Радов. Кабачок имел хорошую литературную часть, с его сцены звучали пародии, шаржи, интермедии, шутки. „Вся богема у себя в кабачке. Вход бесплатный. Ресторан при театре И.Л. Хаиндрава открыт круглые сутки“, – взывала реклама. В 1920 г. второй премьерой в „Кабачке“ исполнялись „Пантеон любовниц“ и пастораль „Последний мираж“, автором которых был Алымов» [Мелихов, http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin_Seredina_20-h.html].

В начале 1921 г. приехавший в Харбин Третьяков принял участие в работе ЛХО, где открылась Студия поэзии. С целью культивирования поэтического искусства в Студии проводились последовательные циклы лекций о русской, немецкой, французской и английской современных литературах, а также спорадические лекции о главнейших представителях революционного искусства всех

стран. Были организованы и практические занятия по стихосложению, изучению ритма, декламации, мелопластике и т.п. Студия устроила ряд вечеров поэзии для ознакомления широких масс с поэтическим искусством как выразителем интеллектуальной жизни всех эпох. Несмотря на недолгое существование, это общество как первая литературно-художественная организация в Харбине сыграло свою роль.

Известно также, что вместе с литераторами (Н. Асеевым, Ф. Камышнюком, С. Третьяковым, Вл. Силловым) в 1920–1921 гг. во Владивостоке и Харбине Алымов активно работал в кружке поэтов, примыкавших к футуризму – «Железная дорога».

В Харбине Алымов почти сразу стал редактором (совместно с философом, политическим деятелем, основоположником русского национал-большевизма Н.В. Устряловым) литературно-художественного ежемесячника «Окно» (№№ 1–2, 1920). Этот первый большой литературно-художественный журнал возник на базе харбинской художественной студии «Кольцо» и типографии советской газеты «Вперёд». Журнал был связан с проблемами Востока и Китая, но в большей степени был обращён к вопросам своего времени. «Позиция создателей „Окна“ была обогащена мудрой жизнепонимающей и жизнеутверждающей философией Востока. Эти два журнала российских эмигрантов стали выражением патриотической устремлённости их создателей, попыткой „открыть окно“ в Россию с Востока, чтобы помочь ей преодолеть крутой поворот истории. Журнал в равной мере был адресован как эмигранту, так и читателю, оставшемуся в России. Создатели „Окна“, утверждая вечность, высоту искусства, не уходят от жизни с её проблемами в сладкий мир грёз» [Якимова, 2005, 34]. В редакционной статье первого номера отмечалось: «Мы не уклоняемся от жизни... Не закрываем очей на происходящее. Но в наших душах нет места для ужаса и боязни, потому что в них вливается не только железно-чугунный раскат ломающихся и строящихся дней, – но и вещая песня любви, творчества и покоя, придуших на смену стальному жезлу борьбы. Мы можем шагать в железных ротах пламенеющей России и быть солдатами борьбы, – но это не может заставить нас выполоть из себя тоску по красоте <...>. Мы вне класса. Мы – художники и творцы – не помещаемся в рамках той или иной социально экономической категории. Мы – шире и больше её. Мы – аполитичны. И это не отрицание существования политики. Политика есть. Но искусство настоящее – над пушкой и над лафетом. Оно – небо жизни <...>. Мы не служим ни революции, ни реакции. Мы только можем делать их лики бессмертными для восторга или отвращения грядущих поколений. Главный мотив нашего творчества – живое человечество...» [Окно, 1920, 3–4]. Такая позиция первостепенности искусства, его безусловного возвышения над всем мирским, социальным, политическим, революционным найдёт своё проявление в произведениях Алымова дальневосточного периода: в статьях «Любовники миражей», «Правнук Виллона» и множестве стихотворений, в т. ч. и в самой поэтической книге «Киоск нежности».

Кроме С. Алымова, в «Окне» публиковали свои поэтические и прозаические произведения Ф. Камышнюк, В. Март, Вс.Н. Иванов, Арс. Несмелов, Н. Алл, Л. Астахов, М. Щербаков, а также С. Третьяков, Н. Асеев и др. К примеру, рубрика журнала «Хроника искусств и культуры» знакомила читателей Харбина и Владивостока с главными событиями в культурной жизни. Так, например, в связи с двадцатипятилетним юбилеем Д. Бурлюка освещалось открытие Выставки русского искусства в Японии, на которой были представлены работы Д.Д. Бурлюка и В.Н. Пальмова. Из культурных событий Владивостока сообща-

лось о новых выборах Президиума Литературно-Художественного общества, председателем которого был избран писатель С.М. Третьяков. Клуб Литературно-Художественного общества «Балаганчик» готовился осуществить постановку «Мистерии Буфф» В. Маяковского. А в Хабаровске группа художников «Зелёная лампа» выпустила новую книгу стихов В. Марта. Сам же поэт в это время прибыл в Харбин, где собирался выступить со своим докладом о последней книге стихов С. Алымова «Киоск нежности». Там же, в Харбине, ожидался приезд поэта-футуриста Н. Асеева. Журнал «Окно» также выступил организатором серии вечеров, посвящённых обсуждению проблем искусств и современности. Так, из сообщения этого журнала читатели могли узнать, что 20 октября в зале Коммерческого Собрания состоялся публичный диспут на тему: «Интеллигенция и дух времени», в котором приняли участие профессор, политический деятель, публицист-эмигрант, один из идеологов сменовеховства Н.В. Устрялов, поэт С. Алымов, писатель Ф. Камышнюк и др. Редакция журнала «Окно» взяла на себя и организационную работу в распространении футуристического направления.

После открытия в Харбине советского генерального консульства Алымов принимает советское гражданство. В 1921 г. служит при советской администрации на КВЖД. С 1922 г. работает секретарём в советской газете «Трибуна» и там же печатает свои стихи и фельетоны. В этом же году становится (вместе с Е.С. Кауфманом) первым редактором ежедневной вечерней харбинской газеты «Рупор» (выходила с октября 1921 г.), с 1923 – редактором-издателем харбинского журнала «Гонг». «В „Рупоре“ Алымов был заведующим литературной частью, и сделал для становления газеты очень многое. Главное – он превратил её в зеркало артистической и литературной жизни Харбина, что делает „Рупор“ сегодня исключительно ценной для бытописания города (т. е. во многом в первую очередь для историков Харбина). При Алымове в „Рупоре“ печатались все харбинские поэты и прозаики» [Мелихов, http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin__Seredina_20-h.html].

Не обходилось, конечно, без курьёзов и даже скандалов, спровоцированных самим заведующим литературной частью, его оригинальным поведением. Так, во владивостокской «Вечерней газете» некто Наручкин посвятил маленький фельетон «Непечатное», как видно, из содержания, новому псевдониму Алымова. Рецензент восклицает: «Нет больше непечатных слов! Все напечатаны. Оликёренный поэт Сергей Алымов в своём (или, вернее, в чужом) харбинском „Рупоре“ что называется дошёл до точки. И одну из статей в газете подписал: „Дер Мо“.

Вот это декларация!

После „всенежи“ и проповеди о „необходимости нежности на земле“... „Не надо никакой Небраски, / Не надо никаких Невад...“. Как прекрасно сказано в „Киоске нежности“. Не надо!

Теперь точно и ясно – „Дер Мо“»

[ГАПК. Вечерняя газета, 1921, 14 сент.].

Можно предположить, что продолжением этой эпатажной, будирующей читателя истории с «Рупором» стал ещё один фельетон – на сей раз Жень-Шеня (как известно, за этим псевдонимом в дальневосточных литературных кругах скрывался С. Третьяков). В юмореске «Вру в упор» Алымов попадает под сатирический обстрел друга-футуриста:

О, величайший из Серёж,

Почём дают, что так орёшь?

... «Серёжа, родненький Серёжа»!

Уж если брать, то брать дороже.

И стоит ли тянуть к Москве,
Покамест спрос твоей газете
В любой харбинской голове
Или хотя б в любом клозете?!

[РГИА ДВ, ДВ телеграф, 1921, 29 сент.].

Совместно с известным публицистом, китаеведом Л.В. Арнольдovým, впоследствии автором двух монографий, вышедших в Шанхае и посвящённых истории и современности Китая («Китай как он есть: быт и политика», 1933 и «Из страны Белого Солнца: этюды о Китае», 1934), Сергей Яковлевич редактировал однодневную газету «Бальный клич» (1923), выпущенную на балу в Харбинском Железнодорожном собрании в день помощи голодающим России. С 1925 г. работал постоянным сотрудником газеты «Копейка». Публиковал стихи, поэмы и статьи в харбинском журнале «Фиал», а также в газетах «Шанхайская жизнь», «Вестник Маньчжурии» и др.

Нельзя умолчать, что прославился Алымов и своим поведением: «В свои 30 лет первый в Харбине забияка, скандалист и даже... дуэлянт. В 1924 г. провёл за это 20 дней в харбинской тюрьме и заплатил большой денежный штраф...» [Мелихов, http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin_Seredina_20-h.html].

В 1926 г. (по другой версии – в 1928) Алымов вернулся в СССР, где был репрессирован, и как «китайский шпион» летом 1930 г. получил 10 лет лишения свободы по 58-й «политической» статье. Срок Алымов отбывал в Соловецких лагерях – Беломорстрой, а точнее Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР. В лагере Алымов редактировал газету для заключённых, сохранились его письма жене актрисе Марии Фёдоровне Корниловой. Лагерная страница в жизни поэта весьма значительна, колоритна и не прошла бесследно. Он становится редактором лагерного журнала «Перековка», пишет заметки и стихи, составляет словарь блатного жаргона, подаёт рапорт с предложением создать литературно-художественный сборник о Беломорстрое – так был выпущен сборник «Моря соединим! Стихи и песни на Беломорстрое» (издание культурно-воспитательного отдела Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Медвежья Гора, 1932).

Заключённого С.Я. Алымова включают в группу советских писателей, создающих книгу о строительстве Беломорканала – «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг.» под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина. Труд этот создавался по указу ЦИК СССР при участии ОГПУ, выпущен был в 1934 г. издательством «ОГИЗ» тремя тиражами, общий тираж 114 000 экз. Но в 1937 г. практически весь тираж был изъят из обращения и уничтожен. В работе над этой коллективной монографией участвовали 36 авторов. «Краснознамённый песняр» Алымов соседствует с Евгением Габриловичем, Максимом Горьким, Михаилом Зощенко, Сергеем Диковским, Корнелием Зелинским, Дмитрием Мирским, Верой Инбер, Алексеем Толстым, Виктором Шкловским, Всеволодом Ивановым, Валентином Катаевым, Виктором Перцовым, Ароном Эрлихом и другими известными литераторами» [Жиганец, <https://www.stihi.ru/2016/08/05/4188>]. Результатом работы стало в том числе и освобождение «каналоармейца» С.Я. Алымова досрочно.

Некоторые сегодня считают Алымова творцом блатного фольклора, поэтическим создателем и «запечатлевателем» уголовного шансона Беломорканала. Вдобавок к биографии отметим, что в 1934 г. Алымов написал тексты песен для фильма «Заключённые» о перевоспитании преступников, направленных отбывать наказание на строительство Беломорканала, снятого по пьесе

Н.Ф. Погодина «Аристократы». В официальной биографии Алымова отмечается, что поэт выступал за идеи «воровской перековки». Однако, как отмечается, Сергей Яковлевич не любил уголовников. «Об этом свидетельствуют строки из его кемского дневника: „Урка – ужаснейшая карикатура на человека, ужасная сущность, способная только на гадость – без дома, без ответственности, ленивые, порочные, низкие, тупые, невежественные, вспоминаящие мать только в ругани“. Вот такой парадокс: блатных презирал, а остался в истории как „певец преступного мира“» [Жиганец, <https://www.stihi.ru/2016/08/05/4188>].

Считается, что Сергей Яковлевич использовал в своих песнях арестантско-уркаганский фольклор, который был рождён на Беломорканале. Алымов был неплохо знаком с блатным народным творчеством (в том числе, песенным), блатными поговорками и «афоризмами» («Воровка никогда не станет прачкой», «Урку не заставишь спину гнуть», «Грязной тачкой рук не пачкай», «Мы это дело перекурим как-нибудь»). Некоторые из них, вероятнее всего, сам поэт и придумал или художественно обработал. «О том, что часть этих афоризмов принадлежит Алымову, можно говорить с большой долей вероятности» [Жиганец, <https://www.stihi.ru/2016/08/05/4188>]. Однако рассмотрение гулаговской лирики С.Я. Алымова как художественного явления русской поэзии XX в. требует особого разговора.

Ещё до ареста писателя, в 1928 г., в столице, был опубликован его рассказ из китайской жизни «В атласной темнице». В декабре 1929 г. его пьеса-обозрение «КВЖД», созданная на дальневосточном материале, стала первой постановкой Центрального театра Красной армии. В этом же году в Харькове вышел и роман Алымова «Нанкин-род». В аннотации к современному изданию отмечено: «Это роман-обманка, в котором советская агитация скрывает яркий, местами чуть ли не бульварный портрет Шанхая двадцатых годов. Здесь есть и обязательная классовая борьба, и алчные колонизаторы, и гордо марширующие массы трудящихся, но куда больше пропагандистской риторики автора занимает блеск автомобилей, баров, ночных клубов и дансингов, пикантные любовные приключения европейских и китайских бездельников и богачей и резкие контрасты „Мекки Дальнего Востока“. Многие страницы выдают отличное знание шанхайской жизни и внимание к китайской старине, смелые описания и метафоры – футуристическую закалку Алымова. Роман „Нанкин-род“ был впервые опубликован в Харькове в 1929 г., до ареста С. Алымова выдержал ещё одно издание в 1930 г. и с тех пор на протяжении более 80 лет не переиздавался» [Алымов, 2018, 4].

Сергей Алымов хорошо знал английский язык, поэтому его часто назначали переводчиком к приезжавшим в СССР американским писателям. Однако в тридцатые годы, после освобождения, он прославился в Москве пьяными дебошами (например, выкинул с балкона любимую собаку артиста Алексея Дикого, который позже станет пятикратным лауреатом Сталинской премии), и от роли переводчика его отставили.

В 1940 г. Алымов начал сотрудничество с ВМФ в Севастополе, где пробыл до 1942. По возрасту освобождённый от воинской службы, Сергей Яковлевич пишет письмо лично маршалу Ворошилову с просьбой об отправке на фронт. После освобождения Севастополя и Балаклавы участвовал в работе фронтовых бригад. По воспоминаниям М.Е. Катукова, Алымов встречал Новый 1942 год с гвардейцами под Волоколамском, читал свои стихи. С.Я. Алымов был награждён орденами «Красная Звезда», «Знак Почёта» и тремя медалями, в том числе «За оборону Москвы» и «За оборону Севастополя», от наркома обороны получил именные часы.

Уже к 1940-м гг. Сергей Яковлевич приобрёл славу поэта-песенника, став автором большого количества текстов, широко популярных в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время советских патриотических песен: «Песня о России», «Пути-дороги», «Бейте с неба, самолёты», «Краснофлотский марш», «Бой у озера Хасан», «Вспомним-ка, товарищи», «Мы фашистов разобьём», «Героическая лётная», «Дивизионная боевая песня», «Песня Второй Приамурской дивизии», «Тульская винтовочка», «На Каспийском сером море», «Забайкальские частушки», «Песня о казачке», «Песня о Сталине», «Испания будет свободной», «Шире шаг», «Марш Комсомола», «Тот, кто любит власть Советов», «Чудо-городок», «Мы скоро встретимся, Москва», «Самовары-самопалы». Положенная на музыку А.Г. Новикова задорная предвоенная песня «Вася-Василёк» стала в годы войны очень популярной, поднимающей боевой дух защитников Отечества:

Что ты, Вася, приуныл, голову повесил.
Ясны очи замутил, хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой хаживал, дружок,
Что случилось вдруг с тобой, Вася-Василёчек?
Ой, милоч, ой, Вася-Василёк! Эх!

[Калабухов, <https://www.proza.ru/2019/04/06/944>].

На слова Алымова писали песни самые известные композиторы того времени – М. Блантер, И. Дунаевский, К. Листов, а исполняли наиболее популярные певцы – Павел Лисициан, Сергей Лемешев, Георгий Виноградов, Владимир Бунчиков, Надежда Обухова.

Старшее поколение хорошо помнит песню на стихи Алымова «Хороши весной в саду цветочки». Положенная на музыку Б. Мокроусова, она была популярным шлягером советской эстрады:

Хороши весной в саду цветочки,
Ещё лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком
Милую в садочке –
Сразу жизнь становится иной...

[Любимые песни, 2002, 307].

Надо сказать, что популярность многих из бытовавших в ту пору песен и стихов сделала их народными и, как следствие – породила множество вариантов, а имя автора нередко при этом было утрачено. Так, в частности, произошло с песней русского советского журналиста, поэта, историка, участника Октября и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке Петра Семёновича Парфёнова «По долинам и по взгорьям», печатавшейся и исполняемой долгое время под авторством С. Алымова. Песня была посвящена герою гражданской войны Сергею Лазо и стала настоящим партизанским гимном. В советское время, особенно у нас, на Дальнем Востоке, в Приморском крае, она считалась чуть ли не народной. Алымову принадлежит её литературная обработка. Текст песни, который ему показали, был неуклюж и наполнен просторечными словами. На основе первоначального Алымов создал собственный:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с бою взять Приморье –
Белой армии оплот.
Наливались знамёна
Кумачом последних ран,
Шли лихие эскадроны

Приамурских партизан.
Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет никогда!
Партизанские отряды
Занимали города.
И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.
Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Февраль – март 1920 [Кириллова, 2011, 472].

Произошло это следующим образом. В 1929 г. Алымов, составляя монтаж для Краснознамённого ансамбля песни и пляски Красной Армии под руководством А.В. Александрова, включил в него «Партизанский гимн» Парфёнова, но Парфёнов вопрос об авторстве запутал. Текст стали приписывать Алымову. В 1934 г. в журнале «Красноармеец-краснофлотец» Парфёнов рассказал историю создания «Партизанского гимна». Однако вопрос об авторстве остался тогда нерешённым, т.к. Парфёнов в 1935 г. был репрессирован. На протяжении 1960–70-х гг. судьба создания песни и её авторы занимали историков, филологов, журналистов, об этом много писали, и не только в дальневосточной прессе. В 1962 г. Верховный суд РСФСР подтвердил принадлежность песни Парфёнову. Однако до сих пор и в наши дни некоторые исследователи склонны считать, что Парфёнов не мог быть создателем песни просто по времени написания гимна, коим значится начало 1920 г. Сегодня уже точно ясно одно: ни И.С. Атурова (командира, со слов которого и была записана песня для ансамбля), ни П. Парфёнова, ни С. Алымова назвать единственными авторами нельзя. Каждый из них в той или иной степени, что называется, приложил руку. Есть сведения, что Алымов до конца своих дней не согласился с тем, что у него отобрали авторство песни «По долинам и по взгорьям». Но именно Алымова – и думается это правильно – сегодня официально считают автором литературной обработки песни.

Звонкое имя Сергея Алымова появилось на страницах дальневосточных газет и журналов в 1918 г. Известны его псевдонимы: Кузьма Жах, Нанкин-род, С.А., Сергей А., Арум. Тем не менее, о его дальневосточном и эмигрантском творчестве почти ничего не известно. «Он никогда не рассказывал о раннем (эмигрантском) периоде своего творчества. Это могло иметь более роковые последствия, чем пребывание в Бутырской тюрьме, на Соловках, в сталинских лагерях, – вспоминал его сын Феликс Сергеевич. – В 1937 был расстрелян брат Сергея Яковлевича – Михаил, в том же страшном 37 посадили родную сестру его жены Марии Фёдоровны, а её мужа уничтожили как врага народа: заморозили». Видимо, эти обстоятельства вынудили поэта замолчать и никогда не вспоминать о творчестве харбинского периода – стихах изысканно-салонных, прозрачно грустных, сияющих хрустальной свежестью, порой эротических, но целомудренно звучащих. Зарубежные стихи Алымова никогда не издавались в России. А между тем его поэтический дар засверкал всеми своими гранями засиял в Австралии и Китае, где он провёл свои молодые годы с 19 до 34 год. В 1919 г. он писал родным: «Я теперь поэт, известный всему Дальнему Востоку» [Жаворонкова, 2007, 8]. Действительно, его стихи активно исполнялись в кафе, литературных клубах и других местах встречи эмигрантов.

По словам сына поэта Феликса Сергеевича, Алымов был отчаянным, щепетильным, горячим, эксцентричным и очень щедрым человеком. Погиб Сергей Яковлевич в автодорожном происшествии 29 апреля 1948 г. в Москве, был похоронен с почестями на Новодевичьем кладбище. 15 августа 1948 г. распоряжением Совета Министров СССР, подписанным И. Сталиным, память писателя была увековечена так, как это было принято в отношении бесспорных классиков советской литературы, великих. Правительство распорядилось о сооружении памятника и установке памятной доски. На надгробии его бюст и слова одной из песен «Россия вольная, земля прекрасная, советский край – моя земля». Семье установили персональную пенсию, в честь поэта был назван пароход «Сергей Алымов», ходивший по Волге. Уже посмертно было издано его «Избранное» (Москва, 1953).

Библиографический список

- Алымов, С. Избранное / С. Алымов. – М., 1953. – 111 с.
- Алымов, С.Я. Нанкин-род: роман / С.Я. Алымов / Подг. текста М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 162 с.
- Вечерняя газета: ежедн. газ. / Ред. В.И. Иванов, В.Н. Иванов. – Владивосток, 1921. – 14 сент. – ГАПК.
- Голос Родины: ежедн. демократическая газ. / Ред. Н.П. Леонов. – Владивосток, 1920. – 15 апр. – ГАПК.
- Дальневосточный телеграф: внепартийная политическая, общественная и лит. газ. – Чита, 1921. – 29 сент. – РГИА ДВ.
- Жаворонкова, Т.Ф. Поэтическое наследие С.Я. Алымова: автореф. дис. канд. филол. наук / Т.Ф. Жаворонкова. – М., 2007. – 25 с.
- Жиганец, Ф. Поэт Сергей Алымов – творец блатного фольклора / Ф. Жиганец // Стихи.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.stihi.ru/2016/08/05/4188> (дата обращения 04.01.2020).
- Калабухов, В. Песни дорог войны / В. Калабухов // Проза.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2019/04/06/944> (дата обращения 20.01.2020).
- Кириллова, Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания): монография / Е.О. Кириллова. – Владивосток, 2011. – 636 с.
- Крузенштерн-Петерец, Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) / Ю. Крузенштерн-Петерец // Рубеж. – 2009. – С. 285–296.
- Любимые песни и романсы: Золотой фонд рус. и совет. эстрады: сб. песен / Сост. Н.В. Полетаева, В.Н. Халамова. – Челябинск, 2002. – 445 с.
- Мелихов, Г.В. Лютеране в Харбине / Г.В. Мелихов // Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin__Seredina_20-h.html (дата обращения 19.01.2020).
- Неравнодушные строчки: в годовщину 4–5 апреля 1920 г. – дня выступления японцев в Приморье: сб. / Ред. Н. Чужак. – Чита, 1921. – 73 с.
- Окно: лит.-худ. ежемес. / Ред. С. Алымов, Н. Устрялов. – Харбин, 1920. – № 1. – Ноябрь. – 50 с.
- Окно: лит.-худ. ежемес. / Ред. С. Алымов, Н. Устрялов. – Харбин. – 1920. – № 2. – Декабрь. – 56 с.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ И «ЧУДЕСНЫЙ РЕБЁНОК НЕПОГИБШЕЙ БОГЕМЫ»: ВЛАДИВОСТОКСКО-ХАРБИНСКИЕ СТИХИ СЕРГЕЯ АЛЫМОВА

Е.О. Кириллова

Необходимыми условиями разговора о русской дальневосточной поэзии Серебряного века является анализ эстетических принципов, художественных поисков и экспериментов, проблем традиций и новаторства, содержания и поэтики текстов, взаимовлияний. Исследуя своеобразие модернистских течений дальневосточной поэзии конца 1910 – начала 1920-х гг. на примере творческого пути поэта-эмигранта Сергея Яковлевича Алымова, необходимо учитывать усвоение литератором художественной практики футуризма и акмеизма, ориентальных установок и пролеткультуровских тенденций. Поэтическая практика С. Алымова не столько отразила эстетические принципы Серебряного века, сколько его восприятие этой системы во всей их эклектичности. Авторская стратегия, основанная на желании быть последователем известных поэтов-современников, эпигоном, думается, умышленно базировалась на разного рода подражаниях и стилизациях. А.А. Забияко называет Алымова в ряду тех, кто стоял у истоков формирования «харбинской ноты» дальневосточной литературы (1926–1945) [Забияко, 2008, 10–14].

Активный участник подвального театра-студии «Балаганчик» – места, где во Владивостоке собиралась местная богема, С. Алымов начал с подражания К. Бальмонту и И. Северянину. Алымов писал искусные версификации о «карминногубых и змеевидных» женщинах, об «инфанте фиалок», о себе – «нежном грешнике» и о своих «смарагдовых трансах». Как справедливо отмечал В. Крейд – составитель антологии «Русская поэзия Китая» (М., 2001) – для его ранней лирики «характерна театральность, эксцентричность, пристрастие к фразеологическим „изыскам“, напоминающим Северянина» [Русская поэзия, 2001, 665]. «Алымов – ярый последователь „томного“ Северянина» [Забияко, 2008, 49]. Действительно, для эмигрантской лирики Алымова характерна поза, пристрастие к «изысканному» слову, преимущественно иностранному, но вместе с тем и мелодичность, лёгкость, ирония, кажущееся отсутствие претензии на глубину содержания. Как и Северянин, Алымов в своих стихах живописует забавную страну поэтических грёз, населённую благоухающими дамами полусвета, возвращающимися из салонов, завсегдатаями модных ресторанов, пассажирами лимузинов-саркофагов, маркизами и экзотическими капитанами. «В этом мире переплелись богема и аристократия, претензии на элегантность и дух авантюризма; его обитатели талантливы, утончены и ужасно „модерны“» [Марков, 2000, 59]. Северянинские «пасторальные экстазы», «взоры нежней ассонансов Верлена», «души – сады ароматного смеха», «белокурые мгновения», «сиреневый час» – эти и подобные авторские эпитеты, необычные сочетания, неологичные, по сути, характерны и для Алымова:

Полюбив, в Декабре я загроздил сирени...
Полюбив – я из звёзд отчеканил колье... –
Сядем здесь на диван... Ходят люди, как тени,
Что нам тени людей и гримасы фойе?!
Ведь никто из толпы не поймёт нашу близость!
Ведь мещанам далёк пасторальный экстаз. –
Им знакома любовь, как животная низость...
Ах, забудем мещан в наш сиреневый час!

Твои взоры нежней ассонансов Верлена...
Твои плечи дрожат, как берёзок листва...
Улетев далеко из мещанского плена,
Мы людские черты замечаем едва...
Есть моменты в любви, когда люди – помеха!
Есть минуты в любви, когда люди – ничто!
Наши души – сады ароматного смеха
И вульгарный диван – королевский «шато»...
Тривиальный диван, словно замок в сирени,
Где цветы и любовь только в нас и для нас. –
Не дадим никому белокурых мгновений!..
Никого не введём в наш сиреневый час!..

1920 [Сергей Алымов, <https://rustih.ru/sergej-alymov/>].

Как известно, у футуристов существовала своя образная система, лексические средства поэтического языка были различны. Оригинальность, в частности Северянина была в том, что он смешивал неологизмы с иностранными словами, оказав тем самым сильнейшее влияние на своих соратников эгофутуристов. Как и Северянин, Алымов заставляет строку русского языка взорваться варваризмами, оставаясь при этом поэтически убедительным: *«Гарсон, сымпровизируй блестящий файф-о-клок» (Северянин)* и *«К файв-оклоку модное платье приготовлено, / Северная симфония в полевых тонах. / В оперу являетесь вы декольтированной» (Алымов; файв-о-клок здесь в значении – «послеобеденный чай»)* [ГАПК, Эхо, 1920, 21 марта].

Алымов использует экзотичные неологизмы для того, чтобы украсить ими стих и поразить читателя. Весьма распространённым его приёмом стало образовывать новые глаголы, причастия и деепричастия от существительных («онездешниться», «окалошить», «обузлить», «продельфинил» авто, «отрансен», «орозетив», «колокольча», «гашишируя», «обленя», «омолнивши») и создавать сложные слова («озерзамок», «сладколед», «черёмухотранс», «агатотела», «циклонноспящие» глаза, «снеготай», «солнцестрасть»), вполне соответствующие «компактсловам» Д. Бурлюка. Для многих читателей словотворчество было главной чертой футуризма. И даже сами футуристы, как известно, своей первой конкретной задачей считали обогащение языка новыми словами. Оригинальность, в частности, Северянина была в том, что он смешивал неологизмы с иностранными словами, оказав тем самым сильнейшее влияние на своих соратников эгофутуристов [Марков, 2000, 84], а также – материал даёт нам возможность это смело утверждать – и их дальневосточных последователей-эпигонов, вроде Алымова.

Как писал Г.В. Мелихов, Алымов вёл бурную «богемную» жизнь, был дьявольски талантлив и, может быть, именно поэтому мало работал над отделкой своих многочисленных в 20-е гг. работ. Это подметил С.А. Маманди. В заметке «В „Чёрной Кошке“» он писал: «„Чёрная Кошка“ продолжает быть интимным кабачком значительной части местной богемы. Любимым автором здесь по-прежнему является молодой поэт Сергей Алымов, умеющий сочинять, но не желающий работать над своими грациозными выдумками. Для примера укажу некоторые строки из его новой „шануаретки“. Нельзя сказать „фрак души раздев“, это не по-русски; русский человек сказал бы: „фрак снять“, а не „фрак раздеть“. Нехорошо звучит: „На себе исполнил пару огненных сонат“. Стихотворный юмор имеет свои законы и свои пределы. Совершенно неправильно указание, что „цветы живут весной, осенью их нет“. Все эти шероховатости – результат непростительной для молодого автора небрежности» [Мелихов, <http://www.>

e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin__Seredina_20-h.html]. Конечно, сегодня весьма забавно читать такое мнение рецензента тех дней. Спустя сто лет перед нами приземлённое восприятие поэта, старание увидеть в нём приверженца традиций, а не футуриста, разрушителя общедоступных норм и правил. Безусловно, все подобные неправильности Алымова, такие «милые» для «сегодняшнего» слуха, являлись умышленными, хотя и в самом деле зачастую безалаберными ходами поэта, продиктованными некоторыми недоработками. Но Алымов – истинное порождение Серебряного века.

В поэзии Дальнего Востока 1917–1922-х гг. наблюдалась попытка жанровых изобретений, проявившаяся, прежде всего, в претензии на индивидуально-авторские жанровые нововведения. Так, под собственной поэтически-вычурной рубрикой «*стихетты*» в дальневосточной печати публикуется футурист Бурлюк, а близкий к эгофутуристам и Северянину Галич комплектует свои стихи в «*поэзтки*» и миниатюры. Нелишне здесь вспомнить, как и сам лидер эгофутуризма И. Северянин, да и не он один, например, К. Олимпов, и один из идеологов имажинизма В. Шершеневич и некоторые другие с большой охотой давали своим стихам немыслимые жанровые обозначения: «*поэзы*», «*ноктюрны*», «*эскизетты*», «*героизы*», «*миньонеты*», «*амуреты*», «*интуиты*» и даже «*ассосонеты*». Северянин изобрёл удивительное слово «*кокτέбли*» (бессознательная контаминация слова «коктейль» и крымского Коктебеля) и сделал его названием особого песенного жанра. У Северянина представлены вдохновенные увертюры, рапсодии, эгополонезы или рифмодиссы. Жанровые разновидности его поэзии представлены изобретением множества неологизмов, преимущественно на основе французских слов и корней, а также тенденцией вводить, оживлять и пересаживать на русскую почву (заимствуя, главным образом, из области музыки) всевозможные жанры лирической поэзии, различающиеся по настроению, теме и структуре. Есть эпиталама, прелюд, бриндизи, полонез, рондель, интуитта и особый жанр, который Северянин назвал «*кэнзели*» [Кириллова, 2011, 441].

Отсюда, из Серебряного века, и создание С. Алымовым особых – собственно авторских – поэтических жанровых разновидностей, типа вышеупомянутой в статье рецензента «*шануаретки*». Т.В. Жаворонкова, автор диссертации о поэтическом наследии С.Я. Алымова, подробно рассмотрев разрозненные стихотворения, хранящиеся в архивных папках в РГАЛИ, указывает на имеющиеся там так называемые «*импрессионетки*». Подобные жанровые обозначения «дают основания заключить, что для Алымова свойственна тенденция к стиранию жанровых границ, к созданию синтетических жанровых форм, расширению привычных, узаконенных границ творчества» [Жаворонкова, 2007, 19].

По сути, почти вся лирика Алымова владивостокско-харбинского периода являет художественное противопоставление богемного существования и пошлости мировосприятия обыденного, построена на параллелизме:

Ничего... Только шорохи флейтно-вдумчивой страсти.

Только тонкие контуры прихотливо-изящные...

Мы себя не втокнули в расширенные пасти

Непродуманных пошлостей, остроюю звенящие.

Мы сидим на окошке у заснувшего домика

И, дымя папироской, созидаем поэмы, –

Два бродящих эксцентрика, два хохочущих комика...

Два ребёнка чудесных непогибшей богемы...

[Русская поэзия, 2001, 47].

Декларируются футуристические лозунги избранности, инаковости, поэтической отмеченности – это эстеты, с одной стороны, и «уроды храпя-

щие», «убийцы эстеток», с другой – мудрые сумасшедшие и закоряченные обыватели:

На матрацах убийственных спят убийцы эстеток.
Спят уроды храпящие, заплевавшие радость, –
И луна льёт шампанское в рты восторженных деток,
Для кого сумасшествие – ещё мудрая сладость

[Русская поэзия, 2001, 47].

Печаль, безысходность – ведущие мотивы лирики Алымова этого периода. Часто герой лирических стихов исполнен высокомерного презрения к «изолгавшемуся человечеству», окружающая жизнь представляется ему причудливым, страшным бредом, царством всеобщего непонимания, в котором «коронной ролью поэта» является «диссонанс»:

В каждом предмете есть жуткая сила отравности,
Даже в левкоях запрятано острое зло, –
Дремлет кураре в афишах-герольдах забавности,
В вывесках дико маячит Харона весло.
В пыльном асфальте шевелятся жала змеиные,
В пышном боа – удушенья кокетливый знак;
Шарят стилеты прожекторов длинные-длинные,
Чаша с цикутой – изящной кокотки башмак.
Город-волшебник, готовящий зелья различные,
Знает напитки какие для грёзы какой –
Только всмотритесь внимательно в факты обычные,
К вам никогда не вернётся бывалый покой.
Каждая радость несёт неизменно страдание.
Каждый восторг причиняет сосущую боль. –
Но не в разладе ли главное дней обаяние?
Не диссонанс ли поэта коронная роль.
Наша трагедия – ложь смущения цельности.
Все мы в осколках и в сердце у нас – бахрома.
Сердце всецело во власти мирской карусельности,
В нём Поль де Кок и Бодлер, и Толстой, и Дюма...

1919 [ГАПК, Лель, 1919, № 1]¹.

Стихотворение построено на аллюзиях, прежде всего, к «Цветам зла» Ш. Бодлера. «Город-волшебник» выписан в реальных деталях: «левкой», «афиши», «вывески», «асфальт», «прожекторы», но в сознании лирического героя это – проклятый город, всё отравлено злом, всё напоминает о смерти, о переходе в иной мир – царство «мёртвых» («весло Харона»). Алымов сознательно поэтизирует страдания (разлад – это обаяние), даже любовь приносит смерть герою (женщина – это чаша с цикутой – болотным вехом, смертельным сильнодействующим ядом). Но и спасение поэт ищет в т.н. «ядоплене» (название стихотворения) – кокаином экстазе:

Все мы – Шекспир, лишённые счастья Гармонии,
Все мы – Бетховены брызгно гремящих сонат,
Радостей, боли, мучений, эксцессов, агонии...
В душу вливается мерно пылающий яд

[ГАПК, Лель, 1919, № 1].

¹ Здесь и далее при цитировании архивных текстов сохраняется орфография и пунктуация источника.

Финал стихотворения явно декларативен. Утверждается эстетизм как принцип ухода от жизни.

В стихотворении «Правда» герой – балованный сноб, – призывает отказаться от брака как «разврата любовной привычки» и «высохших мумий экстаза» («Как дико нелепы консервы законного брака! / В морщинах желанья... мечты безнадежно протухли... / В любви неприятна задержанность ноты») и «кружить по жизни с мудрейшей беспечностью птички»:

Зачем огербарить, что юно и майски красиво?..
Зачем сожаленья, обиды и пошлость упрёка?..
Ждёт новая радость, окончим дуэт, горделиво
И ветроподобно избегнем привычки жестокой...
Мир много и стоцветен. В нём «двое навек» – невозможность.
На звучной виоле пиликать затаски противно, –
Узнаю с другой я, с другим ты узнаешь тревожность
Любви нарастанья, мистерии вечной и дивной.
Не надо!.. Не надо разврата любовной привычки...
Знакомых движений и высохший мумий экстаза.
Кружите по жизни с мудрейшей беспечностью птички,
Как выглядит жалко с погибшею розою ваза...

1919 [ГАПК, Лель, 1919, № 1].

Подобный подход, столь характерный для Серебряного века, был продиктован бегством от мещанства и пошлости: «Мещанства боялись сильнее проказы. В кругу Мережковских, на Башне Вяч. Иванова с артистической усмешкой относились к личностям, всё ещё не презревшим институт брака, тянущимся под венец, ищущим твёрдых оснований быта. Как данность подразумевался лишь конец истории» [Арьев, 2005, 39].

Стихи Алымова владивостокско-харбинского периода пронизаны сильным эротизмом: «Знала: в будуаре мучится грузин», «А на оттоманке, бешено вздыхая, / Грезил о блаженстве исступлённый паж»; «Небо было измято, как кровать после оргий...»; «Хоть ты смотришь с возжеленьем на военные рейтузы» и др. [Сергей Алымов, <https://rustih.ru/sergej-alymov/>]. Для поэта святость и блуд неразделимы («блуд святой»). Настоящая человеческая любовь объёмлет и духовное, и плотское одновременно. Оппозиции нет, это, скорее, дуализм, и он у поэта отчётлив и выпукл:

Звёзды – алмазные пряжки женских, мучительных туфель
Дразнят меня и стучатся в келью моей тишины...
Вижу: монашка нагая жадно прижалась к пуфу
Ярко-зелёной кушетки... Очи её зажжены.

Порочность в поэзии Алымова возведена в культ. Даже монахини у него – кокотки, куртизанки, на «остродлинных каблуках», жадные до любовной истомы, скидывающие, «как святость», свои платья на пол в «кельеспальнях»:

Скинута чёрное платье. Брошено на пол, как святость...
Пламя лампадки игриво, как у румына смычок...
Ах, у стеблинных монахинь страсть необычно горбата!..
Ах, у бесстрастных монахинь в красных укусах плечо!..

Как и его соратники поэты-футуристы, Алымов «заигрывает» с богохульными темами, в его стихах можно усмотреть и кощунство, и «антисвятость» («монашка нагая», «прискорпионились чётки», «я ласкал, словно чётки, твои длинные пальцы», «читал, как Псалтырь, потускневшие губы», «черёмуха все грехи твои земные сдула, выпила, смела») – принципы, свойственные эстетике декаданса и рубежа веков:

Но подхожу к кельеспальне... Даже берёзки в истоме!
Прядями кос изумрудных кожу щекочут ствола...
Даже берёзка-Печалка молится блюду святому,
Даже берёзкины грёзы об исступлениях зла!..
Ближе... К дрожащему телу прискорпионились чётки...
Два каблука, остроудлинных бьются поклонами в пол.
«А... каблуки?!.. Куртизанка?! – Нет! не отдамся кокотке...».
И убегаю... А в сердце: «О, почему не вошёл?»

1920 [Сергей Алымов, <https://www.unification.com.au/articles/1880/>].

Поэзия Алымова тяготеет к экзотике, камерной любовной лирике, пронизана ностальгией по галантному веку; её образы жеманны, манерны, мечтательно-усталы, романтизированы, её неизменными атрибутами являются будуары, пажи, стильные туалеты, виньетки, пышные альковы, горячие эфебы Востока, королевы, изящные создания и Незнакомки, таящие таинственность, воздушность, хрупкость идеала. Таковы стихи: «Черёмуха на асфальте. Навечной Генри» [ГАПК, ДВ обозрение, 1920, 25 апр.], «Расстрелянное сердце» [ГАПК, ДВ обозрение, 1920, 1 мая], «Вересковой девушке» [Русская поэзия, 2001, 49–50], «На маскараде»:

Туалет Ваш – поэма контрастов, как пьеса Равеля. –
И душа Ваша вся – диссонансный аккорд, Незнакомка...
Это вы написали: «Поэту – второму Брюммелю...»
На шершавой бумаге, с витой золотою коронкой.
Я не знаю, кто Вы: поэтесса, кокотка, графиня?
И зачем это мне! Положение в свете не важно.
Вы – царица Дендизма, одетая радужно стильно,
И моё назначенье за шлейфом ходить Вашим пажно.
Я встречал Вас и раньше в изящных созданиях дель-Сарто,
На виньетках курьёзных к поэмам галантного века, –
Вашей поступи лёгкость – концерт грациозный Моцарта, –
Будуар Ваш ночной для эксцентрика – жуткая мекка.
Вы – экстрактность столетий, одно на одно непохожих!
Вы – лирический склеп ощущений египетских мумий!..
Вы сидели в гондолах на Лидо собравшихся дождей, –
Из-за Вас погибали орлы-храбрецы Монтезумы.
Во Флоренции Вы изощрались в неистовстве моды,
Посещали в Помпее вертепы греха и порока;
На пирах неронических пели Вам жгучие оды.
И любили Вы смуглых, горячих эфебов Востока.
Испытали Вы также печальную страсть Мелизанды.
Обнимали, рыдая, в предчувствии горя, Паоло, –
И к Мюссэ загоралась мужскою любовью Жорж Занда.
И Тангейзера ждали в пещере богини весёлой...
Без сомнения Ваши игривой Нинон похождения...
Элегантные ласки под пологом пышным алькова, –
После шалостей ночи на смятых шелках пробужденье
И уста Ваши пил заколовший врага Казанова!..
Я один угадал Вашу тайну под маски забралом. –
Я проникнул один в легендарную суть Незнакомки...
Ах, поэт!.. Осторожней танцуй со своим идеалом!!
Идеалы так хрупки, воздушно непрочны и ломки...

1919 [ГАПК, Лель, 1919, № 2].

В начале XX в. на многих поэтов-современников сильное влияние оказал поэт «прекрасной ясности», прозаик, критик Михаил Кузмин, в частности, его идеи «кларизма», восходящие к принципам пушкинской простоты [Лавров, Тименчик, 1990, 9].

В сборнике с характерным названием «Киоск нежности» (Харбин, 1920), три четверти стихов которого были написаны в течение последних четырёх лет перед выпуском, в подзаголовке С. Алымов отметил: «лирика женщины, изысканности и любви, книга, написанная сердцем». К слову сказать, вышедшая в 1919 г. книга футуриста Игоря Терентьева, одного из организаторов вместе с Алексеем Кручёных, братьями Кириллом и Ильёй Зданевичами грузинской футуристической группы «41°», носила название «Рекорд нежности» (Тифлис, 1919).

Салонные стихи Алымова и его единомышленника, харбинского поэта Михаила Спургота, с налётом «экзоты эротики», «любви интимии», притязавшие на хорошее знание психологии женщины, были очень популярны среди молодёжи.

С. Алымов:

У каждой девушки в глазах – весенняя новелла,
У каждой женщины в очах – романс душистый тела...
У каждой девушки в глазах – симфония влюбленья.
У каждой женщины в очах – соната обнаженья...
У каждой девушки в глазах – фиалковые стансы,
У каждой женщины в очах – жасминовые трансы...
У каждой девушки в глазах – нарушенная спячка,
У каждой женщины в очах – любовная горячка...
У каждой девушки в глазах – предчувствие объятий...
У каждой женщины в очах – желание кровати...
И если девушка хранит свою тоску по чуду,
Упрямо женщина твердит: «Опять любимой буду!».

1920 [Дяо Шаохуа, 1996, 75].

Стихотворение построено на образном и стилистическом параллелизме Девушки и Женщины. Это молодость и зрелость, пора влюблённости и телесная реальность. Сборник «Киоск нежности», вышедший в количестве 1200 экземпляров, был быстро распродан. Действительно, в то время это было что-то необычайное, и Алымов стал кумиром харбинской и владивостокской молодёжи, которая нараспев декламировала стихи богемного поэта: «*Понедельник – это денди с синевою под глазами, / Понедельник – тонкий мальчик, знавший спальню королев...*» [Таскина, 1991, 7].

Очевидно, в «Киоск нежности» входило и стихотворение Алымова «Признание», опубликованное в том же году во владивостокской газете «Эхо». Оно наполнено благозвучиями, красивыми образами, обаятельно-интимной жеманностью, дендизмом:

Вы меня пленили узкими ботинками.
Тонкими причудами сказочных одежд...
Чёрными корсетами... пальцами-стеблинками...
Бархатным мерцанием подведённых вежд.
Вы меня опажили кольцами изменными...
Флейтами коварными двойственных десу...
Шепчущих болезненно-острыми Шопенами,
Птицами, щебечущими в северном лесу...
Вы проткнули сердце мне шляпками и токами.
Ухарством и скромностью спущенных полей,

Стильными экстрактами, нежными, жестокими...
Душу заключившими в келью хрусталей.
Вы напоминаете фляги филигранные,
Полные таинственных запахов любви, –
Вы их сопричастница, вся благоуханная,
Бешенство Лукреции спит у вас в крови.
Утром вы Гейнсборите в шляпе грандиозящей,
Бёдра беспокойные спрятав в кринолин, –
И от вас властительной, строгой и морозящей, –
Веет величавостью мёртвою картин.
В полдень, орозив шею ценной гаммою,
Кажетесь вы грустной, ласковой Стюарт,
И непредугаданно вспоминаю Жамма я...
В сердце распускается снеготалый март.

1920 [ГАПК, Эхо, 1920, 21 марта].

Культ стихии любви утверждается и в стихах более позднего периода творчества Алымова. В рукописной книге любовной лирики с экзотическим названием «Запретосад» («Пьяное сердце», Китай, 1926) поэт славит опьянение любовью, её невыразимость, её неизбежное присутствие в неиспорченной «гнилыми идеями» душе. «Один из дальневосточных газетчиков начала 1920-х гг. свидетельствовал: „Господин Алымов назван ‘покровителем муз, харбинским Аполлоном’“» [Жаворонкова, 2007, 11].

Говоря о влиянии на Алымова поэта М. Кузмина, можно отметить любопытный момент: одним из первых стихотворных опытов Кузмина после переворота октября 1917 г., как ни парадоксально, стал сборник эротических (а по тем временам – и просто порнографических) стихов «Занавешенные картинки», появившийся в свет в конце 1920 г. Тогда он прошёл незамеченным и не удостоился сколько-нибудь подробного разбора. В сборнике было немало на первый взгляд поэтических безделушек, стихотворений, стилизованных под фривольную живопись или поэзию французского XVIII в., но многие стихотворения были снабжены подзаголовками, приоткрывавшими «источники», какими в качестве образцов указывались Буше, Беранже, Девериа, Барков, «Лука Мудищев» [Богомол, 2004, 169]. Но главное даже не это – в первоначальном, рукописном варианте сборник Кузмина носил заглавие «Запретный сад». Знал ли Алымов о первом варианте названия сборника неизвестно, но факт остаётся фактом.

Кстати, как и у Кузмина, у Алымова немало лёгких, незамысловатых, игривых, даже легкомысленных и нескромных песенок о любви, зачастую фривольных, гривуазных.

Михаил Кузмин:
Сердце женщины – как море,
Уж давно сказал поэт.
Море, воле лунной вторя,
То бежит к земле, то нет.
То послушно, то строптиво,
Море – горе, море – рай;
Иль дремли на нём лениво,
Или снасти подбирай...

[Кузмин, 1990, 34–35].

Стихи обоих поэтов отличаются изумительной музыкальностью, благозвучием, утончённой, изысканной прелестью слова.

Сергей Алымов:
Белая черёмуха...
Купите! Купите!..
И тонкие нити
Ползут по душе...
И в мая тенёта
Забросил вас кто-то,
Но вам не обидно,
Душа, как саше...
Душисто и пряно,
Душисто и тихо...
Платочки эмоций
В черёмух саше!!
У океана.
Под снежности Грига
Душистые танцы в душе

[ГАПК, ДВ обозрение, 1920, 25 апр.].

Не избегает Алымов и использования звукописи, столь характерной для футуристов, в т.ч. дальневосточных. Например, в стихотворении «Роща дней» с посвящением – «Всеволоду Иванову с верой, что это будет»:

Ростки... Ростки...
И дней побеги.
Тоски
Не надо
У сада
Неги.
В кольце огней
Зевают пушки...
Слышней
Зовут
В уют
Опушки...
Траса в росе...
Речные бульки...
И рады все:
Шмель...
Ель...
Косульки...
Настанет день,
Который не был!..
Везде
Простой,
Святой,
Как небо

[Сергей Алымов, <https://rustih.ru/sergej-alymov/>].

Или чудесное, будто «прозрачное», стихотворение из «Киоска нежности» с окказиональным названием «Осенник», также с посвящением другу и соратнику – «Николаю Асееву, чья лирика ладанная заря»:

Летают паутинки –
Небесные сединки...
Все дали извопросены:
.....

«Лекарства нет от осени»!..
В душе: седая скука.
У вас – свечинки руки...
Они прозрачно тают.
Вы, вся – святая!
На голове – корона
Из звёздных листьев клёна.
И сыплют на вас выси
Сосновых игол бисер.
И медленно идём мы
Вдоль стен лесного дома.
А осень, выйдя в сени,
Скликает на осенник

[Сергей Алымов, <https://rustih.ru/sergej-alymov/>].

В целом – стихи Алымова задушевные и лиричны, мелодичны и просты. Их главная особенность – поэтизация чувства любви, чувства светлого и прекрасного: «Что такое любовь? Это словом не скажешь. / Не всегда это музыка выразит даже»; «Мне поэмно... Я в черёмухотрансе» [Русская поэзия Китая, 2001, 46]. Любовь для Алымова – один из основных элементов природы, стихия: «Что лгать! Душа горит тобою / И нет такой воды, / Которая зальёт и смоеет / Следы моей беды». Женщина в его восприятии – как первое чудо, как высший свет, от того он её прославляет так виртуозно и многогранно: «С тобою ад светлее рая, / Ты херувимна – злом губя. / Тобой распятый, умирая, / Молюсь, богиня, на тебя». Любовь в изображении поэта поражает не только силой художественной изобразительности, но и полнотой драматического напряжения: «И если воюющею ночью / Я полз, как пёс, в кабак, / То лишь затем, чтоб сердца клочья / Зажать сильней в кулак» [Алымов, 1949; Алымов, 1953].

В разрозненных стихах разных лет, удачных и менее удачных, та же устремлённая мысль к любви. Любовь предстаёт в различных проявлениях: как дикая страсть, наставление, то – дивная богиня, то – сущий порочный демон, то – блоковская Незнакомка. Звуковая и цветовая магии завораживают слушателей. Велико мастерство передачи чувственных восприятий запаха, осязательных ощущений как неких притягательно-благословенных «сигналов запредельного присутствия». Алымов – романтик в изображении чистого целомудренного чувства, что придаёт его стихам экстравагантность, «сочность» и блеск.

Стихи «Киоска нежности» – «мягкие», и несли в себе также отпечаток акмеизма и песенный характер. Большинство стихотворений описывают радуго, облака, вечерний дождик, весенний ветерок, жасмин, фиалку, женские губы и вообще «нежность» [Дяо Шаохуа, 1996, 75]. Вот фрагмент стихотворения «Одуванчик-юность», точно найденный образ которого отражает недолговечность, кратковременность, мимолётность. Сам строй стихотворения передаёт порывистость, дуновение ветра:

Ты – воздушный,
Непослушный...
Ветровой. –
Ты летаешь,
Нежно таешь
Над землёй.
Ты летишь без всякой цели,
Как мечта...
Мы в ажур твой поглядели –

– Красота!
Тих и нежен
И безбрежен –
Дальний путь. –
Ты – воздушный,
Непослушный,
Вольным будь!

[Дяо Шаохуа, 1996, 75].

Юность не заботится вопросами цели (смысла) жизни, её привлекает «ажурность»-красота. Но красота для Алымова – как нечто мимолетное, необременённое, вольное, независящее от жизненных правил. Возможно прочесть это стихотворение как «предупреждение», а, может быть, здесь проявляются идеи «чистого искусства».

Поэзии Алымова свойственен приём, характерный для творчества Анны Ахматовой, – использование детали, имеющей таинственный, притягательный, психологический смысл: «*На столе забытые перчатки, / За окошком – тлеющая мгла*». Или:

Ты пришла, наконец, ты пришла,
Дорогую сняла свою шляпу,
И, смеясь, сенбернара взяла
За большую мохнатую лапу.
Уронила на скрипку манто,
Протянула капризно уста мне,
И поблѣкшей гравюре Ватто
Улыбнулись колец твоих камни

[Крузенштерн-Петерс, 2009, 286].

Конкретные, называемые вещи помогают создать незримый образ лирической героини. Весь облик её «вещен» («дорогая шляпа», «манто», «камни колец»). Поэт рисует образ роскошной, эффектной, красивой женщины. Появление героини для лирического героя, мужчины, неожиданно, но долгожданно. Она загадочна, желанна и недосягаема. Её движения и действия отчётливы, говорят об уверенной в себе, кокетливой, немного властной и строптивой женщине, которая как бы нехотя одаривает незримого героя своим присутствием и вниманием. Даже образ сенбернара выступает, словно символ силы и уверенности, защиты, преданности героине. Ещё одна деталь – гравюра Ватто – французского живописца и рисовальщика XVIII в. – дана автором как символ красоты, барочности и вообще – искусства. Известно, что Антуан Ватто в бытовых и театральных сценах, т.н. галантных празднествах отличался изысканной нежностью красочных нюансов, трепетностью рисунка, в живописи воссоздал мир тончайших душевных состояний. И даже «поблѣкшей гравюре Ватто» её камни колец улыбнулись, т.е. сверкнули, словно переморгнувшись, и оценили его талант, изысканность и красоту живописи. В стихах Алымова «вещный мир» прекрасен, он как будто всё гармонизирует, соединяет искусство и жизнь.

Древний жанр *экфрасиса* (словесного описания живописи) – стилиобразующий признак многих лирических опытов Алымова, в чём, несомненно, прослеживается влияние поэта Георгия Иванова, который «был введён „доктором от футуризма“ Николаем Кульбиным непосредственно за кулисы авангарда, как и многие, был хорошо знаком с Сергеем Судейкиным, Петром Митуричем, Львом Бруни и другими авангардистами той поры, а стихи писал по лондонским и лейпцигским гравюрам, по картинам Ватто, Лоррена,

Гейнсборо, Тёрнера, малых голландцев, а из отечественных современных живописцев выбирал тех, кто работал с историческими, чаще всего „галантными“, сюжетами, отделёнными от современности на достойное время, – Серова, Сомова, Лансере» [Арьев, 2005, 34]. Подтверждением того, что Алымов был знатоком и ценителем искусства живописи, служат сохранившиеся многочисленные дальневосточные афиши, извещавшие о его выступлениях перед аудиториями: «Пурпур эротики Эллады, Рима, Египта», «Вывихи и аномалии чувственности в Сердце века», «Эротика в картинах Бурлюка». Исследователи отмечают, что в архиве Алымова есть стихи, навеянные Рубенсом, а картины Камиля Каро, Анри Матисса, Франсуа Буше нередко вдохновляли поэта. «Об этом есть свидетельства в эпистолярном наследии поэта. Бодлер ставил в стихотворении „Маяки“ Делакруа в один ряд с Рубенсом, Леонардо да Винчи. Рембрандтом, Микеланджело, Ватто, ценил картину только за те мысли, которые она в нём пробуждала. Алымов, подобно французскому поэту, считал творчество художников источником образов и впечатлений. Он черпал вдохновение у старых мастеров, осовременивая их композиции, в том числе эротические» [Жаворонкова, 2007, 14].

Стихи Алымова отличаются особой мелодичностью, гармоническим сочетанием звуков. Сам поэт интересно говорил о роли музыки в стихах, внушал молодёжи, что стихи – это музыка, и нужно прислушиваться к музыке. Говорил он о блоковской концепции жизни как необузданной стихии, о Хаосе, из которого родится Космос, то есть порядок и гармония, а также о звуках сфер, слышимых лишь поэтом, артистом, общающимся со стихией – Космосом, небами и звёздами, бурями и метелями. Как вспоминала поэт, прозаик, переводчик русской эмиграции Юстина Крузенштерн-Петерец, Алымов любил разговоры с начинающими поэтами: «Для харбинской молодёжи всё это было ново, и короткие случайные беседы с Алымовым оставляли в умах след несравненно более глубокий, чем его стихи. А попутно нарастало и возмущение. Почему об этом никогда не говорилось на уроках словесности, почему так скучны наши программы и наши учителя? – Нет, Алымов не только „отравлял парфюмерией“; он заставлял молодёжь задумываться над поэзией» [Крузенштерн-Петерец, 2009, 286–287].

Примечательно, что в первом номере харбинского журнала «Окно» за 1920 г. была помещена статья Алымова «Скрябин и мы», которая показывала оригинальное и индивидуальное понимание Скрябина автором. Восторгаясь музыкой Скрябина, поэт писал: «Элементы, из которых Скрябин создаёт производные формы, необычайно изысканны, сложны, причудливы и гротескны, в то время как общая их структура – проста и ясна до прозрачности. Это спокойствие озера, на котором разыгралась буря. Тихая, светлая вода, внутри каждой капли которой живёт сложная динамика прыжков, буйств и метания <...>. Каждый звук имеет призыв, сообщающий звуку вечную волнующую и интригующую недосказанность» [Окно, 1920а, 33]. «Алымов подчёркивал, что творческими приёмами, которыми Скрябин владел в совершенстве, композитор уподобляется Бодлеру и Малларме. В музыке Скрябина Алымов чувствовал „самое жизнь“, ощущал, как элементы этой музыки „сложны“, „пугающе непонятны“, но „в целом своём завершении она проста, как цветение клеверного поля“. В этих словах проявляются убеждения и эстетический вкус автора книги „Киоск нежности“» [Жаворонкова, 2007, 16–17].

Тем не менее, не всем было по душе алымовское восприятие музыки Скрябина в контексте его собственного поэтического творчества. Так, некто Скетч в отзыве-библиографии на владивостокский журнал литературы и искусства «Восток» под редакцией В. Силлова пишет: «В отзыве о первом журнале „Окно“ нельзя согласиться с утверждением, что статья С. Алымова „Скрябин

и мы“ показывает „оригинальное и индивидуальное понимание Скрябина автором“. Скорее наоборот – абсолютное непонимание. И вообще бывает смешно и обидно, когда поэт (хотя бы) плохо разбирающийся в музыке берётся рассуждать о гениальном музыканте нашего времени» [ГАПК, Воля, 1921, 22 янв.].

В весьма изящном, стильно иллюстрированном харбинском журнале «Фиал» под редакцией Александра Вер, Алымов публикует поэму «Гонолулу» и статью «Любовники миражей». В разделе «От редакции» указывалось на стремление «собрать букет в „Фиале“ из цветов творчества русских литераторов, поэтов и художников Дальнего Востока. Объединить раздробленные силы на почве содружного творчества, оставляя политику и партийность вне „Фиала“». Разлить по изящным „Фиалам“, для широкого круга читателей, живое вино, не передержанное до плесени, но и без мути слишком свежих, не отстоявшихся соков» [Фиал, 1921, 2]. Оба опубликованных в «Фиале» произведения Алымова, думается, были написаны под впечатлениями не только от многочисленных поездок по странам Океании, но и под натиском наступающих перемен – в революционно-романтическом духе. Эти две чудесные, сегодня малоизвестные, «вещицы» демонстрируют романтика и эстета в дни революции. «Гонолулу» проиллюстрирована художником, скрывающимся за подписью «Паз. Густ», и пока не представляется возможным узнать более подробно об этом авторе.

В эссе «Любовники миражей» Алымов использует излюбленный принцип параллелизма, выстраивая оппозицию между судьбой бесправных темнокожих ловцов жемчуга и европейскими правами человека и гражданина, борьбой за «великие» идеи мировой революции, с одной стороны, и ничего не стоящих жизней обречённых на скорую смерть красивых жемчугоголов, с другой. «Мечтатели, отшельники, безумцы и фантазёры, они неловко и „как-то“ существуют в стороне от пораженной практицизмом жизни: так же смотрят на звёзды, так же думают песней, так же раздражаются музыкой, – в то время, когда улица раздражается ружейным залпом. Революция – моменты и метеорные любовницы, их связь с вечностью ярка, но преходяща. Душа же с её тишиной – супруга вечности. Песни крови не могу заменить песен любви и неба» [Фиал, 1921, 17]. Алымов, как и прежде, славит нежность и красоту, а истинных, «природных» поэтов он видит в выплёвывающих густую, чёрную кровь «ловцах жемчуга», нежных мечтателях, посвятивших себя занятию тихому, опасному и совершенно не связанному с мировой революцией: «Что есть самое большое, самое важное, самое ценное и великое, что может сделать поэт в дни мирового потрясения!! Остаться поэтом и продолжать любить тихо извлекаемые из пучин жизни жемчужины и расцветающие на руинах бытия видения красоты, которые ослепшая толпа называет миражами. Остаться нежным, задумчивым открывателем влажных от пребывания в творческих глубинах раковин форм, в которых – жемчужные зёрна необходимой для жизни красоты. Помню, как больно ударили по душе строки патриотствовавшего в пяточковом журнале стихоплёта, призывавшего поэтов забыть о Беатриче и взяться за меч. Поэт может взять в руки меч, но забыть о Беатриче – никогда» [Фиал, 1921, 18].

У Алымова – какое-то особое, сакральное отношение к звуку. Обладая, очевидно, прекрасным музыкальным слухом, артистически виртуозно передаёт поэт физиологические ощущения от прекрасного, гармонично звучащего человеческого голоса. Вот, к примеру, его стихотворение с говорящим названием «Баритонная ванна»:

Трепыхаются бабочки бархатистого голоса
Что, как ванна душистая, погружает в себя,
И набатят отчётливо вздохи медного колоса,

То свирельно вибрируя, то фанфарно трубя.
 И в миры неизвестные мчатся грёзы стремительно
 И, взлетая, подъятые, опускаются вниз.
 Баритон чёрно-бархатный покоряет властительно,
 Чередуя мрак пропасти с вознесением в высь.
 Безошибочно чувствую: в звуковой моюсь ванне я,
 И по коже души моей ходят пальчики струй.
 Почему я не нежился в ароматностях ранее?
 Почему не ласкал меня звуковой поцелуй?!
 Звуки тминного голоса, словно море плескучее,
 Звуки мятного голоса освежают меня...
 Затопляет растущее половодье пахучее,
 Гашишируя действия и мечты обленя...

[ГАПК, ДВ обозрение. 1920, 5 мая].

В «Киоск нежности» вошло и стихотворение «Новогодье нежного грешника», посвящённое «отцу русского футуризма» Давиду Бурлюку. В эпиграфе Алымов называет Бурлюка своим другом, «взрывателем во Имя Пресветлой Красоты», т.е. человеком, разрушающим традиционные схемы, бунтарём-поэтом, отказавшимся от привычных стереотипов, во имя создания Искусства будущего:

Я – Пьеро хромой и одноглазый...
 Волосы – один хвостатый клочок.
 Я люблюсь на детей в салазках
 Через мой опаловый монокль.
 Я люблю, чтоб радужнилась серость,
 Чтобы клячи будней мчались вскачь...
 Подойдя к измызганной гетере,
 Я шепчу внимательно: «Не плачь!
 Всунь свой профиль в синий нимб витрины
 И святися нежностью греха...
 Не вдыхай магнолий кокаина!
 Будь – как я – трепещущее тиха».
 Я хотел бы видеть нежность всюду...
 (Соглашусь на маленький клочок).
 Но в опале нежность, и покуда
 Заогнюсь единственной свечой.
 Разверну мечту на тротуаре
 И прочту её на нежный глас,
 Кто же?.. Кто!.. со мною станет в паре?..
 Столб афишный – мой иконостас.
 Никого!.. А сумерки сереют,
 Непахучим ладаном кадя...
 «Нежности давно свернули шею!» –
 Пробурчал какой-то франт, идя.
 Провезли салазки дети цугом.
 «Дети!.. нежность... нежность жду в храм мой!»
 Над домами вечер каркнул глухо:
 «Долго ты прождёшь, Пьеро хромой...»

[Русская поэзия, 2001, 48–49].

Кроме абсолютно автобиографических отсылок в первом четверостишии стихотворения – как известно, Д. Бурлюк был одноглазым (брат выстрелил в семилетнего Додю из игрушечной пушки, и тот, лишившись глаза, вынужден был

всю жизнь пользоваться протезом), Бурлюк также не расставался и с лорнетом, отчётливо звучит здесь тема поэта и поэзии. Как и во всём сборнике, главной задачей Алымов считает пение гимна Красоте. Публика не замечает красоты, «нежности», тщетно поэт пытается пробиться к душам людей, но люди стали глухи и перестали чувствовать: «нежности давно свернули шею!». Интересны образы, которые использует автор. Один из наиболее распространённых – образ Пьеро – героя театральных представлений, униженного, оскорблённого, осмеянного, грустного, страдающего, одинокого; его спутница – гетера, которой, как известно, называлась в Древней Греции незамужняя женщина, обычно с артистическими способностями, ведущая свободный образ жизни. Но перед нами не просто гетера, блудница, а «измызганная гетера» – весьма характерный приём – нарочито сниженный эпитет, коих в стихотворении, надо сказать, предостаточно, начиная с названия («волосы – один хвостатый клок», «клячи будней», «разверну мечту на тротуаре», «вечер каркнул глухо»). С целью подчеркнуть особую сниженность поэтом-футуристом умышленно используются и другие выразительные средства языка, например, лексически сниженные оксюморонные сочетания: «радужная серость», «клячи будней мчались вскачь», «святися нежностью греха», «столб афишный – мой иконостас».

Конечно, не обошлось в этом произведении и без характерной черты божественной поэзии – упоминания о наркотике. Перед читателем сегодняшнего дня «наркотический фетишизм» (Л. Ещин) эпохи. Но метафора «магнолий кокаина» уже традиционно для литераторов Дальнего Востока и русской дальневосточной эмиграции 1920–1930-х гг. (В. Марта, В. Рябинина, О. Худяковой, Арс. Ольгина (Шевелёва), Л. Ещина, Ф. Камышнюка, И. Орловой, Н. Петереца, М. Спургота и др.) символизирует некое спасение, забытие, уход от жестокости жизни [Кириллова, 2014, 53–65; Кириллова, 2016, 111–124; Кириллова, 2016, 23–40; Кириллова, 2017, 23–32; Кириллова, 2018, 103–124].

«Разлив наркотизма залил на русских литературных полях молодые всходы <...>. Наркоз становится стихией, и, как во всякой стихии, в нём пребывают обожествляемые живые существа: „Вы мне казались нимфой кокаиною...“», – пишет про Сергея Алымова, цитируя его строчки, ещё один дальневосточный поэт, наркоман и алкоголик, Леонид Ещин [РГИА ДВ, Вечер, 1921, 9 мая]. Видя в наркотических пристрастиях прямое влияние «Цветов зла» Бодлера, который «удручённый, как и романтики, серой унылостью будней, безвкусным томительным прозябанием на земле, проповедовал: „Опьяняйтесь, беспрестанно опьяняйтесь“, Ещин в малоизвестной дальневосточной статье столетней давности, посвящённой пагубному пристрастию молодых русских поэтов перелома эпох, совершенно прозорливо отмечает: «Ещё не забыт только что начинавший писать и недавно умерший здесь Арсений Ольгин, унесённый из жизни нимфами морфия. А сколько ещё жертв уготовано для них – сладких, но жестоких наяд наркоза? <...> Будущий историк литературы в куче стихотворных архивов наших дней будет нередко находить как жемчужные зёрна стихи, подписанные незнакомым и забытым именем.

В разочарованиях ли первой революции, в общей ли усталости от тревог, декадансе, упадке ли, всегда предшественниках слишком кровавого времени, в массовом ли аморализме, безбожии и неверии, в буре потопа, – или во всём этом вместе, – найдёт будущий историк причину массового отравления молодых поэтов нашего времени ядовитым дыханием „цветов зла“, – эти цветы протянули свои стебли в наши дни из прошлого века. И кто знает: скоро ли исчезнет их тлетворное влияние?» [РГИА ДВ, Вечер, 1921, 9 мая].

Кстати, сам Сергей Алымов посвятил такому же богемному литератору Венедикту Марту статью «Правнук Виллона», работа впервые была опубликована в харбинском журнале «Гонг» в 1923 г. В статье Алымов, думается, списывая многие черты с самого себя, сравнивает Марта с неприкаянными поэтами Франсуа Вийоном, Полем Верленом, Артуром Рембо – «непричёсанными, взлохмаченными, беспутными любовниками музыки, не имеющими постоянного жилья, живущими на улице, на бульваре, в тюрьме, на речной барже или под мостом», бродячими певцами, «чей дом везде, где неба свод, где только слышны звуки песен», с беспокойным, порочным духом, поэтами, грешащими наркозами, нищенствующими, часто весьма жалкими по внешности, но внутренне являющимися величайшими крезами грёз, собственниками ослепительных сокровищ духа» [Алымов, 1998, 230].

Примечательно, что «Правнук Виллона» идейно-стилистически предшествует вышеупомянутому эссе Алымова «Любовники миражей» – о заговорах, подготавливающих переворот во имя красоты. Как и во многих работах Алымова этого времени, утверждается непреходящая роль красоты, искусства и поэзии в жизни человека: «„Одно настоящее несомненно, всё остальное – мираж!“ – кричит пёстро расцвеченный хаос наших дней. „Всё остальное – умерло“.

Да, неужели?! Вот так и – умерло!..

А звонкая свежесть осеннего утра?!

А облачко, резвящееся в небесной степи?..

А влажные поцелуи дождя, заставляющие радостно трепетать листву?!

Разве это всё не вызывает восторга в душе?! –

Разве глаза встречной девушки не рожают представления о звёздах?!

Вызывают!.. Рождают!..

А раз вызывают и рожают – значит надо лелеять и растить миражи, ибо они реальной „реальной политики“, значительней её и огромней.

А это ничего, что жизнь захлебнулась в пресной воде практицизма и как будто отказалась от красоты искусства.

Скоро всех потянет к тихим и прозрачным творческим родникам.

Тогда настанет день поэтов и из самых ненужных они превратятся в насущных.

День этот недалёк»

[Фиал, 1921, 18].

Подобные заключения можно рассматривать и как антифуртуристический призыв Алымова, направленный против выхолащивания духовности, против схематизации, отказа от очарования природы и, следовательно – по поэту – гармонии человеческой жизни.

Весна и любовь – тема книги «Снеготай», подготовленной Алымовым ещё в 1919 г., но не изданной. Манера письма, доверительность, удивительная точность передачи образа и чувства, так характерные для сборников «Киоск нежности» и «Запретосад», прослеживаются и здесь. Выразительны зарисовки, передающие весеннее настроение лирического героя в стихотворении «Талое сердце». Картин природы самих по себе нет, но они своим мелким колоритом придают стихам музыкальность, подчёркивают душевное состояние, радость живописуемого чувства. В стихотворениях нашла отражение излюбленная Брюсовско-Бальмонтская теория мига, волшебного мгновения и столь же присущая поэту-символисту склонность к словотворчеству: «И дни, и ночи одинаковы, / Пьянее пьяного вина. / Аллюрность дней – напиток маковый, / А мигобег – фиал без дна»; «Не дадим никому белокурых мгновений!» и др. А в стихотворе-

нии «Лимузин-саркофаг» из «Киоска нежности» миг убийства красавицы, когда *«маленькая пулька, пчелкою порхая, / стенку продырявя, юркнула в корсаж»*, ставит финальный аккорд, как бы переводя один роковой миг для героини в вечность, при помощи образованного окказионализма «мигно», обладающего уже значением протяжённости: *«Вечер истеричный нагибался к шторам; / Аромат бегоний, старчески, вдыхал, – / И в твоих изящных, омертвелых взорах / От людских безумий, мигно отдышал»* [Сергей Алымов, <https://rustih.ru/sergej-alymov/>].

Подобно В. Брюсову, Алымов рисует город как средоточие пошлости, серой и бездумной жизни, застойного быта. Но человеческие чувства, женская душа не меньше занимают поэта, чем городские мотивы. Поэт сочувственно относится к падшей женщине, отстаивая право собственного взгляда на мир, добро и зло. У поэта много романтических мотивов, светлого настроения, обилия воздуха, свежести и здесь же индивидуально алымовская черта – развёрнутая эстетическая параллель пейзажа и эротической картины. При этом лирические переносы очень смелые и выразительные, например, «девушкино сердце почкой набухало».

«Образность, глубокая поэтичность каждого стихотворения производят светлое впечатление, влекут за собой целую цепь разнообразных картин и ассоциаций. Даже отдельные строки дают представление о многокрасочной палитре автора: „розовые ленты“ (на небе), „молитвенно синий“ (туман), „хрустально-прозрачное“ (небо). Не менее, чем глазу, дано и слуху. Вот несколько примеров неожиданной звуковой символики: *„И за белой стеной шорох талого сада, / И земля под ногами стала томно вздыхать“*; *„Словно с токайским звенящий стакан / Мартом налитая улица“*» и др. [Жаворонкова, 2007, 10–11]. Лирически оправданы отвлечённые слова: «неподвижность» (зимы), «вешность», «набуханье». Мастерство поэта проявляется и в зоркости эпитетов: «талый», «неприкаянный», «восторгами пьяный» (март). Интересны сложные сочетания: «душисто грёзово свежа» (любовь); оксюморонные тавтологические сочетания: «неверная верность моя». В «Интимных сонетах» Алымова присутствует и бальмонтковский мотив невозможности оправдания, и гумилёвские символы. В позиции героя есть и что-то есенинское: *«Я жизнь свою на пустыки истратил: / Брал женщин... ведал мир... и пил вино»*.

О тончайшей и виртуозной лирике сборника «Киоска нежности» рецензент А. Левитан писал: «Через всю новизну языка и современность психологии сквозят нам старые-старые и навеки новые чудеса – та же неразгаданная женщина, та же неразгаданная природа и та же ненасытная жажда идеала, которому нет имени». Дальневосточные рецензенты называли эту поэтическую книгу „книгой изысканной и томной любви“. Или: «Творчество С.Я. Алымова интересно и значительно, он – новатор, жадно ищущий новые формы, сумевший соединить и использовать достигнутые последними литературными течениями усовершенствования». При этом отмечалось, что «Алымов поэт резко выраженной индивидуальной ценности» [Жаворонкова, 2007, 13]. Вторя этому суждению, весьма положительно оценил «Киоск нежности» футурист Н. Асеев в своей статье «Преображение нежности», желая акцентировать внимание на индивидуальной – чисто алымовской – составляющей его поэзии, а не эпигонской: «Алымов свободно передаёт лёгкий внешне жаргон Северянина, очень часто его метафора гиперболизирована до пределов Маяковского, его увлекает иногда простота и умудренность хлебниковской раскрепощённости формы. Но это не стилизация, не подражание той или иной самобытной форме. Это именно лёгкая текучесть врождённой техники, которая, не „размозолев от брожения“, вытанцовывает свой

тревожащий мир танец, а течёт, серебристо звуча и отражая бегущие формы вечно изменяющихся облаков» [ГАПК, ДВ обозрение, 1920, 10 нояб.].

А известный на Дальнем Востоке театральный и музыкальный критик Лоэнгрин (вероятно, Ф.С. Миркин, журналист, редактор-издатель во Владивостоке собственной газеты литературы и искусства «Серебряный голубь» (1922) так отзывался о новой книге Алымова: «В Харбине издана книга стихов С.Я. Алымова, включающая 117 стихотворений. Алымов – поэт достаточно известный на Дальнем Востоке по отдельным стихотворениям и статьям по искусству, печатавшимся им в периодических изданиях. Крупный самобытный талантёвнесомнения. Настоящая книга, являясь первым крупным выступлением автора, не охватывает всей многосторонней яркости его дарования. В ней преимущественно отражена лишь одна из этих сторон, а именно, лирический позитивизм, который автор, очевидно, кладёт в основу своего творчества. „Киоск нежности“ называется книга его стихов. Но берегитесь этого названия! Лирика Алымова – стальная лирика закалённой в огне революции души. Холодной сталью, блестящей и остро обжигающей своим мимолётным прикосновением, ранит она душу. Ранит глубоко и больно. Поэту заблагорассудилось отравить свой остро отточенный кинжал ядом эротики. Что же, воля его! Может быть, найдутся лицемеры, укоризненно кивающие головой на столь щедро, неоглядно и ветренно растрачивающего своё дарование. Мы не будем в их числе. Действенность прежде всего видим мы в этих звенящих, пока в унисон молодости и весеннему бреду, столах. Действенность, прорывающуюся сквозь покровы изысканнейших стилизаций. И эта действенность не отдельного темперамента, не отдельной воли. Эта действенность целой волны воли, побившей преграду салона, влившейся в него с полей и лесов, влившей в побледневшие жилы напряжённых эстетических потуг свежую горячую кровь дикаря.

Стихи Алымова – это язык новых чувств и сохранённой безбрежно стильной обстановки Версаля. Это пир чувств нового Платона XX века, где причудливо переплетается отточенный эллинский довод с криком молодого самца по весне. Утончённость его образов напоминает хрупкую статуэтку севра в огромной рабочей руке. Неизвестно, что в следующий миг будет с нею. Бережно ли поставит эта рука статуэтку на полочку созерцания или с отвращением разобьёт она пленительный облик соблазняющей и ослабляющей эту руку своим легковесным изяществом.

Откладывая более подробный разбор книги для специальной статьи, которой она, как явление незаурядное в жизни русского искусства, заслуживает, мы можем рекомендовать книгу всем любящим стихи и следящим за новинками поэзии. Издана книга не в пример изданиям провинции. Великолепная бумага, прекрасно исполненная обложка работы московского художника Н. Гущина, на редкость хороший шрифт и распределение материала могут служить образчиком вкуса для дальневосточных книгоделов.

Книга эта должна иметь большой успех не только в кругах любителей поэзии, но и в широких читательских массах своей яркостью, жгучестью и современностью поэтических форм» [ГАПК, ДВ обозрение, 1920, 7 окт.].

Совсем не однозначно к поэзии Алымова этого периода отнеслись его соратники по группе. Они ругали его за наличие в стихах экзотических пейзажей Японии, Индии, Австралии, порицали за «парфюмерный блуд» и вообще – за обращение к камерной любовной поэзии, иными словами – за асоциальность: «Одно перечисление фарсов, скетчей, шаржей, написанных для белоэмигрантской публики Харбина, говорит о неблагополучии в творчестве поэта („Ятаган страсти“, „Бульварный дурак“, „В розах Жаклино“, „Искушение

святого Антония“, „Мнимый евнух“, „Паж бриллиантов“ и др.)» [Пузырёв, 1968, 77]. «Нежноблудным поэтом-эстетом», «оликёренным» называет его один из владивостокских критиков, вероятно, поэт Вл. Силлов [ГАПК, ДВ обозрение, 1920, 1 мая]. По словам Н. Чужака, Алымов пишет для белоэмигрантов в Харбине – «поэт, докатившийся до бульвара» [Насимович-Чужак, 1922, 79]. Беспощаден и поэт Ноэль (псевдоним дальневосточного поэта, фельетониста, журналиста В.В. Павчинского), откровенно и прямолинейно осудивший Алымова за уклонение в сторону антиобщественного искусства в «Литературных заметках» на «Киоск нежности». Он резко заметил, что поэзия алымовского сборника – «поэзия тряпок и кружев, извращённая поэзия для извращённого вкуса» [ГАПК, Голос Родины, 1920, 5 янв.]. «Кое-что в нём принять можно, но, в конечном счёте, жеманный портной „не для наших старался талий“, не для современников, „в небеса шарахающих железобетон“. Потягота на изыски и специи, желание сладко иссюсюкаться, стремление забросать читателя засахаренными орешками слова – всё это вместе взятое, и в лошадиной дозе, создаёт из „Киоска“ замкнутый и пошловатый концерт. Отсюда нет выхода. „Наркозы глаз!.. улыбки бёдер! ночей асфальтовый дурман!“ – ведь это же, кроме того, что безвкусно, обещает перейти в дурную бесконечность. Зная последние достижения Алымова, зная его стихи 1920-х, хочется думать, что весь смысл издания состоял в том, чтобы раз и навсегда отмахнуться от старого цикла», – писал примыкавший к футуристам читинский поэт Пётр Незнамов [Аниклеи, 1982, 124].

Кстати, ругали Алымова не только за стихи. Ему и его соратникам-футуристам доставалось за царящую на собраниях-субботниках литературно-художественного клуба «Окно» атмосферу замкнутости, групповщины, избранности, литературно-художественной богемы (доступ в объединение был ограничен футуристами или сочувствующими им, не допускались, к примеру, представители из поэтов-рабочих). Так, весьма забавные упрёки за взаимовосхваления и цеховщину переданы в одной из пародий:

Среди поэзо-корифеев
 Спустился к нам в Харбин
 Поэзо – Николай Асеев.
 В «Киоске нежности»
 Футуро-пилигримов
 Его приветствовал
 Стихеттами Сергей Алымов.
 Всех уверял Сергей Алымов,
 Что эгофутурист Асеев
 Талантливей, чем Осип Дымов.
 И далее наш Серж
 В пылу бурлючьего азарта
 Поставил выше Пушкина
 И Венедикта Марта.
 В ответ на эту лесть
 И Николай Асеев
 Сказал: «Нет выше ничего
 Алымовых Сергеев!»

[ГАХК, Вперёд, 1920, 25 нояб.].

«Сколько народу отравил своей парфюмерией!» – возмущались бывшие поклонники Алымова. Однако обвинения эти находили не только сторонников, но и антагонистов: «И тут Алымова защищали его постаревшие сверстники: „– Ну, это растяжимо. У одних такое стремление к нарядности, как у вашей

барышни, – от природной пустоты, а у других – от опустошённости. Как протест против отнятого. Как бред тифозного в грязном окопе: „Хочу видеть красивую женщину, или хотя бы красивую дамскую шляпу!“. Много нужно было пережить, чтобы понять это» [Крузенштерн-Петерец, 2009, 286].

В самом начале 1920-х гг. под влиянием сотрудничества с членами владивостокского ЛХО, Асеевым, Третьяковым, под впечатлением, очевидно, от общественно-политических событий, происходивших во Владивостоке, в творчестве Алымова наблюдается значительный перелом, прежде всего, тематический. После японского переворота (апрель 1920) претерпевают изменения и взгляды Алымова на искусство. Центральное место занимают теперь темы революционные, но осмысленные по-прежнему в романтическом ключе: «Первомайский гимн», «Корея на кресте», «Бунт», «Партизаны», поэма «Из берегов», с посвящением Ольге Лазо. Эта небольшая поэма была написана в те дни, когда весь Владивосток жил ожиданием известий о судьбе Сергея Лазо и его товарищей:

Раны соком курчавят фиалки.
Все алей ланиты зорь.
Чайки, летя с рыбалки,
Беспокоятся: «Где Лазо?».
Заклинаю море: Взвейся!
Если люди молчат – кричи!
По уюту домов разлейся,
Овдовевшей львицей рычи!..
Глаза сумасшедше расширив,
Всю тоску перелей в зрачки;
Равнодушие жирного мира
Искромсай циклоном в клочки.
Затопи буранами площадь,
Заверти, как щепку, атолл;
Для флага с кокотки попроще
Красное сорви манто...

[Неравнодушные строчки, 1921, 44–45].

Поэт обращается к теме мировой революции и космическим образам. Проявляя свои политические симпатии, он пишет стихи и статьи во славу Советской России и Ленина. В его поэме «Оклик мира», проиллюстрированной художником Виктором Пальмовым (Харбин, 1921) весь мир, от Индии до Великобритании, от Кореи до Франции, от Японии до Италии, от Норвегии до Соединённых Штатов, «окликает»: *«Революция, смелей, / Ускорь свой шаг!»*:

Крепкой рукой титанической
Солнце рабочий притянет
И на медали космической
Ленина лик отчеканит.

Поэт здесь сознательно подражает В. Маяковскому, расставляя поэтические строки по ступенькам:

– Слышим!
Рады!
Исполним!
Хочется
Стать
людьми...

[Дяо Шаохуа, 1996, 82].

В 1922 г. в Харбине Алымов издаёт второй поэтический сборник «Арфа молний» в таком же духе.

В стихах Алымова очевидно влияние пролеткультовских тенденций. В 1921 г. он становится членом президиума Пролеткульта во Владивостоке. Годом ранее во владивостокской газете «Дальневосточное обозрение» поэт публикует две посвящённых 1 мая песни. «Первомайская песня» Алымова была премирована ЛХО в рамках проведённого Обществом конкурса «Гимн 1-го мая». За стихотворение Алымов получил вторую премию, разделив её со ставшим затем широко известным «Первомайским гимном» Н. Асеева. Алымов:

Молоты в сторону! Ремни замрите!
Радостно вскрикни и смолкни, гудок.
От севера к югу идите нити,
И пароходов не выдай док!
Вымпельно-алое в дымах Ньюкастля...
Красной краской выкрашен день. –
Нам стальнорукий мир не отдаст ли
Выпустить новых дел бюллетень!?
Мы на панелях смело запляшем,
Красным флагом вытрем лазурь.
Мрамор... стёкла... здания – наши!..
Мир, как в зеркале, в нашем глазу.
Сегодня – через море – рук пожатье!
Сегодня – грозный вселенский марш!
Ещё одно стальное сжатье,
И мир окончательно будет наш

[ГАПК, ДВ обозрение, 1 мая].

В этой же газете была помещена ещё одна первомайская песня-призыв. Афористичность языка, чеканность ритма, простота и прозрачность образов – новые качества поэзии Алымова:

Сердце каждого – алое знамя,
Кровь несётся быстрее гонца...
«Ещё плен, но победа за нами!»
И знамёна вверху, как сердца.
Брошен в сторону молот на время...
Наковальни в весёлых цветах, –
Неподвижны проворные ремни,
Обеззвучилось горло гудка.
В дружном марше рабочие ноги
Отбивают минуты конца...
И над зеленью майской дороги
Кумачовые пляшут сердца

[ГАПК, ДВ обозрение, 1 мая].

Прослеживается традиционный для подобной лирики мотив всесветности, всеохватности революцией, алой радости:

И на гулких бульварах Парижа,
На Берлинских больших площадях, –
Повсемирно они же! они же:
Солнце Мая и знамя труда!
Мы сильны и никто нам не страшен!
Сблизим души набатной трубы,

И отпразднуем в зелени пашен
Праздник мира и праздник борьбы

[ГАПК, ДВ обозрение, 1 мая].

Однако такая явная пролеткультовская тенденция, активно демонстрируемая Алымовым, не смогла заслонить главной стороны его поэтического творчества – глубоко лирической. В статье «О творчестве» Алымов ставил под сомнение эстетику Н.Г. Чернышевского и склонялся к искусству для искусства. «Вопрос творчества главным образом есть вопрос творческой души»; «Искусство не зависит ни от революции, ни от реставрации»; «Творчество – божественно», – такова программа Алымова в конце 1921–22 гг. Об этом свидетельствуют и вышеприведённые статьи «поэта нежности». Оценивая номера футуристического журнала «Творчество» (Владивосток, 1920; Чита, 1921), он без боязни критикует издание за соединение в нём искусства и политики, литературы и пропаганды. «Соседство вынужденное, творчества в „Творчестве“ мало» [Пузырёв, 1968, 77]. Подобная оценка журнала недавним его сотрудником вызвала возмущение Н. Чужака, Н. Асеева и др. Н. Асеев, любивший Алымова, на этот раз строго предупредил его о пагубности отрыва поэзии от социальных проблем, о безнадёжности искусства для искусства, как спасательного средства от «палящего дыхания современности, которое морщит пергамент старины» [Пузырёв, 1968, 77].

Малоизвестным, но примечательным выглядит тот факт, что Алымов занимался поэтическими переводами. Так, в харбинской газете «Рупор» за 1922 г. можно обнаружить его подборку оригинальных, самобытных, истинно «алымовских», переложений из старинной японской поэзии, и нельзя не отметить, что любовные фрагменты выписаны на грани: от изысканности и томности до нарочитой эротичности. Из Идзуми-Сикибу (ок. 976 – ок. 1034):

Что мне делать?!. Что мне делать,

Если тот придёт, что жду?!.
Снег потопчет,

Буйнотелый,

Он в моём саду.

Из Умано-найси (XI в.):

Когда в стужу град барабанит

По упругим листьям бамбука,

Неотвязная мысль тиранит:

Одной спать

– Мука!..

Из Бусона (1716 – 1783):

Светлый вечер томен, долог.

Там, где женский монастырь,

Уж повешен лунный полог

[ГАХК, Рупор, 1922].

Примечательно, что соратники-поэты, эмигранты, знавшие Сергея Алымова по Владивостоку и Харбину, вспоминали о своём богемном друге с теплотой и щемящей грустью. Юстина Крузенштерн-Петерец писала: «Алымов прожил в Харбине лет семь. Ему не везло. Стихи не кормили, пришлось пойти работать в газету репортёром. Стал пьянствовать, буянить, на балу в „Модерне“ разбил кому-то физиономию. Иногда допивался до того, что знакомые отшатывались от него на улице» [Крузенштерн-Петерец, 2009, 287]. Ольга Софонова в своей книге «Пути неведомые: Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916–1949 гг.» (Мюнхен, 1980) добавляла: «Алымов, высокий, красивый, с большими

татарскими тёмными глазами... вёл беседы с молодёжью о поэтическом творчестве, о мистических сферах, и молодёжь его слушала. Тянуло к лирике, поэзии не только этих юношей. Так, недавно ещё был пережит ледяной поход, крушение белого движения, опасности, лишения, потеря товарищей, памятный тифозный бред – забыть всё! Уйти, оторваться! И слушали стихи, пробовали писать. Прокормиться стихами было трудно. Сытый Харбин 20-х годов отдавал предпочтение театральным постановкам» [Софонова, 1980].

Юстина Владимировна вспоминала такой произошедший с Алымовым случай: «В последний раз я видела Алымова в 1926 году, в кабаре „Фантазия“. Он явился туда грязным, небритым, в опорках на босу ногу, в пальто, под которым, вероятно, ничего не было. Присел на перила одной из лож и, болтая голыми ногами, заговорил со знаменитой тогда в городе красавицей. Красавица, вся в золотых кружевах, – будто прямо из „Киоска нежности“, – смутилась, муж её вызвал метрдотеля. Публика заволновалась – будет скандал! Но скандала не было. Метрдотель прибежал, пошептал что-то на ухо Алымову: тот встал, грустно обвёл всех своими чудесными глазами: – Разве я кого-нибудь обижаю? – И тихо вышел, придерживая у горла воротник пальто. Вскоре после этого Алымов уехал в СССР» [Крузенштерн-Петерец, 2009, 287].

Сергей Алымов проявлял редкую талантливость и редкую безалаберность. Именно это, на наш взгляд, делает его литературно-поэтический талант безусловным. Лирика Алымова вместила в себя всё: от изысканного слова Серебряного века до блатной лирики эпохи сталинизма, от описаний галантных картин Ватто и прекрасно-воздушных дам Гейнсборо до лагерной прачки, от уголовных жаргонизмов и арго до весенних цветочков милой во садочке. Путь русского/советского/совдеповского поэта был настолько нестандартен и нетривиален, что не укладывается в гладкий прозаический текст, оправдывает столь любимый самим поэтом принцип параллелизма. Весь творческий путь Алымова являет собой контрапункты: через шануаретку к партизанскому гимну, через скандалы богемной харбинской жизни к уголовному шансону Беломорканала, от эпатажа, фривольных песенок кафешантанов и шантеклеров до патриотических песен Великой Отечествен-ной войны, от «перековки» преступников до личных орденов и медалей. Непроста душа творческой личности! Разве это не дар?! И кто бы ещё так смог...

Библиографический список

- Алымов, С. Избранное / С. Алымов. – М., 1953. – 111 с.
Алымов, С. Киоск нежности: Стихи (Факсимильное издание) / С. Алымов. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 160 с. (Библиотека авангарда, вып. XVII).
Алымов, С. Правнук Виллона [о Венедикте Марте] / С. Алымов // Рубеж. – 1998. – № 3. – С. 229–230.
Алымов, С. Стихи и песни / С. Алымов. – М., 1949. – 182 с.
Аниклеи, Г. Мы – всего лишь коммунисты: по страницам журн. «Творчество» / Г. Аниклеи // Дальний Восток. – 1982. – № 11. – С. 121–129.
Арьев, А.Ю. Пока догорала свеча (О лирике Георгия Иванова) / А.Ю. Арьев // Иванов Георгий. Стихотворения / Вступ. ст., подг. текста, состав., примеч. А.Ю. Арьева. – СПб., 2005. – С. 5–108.
Богомолов, Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии / Н.А. Богомолов. – М., 2004. – 624 с.

Вечер: ежедн. внепартийная демократическая газ. / Ред. В.А. Виноградов, Л.Д. Кроль, С.Ф. Знаменский, В.И. Моравский и др. – Владивосток, 1921. – 9 мая. – РГИА ДВ.

Воля: ежедн. орган Всесибирского краев. комитета партии социалистов-революционеров, с июня 1921 г. орган Приморского обл. комитета партии социалистов-революционеров / Ред. И.И. Калюжный. – Владивосток, 1921. – 22 янв. – ГАПК.

Вперёд: газ. / Орган Объединенной конференции профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД. – Харбин, 1920. – 25 нояб. ГАХК.

Голос Родины: ежедн. демократическая газ. / Ред. Н.П. Леонов. Владивосток, 1920. – 5 янв. – ГАПК.

Дальневосточное обозрение: ежедн. официальный орган правительства ДВР / ред. Н.К. Новицкий, Н.Н. Асеев. – Владивосток, 1920. – 1 мая. – ГАПК.

Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1920. – 10 нояб. – ГАПК.

Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1920. – 25 апр. – ГАПК.

Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1920. – 7 окт. – ГАПК.

Дальневосточное обозрение. – Владивосток. 1920. – 5 мая. – ГАПК.

Дяо Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.) / Дяо Шаохуа // Россияне в Азии: лит.-ист. ежегодник / Ред. О. Бакич. – Торонто, 1996. – № 3. – С. 57–109.

Жаворонкова, Т.Ф. Поэтическое наследие С.Я. Алымова: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Т.Ф. Жаворонкова. – М., 2007. – 25 с.

Забияко, А.А. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2008. – 428 с.

Ивнев, Р. Богема: роман-воспоминание / Р. Ивнев. – М., 2005. – 507 с.

Кириллова, Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания): монография / Е.О. Кириллова. – Владивосток, 2011. – 636 с.

Кириллова, Е.О. Забытые имена дальневосточной поэзии. Тема суицидальной гармонии в творчестве владивостокской поэтессы-символистки Ольги Худяковой / Е.О. Кириллова // Записки Гродековского музея. – Хабаровск: КГБНУК «ХКМ им. Н.И. Гродекова», 2014. – Вып. 32. – С. 53–65.

Кириллова, Е.О. Имажинистские влияния в творчестве Венедикта Марта / Е.О. Кириллова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: материалы III международной научно-практической конференции, Хабаровск, 17–18 ноября 2016 г. / Под науч. ред. проф. С.И. Якимовой. – Хабаровск, 2017. – С. 23–32.

Кириллова, Е.О. Поэт Венедикт Март (Матвеев) – владивостокский модернист / Е.О. Кириллова // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР: материалы международного форума, Владивосток, 12–17 октября 2015 г. / Отв. ред.: Н.С. Милянчук, Н.Б. Кожина. – Владивосток, 2016. – С. 111–124.

Кириллова, Е.О. Путеводные искры жизни поэта и журналиста дальневосточного зарубежья Фёдора Камышнюка / Е.О. Кириллова // Записки Гродековского музея. – Хабаровск, 2016. – Вып. 34. – С. 23–40.

Кириллова, Е.О. Функционирование китайской мифологической символики и религиозных воззрений в текстах русских литераторов-эмигрантов (на примере рассказов Б. Юльского) / Е.О. Кириллова // Проблемы изучения и

преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры / Под ред. Андриенко Е.В., Ван Ай-Мо. – Тайбэй, 2018. – Вып. 18. – С. 103–124.

Крузенштерн-Петерец, Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) / Ю. Крузенштерн-Петерец // Рубеж. – 2009. – С. 285–296.

Кузмин, М.А. Избранные произведения / М.А. Кузмин / Сост. подг. текста, вступит. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. – Л., 1990. – 576 с.

Лавров, А. Милые старые миры и грядущий век: штрихи к портрету М. Кузмина / А. Лавров, Р. Тименчик // Кузмин М. Избранные произведения / Сост. подг. текста, вступит. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. – Л., 1990. – С. 3–16.

Лель / Ред. Ф.К. Вяткин. – Владивосток, 1919. – № 1. – ГАПК.

Лель / Ред. Ф.К. Вяткин. – Владивосток, 1919. – № 2. – ГАПК.

Марков, В.Ф. История русского футуризма: пер. с англ / В.Ф. Марков. – СПб., 2000. – 438 с.

Мелихов, Г.В. Лютеране в Харбине / Г.В. Мелихов // Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/143551/13/Melihov_-_Belyii_Harbin__Seredina_20-h.html (дата обращения 19.01.2020).

Насимович-Чужак, Н.Ф. Сибирский мотив в поэзии (от Бальдауфа до наших дней) / Н.Ф. Насимович-Чужак. – Чита, 1922. – 103 с.

Неравнодушные строчки: в годовщину 4–5 апреля 1920 г. – дня выступления японцев в Приморье: сб. / Ред. Н. Чужак. – Чита, 1921. – 73 с.

Окно: лит.-худ. ежемес. / Ред. С. Алымов, Н. Устрялов. – Харбин, 1920. – № 1. – Ноябрь. – 50 с.

Пузырёв, В.Г. Футуристы на Дальнем Востоке / В.Г. Пузырёв // Учёные зап. Ульяновского гос. пед. ин-та им. И.Н. Ульянова. – Ульяновск, 1968. – Т. XXI. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 61–90.

Рупор: ежедн. веч. газ. / Ред. С. Алымов. – Харбин, 1922. – ГАХК.

Русская поэзия Китая: антол. / Сост. В. Крейд, О. Бакич. – М., 2001. – 720 с.

Сергей Алымов // Единение: Русская газета в Австралии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unification.com.au/articles/1880/> (дата обращения 19.01.2020).

Сергей Алымов: Стихи // РуСтих: Стихи классиков [Электронный ресурс]. – URL: <https://rustih.ru/sergej-alymov/> (дата обращения 20.01.2020).

Софонова, О. Пути неведомые: Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916–1949 г / О. Софонова. – Мюнхен: Gesamtherstellung: F. Zeuner Buch und Offsetdruck, 1980. – 301 с.

Таскина, Е.П. Литературное наследие русского Харбина / Е.П. Таскина // Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи / Сост. Селькина Д.Г., Таскина Е.П. – Новосибирск, 1991. – С. 3–36.

Фиал: периодический литературно-художественный журн. / Ред. А. Вер. – Харбин. – 1921. – № 1. – 34 с.

Эхо: беспартийная демократическая газ. / Ред. Б. Лопатин. – Владивосток, 1920. – 21 марта. – ГАПК.

ЯКОВ АРАКИН: «НЕДАРОМ ЖИЛ»

Е.В. Сенина

Яков Иванович Аракин (1878–1946) – русский поэт, писатель, драматург, политический деятель. Родился в Вологодской губернии в дворянской семье. В 1900 г. окончил Казанский ветеринарный институт, но мечта стать бактериологом не осуществилась из-за серьёзной болезни глаз, тем самым предопределив его будущую судьбу – судьбу писателя.

Печатался с 1906 г., спустя два года издал сборник «Стихотворения, романсы (в переложении на музыку)» (СПб., 1908). Пьеса Якова Ивановича «Гибель Византии. (За Царьград)» была поставлена на императорской сцене. В 1920 г. в Чите вышла отдельным изданием его повесть «Буржуевы мытарства». Затем Аракин с женой переехали во Владивосток. Там Яков Иванович публикует книгу «Новая сказка об Иванушке» (1921). В Харбине с 1922 г., где им было издано более десяти книг, в их числе – несколько поэтических сборников. Писал в разных жанрах – стихи, поэмы, рассказы, сказки, очерки, пьесы; переводил западноевропейских поэтов. В 1923 г. редактировал двухнедельный журнал для семейного чтения «Баян». Отдельным изданием выходит его поэма «Корсар» (1923), названная автором повестью, по образцу романтических поэм первых десятилетий XIX в. Аракин печатался во многих эмигрантских изданиях: «Гун-бао», «Заря», «Рубеж», «Рупор», «Зигзаги», «Католический вестник» и др. Написал драму «Роман принцессы», поставленную на харбинской сцене [Крейд, 2001, 119].

В 1926 г., отмечая 20-летний юбилей своей литературной деятельности, Я. Аракин выпускает книгу «Неприятности в небесах. Из китайской мифологии» (Харбин) и самый значительный труд – первую антологию китайской поэзии на русском языке «Китайская поэзия», которая включала более 100 стихотворений 33 поэтов Китая [Аракин, 1926, 105]. В журнале «Вестник Маньчжурии» отмечалось: «Я. Аракин <...> издал своего рода историческую хрестоматию по китайской поэзии. От Ван Куй-цзы, китайского поэта, жившего за 3200 лет до нашего времени, он доходит до современных китайских поэтов. 33 китайских поэта представлены г. Аракиным в его книжице, в подлиннике на китайском яз. и в переводе на русском языке» [Вестник Маньчжурии, 1926]. Как отмечал Дяо Шаохуа, выполненные белым стихом переводы «сохранили их близость к подлиннику и дали возможность почувствовать особенности китайской поэзии и её прелесть» [Дяо Шаохуа, 1996, 85]. Я. Аракин хорошо понимал специфику восточной поэзии и подчеркнул это в предисловии к книге: «В отличие от европейской поэзии, в большей части являющейся плодом индивидуальных переживаний авторов, китайская поэзия является по преимуществу отображением типичности, не отмеченной индивидуальностью, – например, отражением старости, молодости, печали, ревности и т.п. Китайские поэты-классики изображают душевные переживания в образах явлений природы, неба, воды, луны...» [Аракин, 1926, 5]. Переводы китайской литературы Аракина по праву можно поставить в один ряд с трудами известных китаистов – В. Алексеева, Ю. Щуцкого и других.

В Харбине Я. Аракин долгое время работал цензором – осуществлял надзор за Харбинскими книжными магазинами, библиотеками и кинематографами, пользовался уважением у харбинцев. В 1935 г. скончалась его жена Варвара Александровна Шлиппенбах, отчего Яков Иванович впал в глубокую депрессию, потерял работу, стал жить в большой нужде. По словам В. Перелешина, Аракин «умер от голода на крыльце чужого дома» [Перелешин, 1972, 261].

Как отмечает Г.В. Мелихов, «биография его полна крутых поворотов и очень интересна...» [Мелихов, 2003, 170]. Публикуемая ниже автобиография писателя, обнаруженная в Государственном Архиве Российской Федерации, тому подтверждение. Она знакомит читателя с интереснейшей судьбой писателя, о которой, к сожалению, так мало было известно исследователям дальневосточного зарубежья. По верному замечанию Г.В. Эфендиевой, «без изучения биографий харбинских авторов невозможно правильное понимание их произведений, литературной жизни русского Китая, да и вообще дальневосточного зарубежья» [Эфендиева, 2017, 216].

П Р И Л О Ж Е Н И Е

АВТОБИОГРАФИЯ¹

Я.И. Аракин

Обстоятельства складываются так, что мне нужно взяться за перо, чтобы написать автобиографию... Я чувствую неловкость при мысли, что нужно писать о самом себе, боюсь упрёков в саморекламе, тем более что я всегда был ненавистником всякой рекламы. Право же я с большим беспокойством берусь на этот раз за перо, но по пословице «взялся за гуж – не говори, что не дюж», я начинаю.

Аракины, по семейной хронике, ведут свой род от Арак-Паши, правившего областью между Тавризом² и Каспийским морем и впавшего в немилость шаха, что заставило его бежать из Персии в Россию, под покровительство императора Петра I-го. В Персии Арак-Паша считался потомком Абдул-Керима, известного под именем Фардусса³, славнейшего поэта Ирана, написавшего знаменитую Шах-Намэ⁴, книгу царей. Обласканный Петром Великим, Арак-Паша принял русское подданство на правах дворянства и перешёл в православие; участвуя в войне со шведами, Арак-Паша в чине генерала был убит в бою под Полтавой.

В течение всего императорского периода русские дворяне Аракины, владея поместьями в четырёх губерниях, были служилыми людьми, порою достигая значительных степеней в служебной иерархии; боковая орловская ветвь нашей фамилии дала несколько монахов и священников по призванию. Вымершая ныне черниговская ветвь Аракиных, преемником которых являюсь я как старший в роде, владела княжеским титулом – и последний из этой фамильной ветви князь Аракин выводится в качестве действующего лица графом Салиасом⁵ в его повести-хронике «Былые гусары».

¹ Публикация подготовлена в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации.

² *Тавриз* – главный город Азербайджанской провинции Персии и резиденция персидского наследника престола (валиада), наместника Азербайджана.

³ В рукописи зачёркнуто и исправлено на И.

⁴ Поэма Фирдоуси «Шах-наме» («Книга царей») – памятник персидской литературы, состоящий из 55 тысяч бейтов (двустихий). В качестве источников для создания поэмы автор использовал легенды о первых шахах Ирана, сказания о богатырях-героях, на которые опирался иранский трон эпоху династии Ахеменидов (VI–IV века до н. э.), реальные события и легенды, связанные с пребыванием в Иране Александра Македонского.

⁵ *Граф Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир* (1840–1908) – автор многочисленных романов и повестей из русской истории. В большинстве его произведений события разворачиваются в России в XVIII – начале XIX в. Этот исторический период более всего интересовал писателя. Главная тема произведений – патриотизм. Хроника «Былые гусары» написана в 1904 г.

Дед мой был лейб-медиком Александра II; при Александре III дяди мои были один бригадным генералом на Кавказе, другой – в том же чине в Архангельске, третий – товарищем министра юстиции. Отец мой, женатый на орловской дворянке Полочаниновой, управлял Вологодским удельным округом и умер глубокоим стариком в Симбирске.

Родился я в 1878 году. Я – старший в семье сын, и у меня есть младшие братья Иван и Григорий и сестра Елена.... Были, по крайней мере, до большевистского переворота – после переворота я потерял их всех из вида и не имел никаких сведений ни о них, ни о престарелой матери, которую в последний раз обнимал в Симбирске в 1918 г. Первые впечатления детства связаны у меня с Вологодским поместьем «отрадное»; учиться я начал в С. Петербургской Третьей гимназии, но вскоре родители покинули столицу и переехали на жительство в Симбирск, и я продолжал учение уже в Симбирской гимназии.

Я буду краток в описании моих юношеских лет, вряд ли кому интересных, кроме меня. Скажу только, что далёкий от жизни классицизм, которым пропитана была русская средняя школа 80–90-х годов, в соединении с сухим педантизмом педагогов-ремесленников, угнетали, вообще, всех учащихся – я же, благодаря прирождённой нервности, чувствовал это угнетение особенно сильно, несмотря на то, что гимназическая премудрость давалась мне легко, за исключением математики, которую я всегда искренно ненавидел и которая доводила меня до сильнейшей головной боли.

Когда я был в четвёртом классе – Франция чествовала в Тулоне и Париже русских моряком эскадры адмирала Авелона¹. Торжество это приятно всколыхнуло всю Россию, и старых и малых – и я написал первые свои, соответствовавшие случаю, стихи. Стихи были написаны по-французски и, по-видимому, были недурны, так как гимназическое начальство переслало их за границу; в ответ директору гимназии были присланы французские газеты и журналы с помещёнными в них моими стихами и для передачи мне письма воспитанников французских колледжей. В результате – прозвище «поэт», оставшееся за мною до окончания учения, и переписка с французами, длившаяся много лет.

В четвёртом же классе я, державшийся всегда в стороне от товарищей, никогда не принимавший участия в играх и забавах сверстников, неожиданно для себя нашёл среди «старичков», т.е. оставшихся на второй год в классе учеников, не только товарища по душе, но и друга, к которому быстро привязался со всею искренностью и нежностью, на какие был способен. Много лет пошло с той поры – и оглядываясь назад, я вполне серьёзно могу сказать, что это было исключительное по глубине чувство, крепкая поистине «классическая» дружба двух юных классиков – гимназистов, немало помогла одному из них – и этим одним был я. С этой дружбой связан случай, отразившийся впоследствии на всём складе моего характера, за который многие много раз называли меня «странным», «не от мира сего» человеком.

Мой друг и я – мы были уже юношами, считавшими время, когда покончим с опостылевшей нам гимназией, и юность, когда кровь начинает бурлить, заставила друга моего «влюбиться», и в кого же – в гимназистку. Этого я никак не мог переварить, так как сам продолжал косо смотреть на всех «девчонок», что вошло у меня в привычку с детского возраста. Такая «перемена фронта» моим другом обидела меня до крайности, и ещё сильнее огорчило меня то, что любимец мой заметно портился – становился более чёрствым, эгоистичным. Дома же, как

¹ Авелан Фёдор Карлович – российский военно-морской и государственный деятель, генерал-адъютант, полный адмирал, управляющий Морским министерством.

на грех, усилились непрекращающиеся все предшествовавшие годы несогласия между отцом и матерью на почве материальных затруднений и частых болезней младших членов семьи, моих братьев и сестер, друг за другом умиравших, едва выходили из детства (выжили, как я упоминаю выше, мы – три брата, да сестра).

Всё это страшно меня угнетало, я ходил, как потерянный, стал положительно сам не свой... И вот, нервное напряжение, долго накопившееся, дало себя знать тем, что без видимой причины, открыв пианино, я упал и потерял сознание. Потом мне говорили, что приглашённые доктора потратили более двух часов времени, чтобы привести меня в чувство. По настоянию врачей меня, чтобы «не беспокоить», оставили одного, перед этим исполнив мой каприз: мне помогли надеть снятую с меня гимназическую куртку, застегнуть поясной ремень.

Я чувствовал себя, как во сне, голова кружилась, в глазах стояли чёрные круги, а грудь, казалось, разрывалась на части. Впоследствии я никогда не мог отдать себе отчёта в том, каким образом у меня в руках очутился отцовский револьвер, дуло которого я приложил к сердцу. Раздался выстрел, блеснул огонь – и от удара, всего меня сотрясшего, я откинулся на подушки кушетки, на которой оставили меня родители и доктора.

Целился я верно – но отделался только новым ещё более продолжительным обмороком. Позднее мне показали и куртку, и ремень, бывшие на мне, и повреждённое в полу место; на уровне сердца пуля пробил боковой карман суконной куртки, коленкоровый переплёт лежавших в кармане гимназических правил и хранившийся в них, принесённый с богомолья, которое незадолго пред случившимся мы с моим другом совершили, повреждённый бумажный образок Божьей Матери Нечаянная Радости. Раздробив образок, пуля глубже не пошла, а скользнула по образку вниз, пробил куртку у ремня и самый ремень, и ушла вся в пол... Воистину, то была великая милость Господня, явленная мне при исключительных обстоятельствах. На другой день доктора признали, что у меня открылась нервная горячка.

Когда я выздоровел, то я много думал над происшедшим – и незабвенный для меня случай глубоко запал мне в душу. Случай этот укрепил во мне религиозность, правда порою слабеющую, но, благодарение Богу, никогда потом меня не покидающую и много облегчившую мне жизнь. Случай этот повёл к мистическому настроению души, к самоуглублению, а также к тому, что впоследствии я изучал нравственную философию; одно время, дав веру по молодости авансом, принимал участие в работах С.-Петербургского теософского общества, кое-что знаю по оккультизму и последние годы моей жизни немало печатаю статей на нравственно-религиозные темы...

Но я слишком забегаю вперёд. Покончив с гимназией, я задался мыслью во что бы то ни стало стать «профессором», и меня особенно прельщала как наука бактериология. А так-как в 90-х годах бактериология в России преподавалась по самой обширной программе только в ветеринарных институтах, то я настоял пред родителями на поступлении моем в ближайший от Симбирска Казанский ветеринарный институт. Друг мой поступил в Московский университет, и мы стали видеться редко и случайно; простудившись, он умер в молодых годах. После него я имел в жизни немало друзей, люди меня любили, но истинный друг был только он, умерший – благодарная память о нём жива в моём сердце.

Проходя курсы высших наук в Казанском ветеринарном институте и твёрдо помня многократные ошибки симбирских врачей при долголетнем лечении в нашем доме, я одновременно стал слушать лекции в Казанском университете по медицинскому факультету, но государственных экзаменов в последнем не сдавал, сражённый перед началом их болезнью; позднее же сдавать медицинские

экзамены я не счёл для себя нужным. В жизни я не стал ни ветеринарным, ни медицинским врачом потому, что несмотря на все с моей стороны усилия, не мог никак привыкнуть к виду крови, тем более, делать операции – беря скальпель, я чувствовал, что дрожащая рука мне изменяет. Что касается нравившейся мне бактериологии и поставленной себе задачи преподавать ее впоследствии с кафедры, то я вынужден был отказаться от каких-либо перспектив в этой области по совершенно непредвиденному обстоятельству.

Будучи на последних семестрах, я дважды в каникулярное время брал кондиции – первый раз провёл лето почти-что под открытым небом, кормя от Красного Креста одну из голодавших волостей Симбирской губернии, и захватил от непривычных условий жизни жестокий ревматизм; во второй раз летние месяцы я провёл в хождении с нивелиром при изысканиях ныне благополучно существующей Волго-Бугульминской железной дороги – и в результате едва-едва залеченный ревматизм не только вернулся, но и осложнился редко встречаемым в врачебной практике эксцессом – кератитом глаз. Выпускные институтские экзамены диплома ради, я сдал по памяти, с повязкой на глазах.

Я много в жизни хворал – и говорю: слепота страшнее всего. Не дай Бог никому ослепнуть, и притом, как я, почти внезапно. По милости Божьей зрение мне вернул профессор Адамюк¹, за что я свято чту его память; но всемирно известный учёный мог вернуть мне зрение только частично: я стал видеть одним лишь глазом, и то менее, чем половину зрения. О бактериологии, о работах с микроскопом не приходилось, следовательно, и думать. На смену старой страсти к этому времени пришла страсть новая, помогшая мне сохранить душевное равновесие – это была страсть к писательству, которому я стал уделять всё свободное время. Свои творения – и в стихах, и в прозе, я тщательно прятал и никому не показывал, говоря себе «всё это – проба пера». Позднее почти всё, написанное мною в ранней молодости, я уничтожил.

По окончании ветеринарного института в 1900 году я изъявил желание участвовать в качестве добровольца – ветеринарного врача – в Китайской кампании и был назначен в развёртывающийся в Омске Первый артиллерийский дивизион, с которым должен был отправиться на Дальний Восток. Мои путевые заметки об этой поездке я предложил Ясинскому², который и печатал их в своём журнале, названия журнала не припоминаю, и всё писал мне, чтобы я «не забывал старого литератора». Но, пока дивизион, в который я был назначен, готовился, и за шампанским никак не мог приготовиться к походу, – Линеви³ и союзные войска взяли Пекин, и я уехал в Петербург. В Петербурге я получил специальную командировку в Закавказье и полтора года не выходил из седла. После этого я снова приехал в Петербург и был причислен к главному управлению государственного коннозаводства, где два года фактически редактировал журнал «Вестник коннозаводства». Тогда же я решил пополнить образование

¹ Адамюк Эмилиан Валентинович – российский офтальмолог, первый профессор офтальмологии в Казанском университете, основатель Казанской офтальмологической школы. Ему принадлежит немало мировых открытий в области теоретической и практической офтальмологии.

² Ясинский Иероним Иеронимович – писатель, журналист, издатель. Редактор издания «Биржевые Ведомости». В 1900-х гг. издатель и редактор общедоступных журналов «Ежемесячные сочинения» (затем «Новые сочинения»), «Почталъон» (затем «Беседа»), после революции редактор журналов «Красный огонёк», «Пламя».

³ Линевиц Николай Петрович – русский военный деятель, генерал-адъютант. Герой Кавказской, Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Руководитель подавления Боксёрского восстания 1900 г.

новой прельстившей меня специальностью – и начал посещать Археологический институт, который и окончил.

По прочном водворении в Петербурге, при больших, должен сознаться, связях, жизнь моя скоро разбилась надвое, сделалась какой-то половинчатой, протекая таким образом все последующие годы: с одной стороны, постоянное пополнение образования, в частности – ознакомление с нашим законодательством, книги, участие в обществах и кружках, литературные занятия и развлечения, в особенности театр, который я обожал – с другой стороны, летнее время я или ехал на любимую мною Волгу к родителям или путешествовал.

Так подошла для меня японская война и наши неудачи нервировали меня сильнейшим образом, взвинтили до последней степени; не патриотичность петербуржцев, смотревших на войну с Японией как на какую-то далёкую, колониальную, волновала и огорчала меня до крайности. Наедине с самим собою я рвал и метал, и доходил до слёз; помню, что телеграммы о несчастном для нас Цусимском бое¹, где погибла наша эскадра, застали меня в поезде финляндской жел. дороги – и несмотря на то, что купе было переполнено незнакомыми мне людьми, я при всех разрыдался, как ребёнок.

Потом пришли шумные 1905–6 годы. Я довольно часто бывал у Витте, и Витте, по-видимому, любил со мной беседовать на политические темы. Разговаривая со мною, он положительно меня гипнотизировал. Витте предложил мне составить докладную записку по общим вопросам дня, и составленная мною записка в части, касавшейся земельных дел, была почти дословно повторена в обнародованной перед созывом государственной думы рескрипте на имя Витте.

Такое признание моего труда вскружило мне голову и толкнуло в политический водоворот: с Алтуховым коммерции советником и присяжным поверенным Эгертом мы были трое, которые создали первую по времени умеренную политическую в России партию – партию правового порядка². В это время я выпустил первую мою книгу, «Освободительное движение». Блок народившихся вскоре трёх других умеренных партий с партией правового порядка выставил мою кандидатуру от Петербургской губернии в члены государственной думы, но на выборах, при подсчёте голосов, оказалось, что я был «съеден» кадетами, получившими на сотню больше голосов. Кадетские лидеры звали меня в свой центральный комитет, но я поблагодарил и отказался, хотя, по молодости, я был искренно огорчён провалом и искал компенсаций.

Кончилось тем, что государственным секретарём бароном Кискюль-фон-Гильдебрандтом я был привлечён к организации канцелярии Государственной Думы, и по открытии заседаний Думы, с согласия председателя Муромцева и секретаря князя Шаховского, стал управлять канцелярией. В последнем мне сильно помог член государственной думы граф Гейден Пётр Александрович, пользовавшийся в думских кругах большим уважением.

Мои обширные знакомства среди правящих сфер и высшего петербургского общества с приходом «новых людей» увеличились чуть ли не вдвое – тут были люди различных убеждений и политических направлений от кадета Кузьмина-

¹ *Цусимское сражение* (май 1905) – морская битва в районе о. Цусима. Решающее морское сражение Русско-японской войны, в ходе которой русская эскадра флота Тихого океана под командованием вице-адмирала Рожественского была полностью разгромлена. В бою погибло более 5 тыс. человек личного состава российского флота.

² *Партия правового порядка* – контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии и помещиков в дореволюционной России. Образована в октябре 1905 г. Среди учредителей и руководителей партии – А.В. Бобрищев-Пушкин, Н.А. Демчинский и др. Партия выступала за «единство и неделимость России», отвергала идею национальных автономий.

Караваева, католического архиепископа в Вильне Барона фон-дер-Ропа до «крайнего левого» Аладвина... Ах, этот Аладвин. Я знал его ещё по Симбирской гимназии, тогда он был тихоня – теперь же он был посылавший грома «народный трибун», больше всех возмущавший меня своими непристойными выпадами с кафедры Государственной Думы, за которой я уже ясно видел русскую беспочвенность и отсутствие здорового патриотизма. Вообще, очень скоро мне уже органически стала претить «революционность» Думы. Из семидесяти двух заседаний Государственной Думы первого созыва не больше десяти заседаний протекло без ненужного шума – говоря попросту, без скандалов...

Членам Думы было предоставлено право «выправлять» свои речи в стенографических отчётах и то, что попадало в печать, было уже сглажено самими ораторами и, по существу, редко, когда соответствовало подлинным стенографическим отчётам. У меня же были собраны все подлинные стенографические отчёты, были даже отчёты трёх последних заседаний Думы, которые к опубликованию были запрещены. Посейчас жалко, что они остались у большевиков. Мало-помалу я стал просто бояться думы и не знал, что мне делать с собою дальше, как поступить, на что решиться...

Как нельзя кстати Алексей Сергеевич Ермолов, статс-секретарь, бывший ранее министром земледелия, предложил мне переменить службу и стать секретарём бюро группы центра членов государственного совета, за что я ему был очень благодарен. Хотя я встретил и вторую думу, но во главе канцелярии стал Глинка¹ – а я перекочевал в Государственную Канцелярию. Я был доволен принятым решением и, потеряв вкус к политике, навсегда отошёл от участия в каких-либо партиях, предпочтя чисто деловую сферу – службу во имя идеи, во имя служения на практике родному народу, родине, которую я бесконечно люблю.

Принятое решение возвращало мне утраченное было спокойствие духа, нужное мне, как вода рыбе, при излюбленных мною литературных и научных занятиях, которых я не намеривался прерывать, не смотря на службу и различные превходящие обстоятельства жизни. Я совершенно успокоился, когда моё решение одобрил человек, которого считал образцом всех добродетелей. Это был благоволивший ко мне старик Чингис-Хан², генерал-адъютант, личный друг Александра II, шафер при морганатическом браке императора с княжной Долгоруковой, известной под именем княгини Юрьевской, любимец Александра III, носивший Николая II на руках...

Сын последнего владетельного хана киргизов, воспитанный в Пажеском корпусе, всегда правоверный мусульманин, Чингис-Хан любил Россию беззаветно, любил более, чем многие русские – и за это я, в свою очередь, любил и уважал его всею душою, и слово благородного старика было всегда для меня непререкаемо. Моего Чингис-Хана давно уже нет в живых, и я радуюсь за него, так как он всё равно не пережил бы позорной русской революции и умер бы с разбитым сердцем, оплакивая великую Россию.

Однако в новом положении я пробыл сравнительно недолго – расположенный ко мне, почти друг, Николай Вячеславович Плеве, сын убитого министра внутренних дел Плеве, много говорил обо мне вставшему у корми-

¹ Глинка Яков Васильевич (1870–1950) – начальник канцелярии Государственной Думы, сенатор, мемуарист. После Октябрьской революции – художник.

² Губайдулла Чингисхан (1840–1909) – генерал от кавалерии, российский военачальник. Этнический казах. Сын хана Букеевской орды Жангира. Занимал пост руководителя телеграфного ведомства, заведовал отделением Министерства внутренних дел по вопросам казахского (киргизского) народа. Личный советник Александра III по азиатским проблемам. Разработчик положения о выборах в первую Государственную думу.

ла правления Столыпину, и в 1907 году мне было предложено служить в министерстве внутренних дел, в привилегированном и излюбленном Столыпинским департаменте Земском Отделе. При назначении Пётр Аркадьевич Столыпин любезно заметил, что «это для него – приобретение, так как у меня золотое перо». Отзыв, признаюсь, чрезвычайно мне польстивший, а потому и не позабытый. В земском отделе на меня возложили самую щекотливую, по общему мнению, и требовавшую напряжённейшего внимания обязанность – «переписку с царём», т.е. составление всеподданнейших докладов и исполнение по ним, а также «сенатские записи», т.е. отзывы министерства по запросам из сената и, кроме того, меня привлекли к управлению надельными землями крестьян Европейской России. Полюбив порученную мне работу, я оставался в земском отделе, с которым положительно сроднился, вплоть до его уничтожения после большевистского переворота.

В том же 1907 году я женился на баронессе Варваре Александровне Шлиппенбах. Её отец, генерал в отставке, в молодости был тот лейтенант Ш., о котором упоминается во «Фрегате Паллада» Гончарова. Моя жена по своим замужним тёткам приходилась племянницей столпам Российского дворянства графам Гейденам и Шереметьевым; её кузина графиня Пелагея Шереметьева позднее вышла замуж за князя Романа Петровича, племянника нашего верховного главнокомандующего в Великую войну великого князя Николая Николаевича. Жена моя очень чтит все добрые старые дворянские традиции, чем меня, с юных лет принципиального «женоненавистника», подкупила, будучи ещё девушкой. Я не ошибся в моей жене, найдя в ней с первых дней нашей семейной жизни истинно добрую и кроткую душу; наш брак можно сравнить с счастливым выигрышем на лотерейный билет, я не переставал благодарить Бога, судьбу за мир и любовь, всегда царившие у нашего семейного очага.

За время моей восемнадцатилетней до революции службы в высших и центральных учреждениях страны, мне четыре раза был предлагаем «стаж» в провинции: дважды вице-губернаторство в центральной России и дважды губернаторство на окраинах, но я каждый раз отказывался. Большая карьера – большие посты, высокие чины и ордена, что сулили мне в Петербурге по прохождении «стажа в провинции», меня не прельщали – кто хотел, тот уже звал меня превосходительством, ордена как русские, так и иностранные, я уже имел, за лишней звездой не гнался, средства определились, и лишние тысяча или две рублей жалованья роли не играли. К тому же, я был уверен, что и без отъезда в провинцию с летами я опочию по службе на лаврах, дойду до предела, который сам себе назначил – буду сенатором...

И я думал: если где в России есть мираж культурной западноевропейской жизни – так только в Петербурге. Ни за какие служебные блага я не хочу покидать, хотя бы временно, столицы – единственного места в России, где я нахожу всё, чего ищу: культурных людей, знания высшего порядка, интересные мне общества и кружки, такие эстетические зрелища, как балет и оперу на императорской сцене, добрых знакомых среди родственных мне по духу поэтов, писателей, артистов, художников и музыкантов... Нет, нет, от добра – добра не ищут. И думая так, я не думал покидать милого мне с детства Петрограда.

Без ущерба для службы я время от времени выпускал новые книги; хотя расположенные ко мне издатель «Нового Времени» Суворин и такой суровый критик как Буренин¹ советовали мне выйти в отставку и отдаться всецело

¹ Буренин Виктор Петрович (1841–1926) – литературный и театральный критик, поэт-сатирик, драматург.

литературной работе, уверяя, что я буду иметь большое литературное имя, я только качал головою и службы моей в Петербурге не бросал. Клуб общественных деятелей издал мой «Еврейский вопрос», и книга эта, судьбой которой очень интересовались мои приятели Пуришкевич и Шмаков, московский присяжный поверенный, разошлась в несколько дней, и потребовалось второе десяти тысячное издание, тоже быстро разошедшееся.

Мои сборники стихотворений были рекомендованы для библиотек кадетских корпусов; «К.Р.», великий князь Константин Константинович, крёстный отец младшего брата моей жены, как поэт давал мне свои указания и, в общем, благосклонно относился к моим стихотворным вещам. За сборник стихотворений 1912 года я был удостоен высочайшей благодарности. К этому времени я уже приглашался в царское село в особняк Вырубовой. Обыкновенно, после прогулок, государыня с великими княжнами и наследником приезжала к Вырубовой на пятничасовой чай. Государыня была всегда очень милостива ко мне, великим княжнам нравились мои стихи, в частности, романсы, переложённые на музыку старшим братом моей жены, окончившим консерваторию; цесаревичу нравились мои сказки – и, приезжая к Вырубовой, в совершенно интимной обстановке я читал новые мои вещи. Однажды наследник, этот очаровательный царственный ребёнок, объявил мне: «А ведь я наизусть знаю вашу „Ночь под Рождество“» – и начал говорить эту небольшую детскую стихотворную повесть, нигде не запутавшись и не ошибившись. Я был тронут: «Ваше высочество. Да вы – отличный чтец», – сказал я. «Я думаю», – пресерьёзно ответил цесаревич Алексей. Государыня рассмеялась, за ней рассмеялись и все присутствовавшие.

К 300-летию юбилею Дома Романовых, по совету артиста императорских театров Корвин-Круковского¹, я написал первую мою пьесу «Спасение Москвы». Случилось так, что я должен был представить пьесу на предварительный просмотр в Царское Село – государю и государыне пьеса понравилась, и министру двора было сказано, что её желают видеть в дни юбилея на сцене Александровского театра...

Дирекция Императорских театров, получив из Царского Села рукопись, неожиданно для себя очутилась в очень затруднительном положении, так как ничего не зная ранее о моей пьесе, успела уже заключить контракт на юбилейную пьесу с Гнедичем. Не желая, со своей стороны, затруднять буквально плакавшегося директора Теляковского, я согласился на предложенный им компромисс: моя пьеса «Спасение Москвы» была передана Народному Дому, а я принял специальный заказ дирекции написать для народного спектакля «парадную» пьесу. Что касается моей первой пьесы «Спасение Москвы», то замечу, что в вандализме смутного времени я потерял всякий её след, равно как считаю потерянными немало других своих сочинений, например, первой моей книги «Освободительное движение».

При показе «парадной» пьесы мне дана была тема из времени осады Константинополя турками и взятием его Магометом II. Эта тема была предложена мне заведующим репертуаром императорских театров академиком Котляревским, причём Нестор Александрович предупредил меня, что «предлагаемая тема ещё не использована на сцене ни в России, ни за границей, но, сама по себе,

¹ Корвин-Курковский Юрий Васильевич (1862–1935) – артист театра и кино. Заслуженный артист Республики (1921). Был актёром Театра Незлобина. В 1886–1929 – артист Александринского театра – Ленингр. театра драмы имени А.С. Пушкина, где сыграл много ролей, в основном в классическом репертуаре. Среди главных ролей: Загорецкий («Горе от ума» А.С. Грибоедова), Кречинский («Свадьба Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина), Вышневецкий («Доходное место» А.Н. Островского), Калигула («Калигула» А. Дюма-отца).

трудна, так как при разгроме Константинополя турками погибли почти все византийские хроники: источников почти нет.

Я был задет, что называется, за живое, так как считал себя в истории сильным – читал же я по приглашению перед выборами в Первую Государственную Думу лекции по истории литературы в народном университете имени Нобеля... Я без отговорок принял предложенную тему и всё-таки убил целых два месяца на ознакомление, как следует, с нужными мне 52 днями осады Царьграда; для выяснения одной детали мне пришлось даже прочесть на плохой средневековой латыни трёхтомное сочинение «*Онуер перум византорум*» – в конце концов, я торжествовал, сдав дирекции императорских театров мою новую пьесу «Гибель Византии / За Царьград/», написанную тем же стихотворным размером, что и Борис Годунов Пушкина. Пьеса была разрешена к представлению лишь на императорской сцене, и только позднее дано было разрешение к постановке её во всех театрах.

Перед сдачей пьесы я получил ценное для меня одобрение Виктора Петровича Буренина; а после сдачи через Котляревского – лестный отзыв академии наук по разряду изящной словесности. Отзыв этот был для меня решающим, выяснив мне моё «литературной лицо»: я стал драматургом по преимуществу и ради позднейших пьес считаю своим главным трудом, посильным вкладом в русскую литературу.

Но Великая война уже началась – и я считал долгом писать и специальные, соответствующие моменту, вещи, вроде «Песни о Вильгельме», жертвуя все такие произведения в пользу раненых воинов и их семейств. Упомянув про «Песню о Вильгельме», не могу обойти одной детали – вещь эта издана Императорским Человеколюбивым Обществом в 1915 году; теперь, когда пишутся эти строки, 1939-ый год – и что же: заключительная часть моей вещи говорит именно о том, что случилось с кайзером; вещь оказалась пророческой. Мои «Крепнет Русь» и «Велика земля родная», переложённые на музыку, дали возможность содержать два лазарета – офицерский и для нижних чинов.

Представляя из себя до известной степени «фигуру» в Императорском Человеколюбивом Обществе¹, я организовал первый для общества кружечный сбор по улицам уже не Петербурга, а Петрограда, давший около ста восьмидесяти тысяч рублей, на которые был открыт ряд малых лазаретов. Будучи членом Комитета Великой Княжны Ольги Николаевны, я устроил выпуск от имени Комитета серии художественных открыток, давший приличные средства на нужды семейств раненых и убитых воинов. Квартира наша с женою временами переполнялась массой вещей, предназначенных для отсылки в окопы. Жена научилась шить на швейной машинке и не выпускала из рук иглы, работая то во дворце, то дома.

Обо всём этом я упоминаю не хвастовства ради, а только для того, чтобы сказать, что всё возможное для отдельного человека, искренно желающего прийти на помощь родному народу в трудное время, мною и моею женою делалось не за страх, а за совесть... Как до того я честно служил народу в течении почти что двух десятков лет и делом, и пером... И что же. Пришла революция – и мы с женою были обращены в «бывших людей». Без вины виноватые, мы были лишены всего. Кто прочтёт мои воспоминания из времени революции «Русский

¹ *Императорское Человеколюбивое общество* – крупнейшая благотворительная организация, существовавшая в XIX – начале XX вв. в Российской империи. Основано 16 мая 1802 года рескриптом императора Александра I как «Благотетельное общество» для оказания бедным «вспоможения всякого рода» на добровольные частные пожертвования и призванное оказывать помощь нуждающимся.

кошмар» и «Под китайским протекторатом», обнимающие время с 1917-го по 1934 год – тот увидит, сколько горя и мытарств нам довелось перенести. Где же, спрашиваю я, справедливость. Хотя бы простая благодарность родного народа людям, никогда даже не мыслившим ему зла. Как всё это горько.

Опуская время, описанное в упомянутых мемуарах – лишь для связи изложения упомяну, что, бежав с женою в 1918 году из ставшего красным Петрограда к моей матери в Симбирск, я двигался потом с волной эвакуации на Дальний Восток по случайному маршруту Самара – Омск – Чита – Владивосток. Во всех этих городах я имел дело с белыми правительствами и работал с ними на правах то «директора департамента», то «товарища министра», везде оставляя или ряд газетных статей, или книги антикоммунистического направления и в национальном духе. В 1922 году мы с женой двинулись вспять и приехали из Владивостока в Харбин, где я нахожусь и по сей день.

В Харбине, уже китайскими властями, я был назначен цензором и на меня был возложен надзор за всем, что выходило на русском языке с печатного станка от ст. Пограничной до ст. Маньчжурии, а также надзор за харбинскими книжными магазинами, библиотеками и кинематографами. Работы было много, много и «возможностей» благодаря доверию, которого я добился у китайцев, несмотря на их восточную подозрительность – но денег для жизни было очень мало. Однако об этом мы с женой не горевали и всячески, как могли, помогали русским в эмиграции. Ко мне обращались буквально по всем делам, я только и слышал: «Попросите, Помогите... Вы это можете...». И мне приходилось выхлопывать у властей разрешения даже на крестные ходы, на постройку монастырской больницы, на открытие монастырём типографии, на издательство русских духовных журналов и т.п. Правда, я был почтён архиерейской грамотой «За услуги, оказанные епархии...».

В течении десяти лет, что я был цензором, я участвовал во всех, за исключением коммунистических, харбинских изданиях, в половине бесплатно: в газетах «Гунбао», «Заря», «Рупор», в журналах «Железнодорожный Вестник», «Рубеж», «Зигзаги», «Вера и Жизнь», «Хлеб небесный» и других, и в Пекинском Благовестнике. Я читал лекции на исторические и общественные темы, ставил свои пьесы, издал восемь книг из которых «Китайская поэзия» и по сей час служит учебным пособием в Институте Ориентальных наук; издавал свой, единолично, без сотрудников, литературно-художественный журнал для семейного чтения с иллюстрациями «Баян», за который получил благодарность Гарвардского университета из Америки. В 1926 году студенты местных учебных заведений, профессора и ряд частных организаций шумно чествовали меня по случаю двадцати лет моей литературной деятельности, на сцене была поставлена в третий раз нравившаяся харбинской публике моя пьеса «Роман принцессы» из времени императора Павла. Речам, казалось, не будет конца, я завален был адресами, между которыми был адрес и от китайцев; все газеты – русские, китайские, японские и английские – отметили мой юбилей, и я был превознесён чрезмерно – как говорится, до седьмых небес.

Настал 1932 год – Маньчжурию заняли японцы, и через год было образовано «союзное» с Японией государство Маньчжу-ди-го. С новой властью пришли и новые порядки; был введён предельный для службы возраст – и в 1934 году я вынужден был службу оставить всего лишь с сотней рублей сбережений. Интеллигентного труда найти было уже невозможно... Жена моя заболела – она стала, как многие в Харбине, жертвой вредной питьевой воды и у неё открылся рак желудка. Она уже не могла свободно ходить и слегла... В это время я получил извещение от Шведской академии наук из Стокгольма, что мои сочинения собра-

ны в находящейся при академии библиотеке имени Нобеля, и что от меня ждут новейшей моей книги.

Из наведённых справок выяснилось, что на мои труды обращено внимание и что я мог бы быть занесённым в официальный список кандидатов на Нобелевскую премию при условии покрытия ранее изданных моих книг книгой, изданной в год выдачи премии или ему предшествовавший. Увы, превознесённый, повторяю, как писатель и поэт, до седьмых небес, невзирая на все мои искания, я не мог найти в Харбине ни издателя, ни 600–700 рублей, необходимых на издание очередной моей книги, и это разочарование сильно подорвало мои силы, а беспокойство за жену истерзало мне душу...

И вот глубокой осенью 1935 года скончалась моя жена, дорогое, бесценное мне существо, товарищ и друг, деливший со мною и радость, и горе, человек, с которым на протяжении 28 лет с лишком у меня никогда не было ни малейшего недоразумения, не то что какой-нибудь ссоры – это был ужасный для меня час, с воспоминанием о котором я отойду из этого мира. С того часа меня словно подменили, и я живу среди сплошных разочарований и непередаваемой словами тоски одиночества, и пока что мне ни в чём нет утешения.

Наши архиереи, а тогда их было в Харбине четверо, сказали мне: «Мы знаем, что жизнь вас теперь не прельщает, вы написали уже много светских книг – потрудитесь теперь для церкви. Нет секрета в том, что мы теперь особенно нуждаемся в образованных людях – вы уже писали в наших журналах, идите к нам, идите в монахи, и единственным послушанием вашим будут новые ваши книги религиозно-нравственного содержания». Один из архиереев добавил: «Через каких-нибудь полгода, самое большое – через год на вас наденем митру, будете архимандритом».

«От митры отказываюсь», – был мой ответ, – «думаю, что она будет не заслужена и тяжела для меня, на остальное согласен и приложу все старания быть полезным церкви, даю слово. Но как же быть с тем, что я теперь нищ. Как вклад за себя, я могу дать только недавно законченную мою книгу страниц на четыреста «Под знаком креста» из двух частей – стихотворений, религиозных сказаний, апокрифов и статей, очерков».

Меня успокоили: «Раз вы переходите к нам, то, как мы ни стеснены в средствах, мы устроим это дело, – о деньгах не заботьтесь. Но вся наша премудрость на Дальнем Востоке, все нужные вам в будущем книги находятся в Пекинской духовной миссии – вы поедете туда, мы лишь спишемся с преосвященным Виктором».

И списались.

Архиепископ, тогда ещё епископ Пекинский Виктор, ответил, что примет меня с распростёртыми объятиями, но чтобы посвящение моё в монашеский сан состоялось в Харбине. Получив такой ответ, здесь схватились за голову, восклицая: «Каков – он хочет получить вас в готовом виде». На понятное моё недоумение последовало откровенное объяснение: «Виктор собирается ехать в собор, и в его епархии уже открыт сбор пожертвований на его поездку в Европу; он не хочет поступиться ни одной копеечкой. Ваше посвящение, т.е. обмундировка по положению, стоит полтораста рублей, да на поездку вашу в Пекин и уплату мелких ваших долгов надо хоть сто рублей – откуда мы возьмём столько денег и с какой стати это делать для чужой епархии».

От такого признания меня всего не только покорило, а просто – во мне всё перевернулось. Как! Религия, слежение церкви и деньги – всё в одной куче. До человека, до души его нет никакого дела.

– Я отказываюсь, – сказал я.

Положение моё стало невозможным: готовясь к условленному отъезду, я окончательно рушил квартиру, оставался без крова всего лишь с тремя рублями в кошельке. Не спросив меня перед этим, духовенство, празднуя «победу», дважды оповестило через «Зарю», как самую распространённую в Харбине газету, что «поэт и писатель Яков Иванович Аракин принимает монашество и в ближайшем будущем уезжает в Пекин», – результат этих заметок был тот, что меня закидали недоумёнными и негодующими письмами, заклеямили как «изменника культуры», и все мои мелкие кредиторы, по тривиальному выражению, схватили меня за горло, предполагая, что я убегаю от оплаты долгов... Я был совсем уже близок к тому, чтобы броситься в мутные воды Сунгари.

Неожиданно Бог послал мне выход, и с той стороны, откуда я никак уже не ожидал: в то время, как милая харбинская эмиграция решительно ничем не пожелала мне помочь, управляющий Харбинской католической миссией византийско-славянского обряда архимандрит Фавиан Абрантович тепло, чисто по-христиански, предложил мне кров и стол: «Живите у нас спокойно и продолжайте писать», – сказал он. При миссии находился лицей Св. Николая, единственное в Харбине закрытое восьмиклассное учебное заведение, с программой русских классических гимназий, для русских детей – и, вот, благодарный за приют, более за спасение жизни, я живу в Лицее, преподаю древнегреческий язык, заведую библиотекой и даю статьи на религиозно-нравственные темы в издаваемый миссией серьёзный журнал «Католический Вестник». В харбинских газетах я уже не сотрудничаю, так как для меня, по-видимому, как бывшего цензора, всё как-то не хватает места по «техническим соображениям», тем более что «коротких заметок я не пишу», и потому, что штаты сотрудников всех местных газетах сокращены.

Положение под старость лет создалось для меня такое, что я терплю последние остатки бодрости. За эти годы я особенно много писал, стараясь в работе забыть, отогнать все чёрные мысли, хоть немного рассеять нестерпимую тоску – и считаю, что мог бы выпустить в свет до семнадцати новых томов от двухсот до шестисот страниц каждый, и в стихах, и в прозе, в которых я делюсь моими энциклопедическими знаниями с новыми поколениями; казалось бы, при упадке культуры, мои книги русским нужны, но... человек полагает – Бог располагает. По рукам и по ногам я связан нуждою; в Лицее на руки я не получаю ни копейки – положение моё продолжает оставаться безвыходным, а деваться мне больше некуда; Слава Богу, что последнее время у меня была работа – я перелагал с китайского на русский язык учебники, принятые в Японии и теперь вводимые и в Маньчжу-ди-го; несколько месяцев мне жилось легче. Что будет дальше, не знаю.

Как Марий на развалинах Карфагена, я сижу над моими, ждущими печатания, рукописями, которым, очень возможно, после меня будут смешаны с прахом, и, вспоминая всё, что мною уже напечатано, в ожидании конца как освобождения от земных горестей и соединения с любимыми, которых уже нет, говорю и в оправдание, и в утешение себе:

Чужому помыслу слугою
В моих твореньях не был я.
Не льстил, не шёл я за толпою...
И, к злу презренья не тая,
Я обличал людские страсти,
Покровы с низости срывал,
Не признавал порока власти –
На путь добра людей я звал:

Не продавал я вдохновенья –
На торг я нёс плоды трудов:
Уже готовые творенья,
Мечту и мысль в созвучье слов.
Зато я ближними унижен,
Безумцем назван, гордецом
И, к смерти раньше лет приближен,
Сойду в могилу бедняком...
Пусть будет так – но я не каюсь.
Гоню сомненья и тоску,
Как встарь, я мыслью утешаюсь:
Что, всё-ж, кого-то увлеку
С дороги торной. От прельщенья
Тщетою житейских всех горнил...
И дав кому-то миг прозренья
Себе скажу: «недаром жил».

Харбин, 1939 г.

Печ. по машинописи Якова Ивановича Аракина // ГАРФ Ф. 5881. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

Благодарности. Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

Библиографический список

- Аракин, Я. Китайская поэзия / Я. Аракин. – Харбин, 1926. – 105 с.
Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 3.
Дяо, Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.): По найденным материалам / Дяо Шаохуа // Россияне в Азии. – 1996. – № 3. – С. 57–110.
Мелихов, Г.В. Белый Харбин: середина 20-х / Г.В. Мелихов. – М., 2003. – 440 с.
Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. Крейд, О. Бакич. – М., 2001. – 718 с.
Перелешин, В. Русские дальневосточные поэты / В. Перелешин // Новый журнал. – 1972. – № 107. – С. 255–262.
Эфендиева, Г.В. Дальневосточные писатели-эмигранты о себе и творчестве коллег: статьи, рецензии, воспоминания / Г.В. Эфендиева // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях. Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск, 2017. – С. 211–271.

ПИСАТЕЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ СОФЬЯ ЗАЙЦЕВА

Н.А. Рубан

Имя Софьи Зайцевой не часто упоминается среди литературного сообщества русского зарубежья. Однако её книги были популярны в эмигрантской среде на Востоке и на Западе. Являясь автором всего трёх повестей, увидевших свет в 1930–1940-е гг., она привлекла внимание читателей историями, ставшими близкими для каждого, кто оказался вдали от Родины.

Изучение жизни и творчества Софьи Зайцевой почти выпало из поля зрения современных исследователей. Вместе с тем, её личность, неординарные творческие способности и литературный талант представляют собой достойный предмет для анализа с точки зрения исторического, литературоведческого и духовно-религиозного аспектов.

Софья Артемьевна Зайцева (урождённая Аванова) родилась в 1899 г. в Санкт-Петербурге в армянской семье. Отец служил в акцизе, мать, Нина Георгиевна, преподавала вокальное пение. В семье было ещё четыре дочери. Соня Аванова окончила литейную гимназию ведомства Императрицы Марии Фёдоровны в Петрограде в 1916 г. [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 160008, л. 28]. Девочка обладала незаурядными музыкальными способностями и вокальными данными, привитыми ей с раннего детства мамой.

С началом событий 1917 г. Соня Аванова жила у бабушки в Москве. В 1918 г. был убит отец, и Авановы были вынуждены перебраться в Ессентуки. В 1919 г. при эвакуации армии генерала Деникина Софья Артемьевна эмигрировала с беженцами через Новороссийск в Константинополь, где проживала до 1921 г., пела в местном русском хоре. Затем переехала в Прагу, где также работала в хоре [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 56].

В 1922 г. юная Софья училась драматическому искусству в студии Масалитинова в Берлине, одновременно зарабатывала уроками и работой на пишущей машинке, училась пению в Берлинской консерватории «Des Westeus» [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 56].

В 1925 г. перебралась в Париж, где обучалась в частной консерватории «Ecole Normale». Здесь Софья впервые опубликовала литературные рассказы во французских журналах. В Париже она познакомилась с профессором Кириллом Иосифовичем Зайцевым, юристом и богословом, за которого в 1929 г. вышла замуж [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 6]. С 1918 г. Кирилл Иосифович участвовал в Белом движении, эмигрировал с армией генерала П.Н. Врангеля из Крыма. В Париже редактировал газеты «Возрождение» и «Россия и славянство» [Фомин, <http://apocalypse.orthodoxu.ru/prodigy/fomin.htm>].

Трудные испытания, выпавшие на долю эмигрантки, бедность и изнурительная работа неблагоприятно отразились на состоянии здоровья Софьи Артемьевны, в 1930 г. она прошла лечение в Ницце по поводу большого сердца и начавшегося туберкулёза лёгких [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 6].

В январе 1935 г. Зайцевы выехали на пароходе «D» Artagnan» в Китай, куда Кирилл Иосифович был приглашён для преподавания в Харбинском университете [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 66].

Харбин – центр русской культуры на Востоке – стал второй родиной для Зайцевых. Большим утешением для них стало сохранение здесь уклада и атмосферы дореволюционной русской жизни. Русских в городе было больше половины – около ста тысяч, для них были открыты десятки учебных заведений: гимназии, реальные училища, институты, различные курсы. Выходили ежедневные га-

зеты, издавались журналы. Особенно порадовала Софью Артемьевну активная музыкальная и театральная жизнь: на сцене Железнодорожного собрания выступала драматическая труппа, шли оперы и оперетты, звучала симфоническая музыка, нередко гастролировали знаменитости мирового класса. Эмигранты ревниво хранили российские обычаи и традиции, соблюдали церковные обряды. В городе было около двадцати православных храмов, включая комплексы двух монастырей – мужского и женского.

Особенно важным это было для Кирилла Иосифовича Зайцева – будущего архимандрита Константина. Будучи глубоко религиозными людьми, Зайцевы часто посещали богослужения, активно участвовали в церковной жизни. Известно, что духовное становление Кирилла Иосифовича проходило под руководством его духовника архимандрита Филарета (Воскресенского), бывшего также духовником Софьи Артемьевны, а также прозорливого схимника-слепца Игнатия из Казанского монастыря, с которым первой познакомилась Софья [Фомин, <http://apocalypse.orthodoxy.ru/prodigy/fomin.htm>]. Можно предположить, что она некоторым образом оказывала влияние на формирование духовной стороны личности своего супруга. В дальнейшем архимандрит Константин (Зайцев) стал не только почитаемым пастырем Русской православной церкви Заграницей, но и известным богословом. Его труды о Святой Руси, о Царе-мученике Николае II, о Русской Православной Церкви, а также о литературном творчестве И.А. Бунина известны и сегодня.

В Маньчжурии Софья Артемьевна выступала с сольными концертами в камерном жанре в Харбине и Дайрене, пела на Харбинском радио, давала уроки пения. В одной из харбинских газет за 1940 г. была опубликована заметка о её концертном выступлении с исполнением произведений Шумана. С докладом о жизни и творчестве композитора перед концертом выступил профессор К.И. Зайцев. Автор заметки отмечает, что харбинцы хорошо знают Софью Артемьевну как прекрасную исполнительницу камерного жанра, и её концерты неизменно привлекают к себе всеобщее внимание. Вокальные произведения Шумана исполнялись ею на русском и немецком языках [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 10].

В начале 1930-х годов японистом В.М. Григорьевым были организованы гастрольные выступления Софьи Артемьевны в Японии, имевшие большой успех. Позже она многократно выступала в этой стране (в Токио и Иокагаме), а с апреля 1939 г. состояла педагогом в японском Ниппоне в театральной школе Такаразука. Работа эта была вскоре прервана по причине болезни [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 46].

Софья Артемьевна владела немецким, французским, английским и японским языками. По политическим убеждениям считала себя монархисткой. Состояла в Петербургском землячестве и Братстве Иоанна Богослова с 1938 г. [ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 16046, л. 1].

Карьеру певицы она успешно сочетала с литературным творчеством. Ею была написана трилогия «Детскими глазами на мир» (издание 1937 и 1947 гг.), «У порога в мир» (1942, 1947 гг.) и «Путь через мир» (1946 г.), объединённая главной героиней Софьей. Книги были изданы небольшими тиражами и в дальнейшем не переиздавались. Познакомиться с творческим наследием С. Зайцевой сегодня крайне сложно, т.к. в библиотеках России эти книги отсутствуют. Вместе с тем, в фондах Государственного архива Хабаровского края среди печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году, сохранилось второе издание повести «Детскими глазами на мир», выпущенное в Шанхае в 1947 г. На форзаце книги имеется печать библиотеки Калифорнийского университета.

В предисловии к посмертным изданиям своей жены К. Зайцев пишет, что все три повести имеют каждая вполне самостоятельное значение, но в целом составляют трилогию, объединённую не только тождеством лица, ведущего повествование, но и определённой духовной заряженностью [Зайцева, 1947, 2–3].

Повесть *«Детскими глазами на мир»* автобиографична. Мотивы её созвучны прозе Ивана Шмелёва: воспоминания о детстве в родном доме, детальное описание семейных отношений и подробностей быта петербургской семьи. Вместе с тем, это не сентиментальный плач эмигранта и не только ностальгические воспоминания, но живой рассказ о детских впечатлениях, искренних порывах души, переживаниях, фантазиях. Книга наполнена тонким лиризмом, благодарной в отношении к прошлому настроенностью, светлыми воспоминаниями о жизни в атмосфере предреволюционного Петербурга. Автор сочетает добрый юмор с тонким психологизмом в описании восприятия мира ребёнком.

Главная героиня Соня из состоятельной армянской семьи, проживающей в Петербурге в начале XX в. Девочку окружает большая любящая семья и добрая гувернантка-немка. Любые мелкие, на взгляд взрослых, события, воспринимаются героиней как нечто важное и очень серьёзное. Девочка умеет любить искренне, бесхитростно. Душевная чистота Сони, её сознание, ещё незамутненное реалиями мира, показывают читателю многие привычные вещи в их истинном виде. Так, например, первое посещение Соней цирка вызывает в ней недоумение и страх: «...Клоуны захохотали, запищали, засвистели и начали драться: ударит один другого по щеке, звонко-звонко и так сильно, что тот упадёт на пол и умрёт! Сначала мне это показалось страшно, но все кругом смеялись, и я поняла, что это у них такая игра „по-нарочному“» [Зайцева, 1947, 14].

Уклад жизни многодетной семьи Сони строится на фундаменте взаимной любви, доверии, прощении, заботе друг о друге. Для маленькой героини семья – центр её Вселенной. Любые неблагоприятные перемены в повседневной жизни (болезнь отца, поездка без родителей в Москву к бабушке) отзываются страданием в сердце ребёнка. В волнение приводит её неясное будущее, связанное с рассуждениями старшей сестры о политических изменениях, и от нового непонятного слова «риволюция» ребёнку делается немного страшно.

С раннего возраста дети приучены ходить в церковь. «Вот, когда нас с мамой уже не будет, вы вспомните, как мы вас с детства к церкви приучали, и поблагодарите нас в душе», – говорит Соне отец [Зайцева, 1947, 92]. Следует отметить, что дальнейшая духовно-религиозная жизнь Софьи Артемьевны подтвердила справедливость этих слов. Автор вспоминает, как в предвкушении праздника Пасхи Соня с радостью начинает говеть вместе со взрослыми на страстной седмице, просит у всех прощения, с волнением идёт к исповеди и причастию.

Детство наполнено играми, мечтами и фантазиями. Героями игр юных сестёр становятся люди, окружающие их: подруга Оля, студенты – папины ученики, старый дворник, московский дедушка, и даже прислуга. Жизнь прислуги представляется девочкам восхитительной: «Я не пью рыбьего жира, никогда не говорю по-немецки, ем с папой острые закуски и никогда не ложусь спать» [Зайцева, 1947, 10].

Автор глубоко проникает в душевный мир своей героини, подробно описывая её различные психологические состояния. Но это не взгляд со стороны, а личные переживания писательницы. Потому проза С. Зайцевой так быстро нашла отклик в читательской среде русской эмиграции.

В харбинском литературно-художественном журнале «Рубеж» в 1937 г. была опубликована рецензия на повесть *«Детскими глазами на мир»*. Автор (Н.Р.) отмечает, что книга произвела на него очень отрадное впечатление, и что

первый литературный опыт Софьи Зайцевой оказался вполне успешным. Замечен хороший слог, лёгкость и простота изложения. Автор выразил надежду, что в будущем писательница напишет ещё не одну прекрасную книгу. Вместе с тем, критик обращает внимание и на некоторое несоответствие названия повести её содержанию. По его мнению, С Зайцевой не удалось широко и остро показать мир глазами ребёнка, т.к. она описывает мироощущения взрослого человека, пытающегося вспомнить свои детские переживания. Он отмечает, что тема повести незамысловата, но задача, взятая на себя писательницей, чрезвычайно трудна: легко ли взрослому посмотреть на мир детскими глазами? [Н.Р., 1937, 19–20].

Софья Артемьевна отвечает на замечание критика в предисловии к своим последующим изданиям: «В 1937 году вышла в Харбине моя книга «Детскими глазами на мир. Повесть из жизни петербургской девочки». Издание это целиком разошлось на Западе и на Дальнем Востоке. Была ли написана моя повесть только для детей? Нет. И читатели, и критика отмечали, что, несмотря на простую и лёгкую для чтения форму письма, доступную и детям, несмотря на описание, совсем незамысловатых событий из детской жизни, детскими же глазами увиденных и воспринятых, она, по своей лирически-благодарной в отношении к прошлому настроенности, особенно доходчива до сердца взрослых» [Зайцева, 1947, 2–3]. То есть повесть изначально адресована взрослому читателю, и восприятие мира ребёнком, трансформированное через «взрослое» сознание, в данном случае вполне оправдано.

В статье Н.Р. отмечено также, что повесть местами скучна и наивна, и что современные дети (1930-х годов) и дети, описанные С. Зайцевой (1900-х годов), имеют принципиальные различия, как в воспитании, так и в восприятии мира. «...Повесть о современном ребёнке звучала бы ...и трагичнее, и занимательнее. Теперь другой темп жизни, другие слова, и дети теперь другие» [Н.Р., 1937, 20]. Возможно, это замечание было справедливым для периода 1930-х гг., но, как показало время, ценность прозы Софьи Зайцевой в том и выражается, что знакомит нас с укладом жизни своей эпохи и свидетельствует о том, что необходимость приобщения детей к духовной жизни и привитие им нравственных основ актуально во все времена.

Вторая повесть трилогии «У порога в мир» посвящена отрочеству и юности Сони. Третья повесть «Путь через мир» обращена уже к формированию личности героини. В предисловии к ней (книга была издана после кончины Софьи Артемьевны) Кирилл Зайцев отметил, что характер изложения в ней оказался изменённым по сравнению с двумя первыми. Последовательное жизнеописание детства, отрочества и первых шагов юности сменилось лишённым хронологической канвы изображением жизни и развития «внутреннего человека» [Хисамудинов, 2002, 87].

Скончалась Софья Артемьевна Зайцева в возрасте 46 лет от туберкулёза лёгких в госпитале Православной миссии в Китае, в Бей-Гуань. Кирилл Иосифович в том же 1945 году был рукоположён в священника, нёс пастырское служение в Циндао и Шанхае. С 1949 г. он жил в Сан-Франциско, затем переехал в Джорданвилль в Свято-Троицкий монастырь, читал курсы догматического и пастырского богословия, истории русской словесности в Духовной семинарии. В декабре 1949 г. о. Кирилл был пострижен в монашество с именем Константин, в 1954 г. возведён в сан архимандрита. Скончался в Джорданвилле в 1975 г. [Фомин, <http://apocalypse.orthodoxy.ru/prodigy/fomin.htm>].

Русские эмигранты Софья и Кирилл Зайцевы оставили заметный след в истории эмигрантской культуры. Это выразилось, главным образом, в том, что о вечных ценностях через призму русской духовности они сумели рассказать так, что их труды остаются актуальными и по сей день.

Библиографический список

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 830. – Оп. 3. – Д. 16046.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 830. – Оп. 3. – Д. 160008.

Зайцева, С.А. Детскими глазами на мир. Повесть из жизни петербургской девочки / С.А. Зайцева. – Шанхай, 1947. – 144 с.

Н.Р. Книжные новинки / Н.Р. // Рубеж. – 1937. – № 45.

Фомин, С. Джорданвилльский отшельник / С. Фомин // К. Зайцев. Чудо русской истории [Электронный ресурс]. – URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/prodigy/fomin.htm> (дата обращения 01.06.2021).

Хисамутдинов, А.А. Русская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2002. – 359 с.

ВОЗВРАЩЁННЫЕ ИМЕНА: ХАРБИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ БОРИСОВ

О.Н. Борисова

От редакторов:

Данная публикация – ещё один новый факт, свидетельствующий не только о многообразии литературной и журналистской деятельности русских эмигрантов в Харбине, но и о том, что «белые пятна» нашей эмигрантской истории и литературы постепенно заполняются. Во многом – благодаря нашей изыскательской, источниковедческой, текстологической, публикационной деятельности, выпуску сборников «Русский Харбин, запечатлённый в слове», «Россия и Китай на дальневосточных рубежах».

Когда сборник был уже практически готов к изданию, к нам по телефону обратилась Ольга Никитична Борисова – правнучка героя нашей публикации. Благодаря её интересу к истории своей семьи, её настойчивости наш список писателей дальневосточной эмиграции пополнился новым именем. К сожалению, пока мы не можем найти издание «Из сибирских былей» – единственной книги, по всей видимости, Михаила Ивановича Борисова, вышедшей в г. Харбине. Но мы уверены – всё впереди.

Наш Центр изучения дальневосточной эмиграции становится настоящим средоточием тех эмигрантологических разысканий, которые ведут уже не только учёные, но и родственники, учителя, просто – интересующиеся историей эмиграции люди.

Основу статьи составляют собственноручно написанная автобиография и личное дело моего прадеда, Михаила Ивановича Борисова [ГАХК, БРЭМ, д. № 650, ф. Р-830, оп. 3] – сибиряка-белопоходника, харбинского журналиста, писателя, книготорговца. В его судьбе – отражение сотен тысяч судеб таких же русских эмигрантов, волею истории оказавшихся в Северной Маньчжурии, в Харбине:

«Я, Борисов Михаил Иванович, родился 14 февраля 1884 года в г. Красноярск, Енисейской губ., православный. Сословная принадлежность – дворянин. В 1903 г. окончил Красноярскую классическую мужскую гимназию. 1903–1904 гг. состоял студентом Томского политехнического института. В 1904 г. во время русско-японской войны призван на военную службу в составе 13-го Сибирского стрелкового полка в чине прапорщика. Ранен в грудь и контужен в голову при Мукдене <Льесент>. В 1905 г. находился на излечении в лазарете Черниговского Красного Креста на ст. Маньчжурия и эвакуирован для лечения на родину. В декабре 1905 г. в виду контузии уволен в отставку.

В 1910 г. поступил в Томский технологический институт.

Михаил Иванович Борисов. Китай, Ханьдаохэдзы (архив О. Борисовой)

С 1914 по 1918 гг. служил в качестве секретаря большой газеты на Урале „Уральская жизнь“ в г. Екатеринбург».

В этой газете Михаил Иванович вёл рубрики о I Мировой войне «Рассказы раненых», «Из бесед с военнопленными», «Письма войны», о создании горного института, организации автомобильного клуба и другие. В 1915–1916 гг. были опубликованы его рассказы «Чужие» [№ 288, 25.12.1915, 2], «Шутки жизни» [№ 298, 30.12.1916, 3], отрывки из повести «Два конца» [№ 204, 13.09.2015, 3].

«В 1917 г. заключил церковный брак с Ольгой Александровной (Степановной) Массариной, 1898 г.р. Жена родом из семьи саратовского музыканта Александра Массарини (итальянец) и Гликерии Андреевны (1875–1946). 17.03.1917 г. в Екатеринбурге родилась дочь Лидия (в замужестве Исибаси). 09.10.1919 г. родилась дочь Зоя (в замужестве Вторушина).

В 1918 г. по запросу штаба сибирской армии Главой Уральской губернии рекомендован как инициативный журналист» (Телеграмма Главы Уральской губернии С.С. Постникова от 26.12.1918 г. в ответ на запрос Штаба сибирской армии А.В. Колчака).

«Образовавшимся в Омске Сибирским Правительством в конце года был приглашён корреспондентом СТА (Сибирское телеграфное агентство) и командирован на фронт в штаб армии генерала Пепеляева, с которым проделал Пермский поход; причислен к штабу сибирской армии в Екатеринбург. Правительством адмирала А.В. Колчака назначен осведомителем и информатором ставки. Командирован в гг. Иркутск, Читту, Харбин и Владивосток. Особым Постановлением Совета Министров Правительства адмирала Колчака от 22.08.2019 г. для пользы государства отписан с военной службы на гражданскую. Назначен инспектором Русского телеграфного Агентства. Как информатор (осведомитель) Верховной ставки Верховного Правителя, был командирован со специальными разведывательными заданиями в Сибирь, в Красноярск, Иркутск, Читту, Харбин, Владивосток для работы по выяснению состояния общественных группировок на местах и составления отчёта о деятельности генерала Розанова в Красноярске, губернатора Яковлева в Иркутске, генерала Г.М. Семёнова в Чите, генерала М.М. Плешкова в Харбине и генерала Д.А. Хорвата во Владивостоке. Одновременно организовал отделы Русского Телеграфного Агентства в городах и отделение во Владивостоке».

Улучшение качества информации объяснялось установлением тесных контактов с Управлением делами Российского правительства, а также с видными политическими и общественными деятелями. Для объединения деятельности местных агентов была организована особая инспекция. Инспектором был назначен М.И. Борисов. 7 июня 1919 он выехал из Омска с целью посетить целый ряд городов Сибири и Дальнего Востока, начиная от Красноярска. В задачу инспектора входило установление отношений с местными общественными и литературными кругами, привлечение их к участию в работе РТА, инструктирование корреспондентов, обучение их краткому телеграфному слогу и т.д. Положительные результаты эта поездка показала сразу же.

Так, М.И. Борисовым была предложена новая схема передачи телеграмм в Красноярск. Результатом личных встреч М.И. Борисова с местными общественными деятелями стала публикация наиболее влиятельными газетами, таими, как красноярская «Свободная Сибирь», иркутский «Свободный край» и читинская «Забайкальская новь», больших информационных статей о деятельности РТА.

«За эту работу имею благодарность Верховного Правителя адм. А.В. Колчака. В августе (ноябре) 1919 г. был назначен Директором Русского телеграфного

Агентства во Владивостоке на правах центра. В декабре 1919 г. утверждён в этой должности Правительством атамана Г.М. Семёнова в Чите. В 1920 г., 31 января, в результате переворота и занятия Владивостока большевиками с семьёй интернировался в штаб японских войск в Сибири во Владивостоке. 1 марта был вывезен с семьёй на пароходе „Банзей-Мару“ японским военным командованием в Гензан в Корею, через <Гуанцинбан> Затем прибыли 6 марта 1920 г. в г. Харбин.

В Харбине с июня 1920 по 1922 гг. работал как журналист в газете „Новости жизни“, как заведующий отдела местной жизни».

Вместе с А.В. Гнышевским основал газету «Новая жизнь». Редактор газеты «Вечерние новости жизни» (издатель – товарищество «Печать»), выходившую с марта по август 1921 г.

В 1921 году в Харбине была издана книга М.И. Борисова «Из сибирских былей».

В 1921–1922 гг. Михаил Иванович принимал участие в работе еженедельного издания «Дальневосточный синий журнал».

«К концу 1921 г. организовал собственный книжный магазин. С 1922 по 1929 гг. имел книжный и печатно-бумажный магазин. В июле 1926 г. организовал книжный склад на Конной улице».

Из публикаций о книгоиздании и книготорговле в Харбине получаем следующую информацию: «Товарищество М.И. Борисов и Е.М. Перов, книжный склад и магазин. Громадный выбор книг по беллетристике и по всем отраслям знания. Постоянное получение книжных новинок из Берлина, Парижа, Праги, Риги и других городов. Книги довоенных изданий. Новинки из Ленинграда и Москвы. Пополнение библиотек. Заказы исполняются немедленно. Каталоги бесплатно» [Писатели, 1922, 6].

«Товарищество М.И. Борисов и Е.М. Перов» в Харбине неоднократно закупало советские книги научной, технической, медицинской, учебной тематики. В ряде случаев для покупателей заказывалась художественная, музыкальная, историческая, юридическая и политическая литература. Фирма М.И. Борисова и Е.М. Перова представляла в Харбине Сибирское книгоиздательство, газеты «Экономическая жизнь» и «Красное знамя» (Владивосток) – Иркутское и Читинское отделения Госиздата, Сибирское контрагентство печати [Писатели, 1922, 6].

Отметим, что эта книготорговая фирма снабжала названные отделения Госиздата дальневосточной русской книгой, изданной за рубежом, и имела торговые связи со странами Европы. Ассортимент изданий, которым она располагала,

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжу-Ди-Го.

№ 2109

Фамилия, имя, Отчество Борисов
Михаил Иванович

№ паспорта 4578 от 4/10/20

1. **Общая сведения.**

1. Время и место рождения: 11/1884 г. в г. Красноярске, Красноярской губернии

2. Вспомогательные: Красноярск

3. Подданство и национальность: Русский, эмигрант

4. Общее образование: среднее Красноярская кадетская школа в Красноярске
высшее Педагогический институт в Красноярске 1902-1904 гг. окончил

Примечание: указать когда, где и в каком учебном заведении обучался

5. Настоящая профессия и специальность: Журналист

6. Место настоящей службы: Газетный

7. Полученный оклад содержания или заработка (подробно):

8. Точный адрес: 3-й пер. (Ильинский) дом № 7, квартира 8.

9. Когда и откуда прибыл в Маньчжурию: Из г. Тюмени в Корею прибыл в Харбин 6 марта 1920 года.

10. Семейное положение (жена, дети и кто состоит на иждивении): Жена А.С. Горюха, урож. М. г. 18 лет и 2 дет. 16 лет; Мать Г.И. Борисова Матвеевна 50 лет, вдовья, в Харбине

11. Знание иностранных языков (какой и в какой степени): Ни одного

12. Имелся ли какое-либо имущество: Не имел

13. Бытность под судом или следствием (подробно): Никогда

Личное дело М.И. Борисова.
БРЭМ (архив ГАХК)

был весьма разноплановым. Наряду с работами В.И. Ленина «Странички из дневника» и Советской Конституцией, она торговала литургической литературой и произведениями антиреволюционного толка. Упомянутая фирма, добиваясь монопольного положения в качестве представителя Ленгиза на дальневосточном зарубежном книжном рынке (в Китае, Маньчжурии, Корее, Японии), подчёркивала значимость своих деловых связей с различными учреждениями и учебными заведениями этих стран в области снабжения их русскими книгами. Помимо Маньчжурии, покупатели у фирмы были в Шанхае, Пекине, Ханькоу, Циндао, Токио, Осака и других городах [Пейчадзе, 1991, 148–190].

«В 1929 г. во время конфликта¹ служил на КВЖД в коммерческом агентстве на ст. <Мейройцзы>».

С 1930 г. занимаюсь журналистикой и коммерческими делами.

В 1931 г. ликвидировал дело и занимался мелкой книжной торговлей и комиссионерством.

В 1932 г. служил в страховом обществе Ковальского. Служил у фирмы Вульф-Тенькин в Харбине вояжёрком на %. По 1933г. занимался книжной торговлей.

В 1933 г. с января по июнь служил секретарём газеты «Наша газета». В июле заболел воспалением лёгких и не мог работать, проживая на свои сбережения. Состою рядовым членом Екатеринбургского землячества.

В 1934 г. в Харбине работал в качестве агента по сбору объявлений в телефонную книгу для английского журнала „The Manchurian Economic Review“.

В 1935 г. адрес проживания 3 линия (М-иловская?), дом 7, квартира 8. Семья: О.С. Борисова, дочери Лидия 18 лет (1917 г.р.) и Зоя 16 лет (1919 г.р.), тёща Гликерия Андреевна Массарина 60 лет (1875 г.р.), которые находятся на изживении. Профессия – журналист. С 25.02.1935 г. – безработный. Знание языков – английский средне, владею письменностью, и китайский разговорный, довольно успешно. Участие в кампаниях и походах – русско-японская война 1905 г., гражданская война на Урале в 1918 г. Ордена и знаки отличия – не имею.

До 1 июня 1936 г. – временный служащий помощник заведующего курорта. С 26 июня 1935 г. в должности – Заведующий курортом. Отдел социального обеспечения курорта станции Сунгари Узибинской ж.д. Харбинского управления государственных ж.д. А с назначением на сезон лица японской национальности, его помощником – зав<едующим> хозяйством.

Пенсии от дороги не получал. В 1936 г. проживал станция Сунгари Узибинской ж.д., дом № 32. Жена Ольга Степановна Борисова, 39 лет, русская эмигрантка, занимается домохозяйством. Тёща Массарина Гликерия Андреевна, 62 лет, по старости лет на изживении моем. Дочь Зоя Михайловна, 18 лет, эмигрантка, безработная. Дочь Лидия Михайловна, 19 лет, русская эмигрантка, с июня 1936 г. состоит в браке с японцем М. Исибаси. Проживают в Харбине, Модягоу, Бородинская улица, дом 58. Состою со своей женой в церковном браке с 1917 г. Политические убеждения – беспартийный монархист. Мой знакомый на станции Сунгари – Стрельнов(?) Василий Петрович.

Поручиться за меня может представитель атамана Г.М. Семёнова в Харбине генерал Л.Ф. Власьевский.

¹ Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (Дальневосточный конфликт) – советско-китайский вооружённый конфликт, произошедший в 1929 году после захвата Чжан Сюэляном контроля над КВЖД, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Подписанный 22 декабря Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил существовавший до столкновений статус дороги.

В феврале 1935 г. зарегистрировался в БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи).

г. Харбин 3 апреля 1935 г., 01 сентября 1936 г.

«Приказом по ГБРЭМ от 23.01.1941 г. назначен временно исполняющим должность сотрудника отделения Бюро по ст. Ханьдаохэцзы, где и проживал».

23 августа 1945 г. Михаил Иванович Борисов был задержан органами СМЕРШ в Маньчжурии. Чекисты припозднились с исполнением приказа. Ещё 19 марта 1937 г. Михаил Иванович Борисов внесён в т. н. «сталинский список» по Свердловской области (осуждён заочно по ст. 57 кат. 2 (10 лет).

17 июня 1948 г. было закончено его дело, о чём помощником оперуполномоченного 6 отдела УМГБ Хабаровского края ст. лейтенантом Физеделем составлена справка, которая имеется в личном деле № 650. М.И. Борисову вменялись статьи УК РСФСР: 58–4 – подрыв Советской власти, 58–6 – шпионаж, 58–11 – контрреволюционная организация.

Содержался в ВостУралЛаге МВД (г. Тавда, Азанка, Свердловской обл.), умер от дистрофии (дата смерти неизвестна).

О содержании в лагере сообщил Анкудинов Николай Николаевич 1920 г.р. Привожу данные, как они указаны в его личном деле: «Место рождения: РСФСР, г. Владивосток. Гражданство: вне подданства. Национальность: русский. Партийность: б/п. Образование: н/высшее. Социальное происхождение: торговцы. Особый признак: Маньчжурия. Место жительства: Китай, Маньчжурия, ст. Ханьдаохэцзы».

Скупые строки автобиографии и личного дела – а за ними трудная судьба достойного русского человека. Сухие слова не раскрывают мысли, чувства моего прадеда. Он достойно прошёл испытания – потерей Родины, голодом, бедностью, униженным статусом эмигранта, безработицей, советским лагерем. Я горжусь патриотизмом, стойкостью, многими его талантами, ответственностью за судьбы семьи. Горжусь человеком, воспитавшим, в том числе, и мою любимую бабушку Борисову – Исибаси Лидию Михайловну.

Вы можете посмотреть фильм «Чужие города», созданный студией «Мастер» г. Екатеринбург в 2016 году (реж. Андрей Ким). Это художественно-публицистическая картина о судьбе семьи Борисовых. Фильм в свободном доступе на канале YouTube.

В 1921 году в Харбине была издана книга «Из сибирских былей» М.И. Борисова. К сожалению, в фондах РНБ она только упоминается. Фактически её нет. Большая просьба помочь в поисках книги. Буду благодарна за любую информацию.

Библиографический список

Личное дело и автобиография Борисова М.И. // Государственный архив Хабаровского края. Архив БРЭМ. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. № 650. № 5273, 5303, 5304.

Пайчадзе, С.А. Русская книга в Китае / С.А. Пайчадзе // Книжное дело на Дальнем Востоке. – Новосибирск: Изд-во Омского гос. университета, 1991. – 205 с.

Писатели, учёные и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 г. – Владивосток: Типолитограф. т-ва «Свобод. Россия», 1922. – 72 с.

ЧУЖИЕ**М.И. Борисов***Рассказ***I**

Когда Нина Васильевна внезапно проснулась и открыла глаза, её вдруг охватил какой-то безотчётный страх перед окружающей темнотой. Точно в этой темноте было что-то ужасное, что грозило ей смертельной опасностью. Широко открытыми глазами, вся трепещущая, смотрела она в окружавшее и чувствовала, что нет у неё силы, чтобы подняться и зажечь огонь. Как будто кто-то неведомый лишил её воли и сил и приковал к постели.

Казалось, какие-то неясные, таинственные и неведомые образы наполняли всю комнату и творили в ней своё особенное и непонятное дело. И то, что их дело было непонятно и непостижимо для неё, повергало Нину Васильевну в состояние полного бессилия и особого безотчётного ужаса.

Наконец она нашла силы, чтобы зажечь огонь.

И сразу же всё прошло.

Трепетный огонёк свечи озарял все углы комнаты, и вдруг она сделалась обычной и не стала уж в ней ничего непонятного, загадочного и наводящего страх. Всё это ушло неведомо куда, точно спалённое светом свечи.

Только биение сердца, всё ещё не успокаивающееся, напоминало о том, что было пережито.

Взгляд Нины Васильевны как-то невольно остановился на висевшем на стене коричневом платье.

Крест на белой повязке на рукаве платья, казавшийся при тусклом мерцании свечи каким-то кровавым, вдруг направил её мысли по новому направлению.

Картины пережитого одна за другой начали проноситься перед ней, и казалось, что она снова вернулась ко всему тому, что как будто бы замерло навсегда.

II

В нём было всё не то, что она видела у людей, окружавших её до встречи с ним.

Он даже говорил совсем не то, что другие.

Те, другие, кричавшие ей о своей любви, казались какими-то пошлыми, однообразными. Он, никогда не говоривший о своих чувствах, но видевший во всём красоту, казался ей каким-то идеальным. Из его поступков было видно, что он любит её, но он не говорил ей этого и в конце концов она сама открылась ему.

И он принял её любовь как должное.

Она не отдавала себе отчёта во всём происшедшем и даже не представляет, как так случилось, что в один прекрасный день их венчали, и она стала женой Глеба.

Она вся отдалась тому, что ей казалось счастьем.

Но... прошли месяцы, и она как бы проснулась. Точно до этого времени на её глазах была какая-то пелена. Настал час, и эта пелена спала.

Как-то неожиданно даже для неё самой Глеб вдруг стал таким, как и все. Точно лишился того, что ставило его в её глазах выше толпы.

Серым и обыденным казался он ей теперь, и не было уже в его любви того, что она находила в ней раньше. Началось охлаждение, его ускорила обычная откровенность Глеба.

Есть страницы в прошлом мужчины, которые должны быть скрыты от женщины, которая любит его в настоящем. Глеб же думал наоборот своей откровенностью ещё больше подкупить её, облагородиться в её глазах. И это была большая ошибка, сыгравшая решающую роль.

Ей казалось диким, что она дала свою любовь, себя – человеку, который до неё любил других. Его исповедь, откровенная и честная, вместо того, чтобы укрепить их отношения – создала пропасть между ними. Она возненавидела его за это прошлое. Оно уронило его с того пьедестала, на который она ставила его, сравнивало с другими. Он уже не был в её глазах идеальным, и она стала считать себя его жертвой. Она обманулась в нём, и это наполняло всё её существо негодованием, и порой она сжимала кулаки и тогда ей хотелось оскорблять его без пощады, мало того, бить, топтать. Теперь одна мысль – порвать с ним, порвать навсегда – съедала её. В их обиход вошли сцены, порою безобразные и дикие, и самая обоюдная жизнь стала ужасом. Чувствовался развал, и он не замедлил явиться после одной из сцен.

Они пошли разными дорогами. Каждый зажил своей жизнью, наружно не интересуясь жизнью другого.

Но в те моменты, когда случайно встречались, оба чувствовали, как откуда-то из самой глубины существа поднималось что-то такое, чего они не могли себе объяснить. Какая-то злобная дрожь охватывала их, чувство горькой неудовлетворённости надолго оставалось доминирующим над всеми другими. И оба они объясняли это ненавистью.

Как-то неожиданно она встретила его на улице в военной форме. Потом ей сказали, что он уехал на войну. И то, что он даже не сообщил об этом ей – его жене, так поразило её, что она долго ходила сама не своя.

Только теперь она поняла, что разрыв сделал их чужими. И только теперь это показалось ей какой-то несообразностью.

III

Жила изо дня в день.

Приходили и уходили новые люди. Говорили ей о любви, обещали счастье, но слова их не волновали её, не производили впечатления.

Она точно не слышала их.

Там, в тайниках её души был запрятан образ того, кто был ей когда-то близок и теперь стал чужим. Часто она возмущалась тем, что думает о нём, упрекала себя и взводила на него все обвинения за свою разбитую жизнь, но через несколько минут жадно искала в газетах его имя.

Шли дни, и о нём не было ни слуху, ну духу. Он не писал никому.

Она вся измучилась, борясь с собой. Но холодный разум говорил одно, а душа неумолимо напоминала о другом.

И уже совсем другим казалось прошлое, она уже находила в нём светлое, и всё чаще неотвязная мысль, что она не сумела взять это светлое, что сама оттолкнула его любовью, наполняло её всю. И тогда ей хотелось, чтобы он был здесь, около неё, и она бы молила о примирении. И то, что его не было, и то, что она, быть может, никогда его не увидит, что другая женщина даст ему счастье, отравляла всё её существование. И напрасно она искала забвения, его не могло дать ничто.

IV

Нина Васильевна работала в лазарете, не покладая рук.

Когда шла в сёстры милосердия, то говорила всем знакомым, что делает это во имя долга. Но тут же ловила себя на мысли, что лжёт. Где-то внутри таи-

лась надежда увидеть того, кто был ей теперь чужим, но образ которого никак не могла заглядеть, изгнать из своих мыслей.

И когда в лазарет привозили новых людей, она трепетно вглядывалась в их лица, стараясь не пропустить ни одного из них.

Когда же поток раненых кончился, уходила неудовлетворённая.

Сама ловила себя на мысли, что ищет среди них Глеба.

Лазарет, в котором она работала теперь, помещался в большом помещицком доме, недалеко от позиций.

Когда шло сражение, грохот орудий и их непрерывное уханье ясно доносились сюда.

Тогда в лазарете начиналась суета.

Толпы искалеченных людей приводили и везли оттуда. Стоны и крики наполняли переднюю, и все работали до полного изнеможения. То, что ей пришлось увидеть здесь, эта цепь непередаваемых страданий и картин, а потом рассказы бывших «там», открыло Нине Васильевне глаза на такие стороны жизни, которые она до сих пор даже не представляла себе.

Но всё виденное, всё изжитое не смогло сгладить того, что таилось в тайниках её души.

Её муж – человек, которого она считала чужим, вдруг снова стал дорог ей; и теперь она уже не скрывала от себя, что пошла сюда затем, чтобы найти его. Все её мысли были около него.

Надежда – этот мираж, заставляющий людей цепляться за жизнь, жила в ней и чем дальше шло время, тем ярче разгорался её огонёк. О том, что Глеба могли давно убить или ранить, она даже и не думала.

V

Хмурое утро Рождественского сочельника только что началось, когда на позициях заговорили орудия.

Сначала в одиночку, затем хором и вдруг слились в один неумолчный рёв.

До полудня, как громадная стая голодных хищников, ревели они, и от их грохота земля временами точно вздрагивала.

С полудня, точно насытившись, вдруг сразу замолкли.

Раненые стали прибывать с утра.

Сотни их уже прошли перед Ниной Васильевной. Быстро оглядывая каждого, она уверенно направляла его в ту или иную половину лазарета.

Везде кипела работа. Едва успевали убирать кучи окровавленных одежды и тряпья. Работали без усталости, забыв о сочельнике, о завтрашнем празднике.

Уже зажгли огни, когда поток раненых поредел. Меньше шло лёгких, реже вносили тяжёлых. Усталая Нина Васильевна продолжала перевязывать лёгких, не переставая оглядывать каждого вновь прибывающего.

Заботливо склонилась она над носилками, которые только что внесли два санитары.

И вдруг что-то знакомое пронеслось перед её глазами. Расширенными от страданиями глазами смотрел на неё лежащий в носилках, и можно было наблюдать, как в этих глазах рождалось удивление. И вдруг серая фигура в носилках вся затрепетала и подалась вперёд. Но тотчас же боль заставила раненого опуститься и застонать. Однако и этого было довольно. Они узнали друг друга.

Этот раненый был товарищ Глеба и её хороший знакомый Костин. Превозмогая боль, он бросал слово за словом, и из них Нина Васильевна поняла лишь одно, что недавно, каких-нибудь два, три часа назад, Костин видел её мужа, дрался с ним бок о бок и что он ранен, а её Глеб убит.

И умер Глеб, как герой, и в последнюю минуту имя её – Нины – было у него на устах.

Костин со стоном указал на грудь и, когда отстегнули окровавленную шинель, то из кармана достали письмо на имя Нины.

VI

Когда она читала письмо, то строки прыгали у неё в глазах, но последние слова, они как огненными буквами врезались в её мозг.

«Нина, – писал он, – ты никогда не была для меня чужая, даже тогда, когда мы разошлись. Я любил, даже изменяя. Ведь эти измены не обуславливались любовью, они были только мезтью. Но в конечном счёте они были ложью, ложью ужасной, которую я понял только здесь, будучи сотни раз лицом к лицу со смертью. Только здесь я понял, что помимо животного в нас есть человек. И как человек я был всегда только твой, и знай, что если я умру, то умру только твоим и любя тебя. Довольно лжи. Прощай».

Рождественская звезда ярко светилась на небе, и всё готовилось встретить великий праздник.

Нина бежала, не видя ничего, сама не зная куда. Одна мысль, увидеть хоть тело Глеба, заполняла её всю и направляла её туда на кровавое поле, где ещё так недавно был он, такой близкий, так любящий её, одну её.

Темнота ночи нависла над полями, и лежали они затихшие под её покровом. И казалось, в густом мраке ночи сливались земля с небом и не было окопов и людей в них.

С наступлением темноты всё затихло на фронте и уже ни один выстрел не нарушал сосредоточенную тишину ночи.

Должно быть немцы решили дать встретить своим врагам их праздник спокойно.

Только неубранные раненые и убитые лежали в густой тьме полей.

Их не дали убрать.

И часто долгий, и полный какой-то непередаваемой жалобы, звук терялся в густой тьме полей.

И когда уже подходил самый торжественный момент, момент наступления великого дня, когда мольбы сотен тысяч людей неслись к небу, вдруг каким-то диссонансом нарушил эту сосредоточенную тишину кровавых полей одиночный выстрел.

И тотчас по тёмному небосклону блестящей ночи скатилась одинокая звёздочка. И снова всё стихло.

Утром, в день Рождества, за окопами, там, где лежали неубранные холодные тела павших, нашли и убитую сестру милосердия.

Угасший потайной электрический фонарь лежал около неё, а сама она с простреленной навывлет грудью лежала, вся прильнув к вытянувшемуся телу исколотого штыками прапорщика, в одной руке её было зажато письмо.

Печ. по: газета «Уральская жизнь». 25.12.1915 г. № 288. С. 2.

«СМЕРТЬ ПОД МАСКОЙ. СВЯТОЧНАЯ БЫЛЬ» ВЕНЕДИКТА МАРТА: БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

К.А. Землянская

Венедикт Март (Венедикт Николаевич Матвеев, 1896–1937 гг.) – русский писатель и поэт, журналист, переводчик китайской и японской литературы. До 1920 г. проживал в родном для него Владивостоке, там же в издательстве своего отца Николая Матвеева публиковал первые сборники стихов и рассказов. В Харбин эмигрировал в 1920 г., где проживал до 1923 г., после вернулся в Советскую Россию. В 1937 г. был расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

Рассказ Венедикта Марта «Смерть под маской. Святочная быль» вышел в ежедневной вечерней харбинской газете «Восток» в рождественском номере 1931 г. за 7 января (№ 6) [Март, 1931]. Газета не пользовалась особой популярностью среди русских эмигрантов [Чжао Юнхуа, 2017, 157], хотя в состав её редакции входили журналисты из популярного «Рупора». Изначально она создавалась как русская версия китайской газеты «Восток», но к концу 1930 г. осталась только русскоязычная версия издания, так как её китайский редактор оказался замешан в скандале и китайское издание пришлось закрыть. Газета публиковала перепечатки статей из европейской и американской прессы, часто на страницах издания можно было встретить и литературно-художественные публикации. Печатались одни и те же авторы – Джонни, С. Шагри, СТЭК¹. Реже можно было встретить публикации С. Ржевского² и Коли Шило³. В этом издании найдена только одна публикация В. Марта.

К началу 1930-х гг., проживая в Киеве, Венедикт Март старается следовать «литературе факта» [Забияко, 2015; Забияко, 2016], пишет много рассказов на китайскую тему [Март, 1928a; Март, 1928b; Март, РГАЛИ], занимается журналистской подёнщиной [Март, 1933]. Но в рассказе «Смерть под маской» мы видим иную тематику и стилистику по сравнению с его произведениями, опубликованными в СССР. Март написал рассказ в традициях классической русской литературы, наполнив его любовным сюжетом, реалиями ушедшего в прошлое дворянского быта дореформенной России (хотя действие рассказа отнесено к 1862 г.). Мистика, пронизывающая фабульное действие, отражает веяния харбинской литературы, наполненной теософскими и эзотерическими чертами [Забияко, 2013b]. В этот период в советской литературе говорить о мистике было не принято. Получив возможность напечататься в эмигрантском издании, Март выполняет «соцзаказ» эмигрантского читателя, воспитанного на беллетристических опытах самых разных форм [Забияко, 2013a].

Сам рассказ можно отнести к жанру литературных святочных рассказов, столь популярных во второй половине XIX в.⁴ Отличительными особенностями

¹ Волокитин Георгий Николаевич – журналист. Жил в Харбине и Дайрене [Хисамутдинов, 2017, 131].

² Григорий Григорьевич Сатовский-Ржевский (младший) – харбинский журналист. Работал в газетах «Свет», «Гун-бао», «Русское слово», «Вечер», «Рупор» и др. [Хисамутдинов, 2002, 239–240].

³ Шиллов Николай Дионисьевич – фельетонист газет «Заря», «Рупор». Заведовал редакцией журнала «Рубеж», где вёл отдел «Сатира и юмор» (сер. 1928 – июль 1929) [Хисамутдинов, 2017, 118].

⁴ Например, «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского, цикл святочных рассказов Н.С. Лескова, рассказы «Детвора», «Мальчики» А.П. Чехова.

данного жанра является большой, по сравнению с фольклорным рассказом, объём; ориентация на традиции русской психологической прозы – авторы святочных рассказов стремятся старательно обрисовать характер персонажей, их переживания; тема «чудесного», связанная с представлениями о «святых днях»; наличие пространной экспозиции, которая предваряет описание святочного случая; отсутствие сверхъестественной святочной коллизии в характере изображения и трактовке кульминационного святочного эпизода [Душечкина, 1995, 38–40]: «то, что может показаться героям сверхъестественным, фантастическим, чаще всего получает вполне реальное объяснение. Конфликт строится не на столкновении человека с потусторонним злым миром, а на том сдвиге в сознании, который происходит в человеке, в силу определённых обстоятельств усомнившимся в своём неверии в потусторонний мир» [Душечкина, 1995, 40].

Исследователь Е.В. Душечкина считает, что «святочные рассказы первой волны русской эмиграции представляют собой попытку влить в „малую“ традиционную форму переживания русских людей, пытавшихся в иноязычной среде и в тяжёлых экономических условиях конца 1920–1930-х годов сохранить свои культурные традиции. Обстановка, в которой оказались эти люди, сама по себе способствовала обращению писателей к святочному жанру. Писатели-эмигранты вполне могли и не выдумывать сентиментальные сюжеты, поскольку они сталкивались с ними в своей каждодневной жизни. Кроме того, сама установка эмиграции первой волны на традицию (сохранение языка, веры, обрядности, литературы) соответствовала ориентации рождественских и святочных текстов на идеализированное прошлое, на воспоминания, на культ домашнего очага. В эмигрантских святочных текстах эта традиция поддерживалась также интересом к этнографии, русскому быту, русской истории» [Душечкина, 1995, 250].

Сюжет рассказа В. Марта «Смерть под маской. Святочная быль» наполнен рождественской стилистикой, святочными традициями, бытовыми атрибутами зимних гуляний, которые очень напоминают харбинские¹. Март трансформирует обязательный элемент традиционного литературного святочного рассказа – повествование о необычном, что случилось с одним из героев произведения [Душечкина, 1995, 38]. В рассказе писателя мистический «страшный» случай происходит с самими героями в кульминации произведения. На первый план как ведущий признак жанра выходит христианский и морализаторский элемент [История, 1998]: «ужасы огненного Рождества» [Март, 1931, 3] завершаются идиллической картиной счастья молодых героев, а зло, олицетворением которого была Мария Козицкая, гибнет под сгоревшими обломками старого барского дома. В финале рассказа Март, следуя жанровым канонам, напоминает читателю о вечных человеческих ценностях и истинах.

Все мистические мотивы в финале рассказа находят своё «бытовое» объяснение, что отвечало жанровой форме литературного святочного рассказа и тенденциям развития харбинской беллетристики [Забияко, 2013а]. Потерянный крест тёти Людвиги, как символ утраты помощи Бога и скорого прихода смерти, «нашли при разборке обломков дома – верно, он просто был позабыт где-нибудь в комнатах безумной старухой в страшный день Рождества» [Март, 1931, 3].

«Суровая беженская действительность подвигала русских сочинителей применять свои художественные амбиции к жёстким условиям рыночных отношений, соотносить меру собственного эстетического вкуса с запросами читающей публики, сопрягать талант с его „реализуемостью“ и искать новые

¹ О том, как праздновали Рождество харбинцы рассказывается в многочисленных статьях еженедельного харбинского журнала «Рубеж» [Каржевин, 1933; Упшинский, 1938].

темы. Образ смерти, пришедшей на гуляния, соотносится с маскарадными мотивами итальянской культуры, а название самого рассказа пересекается с мистическим рассказом Эдгара По «Маска красной смерти».

Помимо жанровой формы русского святочного рассказа, ориентированной на русский фольклор, произведение Марта заимствует мотивы европейской и американской культурной традиции. Возможность опубликовать рассказ в эмигрантском издании позволила Марту, не опасаясь идеологических запретов, поэкспериментировать с жанровыми формами беллетристики начала XX в.

Библиографический список

Душечкина, Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е.В. Душечкина. – СПб.: Изд. отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. – 256 с.

Забияко, А.А. Дальневосточный фронт, традиция народничества и соцзаказ: Венедикт Март / А.А. Забияко // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – С. 283–306.

Забияко, А.А. На просёлочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики / А.А. Забияко // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4 т. Т. 1. Проза: в 3 ч. Ч. 1. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013а. – С. 3–36.

Забияко, А.А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) / А.А. Забияко // Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – С. 283–307.

Забияко, А.А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции / А.А. Забияко, К.А. Землянская // Религиоведение. – 2013в. – № 3. – С. 187–210.

История русской литературы второй половины XIX века: практикум / Под ред. Н.Н. Старыгиной. – М.: Наука, 1998. – 256 с.

Каржевин, Ант. Шумные, весёлые святки / Ант. Каржевин // Рубеж. – 1933. – 7 янв. – № 2(259). – С. 5–6.

Март, В. Рассказы о Востоке / В. Март // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – 93 л.

Март, В. Смерть под маской. Святочная быль / В. Март // Восток. – 1931. – № 6. – 7 янв. – С. 2–3.

Март, В. Ударники финансового фронта / В. Март / Предисл. Э. Вишнякова. – М.: Госфиниздат, 1933. – 44 с.

Март-Матвеев, В. Сборник рассказов / В. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928а. – 32 с.

Март-Матвеев, В.Н. Логово рыжих дьяволов / В.Н. Март-Матвеев. – М.: Гос. изд-во, 1928в. – 16 с.

Упшинский, А. Без ёлки не Рождество. Русские святки в Харбине / А. Упшинский // Рубеж. – 1938. – № 2. – С. 19.

Хисамутдинов, А.А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: материалы к справочнику / А.А. Хисамутдинов // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 7: Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. – С. 95–138.

Хисамутдинов, А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2002. – 360 с.

Чжао, Юнхуа. Русская пресса в Китае (1898–1956) / Чжао Юнхуа. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2017. – 400 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СМЕРТЬ ПОД МАСКОЙ

В. Март

Ночная гостья

Имение Хрущёвых – «Барсучина» – со всех сторон было окружено тёмным и густым лесом, словно сжимавшим в могучих объятиях небольшую лужайку.

Живописное озерко отражало в своих зеленоватых водах старый, угрюмый дом, окружённый службами.

Во второй половине прошлого века волчий вой ещё довольно часто раздавался около «Барсучины», лес был не тронут топором, и даже услышать недовольное хныканье медведя было делом довольно частым.

Словом, этот глухой угол Белоруссии пребывал ещё в диком величии нетронутой природы, и «Барсучина» Хрущёвых стояла одиноко, вовсе не избалованная визитами гостей и праздным гулом их пересудов.

Тем более изумился молодой владелец усадьбы Григорий Хрущёв, услышав в одну из ненастных февральских ночей 1862 года захлёбывающийся собачий лай и довольно ясный стук в ворота.

– Почудилось! – уже было решил он, но новый стук прогнал сомнения, и Григорий, не желая будить прислуги, накинул шубу и вышел с фонарём во двор...

– Кто там? Чего надо? – стараясь перекричать лай собак и вой метели крикнул он.

Из-за ворот послышалось нечто вроде стоны:

– Замерзаю... Пустите!...

Григорий распахнул калитку и невольно попятился.

Вся окружённая белыми духами метели и с ног до головы обсыпанная снегом, перед ним стояла одинокая женская фигура:

– Ради Бога... Пустите в дом... Он выгнал ночью... – скорее простонала, чем выговорила, странная гостья и видимо, потеряв последние силы, буквально упала в объятия Хрущёва...

«Смерть пришла»

В большой, пустоватой столовой весело шипел самовар.

Три свечи в бронзовом канделябре, освещая овальный стол, колебали в отдалённых углах комнаты неверные, робкие тени и метельная мгла, проникнув к окнам, казалось, слушала вместе с Григорием рассказ девушки.

Она сидела, держа обеими руками кружку чая, словно грея ладони. Большие голубые глаза, расширенные обидой и ужасом, не мигая, смотрели на огонь свечей, и каштановые волосы в беспорядке падали на лоб.

– Какой ужас! – говорила девушка голосом без всякого выражения, – Мачеха сказала отцу, что я... что у нас с приказчиком... что у нас любовь! Он на-

кричал, ударил... избил и выгнал ночью, как собаку – умирать... Приказчик ещё пожалел – дал лошадь... И всё время был лес... Лошадь пала... я шла, шла... И всё – лес... Бежала... К вам – больше мне некуда! Я знаю вы не прогоните, добрый... я ещё раньше видела вас и сразу поняла...

– Я останусь у вас, – вдруг решительно добавила она. – Пускай говорят гадости – мне всё равно!

Синие глаза девушки закрылись, и чашка чуть дрогнула в руках...

Гнев к безжалостному человеку, прогнавшему дочь, вдруг сменился в душе Григория жалостью к этому ребёнку, так страшно и несправедливо обиженному самыми близкими людьми... Жгучая, невыносимая жалость накатила тяжёлой волной и, подавленный, связанный ею, Хрущёв сидел без движения, сжав зубы, как от боли...

– Смерть! Смерть пришла! – вдруг прорезал тишину визгливый крик, и растрёпанная старуха, с горящими безумием глазами, метнулась из дверей к столу:

– Смерть! Три свечи – смерть!

И прежде, чем Григорий успел вскочить, канделябр покотился на пол; свет погас: а девушка, пронзительно вскрикнув, разрыдалась...

Через пять минут столовая снова осветилась! Прибежавшая экономка уводила бормочащую старуху, а Хрущёв старался утешить несчастную девушку:

– Это – тётя Людвика... – говорил он, глядя ей волосы. – Да вы не бойтесь: она сумасшедшая, тётя... Ну не плачьте – же... Всё будет хорошо – идите спать!..

– Да, да, – ещё всхлипывая, виновато говорила девушка, – спасибо! Я – не буду...

И уже в дверях быстро вскинула на Григория ещё блестящие от слёз глаза:

– А меня зовут Олей... Ольга Слуцкая! Ведь мы – соседи: наши «Захарнички» в 20-ти вёрстах... Я и отца вашего помню, а вот вы – не бывали! – почти весело кончила она и улыбнулась.

Жизнь и мечты

Приехав в этот медвежий угол из Петербурга, Григорий никак не ожидал, что с ним может случиться что-нибудь подобное.

Неожиданное появление в его доме прекрасной девушки разрушило все его планы на уединённую жизнь и занятие хозяйством.

Не то, чтобы он досадовал на это вторжение, нет! Он просто не знал, что ему делать, как поступать, тем более что поведение Ольги было довольно странно...

Она явно старалась избегать Григория. Какая-то глубокая и покорная грусть не покидала её лица...

Встречаясь с Ольгой за обедом, или вечером в гостиной, где иногда сидели они вместе: она за вышиванием, он – за книгой, Григорий старался не начинать разговора о неопределённом её положении в «Барсучине».

Большей частью они молчали, или обменивались пустяковыми замечаниями, словно сговорившись не касаться главного. Однако уже через две недели Хрущёв почувствовал, что его душевный мир нарушен.

Всё чаще и чаще он ловил себя на мысли об Ольге, и ещё неожиданнее для него было то, что мысли эти далеко не всегда носили характер жалости, а напротив, окрашивались какой-то тоской и нежностью.

Видеть эту молчаливую девушку, слышать её простые слова становилось необходимо для Григория, и если случайно они не встречались два-три часа, он неожиданно для себя оказывался у дверей её комнаты, или вдруг вспоминал, что надо спросить её о том, как она спала ночь и какой сегодня день...

Даже работая, Хрущёв вдруг отодвигал хозяйственные записи и перед ним вставало бледное лицо Ольги, ее каштановые кудри, тонкие, детские ножки и хрупкие плечи...

В такие минуты глаза Григория останавливались на одной точке, и нежная улыбка блуждала на губах...

Но Ольга не выказывала никаких чувств при встречах с Григорием. Очень скоро она вошла в курс хозяйства и уже ни к Хрущёву, а к ней обращалась старая экономка, кухарка и вообще все обитатели «Барсучины» с вопросами по хозяйству.

Только сумасшедшая «тётя Людвика», почти никогда не выходившая из своей комнаты, проявляла по отношению к Ольге странную враждебность и шарахалась от неё, как от призрака:

– «Смерть! Смерть пришла!», – срывались жуткие слова с губ сумасшедшей. Ещё грустнее становились грустные глаза девушки и, виновато съёжившись, она старалась проскользнуть мимо...

Налёт

В таком неопределённом положении прошёл март, апрель и уже кончался май, уже пробудилась природа, стаял снег, и Григорий, стоя подолгу у окна и глядя на оживающий лес, не мог не замечать странного трепета в своём сердце и не имел сил не думать об Ольге...

Вдруг тёплый ветер донёс звон колокольчика... Ещё пять минут, и к дому подкатила линейка...

– Монаха проведать приехали! – закричала старшая из четырёх сестёр Козицких, ещё с рождества надоевшая Григорию довольно смелыми атаками.

– Вот принесла нелёгкая! – с неудовольствием подумал Хрущёв, вспоминая сестёр и свой флирт на Рождестве со старшей из них – 32-х летней вдовой Марией Казимировной.

Однако было поздно; вслед за сёстрами, нелепо хихикая, взвалились трое молодых людей из «Козулина» – имения соседнего с «Погирщиной» Козицких.

– Ну, чего ж Вы уставились на меня, как на призрака? – преувеличенно весело тараторила довольно полная вдовушка, отыскивая в то же время своими острыми глазками Ольгу, из-за которой вся компания и решила нагреть к Хрущёву. – Покажите-ка нам вашего прекрасного найдёныша? А, скверный! Знаю я вас!

– Держите хорошеньких барышень и скрываетесь от друзей, – вставила вторая сестра. Кавалеры глупо хихикнули...

В это время вошла Ольга. Она вовсе не имела смущённого вида, только казалась грустнее обычного:

– А мы и не знали, что вы уединились с Григорием Владимировичем! – вскричала Козицкая, целуясь с Ольгой, – даже подругам не сказали! Совсем, как в романе: бегство из дома! Всех нас перебуффражили¹...

Ревнивая злоба душила её, и под внешним весельем слишком ясно проглядывала горечь. Ольга спокойно пожала плечами:

– Бежала? Но, напротив, отец выгнал меня, а с Григорием Владимировичем мы – старые друзья... вот я и пришла к нему... Проходите, господа, обед подан!

Григорий не мог не восхищаться выдержкой и спокойствием Ольги: она с поразительным хладнокровием слушала колкие намёки сестёр и парировала их вежливым спокойствием.

¹ Здесь (искаж. фр., просторечн.): взбудоражили.

Затянувшийся, как тяжёлый кошмар, обед был мучительным для всех: Григорий невпопад отвечал старшей Козицкой, которая заметила его взгляды в сторону Ольги, еле сдерживаясь от душивших её слёз, и становилась всё злее!

«Что он нашёл в ней? – с презрением думала Мария. – Прямо пигалица какая-то... Отец из дома выгнал... Связалась с приказчиком, а теперь его обходит!»

Со свойственной ревнующим односторонностью она винила во всём одну Ольгу, считая Григория лицом страдающим... Остальные – тоже не были веселы: сёстры видели, что Мария еле сдерживается, а молодые люди сидели, как на углях: затея, казавшаяся прежде забавной, становилась мучительно стыдной... Царило молчание...

Любовь на миг

– Пойдёмте в сад, – шептала Григорию Мария, забывая об окружающих. – Мне так больно...

Как бы ища сочувствия, Григорий взглянул на Ольгу, вежливо разговаривающую с одним из молодых людей, и глаза его потемнели от сладкой дрожи, пробежавшей по телу.

«И нельзя... нельзя сказать ей... выйдет, будто оплаты квартиры требую! – с безнадежной тоской думал он, следя за тонкой рукой Ольги, – что я! Она и не смотрит на меня: просто так, надо было где-то жить... А потом уедет... Говорила же: найдёт службу в городе, писала туда... Получит ответ и уедет!».

– Хорошо, идём! – грубо сказал он вдруг и быстро вышел.

В маленькой беседке у озера они остановились.

– Григорий, вы любите её? – дрогнувшим голосом сказала Козицкая.

Григорий молчал, глядя на воду.

– Она – не стоит вас...

Чувство, похожее на материнскую нежность, наполняло душу Марии при взгляде на этого молодого человека, с угрюмой тоской следившего за каким-то жучком у воды...

– До чего она довела вас, бедный мой мальчик!

Почти задыхаясь от нежности, Мария гладила его волосы... Лицо её было так близко и в этом лице было столько любви и безграничной преданности, что Григорий не выдержал.

Шквал неудовлетворённой страсти вспыхнул с новой силой... Пронеслось лицо Ольги, её плечи...

Григорий резко обнял Марию и, запрокинув ее голову, до боли впился в её губы поцелуем...

– Милый... мой!

Пьяный шёпот затуманил действительность... Весь мир пропал для них...

Заря счастья

В окна старого, дедовского кабинета чуть сочился мутный рассвет. Точно неожиданно сгущаясь из мглы, выступали предметы: тяжёлые кресла, большой стол, диван...

Григорий сидел за столом... Он не замечал рассвета, как не заметил и погасшей свечи... Он в сотый раз перебирал болезненные воспоминания: обед, беседка и побледневшее лицо Марии, ставшее вдруг некрасивым до отвращения, и свой ужас перед случившимся, и шёпот, казавшийся гадким и преступным:

«Завтра приедешь к нам? Теперь ты – мой, ведь правда?»

«Теперь – её! – в сотый раз тёр Григорий глаза, прогоняя это, ставшее почти ненавистным, лицо...

И снова наплывало чувство ужаса: «А Ольга»? Теперь она будет презирать его... И есть за что! Как он виноват перед ней! Чего он хотел? Чего требовал? Разве ему мало того, что она доверилась ему? Надо было, чтобы она бросилась к нему в объятия, как Козицкая? О, подлость, подлость!!!

Когда утром Григорий вышел к чаю, лицо его было бледно и синие круги легли под глазами.

– Что с вами? Вы больны? – участливо спросила Ольга, с беспокойством глядя на него.

– Спасибо, здоров...

Её участие было особенно мучительно. Как провинившийся мальчик, Григорий не поднимал глаз.

– А я получила ответ от подруги... Ехать можно, да только – не хочется! Так хорошо у вас! – грустно сказала Ольга.

Григорий вздрогнул и вскинул глаза на неё. Нет! Это было совсем невозможно! Она уедет? А он?.. Сказать, всё сказать... Может быть – простит, а если нет...

– Оля... – тихо начал он.

– Барин, за вами из «Погирщины» приехали... – вдруг прервал его вошедший старый лакей. – Барыня, говорят, просит вас...

Григорий вскочил, как ужаленный. Злоба, презрение, стыд – всё, сдерживаемое волей, прорвалось...

– Гнать! – бешено крикнул он, – Вон! Чтобы духу не было! В шею! Вместе с барыней их...

Лакей испуганно выскочил.

– Что с вами? – бросилась Ольга к Григорию. – Зачем?!

– Она уже собственностью считает? О, гадость!

Он, задыхаясь, упал на диван...

– Ну, успокойтесь, – взволнованно говорила Ольга, подсаживаясь к нему, – о чём вы? Что случилось, дорогой?

Каждое её слово пронзало Григория болью, жалостью к себе, к ней, чувством виновности...

Нежности он не вынес и разрыдался, упав на колени:

– Я – собака! Я хуже собаки, я – подлец... – бессознательно шептал он, – я люблю вас... любил! Боже, как я любил вас...

Он схватил её руку, гладившую его волосы, и покрыл её поцелуями...

– Я так страдал... Оля! Оля!

– Глупенький, милый... А я? Я – тоже...

Она прижалась щекой к его щеке:

– Славный мой...

Поток счастья залил душу Григория и сразу отхлынул:

– Нет... я... я... ты не можешь простить... я с ней..., – шептал он, – я с ума сходил... и вот... она...

– Что мне до неё! – вдруг засмеялась Ольга счастливым смехом, – что мне «она», раз ты меня любишь... Гришка! Любишь, да?..

Разве отвечают словами на этот вопрос и разве есть на свете вина, не искупаемая любовью?

Свидетелями были приказчик и одинокий охотник, живущий около «Барсучины». Старенький деревенский священник не затягивал обряда. Свадьба была скромной, и только крестьянки осыпали молодых хмелем в дверях старой церкви...

А потом... потом потекли счастливые дни, дни, когда забываешь о всём мире, даже о том, что где-то близко зреет ревнивая месть...

Потерянный крестик

К Рождеству зима разукрасила лес в снежные блёстки...

На праздники в «Барсучину» приехал дядя Григория Антон Григорьевич и семейство старых друзей Хрущёвых – Бронских, состоящее из пожилых супругов, двух сыновей – гимназистов старших классов – и 16-летней дочери.

Старый дом ожил, и Ольга со смущённой улыбкой исполняла роль хозяйки, стараясь развеселить гостей.

Первый день Рождества прошёл весело: катались на сани, на коньках по гладко замёрзшему озеру, поздравляли молодых хозяев и под вечер – зажгли ёлку в гостиной и начался тихий, семейный разговор.

– Молодец, Григорий! – шутил дядя, – седеющий человек с живыми чёрными глазами. – Никому ничего не сказывал, а под шумок обвенчался и готово, будьте любезны... Да ещё какую красавицу взял!

Ольга смущённо потупилась...

Вдруг дверь открылась и безумное лицо старухи – «тёти Людвики» – показалось в гостиной...

– Крестик, крестик. Господи, – шептала старуха, оглядывая комнату.

– Тётя, что вы ищете? – осторожно спросил Григорий, зная по опыту, что лучше не прекословить безумной...

– Крестик унесли! – злобно выкрикнула старуха, – теперь умру! Это – смерть, смерть пришла...

Все молчали, подавленные тяжёлой сценой...

– Мы найдём его, тётя... Вы лучше посмотрите на ёлку – сегодня Рождество, – попыталась Ольга отвлечь сумасшедшую от её тяжёлых мыслей.

Но та мутными глазами глянула на ёлку и вдруг бросилась к Ольге:

– Это Ты! Ты! Смерть принесла, свечи зажгла... – и вдруг сразу размякнув, жалко заплакала, – крестика нет... нет... – унесли... Крест смерть взяла – нас возьмёт...

В это время в передней раздались голоса, смех, и целая толпа фантастически одетых людей ворвалась в гостиную:

– Ряженые! – виновато пояснил старый лакей, впуская их.

Таинственная Пьеретта

Тут были и медведи, и цыганки, и турки, и просто неизвестно что, но что-то очень странное с огромными пеньковыми бородами и угольными усами.

Но больше других выделялась каким-то образом попавшая на этот примитивный маскарад Пьеретта: её чёрный костюм с белыми помпонами производил странное впечатление среди этих людей с размалёванными лицами и в вывернутых шубах, а то, что одна она была в простой чёрной полумаске с кружевом, ещё усиливало странный диссонанс...

Сумасшедшая старуха сразу же бросилась к ней:

– Вот она – смерть! Маску надела... За мной пришла...

Пьеретта странно рассмеялась.

– Нет, за другим...

Старуха отпрянула в ужасе. Но тут Антон Григорьевич подхватил её и поспешно увёл.

– Странная шутка! – довольно громко сказал кто-то. – Расстраивать больную!..

Однако скоро неприятное чувство сгладилось... Поднялся смех, крик...

Ольга села за рояль, и под звуки весёлого вальса закружились пары фантастически одетых людей.

Григорий стоял за стулом Ольги, когда почувствовал прикосновение чьей-то руки:

– Пойдём танцевать!

За ним стояла чёрная Пьеретта и глаза её в узкие прорезы полумаски сверкали странным огнём. Григорий повинился.

– За шесть месяцев страдания – час ужаса, как ты думаешь – не будет много? – строго спросила Пьеретта.

– Что за шутки у тебя! – рассмеялся Григорий, стараясь не встречаться с горящими глазами своей партнёрши.

– Ты тоже любил странно шутить...

Они кончили вальс, и Григорий поспешил отойти к группе молодёжи.

– Что это она говорила о смерти? Страшно как?! – услышал он удивлённый голос молодой Бронской.

– А, просто сумасшедшая... разве не знаешь, – ответил ей брат...

– Знаю, но страшно...

– Господа, идёте ужинать! – прервала вошедшая Ольга. – Ряженные! Кого ещё не узнали – разоблачайтесь. Нет, нет! Не будете же вы сидеть за столом в этом?! – весело стягивала она шубу с примитивного «медведя»...

Началась возня, крики, смех. Особенных неожиданностей, впрочем, не было: страшные медведи и зверские цыгане оказались молодыми людьми из соседних усадеб.

– Вера, Надя, Люба... – перечисляла Ольга, откапывая из-под ворохов лент и цыганских монист младших сестёр Козицких.

«Вот она кто! – сразу понял Григорий загадочную Пьеретту, – Мария! Но о каком ужасе она говорила и вообще – понадобилось же...»

– Старая барыня капризничают, – прервала размышления Григория экономка, – всё крестик ищут, спать уложить нельзя...

Григорий должен был пойти к старой тётке. За столом уже жужжали гости, сыпались шутки, звенел смех: не было только чёрной Пьеретты...

Радость мести

Она стояла в гостиной у потушенной ёлки... Странная, мстительная улыбка блуждала на губах Марии... Подсвечник со свечей вздрагивал в её руке...

«Он не помнит! Он не вспомнил её! Но она ему напомнит: всё, всё! И её огромную любовь, так жестоко осмеянную, и эти шесть месяцев страданий!

О, ревность! Ревность отцветающей женщины, которая знает, что у неё отнимают последнее! Разве это лучше огня?...»

Желтые змейки побежали по скатерти под ёлкой, по веткам... Вот они перекинулись на портьеру, на дверь...

Смелей, смелей, огненные мстители за поруганную любовь!

В пламени

– Пожар! Пожар!

Григорий побежал к столовой... едкий дым плыл всюду...

– Оля! Оля!

Всюду метались поражённые ужасом люди, звенели разбитые стёкла, слышались крики.

– Оля! Оля!

Григорий мечется по дому, ищет всюду... Её нет! Неужели, неужели уже... Боже!

Ноги его наткнулись на что-то... В красном отблеске он увидел дорогие черты... «Она! Милая! Скорей!».

Холодный воздух сразу же привёл в чувство Ольгу... С ужасом смотрела она на пылающий как факел, дом...

Лес озарялся багровым отблеском, и снег казался сгустками крови... Растерянные люди беспомощно топтались.

– Тётя Людвика! – вскрикнул вдруг Григорий и, оставив Ольгу, бросился в бушующее пламя...

– Гриша!!!

Но он уже бежал по горящим комнатам, он уже распахнул дверь спальни старухи:

– Смерть! Смерть!

В длинном погребальном саване она стояла, бессмысленно улыбаясь...

– Скорей, идём!..

Но безумная ловко вывернулась из рук Григория:

– Смерть пришла! Без маски!

Крик был почти – радостным. Сумасшедшая вскинула руками и бросилась в самое пламя...

Ничего не сознавая, Григорий инстинктивно бросился к выходу... Но в горячей столовой он споткнулся о груды тлеющих лохмотьев... В глаза бросились белые помпоны, жабо.

– И она!

Григорий хотел поднять огненную Пьеретту, но сильные руки схватили его и потащили к окну: это старый лакей спас молодого барина.

Сухой деревянный дом горел недолго... К утру багровый отблеск на снегу погас: на месте «Барсучины» была груды тлеющих обломков и обожжённые деревья сада протягивали к небу чёрные руки своих ветвей, словно моля о пощаде...

Эпилог

Любовь – эгоистична, и два обгорелых трупа, – безумной старухи и ослеплённой ревностью женщины, – найденные под обломками, не помешали счастью Хрущёвых.

В уютной квартирке в Петербурге они вспоминали ужасы огненного Рождества, как кошмарный сон...

А еще через год крестик, потерянный «тётей Людвикой» в роковой день, был надет на нежную шейку новорождённого Григорьевича: крест нашли при разборке обломков дома – верно, он просто был позабыт где-нибудь в комнатах безумной старухой в страшный день Рождества.

Впервые опубликовано и печатано: Восток. 1931. 7 января. № 6. С. 2–3.

Этнография Маньчжурии в художественных и публицистических текстах дальневосточных писателей

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ В МАНЬЧЖУРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ)

Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал

В начале XX века Харбин стал важнейшим центром русской ориенталистики. Для обслуживания КВЖД требовалось множество специалистов – инженеры, переводчики, учителя и др. Все эти люди были блестяще образованы, имели высокий культурный запрос и тягу к самообразованию. Китай с его богатой историей и экзотической культурой вызвал у особо пытливых служащих КВЖД живой интерес и вскоре сформировалась уже целая блестящая школа исследователей-энтузиастов, которые объединялись в научные общества, выпускали журналы, вели активную полевою и музейную деятельность, изучали новый загадочный край, его историю, культуру, географию и экономику. Периодические издания, издававшиеся в русском Китае, представляют большую ценность как источник этнографических сведений о Маньчжурии начала XX века, а также о формировании и развитии этнографического направления исследований в дальневосточном зарубежье [Эфендиева, Родионова, 2015, 300].

Среди известных и значимых организаций, объединявших исследователей-востоковедов в Маньчжурии, следует назвать Харбинское отделение Императорского общества востоковедения в Санкт-Петербурге, Общество русских ориенталистов, Общество изучения Маньчжурского края.

Общество русских ориенталистов (ОРО) было создано в июне 1908 г. [Хисамутдинов, 2018а, 8]. На заседаниях Общества регулярно читались научные доклады, которые затем публиковались для широкой аудитории в журнале «Вестник Азии», ставшим основным рупором ОРО. Через свой журнал члены Общества старались популяризировать знания о Востоке среди населения. Первый номер журнала вышел в 1909 г, последний – в 1928. Авторами многих публикаций о Китае на страницах «Вестника Азии» были Н.П. Автономов, Н.А. Байков, А.М. Баранов, П.В. Шкуркин. Почётным членом ОРО являлся В.К. Арсеньев [Хисамутдинов, 2015, 101–108].

Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК) открылось в сентябре 1922 г. и стало важнейшим научно-краеведческим центром. Среди основателей ОИМК были такие русские учёные, как Э.Э. Анерт, П.Н. Меньшиков, А.В. Спицын, Б.В. Скворцов, П.В. Шкуркин и др. ОИМК строилось по образцу Общества изучения Амурского края (даже само название «Общество изучения Маньчжурского края» очевидно отсылает к «старшему брату» – ОИАК). В 1927 г. Общество русских ориенталистов и Общество изучения Маньчжурского края объединились [Хисамутдинов, 2015, 110].

Работы по исследованию Маньчжурии велись также и через Экономическое бюро и земельный отдел КВЖД, Тарифно-показательный музей и метеорологические станции – руководство новой железной дороги было заинтересовано в изучении условий её работы [Хисамутдинов, 2015, 111–115].

Еженедельным печатным органом Экономического бюро КВЖД стал журнал «Экономический вестник Маньчжурии» (1923 г.), который затем был переименован в «Вестник Маньчжурии» (1925 г.). Материалы, публикуемые в «Вестнике», прежде всего касались торгово-промышленного и сельского хозяйства,

однако на страницах журнала нередко появлялись и публикации, посвящённые быту Китая и краеведению, археологии, истории, природе и географии. Позже в «Вестнике Маньчжурии» появился раздел «Научная хроника стран Дальнего Востока» [Хисамутдинов, 2015, 111–115]. Авторами статей в «Вестнике Азии» были известные экономисты и востоковеды: В.А. Кормазов, Л.И. Любимов, Э.Э. Анерт, В.Н. Жернаков, Н.П. Автономов, И.Г. Баранов, И.И. Серебрянников, Г.Г. Авенариус, Н.А. Байков и др. [Хисамутдинов, 2015, 114–115].

Необходимо отметить и то, что изыскания многих исследователей представляют интерес не только как источник научных сведений, но и как художественный текст. Многие исследователи-ориенталисты в Маньчжурии первой половины XX века обладали литературным талантом, писали и публиковали интересные, полные живого этнографического материала очерки, переводы легенд и сказок, а также замечательные рассказы о жителях Маньчжурии и Китая. Художественное осмысление писателем фактографического этнографического материала и собственного опыта общения с инокультурой определяется исследователями как *художественная этнография* [Забияко, 2014; 270–290; Забияко, 2016, 49–50].

«Русские писатели во многих своих произведениях предвосхитили умпостроения разных научных направлений – собирая и художественно осмысляя этнографический материал о китайцах, маньчжурах, японцах, корейцах и коренных народах Дальнего Востока (Н. Байков, П. Шкуркин, В. Март, М. Щербаков, Б. Юльский)», – пишет А.А. Забияко [Забияко, 2016, 9–10]. Так, например, Н.А. Байков, прибывший в Маньчжурию в 1902 году, чтобы вступить в ряды офицеров Заамурского полка, стал одним из первых, кто сделал попытку научно-популярного и художественного анализа ментальности дальневосточного фронта¹, его мифологии [Забияко, 2016, 22–23]. Изыскания Н. Байкова начались в русле научной этнографии, однако, как отмечает А.А. Забияко, в его творчестве «с самого начала научное мышление учёного-этнографа вступило в поединок с художественным восприятием окружающей дальневосточной природы и обычаев населяющих её народов» [Забияко, 2015, 256]. В силу этого даже натуралистические очерки Байкова носят след художественной рефлексии². Многие из этих очерков были опубликованы в журналах «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии».

Не менее выдающимся писателем-этнографом был Павел Васильевич Шкуркин, автор циклов очерков «Горад Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии» (1904) и «По Востоку» (1906), а также многочисленных публикаций в «Вестнике Азии», среди которых переводы китайских и корейских легенд, дополненных авторскими примечаниями. Главным объектом художественной рефлексии Шкуркина становятся хунхузы – разбойники, наводившие ужас на Северный Китай и прилегающие территории на рубеже XIX–XX вв. Именно им посвящены книги писателя, опубликованные в середине XX г. – «Хунхузы: Этнографические рассказы» (1924) и «Игроки» (1926). В произведениях Шкуркина маргиналы-бандиты обретают человеческие черты, становятся представителями «этнически определённого характера» [Забияко, 2016, 51].

¹ *Фронтир* (от англ. *frontier*) – граница; теория фронта была разработана в начале XX в. Ф.Дж. Тёрнером. Фронтир – термин, синонимичный русскому понятию «порубежье». Подробнее об этом: [Забияко, 2007, 5–10].

² Например: «Звероводство в Маньчжурии» (1903), «В Маньчжурии» (1904), «Фауна и флора» (1905), «Охота у горы Маоэршань» (1907), «По тигровым следам» (1907), «Змеи и их приручение» (1911) и др. [Забияко, 2016, 24].

В журналах «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии» многие публикации представляют собой сплав научного и художественного текстов: это беллетризованные очерки, дневниковые записи, переводы и пересказы сказок, легенд, рассказов, пьес для театра и др. (прежде всего это относится к «Вестнику Азии»). Многие из этих работ принадлежат известным исследователям, среди которых, помимо упомянутых Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина, можно назвать И.Г. Баранова, Ф.Ф. Даниленко, В.А. Кормазова, И.А. Добровольского и др.

В данной публикации представлена избранная тематическая библиография, охватывающая этнографические исследования русских ориенталистов. Библиография делится на две части: в первой части представлены материалы, относящиеся к научной этнографии, во второй части – те публикации, которые несут в себе черты художественной этнографии. Полнотекстовые публикации хранятся в Центре изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ (избранная библиография)

1. **А.Б.** Любовь у китайцев (Посвящается памяти И.А. Добровольского) // Вестник Азии. – 1922. – № 48. – С. 57–58.

2. **Автономов Н.**¹ В мире слухов (Хунхузы на разъезде Эхо Кит. Вост. Жел. Дор. В 1919 г.) // Вестник Азии. – 1923. – № 51. – С. 305–324

3. **Баранов И.**² Китайская быль (пер. с кит. Яз.) // Вестник Азии. – 1915. – № 34. – Кн. 2. – С. 28–71.

Примечание. Публикация включает в себя следующие разделы: Предисловие переводчика (Баранов И.); «Вызов пляской духа»; «Семь преступников»; «Второе рождение»; «Смерть на экзамене»; «Корова умоляет о спасении жизни»; «Ночной попутчик»; «Проделка лисицы»; «Лисица пишет счёт»; «Проснувшийся дракон»; «Явление дракона»; «Сверчок»; «Скупой монах»; «Птичья речь»; «Деревянная собака может лаять»; «Глиняная посуда», «Необыкновенное зеркало»; «Солдат Юн»; «Охота на тигра»; «Медицинское средство»; «Придворный врач»; «Почтительный сын»; «Почтительная дочь»;

¹ *Автономов Николай Павлович* (1885–1976) жил в Маньчжурии с сентября 1912 г. В разное время преподавал в Харбинском коммерческом училище КВЖД, Высшем китайском классе русской литературы и юридических наук в Харбине, 1–м Общественном коммерческом училище, на Юридическом факультете в Харбине и т.д. Секретарь Маньчжурского педагогического общества (МПО), соредактор журнала «Просветительское дело в Азиатской России» (1912–1923). Член ОРО, принимал участие в редактировании его трудов (с 1913 г.). Секретарь секции ОИМК по изучению культурного наследия края. Опубликовал множество статей в журналах «Вестник Маньчжурского педагогического общества», «Вестник Азии» (член редколлегии в 1922–1926) и др. Автор около 300 научных работ, в основном посвящённых преподаванию русского языка иностранцам и вопросам просвещения в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. Член Русской академической группы в США [Хисамутдинов, 2015, 365–366].

² *Баранов Ипполит Гаврилович* (1886–1972) – вице-председатель ОРО и соредактор журнала «Вестник Азии» (с 1921 г., № 48–52). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке по первому разряду (1911 г.). Переводчик китайского языка на КВЖД и преподаватель в харбинских учебных заведениях. Приват-доцент Юридического факультета в Харбине (с 1924 г.). Преподаватель китайского языка и экономической географии Маньчжурии в Северо-Маньчжурском университете (Харбин, 1938–1945 гг.), занимался переводческой деятельностью. Заведующий Русским отделом в Харбинском железнодорожном институте (1939–1945 гг.). Заведующий кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте (1946–1955 гг.). Автор более 150 работ [Хисамутдинов, 2018, 26].

«Три жениха и одна невеста»; «Удивительное дело из-за трупа»; «Присуждение полотна»; «Сгоревшая свинья служит доказательством»; «Кража сапог»; «Кража картины»; «Колодки для набеливания»; «Коралл». Примечания переводчика (Баранов И.).

4. **Богословский Л.**¹ К вопросу о характеристике японцев (Херн Л.). Фудзи-яма // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 5–21. Перевод с англ. яз. Богословский Л.

5. **Вонсович И.**² Три сокровища Японии. Священная легенда // Вестник Азии. – 1916. – № 37. – С. 39–43.

6. **Даниленко Ф.Ф.**³ Чжань Чэнь (Перевод из китайского сборника Ляо-чжай-чжи-и) // Вестник Азии. – 1922. – № 48. – С. 63–68.

7. **Даниленко Ф.Ф.** Тигр в городе Чжао-Чэнь (Перевод из китайского сборника Ляо-чжай-чжи-и) // Вестник Азии. – 1922. – № 48. – С. 68–69.

8. **Добровольский И.**⁴ Возвзвания секты «Цзай-ли» // Вестник Азии. – 1922. – № 48. – С. 44–53. Перевод с китайского языка – И. Добровольский.

9. **Добровольский И.** Из жизни одной китайской фамилии // Вестник Азии. – 1922. – № 48. – С. 42–43.

10. **Кормазов В.А.**⁵ Кочевая Барга. Легенды // Вестник Маньчжурии. – 1928. – № 9. – С. 35–42.

11. **Куй Дань-тин.** «Кун-чен-цзи» (Оборона пустого города) // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 36–38. Перевод с кит. языка – Куй Дань-тин.

¹ *Богословский (Богославский) Леонид Алексеевич* (1877–?) – член ОРО, публиковал статьи в «Вестнике Азии». Занимался вопросами восточной этики и буддизма. В 1898г. окончил японо-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1907). Награждён серебряной медалью. Работал переводчиком в Российском генеральном консульстве в Корее (1911–1917?) и Токио (1912). [Хисамутдинов, 2015, 368–369].

² *Вонсович Иосиф Иосифович* (1867–?) до революции работал в главном правлении КВЖД в Петрограде, заведывая торгово-справочным бюро. Принимал участие в издании ежемесячного журнала «Вестник Русско-японского общества». Владел японским языком. В 1907 г. стал секретарём Биржевого комитета в Харбине. Потом вернулся в Петербург, но Гражданская война заставила вновь уехать в Харбин, где он оказался в сентябре 1921 г. Часто публиковал статьи в газетах, писал стихи и выпустил в Китае два поэтических сборника [Хисамутдинов, 2018].

³ *Даниленко Фёдор Фёдорович* (1875–1946). Участник Русско-японской войны. Столоначальник Приморского областного управления. Во Владивостоке сдал экстерном экзамены за курс гимназии (1907). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института по 1-му разряду (Владивосток, 1911). Жил в Харбине с 1918 г. Преподаватель английского языка в Коммерческом училище КВЖД (Харбин, 1919–1928). Один из основателей и преподавателей Института ориентальных и коммерческих наук (Харбин, 1925–1940). Защитил диссертацию на тему «Происхождение китайской культуры», доцент (1940). Публиковал статьи в «Вестнике Азии». Сотрудник 2-го отдела Японской военной миссии [Хисамутдинов, 2015, 377].

⁴ *Добровольский Илья Амвлихович* (1877–1920) – первый редактор журнала «Вестник Азии», один из основателей ОРО. Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке. Во время Русско-японской войны работал переводчиком в штабе 3-го корпуса. Получив диплом, поселился в Харбине. Совместно с А.В. Спициным занялся организацией изданий русских газет на китайском языке. Преподавал китайский язык в учебных заведениях Харбина. Автор многих статей по Китаю. Последний редактор (с 13 апреля 1917) старейшей харбинской газеты «Харбинский вестник» [Хисамутдинов, 2015, 378–379].

⁵ *Кормазов Владимир Алексеевич* (псевд. – В.К. Алексеев) (1886–1960) – деятель ОИМК, занимался археологическими раскопками. Сотрудник Главного Переселенческого управления в С.-Петербурге (1908–1914). Окончил экономическое отделение СПб. Университета и школу прапорщиков инженерных войск (1917). Участник 1-й мировой и гражданской войн, подпоручик. Жил в Харбине с ноября 1922 г. Сотрудник экономического бюро КВЖД (1924–1935). Автор многих статей в журнале «Вестник Маньчжурии» (1924–1935) [Жернаков, 1975].

Примечание. Китайская пьеса, разыгранная на сцене в качестве иллюстрации к публичной лекции П.М. Гладкого «Китайский театр», прочитанной в О.Р.О. 28 апр. 1914 г.

12. **Куй Дань-тин.** У-Лунь-Юань (Двор Чёрного Дракона) // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 39–46. Перевод с китайского языка – Куй Дань-тин.

13. **Мацокин Н.**¹ Пекинские нищие / Ж. Кордые // Вестник Азии. – 1914. – № 28–29. – С. 5–26. Перевод с французского языка – **Н. Мацокин.**

14. **Стромилов В.**² Легенда о происхождении курения опиума // Вестник Азии. – 1909. – № 2. – С. 170–171.

15. Легенда о горе Лао-бай-шань // Вестник Азии. – 1910. – № 8. – С. 127–130. Записал **В. Стромилов.**

16. **Шкуркин П.В.**³ По Востоку // Вестник Азии. – 1911. – № 9. – С. 140–185. Предисловие. Глава I «Карацу». Глава II «Вэй-хай-вэй».

17. **Шкуркин П.В.** По Востоку (Продолжение) // Вестник Азии. – 1911. – № 10. – С. 153–219. Глава III «Чжи-фу». Глава IV «Шанхай». Глава V «Сика-вэй».

18. **Шкуркин П.В.** По Востоку. (Продолжение) // Вестник Азии. – 1912. – № 11–12. – С. 181–264. Глава VI «Водяной поезд»; Глава VII «Хань-чжоу».

19. **Шкуркин П.В.** По Востоку. Часть II // Вестник Азии. – 1916. – № 37. – С. 50–106. Глава VIII «От Хань-чжоу до Шан-хайя»; Глава IX «Су-чжоу»; Глава X «По Ян-цзы-цзяньу. Чжэнь-цзян».

20. **Шкуркин П.В.** По Востоку // Вестник Азии. – 1916. – № 38–39. – С. 82–134. Глава XI «Ань-цин фу»; Глава XII «В обратный путь»; Глава XIII «Корея и Япония». Заключение.

21. **Шкуркин П.В.** Клад (сказка) // Вестник Азии. – 1914. – № 25–27. – С. 101–103.

22. **Шкуркин П.В.** Фальшивые деньги // Вестник Азии. – 1914. – № 30. – С. 28–30. Перевод с китайского (Из V-го тома собрания Wiegner'a).

23. **Шкуркин П.В.** Груша // Вестник Азии. – 1914. – № 31–32. – С. 36–41. Перевод с китайского (Из сборника Wiegner'a).

24. **Шкуркин П.В.** Искусный хирург // Вестник Азии. – 1915 – № 33. – С. 71–88. Перевод с китайского (Из сборника Вигера) Примечания автора.

25. **Шкуркин П.В.** Лисицы (сказка) // Вестник Азии. – 1915. – № 35–36. – С. 67–84. Перевод с китайского Примечания автора.

26. **Шкуркин П.В.** К коронационным торжествам в Японии // Вестник Азии. – 1916. – № 37. – С. 34–38.

¹ **Мацокин Николай Петрович** (1886–1937) – востоковед, член ОИАК и ОРО. Окончил японо-китайское отделение Восточного института по 1-му разряду (1911). Служащий КВЖД (с 1911). Автор статей в «Вестнике Азии». Автор статей в журнале «Вестник Азии», сборнике «Дальний Восток» (1918). Сотрудник генерального консульства СССР в Харбине [Хисамутдинов, 2015, 388].

² **Стромилов В.** – член Общества русских ориенталистов (ОРО). Автор статей в «Вестнике Азии» [Хисамутдинов, 2015, 402].

³ **Шкуркин Павел Васильевич** (1868–1943) – российский синолог, востоковед, этнограф. После окончания Александровского военного училища (1888 г.) служил на Дальнем Востоке. Окончил Восточный институт с первым разрядом (1903 г.), владел китайским языком. Участник Русско-японской войны, штабс-капитан, командир разведки Ренненкампа, неоднократно отличался в боях, имел награды с надписью «За храбрость», в том числе китайский орден Двойного Дракона второй степени. Служил переводчиком на КВЖД и преподавал в учебных заведениях Харбина. Эмигрировал в США (1927 г.). Член-учредитель Русского исторического общества в США. Участвовал в общественной жизни Сиэтла. Автор многих книг и статей по китаеведению [Забияко, 2016, 45–57; Хисамутдинов, 2018, 194].

27. **Шкуркин П.В.** Правосудие (сказка) // Вестник Азии. – 1916. – № 38–39. – С. 135–148. Перевод с китайского яз. Примечание автора.
28. **Шкуркин П.В.** Портрет (рассказ) // Вестник Азии. – 1917. – № 41. – С. 1–21. Перевод с китайского языка. Примечание автора.
29. **Шкуркин П.В.** Дочь уездного начальника (рассказ) // Вестник Азии. – 1917. – № 41. – С. 22–47. Перевод с китайского языка. Примечание автора.
30. **Шкуркин П.В.** Одеяло (сказка) // Вестник Азии. – 1917. – № 41. – С. 48–53. Перевод с китайского языка. Примечание автора.
31. **Шкуркин П.В.** «Тонкая ива». Китайская повесть // Вестник Азии. – 1922. – № 49. – С. 197–234.
32. **Шкуркин П.В.** Легенды в китайской истории. – 1922. – Харбин. С. 3–157.
- Примечание.** Книга включает в себя следующие разделы: «Предисловие», «Чёртова долина», «Чжан Дао-линь», «Три друга», «Пояс Ориона», «Покровители», «Непогребённый император», «Мечь».
33. **Шкуркин П.В.** Богиня Луны и лунный заяц // Вестник Азии. – 1924. – № 52. – С. 352–361.
34. **Шкуркин П.В.** Путешествие восьми бессмертных за море // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 9–12. – С. 7–19. VIII Лун-Ван топит бессмертных. IX Восемь духов двигают горы. X Лун-Ван жалуется небу. XI Борьба восьми духов с небесными силами. XII Второе сражение с небесными войсками. XIII Примирение.

Библиографический список

- Автономов, Н.П. И.Г. Баранов: некролог / Н.П. Автономов // Русская жизнь. – 1972. – 3 марта.
- Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею, 1932–1942. – Харбин, 1942. – 422 с.
- Жернаков, В.Н. Памяти Владимира Алексеевича Кормазова: Некролог / В.Н. Жернаков // Русская жизнь. – 1975. – 12 июня.
- Жернаков, В.Н. Памяти И.Г. Баранова / В.Н. Жернаков // Политехник. – 1973. – № 5. – С. 26–28.
- Забияко, А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов / А.А. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск, 2015. – 462 с.
- Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А.А. Забияко. – Новосибирск, 2016. – 437 с.
- Забияко, А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст / А.А. Забияко // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск, 2014. – С. 270–290.
- Забияко, А.П. Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2007. – С. 5–10.
- Забияко, А.П. Эвенки Приамурья: Оленяя тропа истории и культуры / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, С.Э. Аниховский, Е.А. Воронкова, А.А. Забияко. – Благовещенск, 2012. – С. 270–275.
- Райан, Н.В. Уникальное положение русской диаспоры Маньчжурии в первой половине XX века / Н.В. Райан // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 2. – С. 78.

Хисамутдинов, А.А. Биографический словарь / А.А. Хисамутдинов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск, 2015. – С. 363–411.

Хисамутдинов, А.А. Изучение Китая русскими исследователями из Харбина / А.А. Хисамутдинов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск, 2015. – С. 99–140.

Хисамутдинов, А.А. Русские учёные, краеведы и востоковеды в Китае: Материалы к иллюстрированным биографиям / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2018. – 210 с.

Хисамутдинов, А.А. С мечтой о возвращении на родину: украинцы в Китае / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2018. – 58 с.

Эфендиева, Г.В. «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии / Г.В. Эфендиева, К.И. Родионова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11. Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит. и англ. Е.В. Сенина. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 300–326.

«ХИТРОСТЬ ЛИСИЦЫ, ВЫНОСЛИВОСТЬ ТИГРА, ЧУТЬЁ СОБАКИ, ГЛАЗ СОКОЛА, УХО ЗАЙЦА»: ХАРБИНСКИЕ АВТОРЫ О ЛЮДЯХ МАНЬЧЖУРИИ

Г.В. Эфендиева

Русское зарубежье в целом и русский Китай в частности – явление сложное и крайне специфическое. Во многих сочинениях русских харбинцев, как в объекте изучения, переплелись самые разные сферы человеческой деятельности – наука, политика, религия, культура, литература... Неудивительно, что исследование творческого наследия представителей дальневосточного фронта в последние годы носит преимущественно междисциплинарный характер и осуществляется в симбиозе таких наук, как история, религиоведение, этнография, литературоведение, фольклористика, социология, психология, культурология и др. [Забияко, 2016].

Исторические и научные очерки, литературные произведения и материалы периодики, документы личного происхождения (воспоминания, письма, дневники) харбинских авторов, наряду с сопровождающими их визуальными материалами, оказываются важными источниками для реконструкции не только образа самого русского эмигранта (*русского маньчжурца*), особенностей его самоидентификации, культурных стереотипов, опыта межэтнических контактов, или представителей других народов северо-востока Китая (маньчжуров, китайцев, корейцев и др.), но и некой репрезентативной модели кроссэтнической коммуникации в целом.

Учитывая нынешнюю социокультурную ситуацию в мире, обусловленную глобальными интеграционными процессами, массовыми миграциями, национальными, политическими, межконфессиональными и т. п. противоречиями, обращение к феномену культурного или этнического «чужого», проявляющегося в мире художественных и публицистических текстов, представляется чрезвычайно актуальным.

Данной подборкой очерков и рассказов Н.А. Байкова (1872–1958), блестящего знатока Маньчжурии, известного натуралиста и литератора, а также некоторых других, менее известных харбинских журналистов (Б. Муратова, А. Холодова, Аргуса <настоящее имя автора, увы, неизвестно>) мы продолжаем серию публикаций, посвящённых изучению этнического компонента в миграционной истории Дальнего Востока в первой половине XX века [Забияко, 2014; Зиненко, 2015; Эфендиева, Зиненко, 2015; Эфендиева, Родионова, 2015; и др. публ. сотрудников Центра изучения дальневосточной эмиграции АмГУ].

Помещаемые ниже тексты написаны авторами на основе собственных экспедиционных исследований и изучения научных источников, личного опыта и бытовых наблюдений, контактов с аборигенным населением, общения с учёными и интервью с ними (Н. Байковым, М. Никитиным). Много места уделено природе и географии, хозяйственно-бытовой жизни людей этого таёжного края, особенностям традиционного мировоззрения и обрядам. Как писал один рецензент: «Когда читаешь <...> Н.А. Байкова – то в комнате словно попрыскали лесной водой... „Шу-Хай“ начинает шуметь вот тут, около вас, начинают виться узкие лесные тропы, идут дороги на перевалы, где стоят маленькие кумирни, где люди молятся и богам, и грозному Вану-Князю, хозяину этих мест полосатому маньчжурскому тигру...» [Курбатов, 1934, 4].

За всеми описаниями флоры и фауны, вопросами экологии, историческими экскурсами и сравнительным анализом, рассказами об охотниках и таёжниках,

историями из жизни инженеров КВЖД и крестьян Трёхречья – неподдельный интерес и уважение авторов к этому региону и людям, особенно пионерам края, «убелённым сединами, покрытым ранами и рубцами от когтей и зубов диких зверей первобытных маньчжурских лесов», боль за их судьбы.

Таким образом, эти тексты объединены нами не только из их тематической близости (природа и обитатели Маньчжурии, местные промыслы, таёжный быт и т. п.), но и из единства проблемы – проблемы личности (человека) в тяжёлых и трудных условиях, нередко в ситуации опасности, непосредственно угрожающей жизни.

Кроме того, 12-ть из 15-ти публикуемых произведений или принадлежат Н.А. Байкову, или связаны с ним как с информантом (подготовлены по его воспоминаниям). Это не просто научные (проблемные, нравоописательные) этнографические очерки, увлекательные и познавательные рассказы, воспоминания 1920-х – начала 1930-х гг., а тексты, которые в переработанном виде войдут потом в более поздние художественные произведения писателя (сб. «В делях Маньчжурии», 1934; пов. «Великий Ван» 1936, сб. «У костра» 1939 и др.). В этом смысле наша подборка даёт возможность приоткрыть дверь в творческую лабораторию Н. Байкова.

Так, например, интенсивные текстуальные переклички (а то и полные совпадения) можно обнаружить в очерках «Русские промысловики в Маньчжурии» (1928), «В ущельях Тигровой горы» (1928) и рассказе «Жертва Горному Духу» (1928), в котором автор рисует жуткую картину человеческого жертвоприношения, практикующегося в лесных трущобах у суеверных китайцев (эти и др. очерки войдут потом в повесть «Великий Ван», 1936). Приведём несколько примеров:

«С хунхузами и местными охотниками и звероловами русский промысловик старается жить дружно и не портить с ними отношений, так как в противном случае он рискует не только результатами своего промысла, но и самой жизнью. *Обычное право охраняет в тайге чужую собственность, поэтому никто из жителей тайги не тронет её, будь то пушнина или битый зверь, одежда, оружие и другие предметы обихода.* Разрешается только воспользоваться для себя съестными припасами на один день, не более. Нарушившему этот закон тайги угрожает смерть. Русские охотники знают этот закон и никогда его не нарушают, будучи уверенными, что они сами находятся под его покровительством» («Русские промысловики в Маньчжурии»);

«...но тут подвернулся счастливый случай, а именно: в дальней фанзе, на западном склоне Татубинзы, один из рабочих китайцев, приносивших продукты из города Цунхэ, уворовал из тайника десять соболиных шкур, принадлежавших трём звероловам. На обратном пути в город его поймали, отвели назад в тайгу, судили своим таёжным судом и приговорили к смерти. Приговорённого к смерти в летнее время обыкновенно закапывают в землю живым, а в зимнее – отдают на съедение зверям. В этом случае одним выстрелом можно было убить двух зайцев: привести в исполнение закон тайги и выполнить повеление великого Горного Духа, воплотившегося в страшного *Вана*» («Жертва Горному Духу»).

«По поверью маньчжур-звероловов, на вершине Кокуй-Шаня живёт *начальник всех тигров, по-китайски „Да-Ван“*. На широком лбу его по странной игре природы *имеются изображения этого иероглифа*. В 1911 году, когда я привёз убитого мною тигра на ст. Вейшахэ, со всех окрестных мест приходили и приезжали китайцы для поклонения Да-Вану и воздания ему божеских почестей» («В ущельях Тигровой горы»);

«Среди этих хищников особенно выделялся своей величиной один старый самец, богатырь по сложению, чрезвычайно грузный и массивный. На широком лбу его и на затылке обозначены были *иероглифы „Ван“ и „Да“*, то есть „великий князь“» («Великий Ван»).

Рассказы Н. Байкова «По тигровым следам» (сб. «По горам и лесам Маньчжурии, 1914) и «Таёжные встречи» (сб. «Сказочная быль», 1940) отличаются меж-

ду собой только названиями и наличием в экспозиции одного из них – описания географического положения станции Муданцзянь (но есть, кстати, и обратные примеры, когда текстам с существенными различиями Байков даёт один и тот же заголовок: «Встреча с хунхузами» 1928, 1936; «Жертва Горному Духу» 1928, 1936).

В рассказе «По тигровым следам» среди других персонажей упоминается некий кореец – 30-летний Мун Ким. Несмотря на то, что он наделён именем, возрастом – это, скорее, обобщённый образ представителя этого этноса. Фрагменты с описанием его жилища и занятий стилистически мало чем отличаются от того, как описывается быт корейцев в этнографическом очерке «Охотники-корейцы» (1928). Главное, на что обращает наше внимание автор – это то, что живут они в тесных фанзах в восточной части Маньчжурии (по притокам Тумынгана, Суйфуна, Мурени, Сунгари), занимаются охотой, собиранием женьшеня, ловлей жемчуга, промывкой золота. Сравним:

«Летом, когда нет охоты на пушного зверя и неурожай на драгоценный корень жизни, Мун-Ким усердно занимается промывкой золотоносного песку на речке Шахоцзы (приток Тундагоухэ). <...> В три года раз, когда урожай на женьшень, они бросают промывку и отправляются на поиски этого дорогого и редкого растения. <...> Когда жестокий мороз скуёт реки, и белая пелена мягкого снега покрывает горы и долины этого девственного края, Мун-Ким возвращается в свою убогую фанзу, расставляет силки и ловушки на соболя, куницу, выдру и белку...» («По тигровым следам», 1914);

«Корейцы-звероловы особенно искусны в ловле соболя петлями и сетями, для чего требуется большой опыт и знание характера животного. Этому они научились, конечно, у себя на родине, где раньше было очень много этого драгоценного зверя. <...>. Таким же путём идет и добываемый корейцами женьшень. Летом корейцы-звероловы, как и китайцы, занимаются собиранием женьшеня, ловлей жемчуга, промывкой золота, собиранием грибов и лекарственных растений» («Охотники-корейцы», 1928).

Таким образом, не только зрелое творчество (произведения 1930–1940-х гг.) Н. Байкова развилось из его ранних текстов (очерков и рассказов 1910–1920-х гг.), но и некоторые очерки были подготовлены уже после того, как отдельные линии/этнические аспекты (как в случае с корейцем Мун Кимом) были осмыслены и прописаны в художественном контексте.

Есть примеры и того, когда появлению рассказов предшествовал не научный, очерковый или художественный, а мемуарный дискурс.

Так, в основе новогодней статьи Дм. Невского «От тигров и „дикарей“ к Харбину!» (1931) – беседа журналиста с неким харбинским старожилем, г-ном Б. (Н. Байковым). Истории из жизни «диких маньчжурцев», поведанные Невскому, целиком войдут, например, в такие рассказы писателя, как «Встреча Нового года» и «Ланцепузы» (сб. «У костра», 1939).

Другой пример. В материале А. Холодова «В борьбе с хунхузами и тиграми» (1938), подготовленном также по воспоминаниям Н.А. Байкова, содержатся целые фрагменты (конкретные факты и реплики), которые реализуются потом в рассказах «Страшная находка» («У костра», 1939) и «Счастливая Хорватия» (сб. «Сказочная быль», 1940):

«Так, ящик шампанского Редерер стоил в Харбине 20 рублей, коньяк „три короны“ лучшей марки Мартель можно было иметь за 1.20 копеек за бутылку! Четверть местной водки стоила 30–40 копеек.

Но пустую бутылку от водки можно ещё было использовать в меновой торговле с китайцами – за неё давали курицу!

За пару фазанов брали 20 копеек, за сотню яиц – четвертак.

При такой дешёвизне и изобилии продуктов, солдаты всё же были недовольны тем, что не было любимого „ржаного хлебушка“ и „гречневой каши“. „*Что за страна, – говорили они, – одна иголка стоит десять копеек, а без винтовки из дому не выходи. Видно, уж здесь климат такой, нашему брату не подходит*“» («В борьбе с хунхузами и тиграми»);

«На постах всегда имелись *вино и коньяк лучшей марки*, какао и кофе, шоколад и печенье „Жоржа Бормана“. Правда, цены тогда были дешёвые, например, *за бутылку китайцы давали курицу*, а то и две. *Пара фазанов* стоила тридцать копеек, осетрина – десять копеек, кетовая икра – три копейки, мясо – пять копеек, белый хлеб – полторы» («Счастливая Хорватия»);

«– *Что за страна!* – говорили они между собой, дымя „собачьими ножками“, набитыми травой и корешками за отсутствием табака. – *Дождь идёт всё лето, и солнышка не видать! Зимой крещенский мороз, а солнышко греет, как летом! Бабы в штанах, а мужики в косах! Без винтовки на двор не выходи. Водка дешевле пареной репы, а иголка стоит двугривенный! Вот так климат! Нет, у нас климат лучше*, не в пример. Одно слово – Рассея-матушка. А здесь что – настоящая Азия!» («Страшная находка»).

Вообще, самая сильная сторона многих произведений Н. Байкова, – это конкретная и достоверная основа, узнаваемые герои и события. А в этнографических повествованиях – точная топография, интересные факты традиционной культуры, местных традиций, выверенные приметы времени года и т.п.:

«8 ноября мы с Плетнёвым были уже за сто километров к югу от Ханьбаохяцзы, в восточных отрогах Великана-горы Татудинзы, поднимающей свою конусообразную скалистую вершину над массивом Лао-Лина. Её голубовато-белая громада, оттенённая снизу сплошными кедровниками, резко выделялась на синеве безоблачного неба. Внизу под нами, в глубоких каменистых каньонах Хайлинхэ наши собаки гнали большое стадо кабанов, стронутое нами с лёжек на солнопеках. Звери направлялись к востоку, поднимаясь на хребет, куда спешили и мы, чтобы выйти им наперерез. В чистом морозном воздухе изредка раздавались голоса собак, то окружавших стадо кольцом, то гнавших его по пятам. Мы остановились на седловине хребта, порошей дубняком и орешником, в ожидании появления зверей» («Леший и Ведьма»).

Основную нагрузку в повествованиях Байкова несут глаголы (хотя и не всегда для передачи живой динамики) и ёмкие определения:

«Но вот преследуемый собаками тигр **вышел** из чащи на перевал и **остановился** от нас шагах в шестидесяти. Собаки **неистовствовали** и **наседали** на него с визгом и *хриплым* лаем. **Повернув** свою *прекрасную могучую* голову в сторону собак и **приоткрыв** пасть, он **издал** *глухое и грозное* рычание. *Упругий пушистый* хвост его **нервно извивался**. Уши были **прижаты** к голове, очевидно, *выведенный из терпения*, он **решил действовать, намереваясь броситься** на собак. **Медлить было нельзя**. Я **щёлкнул** затвором аппарата, и почти одновременно **раздался** выстрел Плетнёва. Зверь, *поражённый насмерть*, **подался** немного вперёд и **сунулся** в снег головой. **Бросив** аппарат, я **вскинул** к плечу винтовку, но напрасно: *судорожное* движение лап и хвоста. **Опустив** винтовку, я **взглянул** на Плетнёва...» («Леший и Ведьма»);

«К полудню мы, наконец, достигли такого места, где каменная гряда понижалась и дала нам возможность перевалить на другую сторону хребта, что мы и проделали с большими усилиями, так как всё же подъём был настолько крут и каменист, что приходилось продвигаться ползком, при помощи ног, колен, локтей и рук. На самом перевале, в скалах, мы спугнули с лёжки большую рысь, которая подпустила нас совсем близко, почти вплотную. Лежала она под нависшею скалой и, когда Бобошин был от неё шагах в двадцати, она метнулась в сторону и пошла вверх большими прыжками, взбираясь на одиноко стоящий утёс. Вскоре она появилась на вершине утёса и залегла там так, что нам отчётливо были видны её голова, кисточки на ушах и часть белой груди. Расстояние было не более 150 шагов. Она совершенно застыла в неподвижной позе и уставилась на нас своими зоркими глазами. Я поднял было винтовку и прицелился...» («Жертва Горному Духу»).

Достоверность достигается знанием деталей, которые отражают охотничий и житейский опыт автора. Когда мы читаем:

«Лесной обитатель-таёжник представляет собой оригинальный, отживающий тип, выработанный исключительными условиями жизни, вне влияния культуры и цивилизации. Его психология и мировоззрение имеют мало общего с мировоззрением современного культурного человека. Его физический и духовный облик вполне гармонирует с окружающей лесной стихией и соответствует тем требованиям, какие предъявляет сама жизнь и крайне трудная, опасная профессия. Хитрость лисицы, выносливость тигра, чутьё собаки, глаз сокола, ухо зайца – вот характерные качества старого лесного бродяги, приобретённые и усовершенствованные в тайге» («Язык тайги»), –

мы убеждаемся, насколько тонко знает и понимает этот мир Н. Байков, как конкретны и индивидуальны его наблюдения. «Талантливо, ярко и красочно автор рисует охоты, природу, нравы и обычаи малоизвестного края, и все очерки и рассказы его читаются с большим интересом. Увлекательные описания охот, чутко подмеченные красоты дикой и величественной природы, масса ценных наблюдений», – писал один из харбинских критиков.

Во многих своих текстах Н. Байков поднимает вопросы экологии, охраны природы, создания национальных парков и сохранения маньчжурской тайги:

«В настоящее время вблизи линии КВЖД леса вырублены, кроме того, сильно обезлесены большие площади, значительно сократились промысловые районы. Всё это говорит за то, что охотничий промысел в Маньчжурии находится под угрозой окончательной гибели, если не будет принято надлежащих мер к сохранению лесов в виде заказников и заповедников» («Русские промысловики в Маньчжурии», 1928);

«С заселением страны и постройкой железных дорог, площади охотничьих угодий уменьшились, охотничий промысел начал падать <...>.

Для охраны наиболее ценных представителей местной флоры и фауны необходимо организовать особые защитные земельные участки, в виде заповедников и заказников, называемых в Америке „Национальными парками“. <...> Заповедники эти занимают обыкновенно, так называемые „дикие земли“, то есть такие, которые не годятся под полевую культуру <...>. В Маньчжурии такие „заповедники“ могли бы быть организованы в горнолесных районах Большого и Малого Хинганов, а также в горно-таёжном районе Гиринской провинции, где сохранились ещё первобытные кедровые леса» («Проблема звероловства в Маньчжурии», 1936).

В завершение отметим, что в творческом наследии Н.А. Байкова насчитывается более 300 сочинений [Жернаков, 1968]. Обнаружение и публикация всего корпуса текстов ещё далеки до своего завершения. Очевидно и то, что зрелое творчество этого писателя во многом развилось из его ранних текстов, из опыта сотрудничества в московских, новосибирских, харбинских и других региональных журналах. Систематизация разбросанных по архивам статей, очерков, рассказов открывает перспективы дальнейшей работы в этом направлении: выявить специфику творческой работы этого писателя, её конкретные этапы, определить особенности межтекстовых взаимодействий (интер- и автотекстуальности) в художественной этнографии Н. Байкова, а также других элементов поэтики и компонентов авторского стиля.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00318. Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.).

Библиографический список

Жернаков, В.Н. Николай Апполонович Байков / В.Н. Жернаков / Вступ. слово от авт.; ред. серии N. Christesen. – Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1968. – 19 с.

Забияко, А.А. «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции / А.А. Забияко // Религиоведение. – 2014. – №4. – С. 192–202.

Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: Культура и литература русского Харбина / А.А. Забияко. – М-во образования и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. – 437 с.

Забияко, А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 20-40 гг. XX века / А.А. Забияко // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 181–202.

Зиненко, Я.В. Культурная и религиозная жизнь русского Трёхречья (по материалам журнала «Рубеж» 1926–1945 гг.) / Я.В. Зиненко // Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. Вып. 5 – Благовещенск: Изд.-во БГПУ. – С. 147–149.

Курбатов, С. Поэма о маньчжурской тайге [рец. на кн. Н. Байкова «В дебрях Маньчжурии»] / С. Курбатов // Заря. Харбин. – 1934. – 17 июня. – С. 4.

Эфендиева, Г.В. К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова / Г.В. Эфендиева, Я.В. Зиненко // Религиоведение. – 2015. – № 4. – С. 170–187.

Эфендиева, Г.В. «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии / Г.В. Эфендиева, К.И. Родионова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11. Исторический опыт взаимодействия культур. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 302–329.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

РУССКИЕ ПРОМЫСЛОВИКИ В МАНЬЧЖУРИИ

Н. Байков

Очерк

Маньчжурия, как и наш Дальний Восток, представляет собой обширную окраину, где сохранились ещё большие площади первобытных горных лесов с их многочисленными дикими четвероногими обитателями, служащими в настоящее время предметом пушного и зверового промыслов, а также промысловой охоте по перу. Разнообразие и богатство видов зверей и птиц обеспечивают здесь промысловику хорошую добычу, солидный заработок не только, как средство к существованию, но также, как некоторая гарантия на небольшой излишек в общем годовом бюджете. Раньше, лет двадцать пять тому назад, во время постройки КВЖД, сюда пришло много людей. Многие из них занялись здесь охотой, как промыслом, и постепенно осели на землю в полосе отчуждения ж<елезной> д<ороги>. К ним присоединились запасные солдаты, оставшиеся по окончании во-

¹ Подготовка текстов к публикации Г.В. Эфендиевой.

енной службы на жительство в крае. Несмотря на дешевизну пушнины и мяса, сбыт продуктов промысла был всегда обеспечен спросом на рынках больших портовых городов – Владивостока, Порт-Артура и новых нарождающихся административных центров – Харбина и Инкоу. Накануне империалистической бойни 1914 г. в пределах Маньчжурии, преимущественно в полосе отчуждения КВЖД, охотой и зверовым промыслом занималось не менее 500 человек русских. Большинство из них имели свои дома в посёлках у станций ж<елезной> д<ороги> и, кроме охоты, занимались хозяйством. Многие выписали с родины свои семьи, некоторые же обзавелись семьями на месте. Район деятельности этих промысловиков ограничивался Большим Хинганом, между станциями Хайлар–Аньда и восточными угодьями Гиринской провинции, между станциями Сяолин–Пограничная.

Харбин являлся центром, куда сбывалась пушнина, мясо и дичь. Промышленниками добывались звери: 1) соболь, лисица, енот, барсук, белка, куница, выдра, тарбаган, волк, рысь, кошка, кабан, изюбрь, пятн<истый> олень, козуля, медведь, кабарга, горал, дзерень, тигр и барс. Из промысловых птиц добывались, главным образом: фазаны, утки, тетерева, рябчики, глухари, гуси, лебеди, дрофы, куропатки и саджа.

Охота в большинстве ружейная. Оружие самое разнообразное. На зверя – преимущественно винтовки военн<ого> образца, кал. 3 и 4, а на птицу – двустольные ружья центрального боя, кал. 12, разных фабрик, но чаще Зауэра. Средний заработок охотника колебался от 100 до 150 рублей в месяц, в зависимости, конечно, от качеств промыслового района, а также от способностей самого охотника. В те времена Маньчжурия ещё была мало населена, леса примыкали к самой линии ж<елезной> д<ороги>, и охотничьи угодья находились поблизости от жел<езно>-дор<ожных> посёлков, так что промысловикам не приходилось удаляться от полосы отчуждения более, чем на 20–40 килом<етров>. Так обстояло дело промысловой охоты русских до войны, то есть до 1914 года. Годы войны (с 1914 по 1918 г.) не были благоприятны, так как большинство охотников, как военн<о>обязанные, ушли по мобилизации; остались только немногие, всего до 5 проц<ентов> прежнего количества. С 1920 г. положение русских на КВЖД резко изменилось, когда административная власть в крае перешла к китайцам. В настоящее время вблизи линии КВЖД леса вырублены, кроме того, сильно обезлесены большие площади, значительно сократились промысловые районы. Всё это говорит за то, что охотничий промысел в Маньчжурии находится под угрозой окончательной гибели, если не будет принято надлежащих мер к сохранению лесов в виде заказников и заповедников.

Переход власти к китайцам отразился, между прочим, на русских промысловиках тем, что введены ограничительные правила на владение оружием и категорически запрещено иметь нарезное оружие. Всё это неблагоприятно подействовало на охотников, и многие прекратили промысел, продали свои ружья и занялись другими делами. Но всё же в полосе отчуждения осталось ещё несколько десятков закоренелых промысловиков, которые не бросают охоту и упрямо продолжают добывать зверя и птицу. В настоящее время к западу от Харбина, в районе Большого Хингана, промышляют до 50 человек русских охотников. В восточном районе, то есть между ст. ст. Сяолин–Пограничная, около 80 человек. Кроме того, на лесных концессиях западного и восточного районов живёт также до 50 человек. Таким образом, на линии ж<елезной> д<ороги> и на её лесных концессиях промышляют охотой около 180 человек. В это число не входят охотники района Барги (к северу от Хайлара) и тарбаганщики. Здесь число охотников в сезон добывания тарбагана колеблется от 250 до 1.000 человек.

Многие промысловики для охоты соединяются в артели по 3–4–5 человек. Такая артель имеет обыкновенно лошадей и перевозочные средства для вывоза из тайги дичи, кроме того, в охотничьих угодьях она строит себе зимовье, где имеется всё необходимое для жизни и для промысла. Жилище это обыкновенно строится из кедровых брёвен. Потолок из такого же накатника. Крыша соломенная или так же из накатника с присыпкой земли. Пол земляной, на 1 метр ниже поверхности. Одна дверь и одно небольшое оконце. Печь железная или же плита, сложенная из дикого камня на глине. Для спанья – нары. Постелями служат звериные шкуры: изюбря, козули и медведя. Промысловый сезон на зверя начинается с середины сентября и продолжается до марта. Туши убитых зверей вывозятся из тайги, по мере накопления, обыкновенно один раз в неделю. В эти же сроки доставляются с линии ж<елезной> д<ороги> или с лесовозной ветки жизненные продукты в виде печёного хлеба, чая, сахара, соли, перца, табаку, водки и проч.

Один охотник выбирается на месяц кормить артель, лошадей, собак и смотреть за порядком в отсутствие других. Казначей выбирается на весь сезон, на его обязанности лежит продажа всех продуктов промысла. Раздел прибыли производится по возвращении с промысла, при чём все члены артели получают поровну. Недоразумения случаются редко и разрешаются по справедливому приговору всей артели.

Промысловый день начинается рано, ещё до рассвета. К началу его повар должен приготовить сытный завтрак и чай и накормить собак. Плотно закусив, члены артели расходятся в разные стороны по одиночке и промышляют до позднего вечера.

Битого зверя оставляют на месте, предварительно выпотрошив и засыпав снегом. Вывозка производится на другой день к зимовью или через несколько дней, смотря по обстоятельствам. В вывозке участвует иногда вся артель, если зверь тяжёл и дорога плоха. Обедают все вместе, по возвращении с промысла.

Освещением служит небольшая керосиновая лампа. Одежда промысловика состоит из тёплой меховой шапки с наушниками, меховых рукавиц, овчинного полушубка; кожаных или стёганных ватных шаровар; меховых унтов или кожаных ичигов на войлочной подошве; иногда на ногах охотника можно видеть китайские кожаные улы или же сапоги из толстого солдатского сукна. Не всегда промысловик на ночь возвращается в зимовье; если он далеко зашёл, и обстоятельства заставляют его остаться в тайге, он ночует у костра, при чём выбирает для разведения огня сухостойное дерево с дуплом, преимущественно кедр. Добыв пушного зверя, он обдирает его на месте, бросая тушу, чего китаец никогда не делает, так как туша любого зверя служит ему пищей.

С хунхузами и местными охотниками и звероловами русский промысловик старается жить дружно и не портить с ними отношений, так как в противном случае он рискует не только результатами своего промысла, но и самой жизнью. Обычное право охраняет в тайге чужую собственность, поэтому никто из жителей тайги не тронет её, будь то пушнина или битый зверь, одежда, оружие и другие предметы обихода. Разрешается только воспользоваться для себя съестными припасами на один день, не более. Нарушившему этот закон тайги угрожает смерть. Русские охотники знают этот закон и никогда его не нарушают, будучи уверенными, что они сами находятся под его покровительством. Для лошадей и обоза делается обыкновенно навес с крышей из соломы. Сено заготавливается ещё с лета на месте занятого зимовья. Для хранения туш зверей у зимовья делается пристройка со стенами из накатника и такую же крышей. Зимовье обыкновенно отстоит от линии ж. д. или от концессионной ветки в 40–50 километрах. К нему прокладывается дорога для подвоза битых зверей.

Зимовье строится всегда в месте, защищённом от ветров, на солнцепёке, у горного ключика или речки. Летом зимовье служит иногда пристанищем хунхузам, но последние к нему относятся бережно и не трогают имущества и инвентаря. Некоторые хорошо организованные артели имеют два-три зимовья в различных районах, где охотятся в зависимости от присутствия зверя в той или другой местности, от перекочёвок зверя и проч.

Большой спрос на пушнину и вздорожание цен на промысловые продукты животного происхождения, как-то: мясо, шкуры, рога, жиры, волос, пух, желчь и др. – подняли заработок охотника в значительной степени сравнительно с прежними годами на 50 и даже на 100 проц<ентов>. Средний заработок его в настоящее время выражается в сумме 150–250 рублей в месяц. Эта сумма, конечно, может понизиться при отсутствии добычи пантов, лутай или тигра, которые играют доминирующую роль в числе продуктов добываемой промышленности и охоты. Достаточно сказать, что цена на свежие изюбровые панты достигла 50 руб. за 1 фунт; лутай стоит до 50 руб. и тигр до 100 руб. за 1 пуд живого веса. На основании этого местные промысловики главное внимание обращают на эти три объекта охоты, но добывают их только самые опытные и хорошо вооружённые охотники, имеющие хороших зверовых собак.

Вследствие существующего запрещения иметь нарезное оружие, местные охотники поставлены в затруднительное положение и принуждены довольствоваться гладкоствольным или же иметь нелегально винтовки и карабины, что связано с риском уголовной ответственности. Хороших зверовых собак у русских охотников нет. Многие промышляют без собак, что неблагоприятно отзывается на продуктивности самого промысла. Если у кого и есть собаки, то они весьма неудовлетворительны. Большинство этих собак не породны и принадлежат к типу местных дворовых. Впрочем, в конце концов, они привыкают к охоте на кабанов и задерживают свиней и поросят удовлетворительно, но на другого зверя они мало пригодны и даже служат помехой.

Между тем, в крае имеются очень хорошие зверовые собаки у гольдов, ороchon и тунгусов, и отчасти у местных звероловов-китайцев и корейцев, но русские охотники скупаются на приобретение таких собак и довольствуются теми ублюдками, которые у них есть, или охотятся совершенно без собак.

Кроме промысловых артелей, здесь есть ещё одиночные охотники. Живут они обыкновенно на линии ж<елезной> д<ороги> или на лесной концессии и ходят на промысел на день, два и не более недели. Битого зверя вывозят наёмными лошадьми и имеют меньший доход от своего промысла, чем члены артелей.

Кроме профессионалов, промысловой охотой в полосе отчуждения занимаются также многие служащие КВЖД и различных частных предприятий, имея значительное подспорье в своём бюджете от продажи дичи, не считая улучшения своего стола мясом добываемых козуль, кабанов, уток и фазанов. На харбинском рынке дикое мясо стоит теперь 6 руб. пуд, пара фазанов – 1 руб. 20 коп., гусь – 1 руб. 20 коп. и утки – 1 руб. 10 коп. пара.

В летнее время, в период созревания пантов у изюбря, промысловики добывают драгоценные изюбровые рога. Добычу свою они продают на месте китайским скупщикам за бесценок, не умея заготовить их впрок и предохранить от порчи. Впрочем, последнее обстоятельство относится одинаково и к тем русским промысловикам, которые давно уже живут в Маньчжурии и занимаются охотой на зверя. До сих пор ещё искусство заварки пантов не постигнуто русскими, вследствие чего свежие панты приобретаются у них китайскими скупщиками с уценкой в 50–60 проц<ентов> действительной стоимости. Скупщик учитывает, что русский не знает секрета заварки пантов и спешит их продать за какую угод-

но цену до наступления процесса разложения, чем и пользуется спекулянт, наживая при этой сделке колоссальный барыш.

Надо принять во внимание, что срубленные панты не подвергаются порче только в течение трёх суток, и то при условии сохранения их на леднике. В конце третьих суток они теряют свою упругость, становятся дряблыми и, хотя ещё не издают гнилостного запаха, но теряют уже до 50 проц. своей биржевой цены. Свежие панты без предохранения льдом начинают уже издавать запах через двое суток. Таким образом, свежие панты должны поступить в заварку не позднее 1–1 % суток, иначе им грозит порча и полное обесценение.

Несмотря на то, что в Китае существует особый охотничий закон и правила добывания зверей и птиц, но применяется он чрезвычайно редко благодаря тому, что закон этот предоставляет властям на местах применять его по своему усмотрению. Вследствие этого никто не считает нужным придерживаться установленных сроков охоты и бьёт всё, что ему нравится и когда захочет. Это положение, конечно, невыгодно для охотничьего хозяйства страны, и, несомненно, в самом непродолжительном времени приведёт пушной промысел в упадок. Государственный риск в промыслово-охотничьем деле выражается здесь в налогах на оружие и орудия лова, а также на все продукты промысла, на последние в размере от 5 до 10 проц^{ентов} их стоимости. Налог этот взимается на месте, или же при отправке продуктов для продажи на рынок по железной или грунтовой дороге. Налог на дробовое ружьё выражается в сумме до 5 местных долларов (около 3% зол^{отых} рублей). Разрешение на оружие выдаётся главным полицейским управлением в Харбине, при условии поручительства лица, учреждения или торговой фирмы, обладающих капиталом не менее 25 тысяч местных долларов. Иностранцы, поданные других государств, имеющих договорные условия с Китаем об экстерриториальности, не облагаются налогом за оружие и могут иметь при себе оружие для охоты.

Вот в кратких чертах те условия, в которых находятся русские промысловики-охотники в Маньчжурии. Большая часть этих охотников – элемент пришлый сравнительно недавно, то есть после европейской войны; но есть также и старожилы, поселившиеся здесь с начала или с конца постройки КВЖД, то есть более двадцати лет тому назад; это старые таёжники, первые русские насельники и пионеры края, убелённые сединами, покрытые ранами и рубцами от когтей и зубов диких зверей первобытных маньчжурских лесов.

Илл.: «Тигрица, убитая охотником Д. Доценко близ ст. Селенхэ 2 декабря 1927 г. Вес зверя 9 пудов», «Артель русских промысловиков в Маньчжурии. Тигрица убитая охотником П. Щербининым близ ст. Модаоши 16 декабря 1927 г. Вес 10 пудов», «Амурский тигр, убитый промысловиком В. Чараевым».

Печ. по: Охотник и пушник Сибири. 1928. № 4. С. 56–59.

ЛЕШИЙ И ВЕДЬМА

Н. Байков

Рассказ

Приехал он ко мне из Уссурийского края со своими собаками, с целью поохотиться на зверя. Он известен в Приморье, как лучший промысловик, взявший не один десяток тигров. Собаки его, представлявшие помесь зверовых лаек с дворями псами, отлично брали всякого зверя и были натасканы по тигру. С собой он привёз десяток собак, из них было три гольдских лайки, остальные полукровки и даже чистокровные «надворные советники». Масть их также отличалась разнообразием: лайки чистого белого цвета, другие же всевозможных цветов и оттенков, от чёрного до пёстрого, трёхцветного.

Плетнёв представлял собой типичного восточно-сибирского промысловика: среднего роста, коренастый, широкоплечий с небольшими, глубокосидящими глазами и с длинной всклокоченной бородой красновато-бурого цвета с проседью. Лицо его и руки медно-красного цвета, покрыты были крупными веснушками. Возраста своего он точно не знал, но уверял, что родился в год освобождения крестьян от крепостной зависимости. Несмотря на почётные лета, он выглядел крепким и сильным, и в чёрных зрачках его светилась юношеская отвага и энергия.

Морозы стояли значительные, но поместиться в моей квартире он наотрез отказался, говоря, что ему жарко и душно в комнате так же, как и его собакам.

В конце концов я уговорил его поместиться в сарае, где он чувствовал себя сносно. Собак его никак нельзя было зазвать даже в сарай; на ночь они устраивались на дворе в снегу. Таков был старый таёжник Плетнёв, с которым мы бродили в течение месяца по горам и лесам верховья реки Хайлинхэ, в поисках полосатых хищников. Только один раз накануне выступления мне удалось заманить Плетнёва в комнаты, где я угостил его пельменями, при чём он сидел, как на иголках, пот катился с него градом и, кончая десятый стакан липового чая с мёдом, он вытирал голову и шею полотенцем. Как полярный медведь, он не переносил тепла крытого помещения и только под открытым небом чувствовал себя легко и свободно. Мороз на него совершенно не действовал, перчаток и рукавиц он никогда не имел, и руки его на самой сильной стуже всегда были красны и теплы. Одевался он также сравнительно легко: на ногах бродни из оленьей кожи, лёгкие брезентовые шаровары, затем ватная тужурка и на голове рысья шапка без наушников. Вот весь его костюм.

По религиозным воззрениям он был сектант какого-то особого толка. Не пил, не курил, никогда не божился и не ругался, по крайней мере, за всё наше знакомство я не слышал от него ни одного бранного слова. Узнав, что я также не пью, не курю и не бранюсь, он остался очень доволен, и на мой вопрос – «почему именно?» – сказал:

– Курящий и пьющий человек имеет нехороший дух, и зверь чует его на далёкое расстояние. Такому человеку удачи на охоте не будет.

Сам Плетнёв имел крепкий специфический запах тайги и хвойного леса, так как весь был пропитан дыханием девственной природы. Местные охотники называли его Иван Леший. И действительно, всей своей оригинальной фигурой и образом жизни он напоминал лешего, как его рисует в своём воображении народная фантазия. Из других оригинальных особенностей этого человека надо отметить следующее: он никогда не употреблял соли, сахара, и не пил чая; соль ему заменял лук и чеснок; вместо сахара я давал ему мёд, который он уничтожал

в большом количестве. Чай вызывал в нём отвращение, его заменял настой липового цвета и малины.

Прошлое Плетнёва было темно, и мне неизвестно, да я и не старался его узнать, так как здесь, на Дальнем Востоке, это не принято. Только по некоторым признакам и словам Лешего, я мог догадываться, что родом он из Тамбовской губернии и был сослан на сахалинскую каторгу, а затем остался на поселении. О своём прошлом он никогда не говорил, был всегда, молчалив, серьёзен и сосредоточен. В Приморье у него была семья, но где именно и какого состава, — я не знал. Природу он любил по-своему и понимал её красоты, выражая иногда своё мнение в метких, глубокомысленных определениях. Во время охоты и на промысле он был ещё сдержаннее и молчаливее. Случалось, что за целый день обмолвишься с ним только несколькими словами, но это ничуть не портило наших отношений; мы и без того понимали друг друга без слов. Краткие беседы наши у таёжного костра ограничивались необходимыми словами на местные практические темы. Обыкновенно мы коротали долгую зимнюю ночь в фанзе зверолова или у костра, при чём каждый занимался своим делом и думал свои думы.

Собаки Плетнёва, подобно своему хозяину, также были угрюмы и молчаливы и на редкость послушны; они понимали не только слова и жесты, но и взгляд своего хозяина. Лай их был слышен только по «зрячему зверю», в остальное время их было неслышно, не видно, так как на привале они обыкновенно зарывались в снег и лежали там всю ночь. «Командиром» всех собак была старая сука-лайка — «Ведьма». Все остальные слушали её беспрекословно, и горе той, которая недостаточно быстро повиновалась: одна-другая хватка зубами и даже грозное рычание приводили строптивую к послушанию.

Плетнёв никогда не разговаривал с собаками, хотя иногда ласкал их, а свои приказания и распоряжения передавал Ведьме, которая исполняла их, управляя самостоятельно всей сворой. Собаки отлично понимали это и работали дружно под руководством своей умной «командирши».

Кормёжка собак производилась на месте охоты, для чего один из убитых зверей отдавался им на съедение. С этой целью Плетнёв подходил к туше зверя, вспарывал ему брюхо ножом и говорил, обращаясь к Ведьме:

— Ведьма, Ведьма. Твоё.

Этого было совершенно достаточно, все собаки бросались на тушу, и через час от неё оставались только «рожки да ножки». К остальным тушам зверей Ведьма не подпускала ни одной собаки, и, если какая-нибудь из них, по легкомыслию подходилализать кровь, ей задавалась основательная трёпка. Почти все старые собаки этой своры были ветеранами промысла, отмеченные шрамами и рубцами, полученными в боях с дикими обитателями тайги. Ведьма имела глубокий шрам на левом боку — след от удара кабаньего клыка.

Много дней и ночей провели мы с Плетнёвым и его собаками в кедровниках, к югу от ст. Ханьдаохэцзы, охотясь на зверя. Время это оставило неизгладимое впечатление в моей памяти по своим переживаниями оригинальной жизни среди дикой природы. Много интересных случаев и эпизодов из этого времени зафиксировалось в моих, воспоминаниях. Описание всех их заняло бы слишком много места, а потому мы ограничимся одним эпизодом, когда мне удалось снять на фотографическую плёнку тигра, преследуемого собаками.

8 ноября мы с Плетнёвым были уже за сто километров к югу от Ханьбаохэцзы, в восточных отрогах Великана-горы Татудинзы, поднимающей свою конусообразную скалистую вершину над массивом Лао-Лина. Её голубовато-белая громада, оттенённая снизу сплошными кедровниками, резко выделялась на синеве безоблачного неба. Внизу под нами, в глубоких каменистых каньонах Хайлинхэ

наши собаки гнали большое стадо кабанов, стронутое нами с лёжек на солнопёках. Звери направлялись к востоку, поднимаясь на хребет, куда спешили и мы, чтобы выйти им наперерез. В чистом морозном воздухе изредка раздавались голоса собак, то окружавших стадо кольцом, то гнавших его по пятам. Мы остановились на седловине хребта, порошей дубняком и орешником, в ожидании появления зверей. Стадо было чрезвычайно многочисленно и состояло не менее, как из 200 особей, а потому подвигалось медленно, часто останавливаясь и отбиваясь от наседавших собак. Между нами и стадом возвышался узкий, крутой хребтик, через который звери должны были перейти, чтобы добраться до кедровника, где они предполагали укрыться от преследования в непролазной чаще бурелома. Мы стояли на опушке дубняков, скрытые кустами орешника и приготовились встретить гостей. Но вот за каменной грядой скрылось всё стадо, и голоса собак сразу смолкли. Прошло несколько томительных минут. Ни звука. Затем раздался визгливый голос Ведьмы, ему вторили другие голоса собак, но лай этот был какой-то нерешительный и боязливый.

– Не по кабанам, – заметил Плетнёв, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за скалистого хребта. Судя по силе голосов, гон приближался, и мы стояли, напряжённо вслушиваясь во все перипетии. Через перевал были проложены многочисленные тропы зверей, здесь, очевидно, находился их главный переход через хребет. Плетнёв уверял, что гон не минует этого места, и не ошибся, так как вскоре уже послышались довольно близкие голоса собак, и мы затаились в своей засаде.

Леший, по своему обыкновению, положил винтовку на сошки и застыл в неподвижной позе; я же, держа винтовку у ноги, подготовил свой «кодак» к съёмке на случай появления кабанов. Выстрел из фотографического аппарата меня интересовал больше, чем выстрел из ружья. Гон приближался. Слышны были отдельные голоса собак и визгливый, плачущий лай молодняка. Солнце светило ярко и под его косыми лучами снег так искрился, что больно было смотреть. Минуты казались часами. В чаще показались уже передовые собаки. Мы искали глазами предполагаемых кабанов, но сквозь заросли видели только бегающих, волнующихся собак.

– Берегись. Идёт тигра, – вдруг неожиданно произнёс Плетнёв, расставляя свои кривые ноги и прицеливаясь. Тогда я увидел среди жёлтой дубовой листвы длинную жёлто-бурую фигуру хищника с характерными поперечными полосами. Тигр шёл по кабаньей тропе. Движения его были медленны и, по-видимому, спокойны. Наседающие собаки заставляли его по временам останавливаться, поворачивать голову и грозным рычанием отпугивать наиболее дерзких, при чём из полуоткрытой пасти его со сверкающими конусообразными клыками вылетали клубы пара. Собаки шарахались в стороны, держась от зверя на почтительном расстоянии. Сквозь чащу и редколесье нам была видна вся эта оригинальная картина. Иван Леший воздерживался от стрельбы, намереваясь подпустить хищника на самое близкое расстояние. Я целился в него из своего «Кодака» и ловил фигуру зверя видоискателем. Уверенность в своём товарище давала мне необходимое спокойствие и хладнокровие. Поймав, наконец, хищника на мушку видоискателя, я не отпускал его и ждал момента для экспозиции. Но вот преследуемый собаками тигр вышел из чащи на перевал и остановился от нас шагах в шестидесяти. Собаки неистовствовали и наседали на него с визгом и хриплым лаем. Повернув свою прекрасную могучую голову в сторону собак и приоткрыв пасть, он издал глухое и грозное рычание. Упругий пушистый хвост его нервно извивался. Уши были прижаты к голове, очевидно, выведенный из терпения, он решил действовать, намереваясь броситься на собак. Медлить было нельзя. Я щёлкнул затвором аппарата, и почти одновременно раздался выстрел Плетнёва.

Зверь, поражённый насмерть, подался немного вперёд и сунулся в снег головой. Бросив аппарат, я вскинул к плечу винтовку, но напрасно: судорожное движение лап и хвоста. Опустив винтовку, я взглянул на Плетнёва: он стоял на своём месте и спокойно привязывал сошки к ружейному цевью.

– Дойдёт, – хладнокровно произнес он, показывая головой на зверя, – не тревожь его. Он сам покажет, когда смерть придёт. – И действительно, вскоре судороги прекратились, хвост вытянулся неподвижно, и уши, вначале прижатые к голове, поднялись. Сомнений больше не было: смерть пришла. Собаки, державшиеся в отдалении, после выстрела и падения зверя ринулись было к нему, но грознее рычание Ведьмы удержало их порыв, и они улеглись на снегу шагах в десяти, не спуская со зверя своих глаз, воспалённых борьбой. Ведьма подошла к хвосту тигра, обнюхала его и улеглась рядом с ним. Умная собака поняла, что страшный хищник уже безопасен. Пересчитав собак, мы убедились, что двух не хватает – одного старого кобеля и одной молодой. Где они погибли – неизвестно, или были вспороты кабаном или задавлены тигром. Леший только крикнул с сожалением, но не произнёс ни слова и на моё предложение пойти поискать пропавших махнул рукой и пробурчал: «Где там» ...

Убитый тигр оказался молодым самцом корейской разновидности, весом до 160 килограммов. Красно-бурая пушистая шерсть его, испещрённая широкими чёрными полосами, резко выделялась на белой пелене снега, освещённой ярким зимним солнцем. Пуля попала возле правого уха и, пройдя в черепную коробку, разрушила головной мозг.

Собаки, истомлённые продолжительным гоном, разлеглись вокруг нас и занялись приведением в порядок взъерошенной шерсти и зализыванием ран и царапин, полученных в предыдущей стычке с кабаном. По нашим предположениям, во время гона кабанов, собаки начуяли лёжку тигра в скалистом хребте и, согнав его с места, бросили кабанов, как дичь менее интересную.

Больше в тот день мы не охотились. Ночь приближалась, и мы расположились на перевале у подножья величественной Тудинзы. На следующее утро Плетнёв ушёл на ближайший хутор за лошадьми для перевозки тигра. Вернулся он только к вечеру. С ним пришла пароконная арба с китайцем-возчиком. Переночевав ещё раз на горном перевале, уложив тигра на арбу, мы двинулись к востоку, в долину реки Муданцзян и поздно ночью прибыли в город Нингугу, где провели три дня в хлопотах по продаже тигра, которого знатоки-китайцы считали «Ваном», то есть начальником. Выручив за него пятьсот рублей, Плетнёв остался очень доволен и изъявил согласие вернуться в верховья Хайлинхэ, в надежде взять ещё одного хищника.

В конце ноября мы вышли опять на линию КВЖД у станции Сарахецзы, сделав по тайге сотни две километров, в погоне за зверем. Из всех собак остались в живых только две: старуха-Ведьма и молодой кобель-лайка, её сын: остальные погибли в борьбе с кабаном и изюбрями. Одну собаку унёс тигр во время нашей ночёвки в звероловной фанзе, о чём мы узнали только утром по следам, оставленным хищником.

Большую часть битого зверя Плетнёв вывез из тайги на ст. Хайлин. Не мало пропало у нас зверя в горах, вследствие невозможности вывезти его к населённым пунктам.

Мой снимок тигра вышел не особенно удачным, так как светосила объектива не была настолько значительна, чтобы зафиксировать дикого зверя в тайге. Тем не менее, увеличенный негатив был отретуширован в одной из харбинских фотографий и в настоящее время представляет собой весьма редкий

и оригинальный снимок живого тигра в естественной обстановке дикой первобытной тайги.

Прожив у меня на ст. Ханьдаохецзы ещё с неделю, приведя в порядок одежду и снаряжение и купив трёх собак местного дворового типа, Плетнёв отправился к себе домой в Уссурийский край, через всю Гиринскую провинцию Маньчжурии, предполагая выйти к устью реки Мурени, а оттуда вверх по Уссури.

Печ. по: Охотник и пушник Сибири. 1928. № 10. С. 62–55.

В УЩЕЛЬЯХ ТИГРОВОЙ ГОРЫ

Н. Байков

Очерк

Ажурная, как кружево, каменная вершина Тигровой горы сливалась с фоном голубого неба и, действительно, по форме своей напоминала котёл, откуда и получила своё китайское название «Кокуй-Шань». Русские называли её Тигровой, так как в её окрестностях всегда было много этого зверя, и здесь же в её каменных трущобах тигры выводят детёнышей. 1911 году в окрестностях Тигровой горы мною был убит тигр, какого никогда ещё не убивали в районе Кокуй-Шаня. Вес этого гиганта превышал 260 килогр. и высота в плечах его была 115 сант., общая длина равнялась 365 сант. Такие экземпляры теперь встречаются крайне редко, так как в настоящих условиях энергичной охоты на тигра зверь этот может достигнуть своего предельного возраста и физической мощи. Большая часть добываемых тигров относится к категории молодых, не достигших даже пятнадцатилетнего возраста. Средний вес добываемых ныне тигров колеблется между 160 и 200 килограммами.

Высота Тигровой горы равняется 1.600 метрам; её скалистая гранитная вершина почти не доступна вследствие крутизны и обрывистости склонов. Расположена она не на главном хребте, а на одном из его восточных отрогов. В ясную погоду её вершина видна на расстоянии километров до 80 и да ещё больше. С этой горой у местных китайцев связано не мало легенд и сказаний, приуроченных к культу тигра, корня женьшеня и таинственной птицы Цяо-р, (крики шторой часто можно слышать в мае месяце в таёжных районах Гиринской провинции, к югу от 46° широты.

Вследствие малодоступности на вершине горы почти никто не бывал, так как китайцы воздерживаются от восхождения из суеверия, думая, что там живёт злой торный дух в образе тигра. Из европейцев, побывавших на вершине, можно указать только на двух-трёх человек, любителей природы и охотников. Мне лично удалось побывать там два раза – летом и зимой. Её обнаженная гранитная вершина имеет форму подковы; она вся изборозжена трещинами и покрыта обломками огромных камней; растительность скудная: кедровый сланец, лишайники и мхи составляют преобладающие виды местной флоры. Само собой разумеется, что вид отсюда во все стороны поразительный: на десятки и сотни вёрст открываются великолепные панорамы – к западу в долину р. Сунгари и к востоку в долину р. Муданцзяна.

В прежние времена в дремучих кедровниках Кокуй-Шаня было много драгоценного женьшеня, но теперь, с вырубкой лесов, растение это стало чрезвычайно редким и встречается только в недоступных каменных россыпях северных склонов горы. По поверью манчжур-звероловов, на вершине Кокуй-Шаня живёт начальник всех тигров, по-китайски «Да-Ван». На широком лбу его по странной игре природы имеются изображения этого иероглифа. В 1911 году, когда я привёз убитого мною тигра на ст. Вейшахэ, со всех окрестных мест приходили и приезжали китайцы для поклонения Да-Вану и воздания ему божеских почестей. С тех пор русские стали называть гору Кокуй-Шань – «Тигровой». Этим же именем названа лесная концессия КВЖД, примыкающая на западе к подножью этой горы. В настоящее время лесные разработки продвинулись до самого подножья Тигровой, куда проведена ветка ж<елезной> д<ороги> от ст. Лидахэза на 35 кило<метров>. Хищники не чувствуют себя так свободно, как раньше, и появляются на горе только в конце зимы, когда кабаны из кедровни-

ков переходят в дубняки на жёлуди. Весной же и летом на этой горе они выводят своих детёнышей и поздней осенью, когда начинаются работы на концессии, уводят их в более безопасные места, на южные склоны главного хребта Лао-Лина.

Однако, человеку ещё раз удалось перехитрить свободолюбивого и опасного зверя.

...В бараке стало душно, и я вышел освежиться. В это время ко мне подошёл один из рабочих китайцев, отвёл меня немного в сторону и шёпотом начал объяснять, что недалеко от барака, вёрстах в пяти, в каменистых россыпях Тигровой горы, он обнаружил логовище тигрицы и в нём одного тигрёнка, величиной с кошку; но просил никому не говорить, иначе товарищи его могут за это убить: тигр и его гнездо, по понятиям китайцев, неприкосновенны, в силу известного, древнего культа.

Пообещав рабочему награду, я уговорил его пойти со мной к берлоге за тигрёнком.

Вдвоём с китайцем мы шагали в глубину тайги, пробираясь через густые заросли дикого винограда и актиний, переходя вброд быстрые горные потоки, направляясь к западу. Ночь наступила быстро. Идти дальше не было возможности. Мы продвинулись ещё немного и расположились на ночлег в глубокой пади у самого ручья, под развесистой старой елью.

По словам китайца, логовище тигрицы находилось именно среди таких зарослей, в скалах, в версте от того места, где мы остановились на ночлег.

А на следующий день, когда небо стало чуть-чуть розоветь, мы быстро собрались, выпив остатки вчерашнего чая, и двинулись к верховью ручья, у которого ночевали. Шли в полумраке. Китаец – впереди, я – за ним, держа винтовку наготове. Медленно, шаг за шагом подвигались мы вперёд, и эта медленность беспокоила нас: нужно было пробраться к берлоге тигрицы раньше, чем тигрица вернётся с охоты.

Мой проводник все чаще припадал к земле, всматриваясь в следы; в одном месте он указал мне на мягкий грунт, где ясно отпечатывались круглые кошачьи следы тигра. До логовища оставалось всего каких-нибудь 300 шагов. Мы остановились и стали прислушиваться. Ни один звук не нарушал тишину леса. Впереди перед нами возвышался из зарослей одинокий камень, метров восьми высоты; к нему прислонился ствол липы, вырванной бурей. Китаец что-то соображал, смотря на эту липу, и, приняв решение, поманил меня пальцем следовать за собой. Затем он быстро, как обезьяна, взобрался на камень и оттуда производил наблюдения. По выражению его лица и жестам я понял, что он что-то видит, затем он пригласил меня влезть за ним на скалу. Очутившись рядом с ним, я стал всматриваться по направлению его руки в заросли и, после значительных усилий, увидел логовище зверя под нависшею скалой. Со всех сторон оно было закрыто камнями и сплошной стеной из зарослей дикого винограда и лиан. В глубине логова что-то шевелилось, но что именно, разобрать было трудно. Китаец уверенно заявил, что тигрица ещё не вернулась с охоты, и в гнезде только один тигрёнок, к чему я отнёсся недоверчиво, зная, что тигрица приносит двух или даже трёх детей.

По признакам в логовище матери не было, и надо было принимать какое-либо решение. Я предложил китайцу идти со мной к берлоге. Сначала он отказался, но потом, после минутного колебания, согласился. Единственное своё орудие, маленький столярный топорик, он вынул из-за пояса, попробовал пальцем его остроту и произнёс: «Син». По-видимому, он был крепко уверен, что тигрица отправилась за кормом и вернётся только к полудню, чем и объяснялось его согласие идти к логовищу.

Осторожно спустившись со скалы, мы двинулись вперёд к зарослям, где скрыта была берлога. Решив взять тигрёнка, мы должны были действовать быстро и энергично, иначе малейшая оплошность и замедление грозили нам неприятными последствиями. Это сознание овладело каждым из нас и заставило быстро ориентироваться в создавшемся положении. На случай поимки зверёныша я захватил с собой из барака пустой мешок. Подойдя вплотную к логову, мы услышали тонкое жалобное мяуканье. Заметив нас, тигрёнок бросился внутрь и, прижавшись к стене, взъерошил шерсть, шипел, весь дрожал и, по-видимому, находился в полном отчаянии. Дикие глазёнки зверька выражали страх и беспредельный ужас. Впервые он увидел страшного, неизвестного ему зверя – человека и не знал, что ему предпринять. Медлить было нечего: каждая минута была дорога. Ван-Тин очень искусно и быстро накинул на зверёныша мешок и скрутил его верёвкой. Очутившись в мешке, зверёныш сразу притих, перестал сопротивляться и не подавал даже признаков жизни. Очевидно, страх и отчаяние лишили его сил и воли.

Во время всей этой процедуры я стоял у входа в логовище, держал винтовку наготове, так как мать могла вернуться каждую минуту, и тогда пришлось бы нам иметь с нею не со всем приятное дело. Взвалив мешок на плечи, Ван-Тин вышел из берлоги и быстро зашагал вниз по ручью. Я следовал за ним по пятам, постоянно оборачиваясь назад, в ожидании появления разорённого зверя. Наше движение скорее походило на бегство. Не обращая внимания на заросли, колючки, бурелом и камни, попадавшиеся по пути, мы не шли, а летели вниз, в надежде выбраться поскорее из чащи на лесную дорогу, пролегающую по пади реки Хамихеры. Там мы считали себя в относительной безопасности, так как следы наши смешивались со следами обозов, идущих из тайги на линию КВЖД.

Илл.: «Тигровая гора, высота около 1600 м. Вид с запада», «Голова тигра. На лбу и затылке китайские иероглифы (Ван-Да) – Большой начальник», «Двухмесячный тигрёнок, пойманный у Тигровой горы».

Печ. по: Охотник и пушник Сибири. 1928. № 12. С. 87–90.

ЖЕРТВА ГОРНОМУ ДУХУ

Н. Байков

Рассказ

Около двух недель охотились мы в дремучих кедровниках верховьев реки Хайлинхе, постепенно подвигаясь к западу, к главному хребту Лао-Лин, тёмные зубчатые вершины которого виднелись невдалеке, на фоне голубого неба. Прямо перед нами возвышалась скалистая пирамидальная громада Татубинзы, освещённая красноватыми лучами заходящего солнца. Короткий зимний день приближался к концу, и из ближайшего ущелья повеяло жёстким морозом. Щёки и носы наши онемели так, что пришлось время от времени потирать их жёсткой заскорузлой рукавицей. Со мной был неизменный товарищ по таёжным скитаниям Акиндин Бобошин. Мы шли по тропе, поднимаясь на один из отрогов Татубинзы, в надежде к ночи дойти до фанзы знакомого зверолова Ло-сы. В стороне от тропы всё чаще и чаще попадались насторожённые ловушки на белку и соболя. Следы этих зверьков ясно виднелись на колоднике и стволах упавших деревьев, в рыхлой недавно выпавшей пороше. Бобошин шагал впереди меня, беспечно закинув винтовку за спину. За ним тянулась струя едкого и вонючего дыма самодельного тютюна, и я принуждён был держаться на почтительной дистанции, причём приятель иронизировал на мой счёт, говоря, что нос у меня чересчур деликатен. Не доходя версты две до фанзы, мы нашли довольно свежие следы двух больших тигров; звери перешли тропу с севера на юг, причём отпечатки их лап виднелись на тропе, на протяжении полуверсты по направлению фанзы.

– Пенсне! А ведь звери-то здесь недалеко, – произнёс Бобошин, вынимая изо рта свою носогрейку, – завтра надо их проследить. Далеко не уйдут – это местные.

Я разделял его мнение и посоветовал прибавить шагу, чтобы засветло дойти до фанзы, так как обувь наша оборвалась и требовала починки.

Мы быстро зашагали по тропе и вскоре вышли на небольшую поляну, посреди которой приютилась фанза, живописно расположенная под навесом высоких гранитных скал, вершины которых осеняли старые могучие кедры. Рядом с фанзой, в скале высечена была неглубокая ниша, где стояла деревянная кумиренка с разбитой глиняной чашкой, наполненной пеплом и воткнутыми в него курительными свечами.

На задней стене кумиренки, на ветхой изорванной бумаге изображён был тигр, напоминающий не то дракона, не то какое-то сказочное чудовище. Услышав наши шаги ещё издали, старый зверолов вышел из фанзы и ожидал нас у порога.

– Моу-цзы, Бобошка! Пенсне! Здравствуй, здравствуй! – кричал обрадованный старик, приглашая в свою фанзу и жестикулируя своей единственной правой рукой. От левой руки у него осталась одна культяпка по локоть. По рассказам старого зверолова, руки он лишился в борьбе с медведем, которого ранил из своего фитильного ружья. Раненый зверь бросился на охотника и так изжевал ему руку, что её пришлось отрезать по локоть. Операцию эту проделал он сам острым ножом сапожного типа, причём образовавшуюся рану продолжительное время поливал горячим медвежьим салом. И вот, вопреки всем догматам хирургической асептики, рука зажила, и старый таёжник промышлял по-прежнему зверя, стреляя из своего самопала одной рукой. Пока Ло-сы возился по хозяйству, приготовляя для нас пельмени из принесённой нами кабанятины, мы занялись ремонтом сво-

ей одежды и обуви, порядочно потрёпанной во время двухнедельных скитаний по тайге. Работая бритвой и шилом, при тусклом свете примитивной лампы, мы наблюдали за одноруким хозяином, стряпавшим пельмени, и удивлялись той ловкости и проворству, с которыми он расправлялся при раскатывании теста и рубке мяса. Оголённая кульяпка его при этом принимала самое деятельное участие. Когда пельмени были готовы и пышущие клубами пара поданы были в большой миске на кан, мы закончили починку и с удовольствием подсели к миске. Хозяин также принял участие в угощении, и через полчаса от вкусных пельменей ничего не осталось. Выпив огромное количество кружек чаю, мы расположились поудобнее на тёплом кане с намерением хорошенько выспаться, так как несколько ночей подряд приходилось спать на снегу у костра. Ночь была светлая, лунная. Мороз усиливался, и маленький звук в тайге слышен был на далёкое расстояние. Богатырский храп Бобошина потрясал ветхие стены убогой фанзы и мешал мне заснуть, но усталость незаметно сомкнула мои веки, я вскоре погрузился в глубокий сон. Перед рассветом я проснулся с намерением выйти из фанзы. Луна уже зашла, и в тайге стало темно, как в яме. При слабом свете ночника я различил сторбленную фигуру Ло-сы у очага. Он сидел на корточках и усиленно раздувал тлевшие угли, раскуривая свою трубку. Когда я приблизился к двери, с целью выйти, старик быстро поднялся и, подбежав ко мне, удержал меня за рукав. Не зная в чём дело, я задал ему обычный вопрос:

– Шима? – Он полушёпотом проговорил, показывая пальцем на дверь: – Ходи не надо. Шибко худо есть. Близко-близко у фанзы ходи большой начальник. Моя всю ночь слушай его шаги, его дыхание, его голос. Его шибко сердися. Его хочу кушай бедный китайский люди, но его бойся русски люди. Когда ваша уходи, его всё равно бери китайских люди и кушай. Его шибко большой капитан. Его Ван. Китайски люди не могу его бивай.

В подтверждение своих слов напуганный старик стал у двери и начал прислушиваться, приглашая меня к тому же. Я также стоял у окна фанзы, затаив дыхание и весь обратившись в слух. Бобошин спал сном младенца, прикрывшись от холода рваным ватным одеялом хозяина. Храпа его слышно не было, и только из могучей груди его вылетало мерное хриплое дыхание. В тайге не слышно было ни одного звука, только по временам казалось, что хрустнула ветка, зашуршал обледеневший снег и скрипнул под тяжёлою стопой. Но я полагал, что всё это галлюцинация слуха, и намеревался уже открыть дверь, несмотря на протест зверолова, но в последний момент, когда дверной крючок уже соскочил с петли, мой слух уловил явственные шаги по мёрзлому снегу у самой фанзы. Ло-сы замер от ужаса, судорожно схватив меня за руку. Мы оба как бы застыли в ожидании. Сомнения не было: вокруг фанзы бродили какие-то звери, и их тяжёлые, в то же время мягкие шаги ясно слышны были в морозном воздухе. По временам раздавалось сдержанное ворчание и фыркание. По этим характерным звукам я знал, что это тигры, и намерение выйти из фанзы сразу отпало. Я разбудил Бобошина. Спросонья он схватился за винтовку с целью стрелять зверей через открытую дверь, но, прочухавшись, понял бесполезность этого занятия и стал усиленно раскуривать свою носогрейку. Видя наше спокойствие, Ло-сы перестал нервничать и рассказал нам историю о тиграх-людоедах, появляющихся через каждые десять лет за данью в виде человека. Человеческая жертва должна быть представлена ему людьми добровольно, в противном случае людоед не ограничится одним человеком, а возьмёт десять. Таково народное поверье. По мнению старого зверолова, Ван со своей женой приходил уже вторую ночь к фанзе, требуя себе жертву. То же самое он проделывал и с другими фанзами звероловов в ближайших окрестностях. Оказывается, что зверь навёл такую па-

нику, и так терроризировал несчастных таёжных обитателей, что они сообща решили исполнить его волю принесением ему требуемой жертвы. Добровольно, конечно, никто из них не соглашался принести себя в жертву, но тут подвернулся счастливый случай, а именно: в дальней фанзе, на западном склоне Татубинзы, один из рабочих китайцев, приносивших продукты из города Цунхэ, уворовал из тайника десять соболиных шкурок, принадлежавших трём звероловам. На обратном пути в город его поймали, отвели назад в тайгу, судили своим таёжным судом и приговорили к смерти. Приговорённого к смерти в летнее время обыкновенно закапывают в землю живым, а в зимнее – отдают на съедение зверям. В этом случае одним выстрелом можно было убить двух зайцев: привести в исполнение закон тайги и выполнить повеление великого горного духа, воплотившегося в страшного Вана.

Сон наш как рукой сняло. Мы с Бобошиным сидели на подогретом кане, внимательно слушая повествование старого зверолова. Изредка Бобошин подавал свои реплики и делал иронические замечания. Из слов Ло-сы мы поняли, что приговор будет приведён в исполнение в самое ближайшее время, чтобы избавиться от назойливого хищника.

– Вот и отлично, Ло-сы, – сказал Бобошин, обращаясь к зверолову, – завтра мы с Пенсне пойдём в фанзу к вашему Вану и такого ему трезвону зададим, что он со страху подарит нам свою шкуру.

Когда в тайгу проникли первые отблески зари и скалистый кряж Татубинзы перехватил розовые предвестники золотых лучей восходящего солнца, мы с Бобошиным, ёжась от холода, быстро шагали вверх по тропе, по следам уходивших хищников.

Пара хищников, побродив ночью вокруг фанзы зверолова, отправилась в скалистые кряжи главного хребта, где, вероятно, находилось их логово. Пройдя по следам их вёрст пять, мы подошли к высоким отвесным скалам, заполняющим весь гребень Лао-Лина. Следы зверей вели нас на эти кручи, доступные только для хищников и для горалов, водившихся в изобилии в этих каменных трущобах.

– Вот чёртова зверюга, – с досадой произнес Бобошин при виде этих недоступных твердынь, куда скрылись звери. – Теперь шабаш, не достанешь их никакими судьбами. Придётся идти в обход этого кряжа. Это даст крюку вёрст в двадцать.

Мы стояли на крутом склоне хребта, поросшего дубняками. Огромные площади этого склона носили на себе следы многочисленных стад кабанов. Всюду виднелись их покопки, и земля вместе со снегом была как бы вспахана. Большинство следов – старые, но были и свежие. Нам показалось удивительным, почему тигры не обратили внимания на эти следы и не занялись охотой на кабанов, которые составляют их любимую пищу в тайге. Не имея возможности перейти через высокую каменную гряду, мы пошли вдоль неё, надеясь найти доступное место для перехода на западный склон хребта. Кабанов мы оставляли в покое, хотя имели возможность взять несколько штук, подвернувшихся нам на самом близком расстоянии.

К полудню мы, наконец, достигли такого места, где каменная гряда понижалась и дала нам возможность перевалить на другую сторону хребта, что мы и проделали с большими усилиями, так как всё же подъём был настолько крут и каменист, что приходилось продвигаться ползком, при помощи ног, колен, локтей и рук. На самом перевале, в скалах, мы спугнули с лёжки большую рысь, которая подпустила нас совсем близко, почти вплотную. Лежала она под нависшею скалой и, когда Бобошин был от неё шагах в двадцати, она метнулась в сторону и пошла вверх большими прыжками, взбираясь на одиноко стоящий

утёс. Вскоре она появилась на вершине утёса и залегла там так, что нам отчётливо были видны её голова, кисточки на ушах и часть белой груди. Расстояние было не более 150 шагов. Она совершенно застыла в неподвижной позе и уставилась на нас своими зоркими глазами. Я поднял было винтовку и прицелился, но Бобошин, стоявший сбоку, положил мне на плечо свою тяжёлую руку и произнёс:

– Брось, Пенсне! Не стоит! Выстрелом отгонишь тигров. Они где-нибудь здесь недалеко.

Я не согласен был упустить довольно редкую добычу и, отойдя немного в сторону, снова взял на мушку белое пятно на груди зверя.

– Ну, стреляй, если уж так хочешь. Авось не потревожим тигров.

Раздался сухой треск выстрела моей трёхлинейки, и рысь, убитая наповал, сделав прыжок вперёд, как мешок, свалилась с утёса в рыхлый снег. Подбежав к ней, я убедился, что она мертва. Это был великолепный экземпляр оленьей рыси в зимнем наряде, серебристо-красноватого цвета, с темными пятнами, расположенными на спине рядами. Величина её была внушительна, так как от носа до корня хвоста помещалось шесть четвертей. Опытной рукой Бобошина шкурка была снята чулком быстро, при этом выяснилось, что моя разрезная пуля вошла в левую сторону груди и, разорвавшись, поразила сердце, лёгкое и часть кишечника. Тушу мы закопали в снег, так как намеревались отдать её знакомым китайцам, у которых рысье мясо считается лакомством. Красивую шкуру зверя Бобошин приторочил себе через плечо. Спустившись на западный склон Лао-Лина, мы двинулись опять вдоль каменной гряды, направляясь на юг, где белела на синем фоне неба, как бы сотканная из тонких кружев, вершина Татубинзы. Здесь, как и на восточном склоне, было много свежих покопок кабанов, и под старыми дубами темнели их гайна и лёжки. Несколько раз мы настолько близко подходили к зверям, что они стояли как бы в оцепенении, не будучи в состоянии двинуться с места, и только, когда находились от них шагах в пятидесяти, не спеша, удалялись, издавая недовольное похрюкивание. Объясняется это тем, что здесь никто на них не охотится, кроме тигра, и человека зверь не боится. Такой чуткий и осторожный зверь, как изюбрь и пятнистый олень, и те подпускали нас вплотную. Мы находились как бы в естественном зверинце-питомнике, населённом разнообразным зверем. Бобошин даже острил по этому поводу:

– Знаешь, Пенсне, можно подумать, что мы с тобой попали в рай. Уж больно зверь здесь смирный. И стрелять-то его здесь зазорно.

При этом он любовно и добродушно поглядывал по сторонам на мелькавшие фигуры зверей, пыхтя своей носогрежкой. Под вечер мы, наконец, нашли выходные следы тигров, опустившихся с хребта и направившихся к югу, поперёк крутых скалистых отрогов Татубинзы. Голодные и утомлённые до последней степени, мы решили заночевать в одной из пещер скалистого кряжа Лао-Лина. Разложив большой костёр у самого входа в пещеру, мы разложились на мягких перинах из сухой листвы и, закусив шашлыком из рысьего окорока, захваченного с собой Бобошиным, заснули крепким сном, убаюканные тихой песнью тайги и весёлым шёпотом разгоревшегося костра. Под утро, едва только побелела восточная часть небосклона, мы были уже на ногах. Наскоро напившись чаю, мы снова зашагали по хребтам, не теряя из вида следы полосатых хищников. Судя по их направлению и манёврам, которые проделывали звери, тигры кого-то искали, то расходясь в стороны, то снова сходясь вместе. Следы самца были огромные, вероятно, вес его превышал 320 килограммов, следы же самки сравнительно были невелики. Преследование тигра чрезвычайно утомительно и трудно, так как приходится неотступно идти за ним по зарослям, по каменным россыпям, по крутым гребням гор, по бурелому и т.п. Частые и необходимые остановки для

отдыха вызывают задержку в движении с риском упустить зверя. Нас особенно поражал тот факт, что хищники, как и прежде, не обращали внимания на лёгкую добычу в виде кабанов, жирующих здесь во множестве. Тигры неуклонно держались одного направления, поперёк западных отрогов Татубинзы. Чтобы не терять времени, мы на ходу закусывали сухарями, заедая их снегом, и на ходу отдыхали, делая короткие остановки, не присаживаясь. Солнце склонилось уже к западу, когда мы вышли, наконец, на битую тигровую тропу, по которой звери эти совершают обыкновенно свои переходы с юга на север и обратно.

Пользоваться этой тропой очень затруднительно, так как шаг у тигра больше человеческого, и все хищники, идущие по тропе, ставят свои лапы след в след так, что тропа представляет собой ряд глубоких ямок в снегу на расстоянии аршина одна от другой и даже немного более. Предпочтительнее идти сбоку, по целине. Придерживаясь этой тропы, мы вскоре вышли на перевал крутого хребта, где представилась нам ужасная картина гибели человека в когтях преследуемых нами хищников. На самой вершине перевала снег был смят и вытоптан широкими лапами зверей и окровавлен. Всюду валялись обрывки и клочки ватной китайской одежды; тут же торчали из-под снега кожаные улы, порванные и измятые зубами хищников. Около меховой шапки под старым развесистым дубом, извиваясь, как змея, блестела чёрная длинная коса. На стволе дуба висели обрывки крепкой пеньковой верёвки, толщиной в палец. Кора дерева обрызгана кровью. Никаких остатков человека мы не нашли: очевидно, растерзав его, звери пожрали его всего, целиком. Только в некоторых местах на снегу темнели замёрзшие сгустки крови. Вот и всё, что осталось от несчастного китайца. Смотря на всё это, можно было легко представить себе эту кошмарную таёжную драму. Слова Ло-сы оправдались: человек, нарушивший закон тайги, был приговорён к смертной казни и отдан на растерзание зверей. Крепко привязанный к стволу дерева, прежде чем принять мучительную ужасную смерть, он должен был испытать невероятные переживания, так как свирепые кровожадные хищники по частям отрывали части его тела, чтоб освободить его от верёвки. Мы стояли долго на этом лобном месте, где совершена была казнь человека во имя древнего первобытного закона «око за око и зуб за зуб». Эта жуткая, таёжная драма, разыгравшаяся здесь прошлую ночь, производила самое удручающее впечатление. Даже мастодонт Бобошин не выдержал и разразился отборною бранью по адресу знакомых ему таёжников:

– Вот черти! Проклятые ироды! Накормили-таки человеческим мясом своего бога. Чтоб им так же пропасть, окаянным. Ну, погоди же, попадись только мне на мушку их великий горный дух. Спусти с него шкуру. Даром, что он сам Ван.

Долго ещё возмущался мой приятель, посылая весьма нелестные эпитеты тиграм-людоедам и суеверным фанатикам-звероловам, и густой бас его гудел под сводами дремучего леса.

Вечерело. Багровый диск заходящего солнца скрывался за зубчатыми гребнями отрогов Лао-Лина, и тёмно-синие тени ночи протянулись уже по крутым склонам лесистых гор. Надо было подумать о ночлеге. Спустившись в глубокий распадок с массой валежника у сухостоя, мы разгребли снег между двумя большими камнями и, разложив костёр, приготовились к ночёвке в долгую зимнюю ночь.

Бобошин сверх обыкновения был угрюм и молчалив, изредка слышалось его недовольное ворчание да шипение неизменной носогрейки. Мы лежали у костра, нежась на мягких постелях из еловых ветвей, и думали свои думы, прислушиваясь к тишине таёжной пустыни.

Печ. по: Охотник и пушник Сибири. 1928. № 6. С. 76–80.

ЯЗЫК ТАЙГИ

Н. Байков

Очерк

Кто бывал в дремучей тайге Маньчжурии и нашего Дальнего Востока, кто бродил по её звериным тропам, тот, вероятно, знает кое-что о таинственном языке условных знаков, встречающихся там на каждом шагу на деревьях, кустах, камнях и других местных предметах. Эти условные знаки являются единственным немым «языком тайги», называемым таёжными обитателями «Шу-Хуа», что означает «лесной язык». Происхождение его весьма древнее и, вероятно, скрывается в глубине веков, когда первобытный человек, не имея письменности, выражал свои мысли примитивным способом, в виде простых, несложных знаков и изображений на окружающем его подручном материале. Этот язык, являясь родоначальником позднейшей письменности, сохранился до сих пор во всей своей неприкосновенности в диких, некультурных странах, где примитивная жизнь человека всецело зависит от окружающей его природы. В нашей тайге язык этот применяется её обитателями при всех передвижениях в поисках зверя и человека, для указания направления и в других случаях, когда это признаётся необходимым как для себя лично, так и для других заинтересованных лиц. В большей или меньшей степени язык этот известен всем таёжникам, и все условные знаки его имеют свой определённый шаблон, выработанный практически и на основании известных традиций. Количество знаков этого языка очень велико, и, вероятно, доходит до нескольких сот. Все эти знаки по значению можно разделить на две категории, а именно: 1) знаки общего значения, 2) знаки специального значения. Первые известны всем обитателям тайги и употребляются всеми; вторые – узкопрофессиональны и применяются таёжными профессионалами. Таким образом, члены каждой профессии, кроме общих знаков, применяют ещё свои специальные, имеющие особое назначение. Всех таёжных обитателей по профессиям можно разделить на следующие категории: звероловы, охотники, хунхузы, золотоискатели, рыболовы, искатели женьшеня, собиратели грибов (му-эрр) и дровосеки. Члены всех этих профессий живут между собой очень дружно. Взаимоотношения их регламентируются не писанными законами, а обычаями, установленными самой жизнью в суровых условиях тяжёлой борьбы за существование. Но существу, все условные знаки можно разбить на несколько типов, а именно: 1) затёсы на стволах деревьев, с разнообразными на них значками показательного характера, 2) заломы ветвей, 3) завязки ветвей, 4) срезы ветвей, 5) особая укладка камешков, 6) зарубка на стволах и т.д. Существуют ещё и другие типы, но шесть главных здесь перечислены. Солидарность друг с другом и чувство взаимопомощи заставляют таёжного человека делать необходимые указания, с целью облегчить промышленнику его тяжёлый труд, сопряженный с опасностями и лишениями, лицом к лицу с суровой, беспощадной действительностью. Необычайно тяжёлые условия жизни и промысла в дикой, первобытной тайге выработали свой особый оригинальный социальный строй, основанный на превосходстве реальной силы и, в то же время, при участии этически-гуманитарных начал, как то – взаимного доверия, взаимопомощи и сострадания. Такое странное сочетание противоположных этически-нравственных элементов, как господство грубой силы и сострадание к слабости, объясняется всей сущностью таёжной жизни, при бессилии человека в борьбе с грозными силами природы. Сила, как она есть, и в чём бы она ни выражалась, без сомнения, должна быть преобладающим началом в этой перво-

бытной борьбе за жизнь, но, параллельно с этим, и другие гуманитарные элементы человеческих взаимоотношений находят себе место в этом древнем социально-правовом строе. Лесной обитатель-таёжник представляет собой оригинальный, отживающий тип, выработанный исключительными условиями жизни, вне влияния культуры и цивилизации. Его психология и мировоззрение имеют мало общего с мировоззрением современного культурного человека. Его физический и духовный облик вполне гармонирует с окружающей лесной стихией и соответствует тем требованиям, какие предъявляет сама жизнь и крайне трудная, опасная профессия. Хитрость лисицы, выносливость тигра, чутьё собаки, глаз сокола, ухо зайца – вот характерные качества старого лесного бродяги, приобретённые и усовершенствованные в тайге.

Человек и зверь соединились в нём, но зверь не заглушил в нём человека. Материалист уживается в нём рядом с мечтателем, поэтом и философом. Одинокая жизнь в пустыне, полная опасностей, наложила на него свой отпечаток, своё клеймо. Совершая передвижения по тайге, он весь превращается в зрение и слух, ничто не ускользает от его внимания. Зная закон тайги, дающий право на жизнь сильнейшему, он всегда «на-чеку», всегда готов к борьбе на жизнь и смерть. Религиозные убеждения его не выходят из рамок узкого материализма; одухотворяя природу, он создал себе особый культ, отражающийся на всём быте его и укладе жизни.

Таков таёжник – лесной обитатель! Этот тип сохранился не только у нас в Сибири, но и в других странах, где существуют обширные девственные леса, где культура не смела ещё с лица земли её природные первобытные украшения. Этот оригинальный человеческий тип воспет в мировой литературе и знаком нам по романам Купера и Майн-Рида. Язык тайги, о котором идёт здесь речь, очень мало или даже почти со всем не известен русским, живущим в Маньчжурии и на нашем Дальнем Востоке. Причина этого явления, без сомнения, кроется в отсутствии у местного русского населения интереса к тому народу, с которым ему приходится сталкиваться и жить бок о бок. Язык тайги, как характерный выразитель психологии лесных обитателей, заслуживает всестороннего изучения не только с точки зрения принципиальной: он открывает перед нами завесу, скрывающую неизвестную нам трудную жизнь.

Во время моих скитаний по горам и лесам Маньчжурии, мне часто приходилось не только встречаться, но и жить среди этих простых, наивных и в то же время мудрых тружеников леса, посвятивших меня в тайну их первобытного лесного языка, научивших понимать красоту и величие вселенной и читать её открытую книгу, написанную искусною рукою вечно молодой, прекрасной природы.

Илл. «Образцы типичных знаков языка тайги (слева направо): 1. Перекрёсток дорог. 2. Дорога на перевал. 3. Фанза у слияния трёх рек. 4. Фанза у слияния двух рек. 5. Фанза близко. 6. Залом ветки в сторону пути. 7. Срез ствола в сторону пути. 8. Есть бродяги по числу палочек. 9. Вода близко. 10. Берегись худых людей. 11. Дорога в падь. 12. Дорога по ловушкам».

Печ. по: Охотник и пушник Сибири. 1928. № 11. С. 93–95.

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ

Н.А. Байков

Во времена глубокой древности, когда первобытный человек вёл ожесточённую борьбу с крупными хищниками начала четвертичной эпохи и отстаивал своё право на жизнь и существование, пещерный исполинский медведь представлял собой страшного беспощадного врага, который, вследствие своей многочисленности, угрожал даже более или менее организованным человеческим общинам. Оружие и способы защиты той отдалённой эпохи были настолько примитивны, что зверь, обладавший более совершенными орудиями защиты и нападения, имел все преимущества перед человеком и являлся истинным властелином дикой, первобытной земли. С тех пор прошли тысячелетия; большая часть крупных четвероногих хищников исчезла, благодаря изменившимся физическим условиям жизни, или была уничтожена человеком, развившим эволюцию своей культуры до возможного совершенства. Теперь человек стал властелином на земле, а дикий зверь, загнанный им в непроходимые дебри гор, пустынь и лесов, влачит жалкое существование под угрозой окончательного истребления и вымирания. Но всё же, несмотря на колоссальное развитие культуры и цивилизации и высокие достижения человека в области отвлечённой мысли, практической техники и чистой науки, обаяние, которым пользовался дикий кровожадный зверь в тёмную и отдалённую эпоху младенчества человечества, сохранилось до наших дней, пережив вереницы веков и тысячелетий.

Мы видим, что у многих народов Старого и Нового Света существуют верования, обычаи и обряды, составляющие особый культ почитания, поклонения и даже обожествления некоторых животных. Этот культ сохранился во всей своей полноте у современных диких и полудиких народов; но не подлежит никакому сомнению, что некоторые остатки этого культа живут ещё даже среди самых культурных народов Европы и Азии. Вспомним культ змей, тигра, дракона и многие другие. К числу таких пережитков седой старины относится также культ медведя, существующий у многих народов северной Европы, Азии и Америки. Культ этот, по существу, довольно однообразен и у разных народов отличается только деталями и специфическими особенностями, соответственно национальному характеру и мировоззрению. Общая идея этого культа та, что медведь – существо разумное, одарённое умом человека. Крайняя необходимость заставляет охотника убивать медведя. После смерти перед ним совершается моление, с целью умиловить душу убитого и испросить прощение за причинённую смерть. В честь убитого приносятся жертвы и произносятся заклинания.

Культ этот, связанный отчасти с христианством, существует до сих пор у лопарей Норвегии и Финляндии, у самоедов архангельской тундры, зырян и вогулов Печерского края.

У всех инородцев Сибири и Камчатки, а также у краснокожих Северной Америки культ этот имеет большое значение в религиозно-нравственных воззрениях народа и, кроме того, играет даже значительную роль во всём укладе его жизни.

В Маньчжурии культ медведя, в том или другом виде, существует у ороочонов и солонов в горах Большого Хингана и у гольдов в низовьях Сунгари и Уссури, а также у тунгусов. Медведь представляет для тунгусов, этих полудиких охотников, драгоценное животное и в то же время чрезвычайно опасное, поэтому неудивительно, что эти наивные дети природы стараются умиловить его и

после убийства считают долгом принести искупительную жертву. Она состоит в том, что череп убитого медведя насаживается на кол, который находится перед каждой фанзой с восточной стороны. С этого времени череп медведя становится священным предметом. В честь медведя у них установлено празднество, которое и является искуплением и, вместе с выкармливанием молодого медведя, ежегодным торжественным молением, совершаемым осенью в присутствии всех членов рода. За избранным медвежонком ухаживают и откармливают его; затем его убивают, с соблюдением известным торжественных обрядов, причём много поют, пляшут и пьют водку. В заключение сдирают с него шкуру, пьют его тёплую кровь, съедают печень и мозг в сыром виде и водружают его череп на священный столб.

Китайцы-звероловы и охотники не поклоняются медведю, как некоторые тунгусские племена, но всё же у них существует обычай – после удачной охоты на этого зверя молиться его душе и приносить жертву ей в виде кедровых орехов, веток с кистями винограда и других растительных продуктов, служащих медведю пищей. В нос убитому зверю обыкновенно пускают дым из трубок, а некоторые охотники вкладывают в рот медведя зажжённую трубку. Эти и некоторые другие обрядности существуют, вероятно, с древних времён и сохранились от предков, бродячих народов северо-восточной Азии тунгусского и монгольского происхождения.

Некоторые охотники, не только китайцы, но и русские, перед охотой на медведя, намазывают себе лицо и руки медвежьим жиром, думая, что медведь, чуя его запах, не тронет охотника, даже будучи тяжело ранен. У других же суеверных охотников существует убеждение, что коготь медведя, врезанный в дерево приклада оружия, способствует удачной охоте на этого зверя. Много ещё других суеверных обычаев держится среди местных охотников и промышленников, но описание их не входит в рамки настоящего очерка.

Печ. по: Байков Н.А. Медведи Дальнего Востока // Вестник Маньчжурии. 1928. № 8. С. 49–50.

ОХОТНИКИ-КОРЕЙЦЫ

Н.А. Байков

Кроме китайцев и маньчжуров, в Маньчжурии особенно в восточном таёжном районе, звероловством занимаются ещё корейцы, поселившиеся в крае после русско-японской войны. Большинство из них – выходцы из Сев<ерной> Кореи, где они также занимались звероловством. Способы и приёмы их промысла несколько другие: они предпочитают ловить петлями, сетями, башмаками, разрывными снарядами. Ловят также силками и другими ловушками, немного отличающимися в деталях от китайских. Фанзы их также отличаются от китайских внешним видом и внутренним устройством. Окно фанзы обыкновенно бывает на задней стене, а не на передней, как у китайцев; выводная труба из очага не в бок фанзы, а у задней её стены. Каны иногда делаются у боковой стены, в китайской фанзе – всегда у задней. Фанзы корейцев всегда более приземисты, так как более врыты в землю и углублены. У корейцев нет той чистоты и аккуратности в домашнем обиходе, как у китайских звероловов, где всё прибрано, подметено и прилажено. Большая часть корейцев-звероловов живут в восточной части района: из Суйфуне, Мурени, по притокам Тумынь-гана и в истоках Сунгари. Продукты своего промысла они стараются сбыть, минуя цай-дунов и скупщиков, своим купцам и торговым фирмам, которые не так жестоко их эксплуатируют. Фирмы эти имеют своих агентов в Пограничной, Саньчагоу, Хунчуне, Янь-цзи-сане и Ань-тун-сяне. Местные звероловы-китайцы относятся к корейцам недоверчиво и даже враждебно.

Корейцы-звероловы особенно искусны в ловли соболя петлями и сетями, для чего требуется большой опыт и знание характера животного. Этому они научились, конечно, у себя на родине, где раньше было очень много этого драгоценного зверя. Почти вся пушнина, добываемая корейцами в Восточной Маньчжурии, переправляется контрабандным путём в Корею и попадает в японские торговые фирмы, ведущие торговлю пушниной. Таким же путём идёт и добываемый корейцами женьшень. Летом корейцы-звероловы, как и китайцы, занимаются собиранием женьшеня, ловлей жемчуга, промывкой золота, собиранием грибов и лекарственных растений. Кроме того, они, как искусные рыболовы, ловят в горных речках рыбу лососёвой породы сетями, для чего организуются артели в 5–6 человек. Рыба сбывается на местные рынки, так как засолки они не знают, а далёкой перевозки свежая таймень, ленок и мальма не выдерживают.

Печ. по.: Байков Н.А. Очерки быта обитателей тайги // Вестник Маньчжурии. 1928. № 3. С. 40.

ТАЁЖНЫЕ БРАТСТВА

Н.А. Байков

Охотой на зверя и боем его занимаются таёжные охотничьи племена Северной Маньчжурии: ороконы, солоны и гольды, затем китайцы, перенявшие этот способ от русских. Способ этот, хотя менее добычлив, чем добывание зверя ямами и ловушками, но зато не требует больших затрат и усилий. Этим делом занимаются также иногда хунхузы, если им удастся раздобыть для охоты винтовочные патроны. Китайцы-охотники соединяются иногда в небольшие артели, строят себе зимние фанзы в угодьях и бьют зверя различным оружием. Из огнестрельного оружия у них большей частью встречаются наши старые берданки и иностранные винтовки старых образцов. Изредка попадаются также старинные фитильные и кремнёвые ружья. Артели этих охотников мало чем отличаются от хунхузов и имеют с ними большую связь. Промышляют они преимущественно крупного зверя: изюбра, кабана, лося, оленя, косулю и кабаргу, а также, при случае, медведя, рысь, волка и лисицу. Пушнины они добывают мало: это требует специальной подготовки, опыта и знаний, которых у них не имеется, и, кроме того, патента на промысел они не берут, а добывание пушнины связано с обязательной выборкой патента и права на аренду угодий. Случается, что эти зверобой зимой промышляют зверя, а летом хунхузничают и разводят мак для сбора опия. Оружие своё они прячут в тайге, в дуплах и в скалах, и вооружаются, когда им необходимо. В общем, этот элемент беспокойный и отрицательный в гражданском смысле. Число их не поддаётся реальному учёту. Большая часть этих промысловиков находится на юге-востоке Маньчжурии в Гириньской провинции, где ещё сохранились обширные девственные леса.

В прежние времена четверть века тому назад их было особенно много на границе с Кореей, на северных склонах Чан-бай-шаня, где они организовывали даже свои охотничьи республики, со своими особыми законами тайги, основанными на традициях и обычаях древности. Такие общины, или таёжные братства (Шу-ин или Шу-хуй), существуют ещё и до сих пор в горных трущобах Бэй-шаня, в верховьях Сунгари, Муданьцзяна и Ялу. Проведение дорог, заселение края и разработка лесных площадей, постепенно стесняя эту дику вольницу, уничтожают её гнёзда и неприступные горные твердыни. Отдельные небольшие артели таких охотников встречаются, кроме того, в горах Малого Хингана и на крайнем севере Большого Хингана. В местах золотиносных артели эти соединяются в партии и летом промывают золотой песок, сохраняя его в широких поясах, надеваемых на голое тело. Такие артели есть в низовьях р. Мурени, Тумынгана, Сунгари и Нора. Охотничья добыча и продукты промысла сбываются ими через агентов большим фирмам, которые снабжают их продуктами, одеждой, оружием и патронами. Количество добываемого ими зверя невелико, так как ружейная охота не прижилась ещё среди китайцев, и искусство стрельбы ими ещё не постигнуто, хотя между такими охотниками попадаются, как исключение, отличные стрелки, но и то большею частью старые ветераны-хунхузы и охотники.

Илл.: «Летний шалаш хунхузов. Односкатный, из кедровой коры. Верховья реки Май-хэ».

Печ. по.: Байков Н.А. Очерки быта обитателей тайги // Вестник Маньчжурии. 1928. № 3. С. 40–41.

ВСТРЕЧА С ХУНХУЗАМИ

Н. Байков

Рассказ

Тихо было в лесу. Солнце скрылось уже за тёмной громадой высокой сопки и в глубоких падах легли густые тени.

Вдалеке на востоке синели, словно грозовые тучи, тёмные силуэты главного хребта Чжан-Гуан-Цайлина, освещённые красноватыми лучами заката.

Я стоял у опушки берёзового леса в ожидании тяги вальдшнепов. Впереди желтела кочковатая поляна, местами заросшая мелким кустарником. Где-то вблизи шумела и бурлила весёлая Майхэ, прыгая и пенясь в узком каменистом ложе.

Была ранняя весна. Кое-где на солнопёках зеленела уже молодая сочная трава. Набухшие почки деревьев наполняли воздух пряным смолистым запахом, смешивавшимся с запахом талой земли и гниющих растений. Грудь с жадностью вдыхала бодрящий свежий воздух.

Весна стряхнула с оживающей земли долгий сон, навеянный суровой зимой. Казалось, что леса, земля и дикие каменные горы дышат, вбирая в себя теплоту и влагу, и новая жизнь зарождается в тайниках пробуждающейся природы.

Многочисленные птичьи голоса – смолкали; только за рекой неугомонный фазан громко кричал, хлопая крыльями.

Сумерки надвигались. Синее глубокое небо темнело всё более и более. Полые вершины тополей и прибрежных кустов заколыхались и снова замерли. Над рекою пронёсся юркий бекас-барашек и долго ещё слышно было его характерное блеяние.

Становилось свежо. Я присел на ствол берёзы, сваленный бурей, и за вернулся в брезентовый плащ. Издалека доносился свисток паровоза, до линии железной дороги было не более пяти вёрст.

Отдавшись всецело созерцанию, упоённый красотой весенней ночи, я прозевал первого долгоносика, протянувшего над лесом; но я не жалел; мне не хотелось нарушать тишину грубым звуком выстрела. Но вот на фоне неба опять показалась тёмная фигурка вальдшнепа. Я не выдержал, вскинул ружьё к плечу и выстрелил; птица свернулась комочком и камнем упала вниз, глухо ударившись о землю. Безмятежное спокойствие тайги было нарушено, и застывшая природа как будто прислушивалась к этому звуку; только речка по-прежнему шумела и лес тихо рокотал, как далёкое море.

Стемнело, и глухая таёжная ночь спустилась на землю. В небе заискрились мириады звёзд, и чаща лесная покрылась непроницаемым мраком.

Тяга окончилась. Сидеть надоело. Чтобы немного согреться, я собрал сухого валежника и зажёл его. Через пять минут вспыхнул яркий костёр и осветил ближайшие стволы берёз, отчего глубина лесная стала ещё темнее.

В ближайших зарослях закричал козёл, ему отозвался другой, на соседней сопке. Издалека доносились заунывные крики козодоя и в тёмных кедровниках за рекой ухали филины-пугачи.

Прислушиваясь к обычным звукам таёжной ночи, я вскипятил на огне походный котелок и с удовольствием, понятным каждому охотнику, напился горячего, ароматного чаю.

Подбросив в костёр побольше дров, я разлёгся на плаще и перед сном предался мечтам. Чего только не передумаешь в такую пору. И кажется, чувствуешь, что прежний реальный мир отошёл куда-то далеко, и жизнь твоя, со

всеми её радостями и огорчениями, так ничтожна и мелка перед величием и непонятной грандиозностью вселенной... Среди ночной тишины раздался протяжный, заунывный крик болотной совы. Я сразу очнулся, подозревая опасность, так как знал, что это условный знак хунхузов. Схватив ружьё, я быстро отполз по траве в сторону от костра и его предательского света.

Вспомнив, что у меня в патронташе были два патрона с пулями Жакана, я быстро перезарядил ружьё, лёг на землю и стал выжидать событий, будучи уверен, что тыл у меня свободен.

Тот же крик повторился снова, но гораздо ближе. Вскоре я услышал треск валежника и чьи-то шаги по сухой листве.

Из темноты лесной чащи показалась высокая фигура человека и остановилась у моего костра. Освещённая его красноватым пламенем она казалась гигантской.

– Эй! Кто тут есть. Выходи! – гаркнула фигура, сбрасывая на землю с плеч грузный большой мешок.

По голосу и по всей фигуре, в этом человеке я сразу узнал своего приятеля, промышленника Акиндина Бобошина, с которым не раз охотился на зверя в лесах Лао-Лина.

Я встал и вышел на свет костра. Бобошин обернулся и, узнав меня крикнул: – Пенснэ! Это ты? Какими судьбами? Да что ты тут делаешь? – забросал он меня своими вопросами. В это время опять прокричала сова, и Бобошин ответил таким же криком, не прошло и одной минуты, как мы были окружены вооружёнными китайцами. Их было человек тридцать. Бобошин наклонился к моему уху и прошептал: – Это хунхузы, но ты не бойся, они не тронут; это мои шибко знакомые люди. С этими словами он подошёл к одному из китайцев, оказавшемся предводителем, хлопнул его по плечу, отчего тот покачнулся, и, указывая на меня, сказал: – Чего люди игоян братка, – и при этом поднял большой палец своей огромной руки кверху. Тун-Сан, так звали предводителя, также поднял свой палец кверху, в знак согласия, и начал отдавать распоряжения своим подчинённым размеренным тоном, не допускающим возражений.

– Расставляют часовых, – сказал Бобошин, набивая свою китайскую трубку табаком.

Действительно, минут через пять в отдалении начали перекликаться болотные совы. Остальные хунхузы разложили два костра недалеко от нас и кипятили в жестяных чайниках воду. Все они поголовно курили свои длинные трубки, сосредоточенно глядя в огонь. Не слышно было ни громких разговоров, ни смеха, ни шуток, тишина нарушалась только громоподобным голосом Бобошина, да шумом горной речки. Хунхузы одеты были довольно однообразно – в синие куртки и шаровары. На головах их красовались такие же чалмы; на груди крест – на крест ленточные патронташи; вооружение у большинства состояло из винтовок Маузера и наших трёхлинеек; только у вождя их сбоку висели: пистолет Маузера в деревянной кобуре и короткий кривой охотничий нож; одежда предводителя отличалась чистотой и аккуратной пригонкой. Почти все хунхузы отличались высоким ростом, стройным и крепким сложением; загорелые и обветренные лица их были суровы, и выражение глаз имело что-то дикое, неукротимое.

Тун-Сан прилёг вместе с нами у костра на подосланную шкурку козули и, выпив предложенного ему чая с ромом, молчал, изредка сплёвывая на сторону; во рту его торчала неизменная трубка с нефритовым мундштуком. Тёмно-бронзовое лицо его, покрытое глубокими шрамами от оспы, было неподвижно и бесстрастно. Небольшие глубокосидящие глаза сурово смотрели из-под нависших надбровных дуг, выражение их изобличало самоуверенность и непреклон-

ную волю; массивный крутой подбородок и сильная жилистая шея дополняли портрет этого известного вождя хунхузских шаек, наводившего страх и трепет на весь обширный район таёжной части Нинсань-сянского уезда. Вся его крупная властная фигура и незаурядная внешность говорили о железной воле.

Он был известен, как один из справедливых вождей, никогда не обижавший бедных и даже помогавший им из части своей добычи, которую собирал он, накладывая дань на богатых купцов и крупные торговые фирмы. Обиженные судьбой и разорённые несправедливостью администрации всегда находили у него помощь и поддержку, и карающая рука Тун-Сана ложилась на голову обидчика со всей беспощадностью азиатского народного правосудия. Этот вождь пользовался уважением и большой популярностью среди беднейших классов населения и в то же время был грозой для всех притеснителей и эксплуататоров.

Мелкие партии хунхузов, воры и разбойники также беспощадно уничтожались этим вождём в случае если они позволяли себе грабить бедных и неимущих. Общая численность всех его шаек достигала пятисот человек; личная же его охрана состояла из тридцати отборных, преданных ему, испытанных хунхузов.

Сидя у костра рядом со мной, Тун-Сан погружён был в свои думы, и могучая фигура его, освещённая красноватым пламенем, резко выделялась на тёмном фоне таёжной ночи.

Во рту его дымилась длинная трубка, и неподвижные глаза были обращены на огонь, в них отражались блики и по временам они вспыхивали и искрились.

Бобошин возился около своего мешка, где у него были сложены охотничьи трофеи, в виде задней части козули и целой тушки кабарги, которые он нёс продавать на ст. Имяньпо. Уложив всё это поаккуратнее в мешок, он вынул оттуда облупленную и чёрную от копоти кружку, налил себе из кипящего чайника воду и принялся чаёвничать.

Очень высокого роста, сухощавый и в то же время плотный, Бобошин обладал громадной физической силой. Большая голова его, длинные руки и ноги и громоподобный голос производили выгодное для него впечатление на тщедушных старых звероловов, в фанзах которых он жил иногда подолгу. Голову и лицо своё он всегда брил обломком перочинного ножа. Небольшие, но выразительные серые глаза смотрели смело и задорно и в гневе сверкали, как у волка. По происхождению он был из Забайкальской губернии и, отбыв срок военной службы, осел здесь, ради привольного житья и охоты по зверю. Отличный стрелок, смелый и отчаянный охотник, великолепный следопыт и знаток тайги, он много добывал всякого зверя, выручая хорошие деньги; но бесшабашная широкая натура его была причиной того, что он всегда нуждался и ходил грязный, оборванный и почти голый.

Убив в тайге зверя, он приносил его на станцию, продавал шкуру и мясо за бесценок местным спекулянтам и всю выручку пропивал с приятелями, такими же забубёнными головушками. Попойки часто оканчивались дракой и скандалами, и Бобошин, мертвецки пьяный и голый, выбрасывался обыкновенно всей компанией на улицу. Протрезвившись и кое-как придя в себя, он шёл к своим знакомым охотникам, снабжавшим его необходимыми принадлежностями костюма и небольшими деньгами. У знакомого лавочника-китайца забиралось в кредит всё необходимое для охоты в тайге, и снова исчезал в сопках на месяц или два, где охотился и добывал зверя. Своего пристанища, в виде зимовья, он не имел, а кочевал по фанзам звероловов по всему обширному району Гиринской провинции, в то же время помогая китайцам и маньчжурам в их трудном деле, за что они платили ему гостеприимством. Его уважали не только за физические качества,

но главным образом за отсутствие племенной гордости. «Мауза Бобошка», так называли его китайцы, и он всегда являлся желанным гостем в глухой зверовой фанзе от Сунгари до границ Кореи. Одежда его зависела от случайности, то увидишь на нём китайскую синюю кофту, то штатское пальто, то русскую поддёвку; на ногах появляются порой смазные добротные сапоги, иногда же дырявые опорки или китайские улы; головной убор его был также непостоянен и менялся по сезонам. С хунхузами он жил дружно, то сть его никогда не трогали. В тайгу он всегда ходил один и, как уверяли китайцы, не боялся никого – ни тигра, ни даже самого чёрта, которого способен был взять за рога.

Иногда он, в порыве благих намерений, приносил мне на сохранение деньги и просил не давать ему их ни в каком случае; но, конечно, вскоре же забирал их все или частично и злостно пропивал. К женщинам он относился с полным презрением и считал, что «баба» – корень и начало всякого зла. Когда мы познакомились, он как-то пришёл ко мне с предложением идти на охоту и случайно узнал, что я женат и семейный. Посмотрев на меня с сожалением и махнув рукой, он быстро удалился, проговорив: – Э! Да у тебя баба!

Долго после того он не появлялся, но через полгода пришёл опять, и мы с ним не раз охотились вместе. Вот каков был этот Бобошин, с которым мы встретились так неожиданно и при таких необычных обстоятельствах.

Он сидел у костра, подобрав под себя свои большие ноги, обутые в олени мокасины и с удовольствием прихлёбывал чай с ромом из своей прокопчённой кружки.

Много интересного и захватывающего рассказал мне этот охотник, старый лесной бродяга, во время ночёвок у костра, в дебрях дремучей тайги. Много почерпнул я сведений от этого простого человека и многому научился, не только в области зверованья и охоты, но и в смысле познания житейской истины и души человеческой. Несмотря на свою совершенную безграмотность и отсутствие элементарного развития, он постигал своим острым первобытным умом самые сложные комбинации научных доктрин и построений. Окружающая природа была для него раскрытой книгой, и он свободно читал её страницы, постигая её законы, как он сам выражался: – «нутром». На тигра и медведя он всегда ходил в одиночку; был неоднократно мят эти ми зверями, но отделялся одними незначительными царапинами. Всем окружающим он давал свои меткие прозвища и ко всем обращался на «ты». Несмотря на свой гигантский рост и силу, он по характеру был чрезвычайно добродушен и незлобив. К животным относился с особенной любовью и никогда не стрелял самок и детёнышей. Однажды он убил в конце лета тигрицу, у которой сосцы были наполнены молоком, очевидно, она кормила своих детей. Этого случая он никогда не мог простить себе и часто упрекал себя в ненужной жестокости. Чтобы как-нибудь исправить свою вину, он долго и тщетно искал тигрят, чтобы спасти их от голодной смерти.

Выпив значительное количество кружек чая, Бобошин внушительно крякнул, подложил под себя козью шкурку и растянулся у костра во весь свой рост. Вскоре громкий храп его раздался в тишине ночи; ему в унисок шумела бурная Майхэ.

Тун-Сан сидел всё также неподвижно, только губы его немного шевелились и выпускали клубы белого дыма. Суровые глаза его были по-прежнему обращены на огонь.

О чём он думал? Какие мысли роились в голове этого таинственного человека? Вспоминал ли он свою молодость в кругу семьи и близких людей? Строил ли планы борьбы с людской злобой и несправедливостью? Все эти вопросы невольно возникали в моём мозгу, когда я уютно устроился рядом с Бо-

бошиным у костра и лёжа созерцал чудную картину таёжной ночи и наблюдал за хунхузами, притаившимися у огня. Некоторые, подобно нам, прилегли у костров, подослав под себя козьи шкурки, другие сидели, поджав под себя ноги, и курили свои длинные трубки. Четыре хунхуза сидели поодаль, у опушки леса и зорко следили за всем окружающим; это была дежурная часть, готовая к бою при малейшей тревоге. Издалека время от времени доносились крики болотных сов – и это перекликались между собой часовые. Смена их производилась, по видимому, через каждые два часа, при чём дежурная часть давала часовых, а сменившиеся шли отдыхать у костров. Так прошла вся ночь, и только под утро, когда посветлела восточная часть небосклона, дежурная часть присоединилась к отряду, и часовые вышли на опушку леса.

Согрев наскоро чай в жестяных чайниках и закусив пампушками (белый китайский хлеб), хунхузы быстро собрались, подтянули свои вещевые мешки на спинах и двинулись по тропе гуськом, стараясь ступать след в след, при чём всё это было в тишине, без звука; только один Тун-Сан отдавал вполголоса распоряжения своему помощнику. Когда вся шайка скрылась в густой чаще леса, он подошёл к нам и попрощался, протянув свою крепкую руку. У опушки леса он обернулся и махнул, нам своим веером, с которым никогда не расставался.

– Ну, Пенсне! Прощай! Будь здоров, – проговорил Бобошин, взваливая себе на плечи тяжёлый мешок и хлопая меня по спине своей мощною лапой. Вскоре его высокая фигура мелькнула в прибрежных зарослях, исчезла в глубине тайги. Первые лучи восходящего солнца золотили уже далёкие скалистые гребни Цайлина. В лесу застучали дятлы, и в ближайшей уреме прокричал фазан. Я долго ещё сидел у потухающего костра, вспоминая события минувшей ночи, и мне казалось, что это был сон.

Печ. по: Охотник и пушник Сибири. 1928. № 2. С. 96–100.

ТАЙНЫ ТАЙГИ. ВСТРЕЧИ МОЛОДОГО РУССКОГО УЧЁНОГО М.И. НИКИТИНА

Н<иколай>.А<поллонович>.

– Маньчжурская тайга – необычный мир: он пленяет красотой, бескрайностью, величием. Человек, попав однажды в этот мир, переживает опасности, испытывает лишения... и всё же, покинув тайгу, тоскует по ней.

Так говорит частый гость тайги молодой учёный-этнолог М.И. Никитин, познакомившийся с бытом лесного царства.

Это было ранней весной 1938 г., близ Линдагоу, в нескольких десятках вёрст вглубь тайги. Мы вышли из посёлка ранним утром, когда солнце кое-где пробивалось сквозь утренний туман.

Тамошняя тайга – хвоя и лиственный лес. Мы пошли с целью осмотреть сопку «Часовой», которая свои контуром, действительно, напоминала часового, стоящего на страже таёжных тайн. Мы ступили на зверовую тропку, заметную только опытному глазу. Идти приходилось с огромным трудом, прорываясь через «естественные препятствия» с помощью ножа, которым разрезались лианы.

Примерно около часу дня, мы расположились на берегу горной речки, чтобы позавтракать. И только уселись, как я увидел поразительную картину. На расстоянии, приблизительно, 5–10 саженей по речке двигалось какое-то существо рыжевато-коричневого цвета с лохматой головой и руками. Оно шло против течения, прямо на нас, по пояс в воде. В правой руке, то и дело окунавшейся с силой в воду, блестел какой-то предмет. На груди, высоко, почти у головы, был коричневый предмет, похожий на суму. Движения руки были равномерны и точны, как по команде... Двигалось существо против сильного течения, так легко и свободно, словно – по паркету...

– А, это – Калина, – заметил равнодушно мой спутник-охранник. Он вышел из-за куста и сделал знак. Я видел, как существо повернуло в нашу сторону и, переваливаясь, по медвежьей, вышло из воды. Это был – человек, чьё тело, прикрытое на бёдрах козлиной шкурой, поросло густыми волосами. Дойдя до нас, он вдруг остановился. Пристально посмотрел на меня и, быстро повернувшись, хотел идти прочь.

– Стой, Калина, не бойся, – остановил его мой спутник. Он не спускал с меня острых, пронзительных и диких, как у животного, глаз. Вся фигура его выражала крайнюю настороженность.

– Не чужой, Калина, понимаешь. Садись!

«Лесовик», как его там звали, покорно подошёл и сел. Здесь я разглядел: на голове у него были не волосы, а целая грива, свалывшаяся в кошму, причём на макушке кошма была выжжена. Борода росла прямо из-под глаз длинная, рыжая, с проседью. Волосами поросли уши и шея. В руках он держал острогу, на конце которого блестел наконечник, как у стрелы. На груди из козлиной шкуры – сума, в которой что-то шевелилось и с которой ручьями, как и с него самого бежала вода.

– Ну, что Калина, – рыба есть?

Тот перевёл взгляд на охранника и запустив руку в сумку вынул большого хариуса. Взгляд его теперь был устремлён на флягу охранника.

– Выпить? – Так я и знал. Давай меняться. Ты мне рыбу – я тебе вот «это». – Спутник похлопал рукой по фляжке и глаза Калины засверкали. Он быстрым движением вытащил из сумки четыре форели и два хариуса и положил их на землю. Схватил флягу обеими руками и выпил залпом...

– Смантулинил... смантулинил – впервые подал голос Калина; потом – убежал.

– Побоялся вас, – сказал охранник. Чужой. А безобидный сам, как младенец.

– А что значит «смантулинил»? – На его языке – бродил, нарыбачил и сменял. Он рыбак. Ходит по речке и бьёт рыбу острогой, потом подходит к жилью в надежде обменять на хмельное. «Лесовик» наш многое понимает, да плохо говорит. И слова странные. Привыкнуть надо, чтобы понимать. Выпить любит, наши парни научили...

Как я узнал, что Калина 20 лет живёт в лесу, не имея постоянного жилья. Селится он на ночь в дупле, которое обкладывает он слоем моха и мягких трав. Потом меняет место. Добродушный, если его не обижать. Обладает исключительной силой. История, как он попал в лес, неизвестна. Тамошние жители говорили, что ему лет под 50. Он прекрасно знал тайгу и её законы. Иногда приходил в селенье и предупреждал, преимущественно знаками, о приближении грозы. И всегда точно...

Когда я был там в последний раз, мне сказали, что Калина умер. Его труп был найден в лесу.

В маньчжурской тайге существуют уже много десятилетий три категории отшельников: такие, как Калина, которые общаются с людьми, полуотшельники, культурные люди, но разочаровавшиеся в жизни и ушедшие в тайгу навсегда и третья – самая редкая – полные отшельники, которые постоянно живут в лесу и не общаются с миром.

– В наших краях есть полуотшельник Х-р. Только нрав у него особенный. Сумеете поладить, так много интересного наслушаетесь, – сказал мне один старик – тамошний житель. – И живёт он, вёрст десять отсюда, на перевале.

На этом самом перевале мне пришлось однажды ловить редчайшие экземпляры бабочек. Во время работы вышел запас конвертиков, а я уже повернул вспять, как увидел на верхушке холма беленький небольшой домик. Это и был дом полу-отшельника.

Вдруг из-за кустов появился высокий человек. Глаза наши встретились. В его взгляде сквозил немой вопрос.

– Простите за беспокойство. Я хотел попросить вас – не дадите ли мне бумаги. Не хватило для бабочек...

Неожиданно человек улыбнулся и сказал:

– Пожалуйста, войдите в избу.

Я долго и не один вечер засиживался потом у «перевальщика», как его там прозвали, и беседовал с ним, желая узнать то, что привело его к таёжному уединению. Но многократные мои попытки терпели фиаско.

Но однажды он рассказал.

– Это было 25 лет назад... Любил я её больше жизни, как младенец, и был жестоко обманут...

История его жизни такова: сначала он построил шалаш, в котором жил, отстраивая дом, вполне удобный. Затем завёл пасеку. К нему приходили отшельники маньчжуры и русские, он вёл с ними меновую торговлю. Затем соорудил огород. Через 5 лет Х. совершенно акклиматизировался и жил привольно и спокойно. Но когда «перевал» разрезала железная ветка, он, бросив всё, ушёл.

Куда – одна из тайн тайги.

Во время одной экспедиции мы ушли далеко вглубь маньчжурских лесов и на вершине высокой сопки, где лес редет и голые камни венчают гребень мы встретились с отшельником. Заметил его один из нашей группы, шедшей кольцом. Это было в 1942 году. Живое существо был истинным лешим, как в сказке. Никто не поверил бы, что это человек. Он оброс, ног были, как у медведя мохнатые, на лице были только глаза и нос, всё остальное покрыто волосами.

Увидя людей, он притаился у камня, прикасался у к нему, скалил огромные белые зубы и издавал крик – вой. Мы приблизились к нему, настолько, чтобы можно было его рассмотреть.

Говорить такие люди не умеют. Про их историю мало известно.

Откуда они пришли в маньчжурскую тайгу – тайна, интересная задача для учёных. Предполагается, что эти таёжные люди, потерявшие человеческий образ, родились уже в тайге. Они охотятся голыми руками, в которые вложена нечеловеческая сила. Обычно они сидят на деревья и оттуда выслеживают добычу – коз, на которых бросаются, тут же раздирают на части и едят сырое мясо. Такую охоту таёжного человека видели звероловы.

Простонародье и маньчжуры-таёжники не могут объяснить: они считают отшельников существами сверхъестественными и при встрече с ними в тайге, падают ниц. Человек – чудо маньчжурской тайги неуловим: у него необычайно обострённый слух, острое зрение и, вероятно, даже нюх. Они видят дальше и острее, чем человек, они чувствуют ещё издали и быстро убегают. Сами, однако, никогда на человека не нападают.

О существовании «леших» знают многие, но тайну их появления и происхождения – бережно хранит маньчжурская тайга.

Печ. по: Время. 1 октября 1944. С. 6.

В БОРЬБЕ С ХУНХУЗАМИ И ТИГРАМИ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Н.А. БАЙКОВА)

А. Холодов

Яркое представление о том, насколько тяжела, опасна, рискованна, но в то же время и привольна была жизнь чинов Охранной Стражи, а потом – Заамурского Округа Пограничной Стражи, – дают воспоминания известного исследователя и писателя-натуралиста Н.А. Байкова, которыми он любезно поделился с сотрудником «Рубежа».

Край был наводнён остатками боксёрских шаяк и просто хунхузских банд, и поста́м охранников, силою в 5-8 человек постоянно приходилось отражать набеги во много раз сильнее́шего противника.

Особенно тяжела была служба на восточном участке КВЖД, в таёжно-горном районе. Дремучая тайга, через которую шла линия дороги, представляла собой прекрасную защиту и укрытие для шаяк хунхузов, совершавших налёты на станции и посёлки. Ни днём ни ночью нельзя было ослабить бдительности.

С открытием лесных концессий на Хингане и по восточной линии дороги, на охранные войска была возложена ещё более тяжёлая и ответственная задача – отражение налётов хунхузов на огромные лесные пространства, где производились порубки.

До 1903 года нападения эти не прекращались, принимая иногда размеры партизанской войны, в которой хунхузы несли значительно большие потери; но и охранные войска лишились до 10 офицеров и до ста нижних чинов.

Но опасность рабочим концессий и линейным служащим грозила и со стороны других обитателей тайги, едва ли не более грозных: на рабочих китайцев в районе станции Имяньпо – Ханьдаохэцзы часто совершали нападения тигры, наводившие такую панику, что работы прекращались, и для устранения хищников приходилось высылать в тайгу воинские команды, которые прогоняли зверей в горы и нередко возвращались с богатыми трофеями. На ст. Лукашево, близ Имяньпо, есть пост «Тигровый», который получил своё название потому, что около него был разорван тиграми часовой и в течение месяца съедено хищниками до десяти китайцев-рабочих.

Богатые трофеи выпадали на долю и Н.А. Байкова, к слову сказать, известного охотника по крупному зверю. Командуя ротой на ст. Шитоухэцзы, он выработал из своих подчинённых настоящих «зверобоев», ходивших один на один на царя маньчжурской тайги, тигра, так что его часть даже получила название «тигровой». Сам Н.А. Байков убил в тот период двух колоссальных тигров.

Эти факты автор воспоминаний, из скромности, в своём рассказе опускает, но они так же общеизвестны, как и то, что Н.А. Байков был одним из выдающихся офицеров-заамурцев наряду с поручиком Гучковым (впоследствии председатель 3-ей Государственной Думы), поручиком Лившановским, Чулковым, Тавдгеридзе и князем Гантимуровым.

В период дождей некоторые участки между ст. Имяньпо – Ханьдаохэцзы совершенно отрезались от Харбина и остальных пунктов линии, а на восстановление размылов требовалось значительное время. Тогда служащим дороги и чинам охраны приходилось по месяцу и более питаться продуктами охоты и дикими кореньями.

Особенная нужда была в муке, которая постоянно подвергалась порче из-за дождей и летней сырости. Местной муки тогда здесь не было, и её приходилось выписывать из России и Америки, почему она обходилась чрезвычайно дорого.

Солдаты и служащие более всего страдали от недостатка чёрного хлеба, так как ржаная мука доставлялась из России в небольшом количестве и лишь изредка. Белый же хлеб до того надоедал, что его мало ели, и вследствие отсутствия привычного пищевого режима некоторые недомогали.

Дичь в виде фазанов, козулятины и изюбрядины так же вскоре приедалась, а мяса скотского не было почти совсем, – только зимой его доставляли в ограниченном количестве из Харбина.

Русская же капуста и картофель во время постройки дороги были повсюду большой редкостью, так как овощи стали культивироваться здесь уже после того, как русские прочно обосновались в крае; их, как и сливочное масло, приходилось выписывать из Сибири.

Зато спиртных напитков было в изобилии, благодаря беспошлинной торговле и «порто-франко» во Владивостоке и в Порт-Артуре. Так, ящик шампанского Редерер стоил в Харбине 20 рублей, коньяк «три короны» лучшей марки Мартель можно было иметь за 1.20 копеек за бутылку! Четверть местной водки стоила 30–40 копеек.

Но пустую бутылку от водки можно ещё было использовать в меновой торговле с китайцами – за неё давали курицу!

За пару фазанов брали 20 копеек, за сотню яиц – четвертак.

При такой дешевизне и изобилии продуктов, солдаты всё же были недовольны тем, что не было любимого «ржаного хлебушка» и «гречневой каши». «Что за страна, – говорили они, – одна иголка стоит десять копеек, а без винтовки из дому не выходи. Видно, уж здесь климат такой, нашему брату не подходит».

После боксёрского восстания в 1900 году чинам Охранной Стражи было разрешено выписать семьи из России, чем многие и воспользовались, так что к концу года весь Харбин и станции КВЖД были заполнены до отказа жёнами и ребятишками охранников и служащих дороги.

В атмосфере чрезмерной сытости и довольства прирост населения был грандиозен. На почве интенсивной прибыли потомства приключился даже курьёзный «бабий бунт»...

Летом 1901 года к командиру 3-ей Бригады, полковнику Пальчевскому, производившему инспекторский смотр Уральской Охранной сотне на ст. Дай-магоу, от имени жён казаков, красавица-молодка обратилась с оригинальной просьбой:

– Ушли ты наших мужиков в разведку, да подальше, чтобы мы не видали их недели две и поболее! Ты посмотри на нас, что они с нами сделали! Вот уж полгода мы здесь живём, а от мужиков наших нет ни отдыху, ни сроку!

Воцарилось конфузливое молчание. Выручил командира, не знавшего, каким образом удовлетворить странную претензию, поручик Герштенцвейг.

– Г-н полковник, – обратился он к начальнику бригады, – разрешите мне пойти в дальнюю разведку с сотней на Сунгари, – там появилась большая шайка хунхузов.

– Вот и прекрасно! – обрадовался старый Черномор, как его называли все офицеры. – Идите в разведку завтра же и не возвращайтесь ранее двух недель. А вы, красавицы, – обратился он к молодкам, – будьте покойны: я в обиду вас не дам.

И на другой день сотня Уральцев в полном составе выступила с песнями на север, в погоню за хунхузами.

Илл.: «Н.А. Байков – молодой офицер Охранной Стражи в 1898 г.», «Н.А. Байков в 1938 г.», «Старое кладбище Харбина, где хоронят только построечников КВЖД».

Печ. по: Рубеж. 1938. № 24. С. 14–16.

ОТ ТИГРОВ И «ДИКАРЕЙ» К ХАРБИНУ! КАК ВСТРЕЧАЛ ХАРБИН НОВЫЙ ГОД В СТАРОЕ ВРЕМЯ

Дм. Невский

Нет сомнения, что Харбин встретит 1931 год как всегда – шумно и весело.

В этом отношении Харбин – консервативный город: сколько уже лет говорят здесь о «плохих делах» и экономической депрессии, а встреча Нового Года каждый раз протекает широко и беззаботно с переполненными ресторанами, бурными кутежами и астрономическим количеством опорожнённых золоторлых бутылок.

Каждый год, когда газетные статистики подсчитывают после праздников количество выпитого харбинцами шампанского, выходит так, что последний Новый Год побивает все предшествующие рекорды.

И всё же старые обитатели Харбина упрямо говорят о «снижении» новогодних настроений.

И что? Естественный ли перспективный обман, влияющий так, что прошлое всегда кажется более милым или нечто неизбежное и закономерное, как постепенное угасание нашего солнечного светила!

– «В старину люди любили поесть, ещё лучше любили попить, а ещё лучше любили повеселиться...»

Как бы то ни было, но харбинский сторожил всегда вспоминает «старые Новые годы» с умилением...

– Как мы встречали здесь в старину Новый Год? – говорит наш собеседник г-н Б., проведший на Д. Востоке без малого полвека, – да одно могу сказать – хорошо! А впрочем, бывало всякое.

– 1898 год я встретил уже в Маньчжурии, только что приехав сюда из Владивостока. В то время я работал на зимних изысканиях. Жить приходилось в совершенно первобытных условиях, в девственной стране, где ещё не ступала нога европейца. Партию нашу сопровождали баргуты проводники с сажеными кремнёвыми ружьями за плечами, на крошечных совершенно диких и необыкновенно злых монголках.

Жили мы в чём-то среднём между срубом и землянкой. Холод в этом жилище стоял такой, что, ложась спать, мы надевали на себя все меховые вещи и, просыпаясь утром, заставляли оставленный в кружках чай, превратившимся в твёрдый лёд, который приходилось вытряхивать.

Не могу сказать, чтобы край этот показался мне тогда привлекательным.

Не мудрено, что этот первый в Маньчжурии Новый Год я встречал в довольно минорном настроении.

Он особенно врезался в мою память по двум причинам. Во-первых, под самый Новый Год мне пришлось познакомиться с чудодейственным волшебным корнем женьшеня, а во-вторых, как раз в новогоднюю ночь у нас произошла долго памятная потом «история с тигром».

В конце декабря 1897 года я жестоко простудился и заболел. Не знаю, что это была за болезнь, но меня тряс ужасающий озноб и страшно ломило все кости.

Один из охотников-монголов взялся лечить меня при помощи откуда-то раздобытого женьшеня.

Помню, – рассказывает г. Б. – что, когда он извлёк из какой-то грязнейшей тряпицы, сохранявшейся у него в меховом чулке, почти микроскопический кусочек совершенно чёрного корня, меня охватил ужас и отвращение.

«Лекарство» выглядело слишком «неаппетитно», и всё же меня убедили принять его в чашке горячего чая, и на другой день я проснулся без малейшей боли, хотя и со страшной слабостью во всем теле.

Это был как раз последний день 1897 года. Мы прибрали свою землянку и решили встретить праздник «честь-честью».

Дело в том, что к неопишуемой радости моих товарищей, нам удалось раздобыть довольно порядочное количество спирту и вина. Словом, «встреча» удалась на славу.

Правда, начальник нашей партии, князь Хилков – не любил шутить, и мы его только побаивались. И всё-таки в этот день пить мы начали ещё с утра и к вечеру у нас что называется «дым стоял коромыслом».

Товарищи мои пели, говорили речи, пили за здоровье каждого в отдельности и всех вместе. Ночью всё полегло мёртвым сном, а под утро один из нас, силач и красавец, ныне покойный Ц., так неподражаемо отплясывавший в эту ночь «гопака», проснулся от того, что услышал, как будто какое-то животное фыркает и скребётся у двери.

Не раздумывая, он схватил стоявший в углу лом и приоткрыв дверь хватил непрошенного гостя по черепу.

Что-то взвизгнуло и метнулось в сторону. А наутро мы увидели у входа в нашу землянку большие пятна крови и... тигровые следы! Проводники пошли по этим следам и в полуверсте от нашей стоянки пристрелили уже издыхающего ночного гостя. – Это был порядочный, но сильно отощавший тигр. Впоследствии истории этой плохо верили, но мы долго ещё вспоминали эту новогоднюю «встречу» с тигром...

Так я встретил свой первый «Новый Год» в Маньчжурии.

Потом, когда мы уже жили во временных бараках в теперешнем Старом Харбине, ночь эту харбинцы проводили уже вполне «культурно» за белоснежными столиками маленькой столовой Агрести с обязательным шампанским, официальными тостами и приветственными телеграммами.

Правда, в то время, особенно в первые годы, железнодорожники и офицеры пили слишком много. На Новый Год поглощались десятки ящиков сравнительно дешёвого тогда шампанского, но едва ли в этом можно винить кого-нибудь. Культурных развлечений не было абсолютно никаких. Дамы в нашей среде были буквально наперечёт. Поневоле свободное время приходилось либо сидеть в Собрании, либо посещать до смерти надоевших сослуживцев, которые жили в огромном большинстве также одиноко и неустроенно.

Новогодние визиты по начальству, впрочем, считались тогда обязательными.

Но жизнь в Харбине налаживалась с головокружительной быстротой. Вскоре после боксёрского восстания я снова приехал сюда и был поражён перемене происшедшей за время моей отлучки. Город вырос и отстроился. На пристани появилось уже Коммерческое собрание, помещавшееся тогда в маленьком каменном особнячке Якобсона, открылись сравнительно приличные магазины, обосновалась первая гостиница на Казачьей, наехало много семейных служащих и даже частных жителей.

«Новые Года» уже тогда Харбин встречал шумно и весело. Большинство видных людей, разумеется, проводило этот вечер в Железнодорожном Собрании, которое никому и в голову не приходило называть «Желсобом». Здесь же, обыкновенно собирались и мы – мелкие, холостые служащие. Нравы царили в общем очень демократические. Помнится, – это отмечали все приезжие.

На первый день Нового Года служился торжественный молебен. Позже вошли в моду «взаимные поздравления». На этих молебнах и поздравлениях можно было видеть весь официальный Харбин во главе с инж. Юговичем, Игнапиусом, ген. Гернгроссом, а впоследствии и Д.Л. Хорватом.

После торжества в Железнодорожном Собрании начальство всегда отправлялось на Пристань в Коммерческое Собрание, где собирались все представители коммерческого мира. Произносились приличествующие случаю речи, посылались приветственные телеграммы линейным служащим и высокопоставленные лица отправлялись по домам или с визитами.

Шампанское в этот день всегда поглощалось в неимоверном количестве, но в общем, как сама встреча, так и поздравления – носили очень чинный, – я бы сказал – официальный характер.

Танцы были тогда не в моде: танцевала только зелёная молодёжь, да и то лишь на танцевальных вечерах. Встреча же Нового года, как это ни покажется странным нынешним харбинцам, проходила вовсе без танцев.

Зато новогоднее визитирование было гораздо более развито, чем в наше время. Первого января каждый, даже самый маленький служащий, обязательно отправлялся с визитами, причём визитёрам приходилось подчас очень трудно, так как разъезжать приходилось на ужасных безрессорных повозках с непонимающими ни слова по-русски «маче», а харбинские улицы, или вернее дороги, были просто невообразимы.

Помню, как однажды едуци с новогодним «визитом» с Пристани в Новый Город мне и моему приятелю Волкову довелось испытать целое несчастье.

Возница-китаец вывалил нас на землю, угодив в глубокую яму недалеко от теперешней гостиницы «Ориант». Только проезжавший знакомый офицер-заамурец доставил нас в своём экипаже к месту назначения...

Вообще, вспоминая то время, – говорит г. Б, – больше всего изумляешься как всё изменилось с тех пор. Переменился не только город, но и самые люди.

Как мало, например, напоминали тогдашние железнодорожники – нынешних даже просто по внешнему виду. Вспоминая хотя бы новогоднюю встречу или визиты того времени, я как будто сейчас вижу перед собой – эту почти сплошь мундирную толпу длиннородых людей, так непохожих на теперешних посетителей новогодних развлечений. Кажется – это была другая страна и другие люди. И дело здесь вовсе не в одной моде.

Весь облик харбинца изменился до неузнаваемости.

Прежде всего, тогда харбинская интеллигенция состояла почти исключительно из железнодорожников и военных. Люди других профессий не играли никакой роли и были как-то незаметны. Они жили своим маленьким мирком. Всюду царил военный мундир и форменный сюртук. Инженеры и военные, в сущности, и составляли харбинское общество.

Нельзя сказать, чтобы между этими группами не замечалось некоторого антагонизма. Правда, старые заамурцы зачастую бывали «своими людьми» среди железнодорожников. Но между высшим начальством военным и дорожным всегда чувствовалось скрытое соперничество, особенно ясно выступавшее во дни официальных торжеств и приёмов.

Конфликт, как-то возникший между Д.Л. Хорватом и ген. Мартыновым, надолго дал тему харбинским сплетникам.

Помнится, ещё много раньше, при инж. Юговиче, какие-то железнодорожники были оскорблены тем, что на новогоднем молебне офицеры раньше их подошли к кресту, нарушив порядок старшинства. Тогда всюду говорили об этом случае.

Пустяки эти волновали, потому что многие из нас были глубокими чиновниками по натуре.

Чиновничий характер высшего харбинского общества сказывался и в частной жизни. Но в общем, масса средних железнодорожников, среди которой было много украинцев и поляков, жила довольно дружно и весело.

Вот почему новогодних визитёров всюду встречали с распростёртыми объятиями и считали своим долгом угостить и напоить на славу.

Нравы были патриархальны. Хозяйки щеголяли друг перед другом кулинарным мастерством. Многие устраивали на Н<овый> Год роскошные «столы» как на Пасху.

По русскому обыкновению вино всюду лилось рекой. В первые годы существования Харбина, когда русскую водку достать было ещё очень трудно, хозяева обычно особенно гордились запасами этой живительной влаги.

Её специально выписывали из Владивостока и Благовещенска или же хранили для праздников с лета, когда она продавалась прямо с сунгарийских баржей и пароходов.

После Нового года все запасы «отечественной» мгновенно высыхали и Харбин опохмелялся заграничным вином сплошь и рядом – китайской подделки...

Самый быт железнодорожников был в то время гораздо более семейным. Женатые харбинцы обыкновенно встречали Новый год дома в дружеской компании или же в Железнодорожном Офицерском или Коммерческом собраниях.

Ресторанные «встречи» были непопулярны. Когда ресторатор Гамартелли устроил первую встречу Нового года – она, против ожидания, чуть ни провалилась. «Спасли положение» только кутящая офицерская компания, явившаяся уже под утро.

На линии, в глуши зимние праздники проходили ещё веселее и оживлённее. Отрезанные от Харбина линейцы, жившие тогда в маленьких, едва возникавших посёлках, стремившись вознаградить себя за долгие месяцы тяжёлой работы и томительной скуки бурными кутежами.

Линейные встречи Нового Года особенно страдали от отсутствия прекрасного пола. Чтобы залучить дам, холостые компании пускались на всевозможные хитрости.

Я слышал, – вспоминает наш собеседник, – одну линейную историю, напоминающую «похищение сабинянок».

На одной из станций Южной линии подобрались исключительно холостые служащие.

Зато у соседей их, как на зло, имелся целый цветник дам и даже барышень.

И вот, чтобы как-нибудь разнообразить свою пирушку, холостяки решили сыграть довольно-таки рискованную шутку.

Будучи предупреждены своими сообщниками о том, что соседи их предполагают организовать под Новый Год что-то вроде пикника, они решили разыграть «нападение хунхузов» и, вооружив свих боек охотничьими ружьями и кинжалами, нагрянули на ничего не подозревавшую компанию, забрали её «в плен» и отвезли к себе на станцию.

Инсценировка была проведена блестяще, лишь две-три первые женщины, впавшие в истерику, узнали о ней ещё по дороге под условием молчания. Спутники их, охрану которых шутники поручили бойкам, взяв на свою долю дам, были твёрдо уверены, что угодили в лапы разбойников и грустно молчали всю дорогу.

Для них шутка разъяснилась только после прибытия в лагерь «похитителей».

В заключение, к общему удовольствию, состоялся грандиозный кутёж, который невольные гости украсили своим присутствием.

Всё кончилось бы как нельзя лучше, если бы один из «ограбленных» мужей, злой и подозрительный ревнивец, заподозривший кого-то в ухаживании за своей женой, не катнул по начальству глупейшего доноса.

В конце концов, его всё же убедили прекратить это дело. Что здесь правда, что анекдот, сказать не берусь, но история эта – очень характерна.

Не надо забывать, что жизнь на Д. Востоке была тогда совсем особенная: бодрая, цельная и в достаточной мере... дикая.

Когда я приехал во Владивосток – там ещё играли в «кукушку» и существовал знаменитый клуб «ланцепупов». А что рассказывали тогда о «старых» порт-майских временах лучше и не говорить – всё равно не поверите!..

Что такое «кукушка» рассказывать не буду. Каждому известно, что «игра» эта состоит в том, что присутствующие тушат свет и стреляют из револьверов по одному из своих товарищей. Одни говорят, что это русское изобретение, другие, что завезли его колониальные англичане. Как бы то ни было, «кукушка» не слишком интересная игра. Зато история «ланцепупов» очень занимательна.

Во Владивостоке «ланцепупами» звали старожилов, матёрых дальневосточников, порядком-таки одичавших и проспиртованных. Происхождение этого странного слова очень любопытно.

Когда-то давно, когда Приморье было ещё только что присоединено к России и во всём Уссурийском крае стояло лишь несколько линейных батальонов, занятых топографическими съёмками и проведением дорог, дикий край этот посетила географическая экспедиция во главе с каким-то «знатным иностранцем».

Заграничным гостям показывали, что могли. Однако солдаты на лесных работах так пообтрепались, что часть из них никак нельзя было показать. Людей этих попросту увезли подальше в лес, сняв с них предварительно для надобностей остающихся, чуть ли не всю, и без того более чем скромную одежду.

Всё шло великолепно. Путешественники с любопытством осматривали работы, но вдруг среди них произошло замешательство. Сопровождающий офицер посмотрел по сторонам и так и замер от неожиданности.

Оказывается, один из спрятанных солдат прокрался назад и теперь подглядывал из-за куста за заморскими гостями в странных мундирах.

Путешественники, по-видимому, приняли его за дикаря-гуземца. Он был совершенно гол и к тому же весь зарос волосами.

Фамилия этого ослушника была Ланцепупов.

«Ланцепупов», – заорал растерявшийся офицер, грозя кулаком, – «убирайся ко всем чертям сию же минуту»!

«Дикарь» стремительно повернулся и бросился в чащу.

Путешественникам объяснили потом, что в окрестностях обитает маленькое вымирающее племя «ланцепупов», одного из представителей которого они и видели.

Не знаю, правда это или опять-таки анекдот, но говорят, что вскоре «ланцепупы» появились в иностранных учебниках географии...

В память этого-то события владивостокских старожилов и называли «ланцепупами». Впрочем, в моё время внешне они выглядели уже вполне культурно. Долгое время во главе этого «племени аборигенов» стоял милейший В.Н. Панов – отец расстрелянного впоследствии журналиста «Кока».

Ланцепупы собирались время от времени в своём клубе, о котором рассказывали всякие чудеса. Но на деле всё это были, конечно, одни рассказы: они были самыми милыми и культурными людьми и просто любили вспомнить старину за стаканом вина в дружеской обстановке.

Люди эти умели жить и трудиться. Посмотрите только какую огромную культурную работу они сделали, несмотря на всю свою мнимую «дикость», так поражавшую петербургских щёголей.

Теперь старые маньчжурцы вымирают, как некогда «ланцепупы». Под Новый Год в Желсобе и ресторанах уже не видно знакомых лиц, – закончил наш собеседник со вздохом.

Но вот смотрю я на эту новую толпу, вижу всюду головокружительный прогресс и преуспевание и радуюсь: какой лёгкой, культурной и комфортабельной стала теперь жизнь! Как вырос и похорошел наш Харбин! Сколько улучшений и завоеваний видно повсюду!

А ведь сделали всё это, по правде сказать, мы – «дикие маньчжурцы», «матильдина гвардия», «ланцепупы».

Вы, нынешние, – ну-тка!

Печ. no: Рунор. 1931. № 1. С. 19.

ТРИ ТИГРА НА ДВОИХ! УДАЧНАЯ ОХОТА РУССКИХ ЗВЕРОБОЕВ В МАНЬЧЖУ-ДИ-ГО

Аргус

В наш век бетонных городов, бездушных машин и стальных дорог, сетью опоясавших весь мир, – на нашей планете осталось, кажется, всего два места, где ещё сохранились тигры, и где процветает охота на них, – самый опасный и самый увлекательный, в то же время, вид охоты. Это – джунгли таинственной Индии и наша маньчжурская тайга, где обитает свирепый брат бенгальского тигра, ещё более крупный и страшный «князь леса», – маньчжурский тигр.

Охота на тигра полна смертельных опасностей, но «игра стоит свеч», так как это одна из прибыльнейших охот в крае. И немало русских смельчаков, в коротких полушубках и «улах», с «трёхлинейками» и «берданками» за плечами, меряют бескрайние просторы тайги в поисках следов огромной страшной кошки.

С ними – собаки, свирепые маньчжурские псы, специально натасканные на крупного зверя. Без собак нельзя.

Нынешней зимой двум русским промысловым охотникам, Назаренко и Суховееву, удалось в районе Мулина сразить за один раз трёх тигров, – огромную тигрицу с двумя, уже почти взрослыми детёнышами. История этой необыкновенно удачной охоты изобилует интересными подробностями.

Прослышав о появлении тигров от терроризированных зверями маньчжурских крестьян, Назаренко и Суховеев стали собираться в погоню. Заседлали коней, собрали свору собак и отправились в тайгу.

Зима этого года в том районе выдалась особенно сильной, и в огромных сугробах по грудь тонули и выбивались из сил лошади.

Пять дней продолжали поиски зверей. На шестой засвистала в таёжных дебрях жестокая пурга, пришли к концу запасы взятой с собой провизии, и охотникам пришлось возвращаться обратно.

Но спустя несколько дней они снова отправились на тигров, быстро напали на их следы, – и потянулись полные опасностей и лишений дни погони.

По выражению охотников, кровожадные звери не раз принимались «пассти» своих преследователей, заходя им в тыл. Тогда приходилось останавливаться, треножить лошадей и сидеть часами у зажжённых костров, держа наизготовку заряженные ружья. Тигры снова уходили в чащу тайги, и преследование возобновлялось.

На шестой день охотники случайно набрали на тигрёнка, притаившегося в густом кустарнике. Осаждённый собаками он оказал ожесточённое сопротивление, и охотникам, намеревавшимся взять его живым, лишь с большим трудом удалось его связать.

Занятые тигрёнком охотники едва не проглядели появления на арене действий огромной тигрицы, спешившей на выручку своего детёныша.

Только исключительная отвага собак спасла охотников от гибели... Вожак собачьей своры храбро бросился наперерез огромному хищнику, другие псы вцепились ему в бока.

В клубах снежной пыли, поднятой этой смертельной схваткой, первое время ничего нельзя было разобрать. Когда охотники смогли открыть огонь по зверю, два лучших псы уже лежали растерзанными на снегу.

Смертельно раненая тигрица всё же пыталась атаковать охотников, но меткие пули предупредили её последний прыжок.

Третий тигрёнок рвал, между тем, наседавших на него собак и был так же убит подоспевшими на помощь охотниками. Не уцелел и связанный тигрёнок, сильно израненный собаками, он околел в пути, и в Харбин были привезены только три туши, проданные здесь за приличную цену маньчжурским аптекарям.

Илл.: «Выступление в поход на тигров», «С убитым тигрёнком за плечами», «Собаки, растерзанные тигрицей перед смертью», «Охотники Назаренко и Суховеев с трофеями охоты».

Печ. по: Рубеж. 1937. № 4. С. 17.

ЛОВЛЯ ТИГРОВ ЖИВЬЁМ. УНИКАЛЬНЫЙ, НО ОПАСНЫЙ ПРОМЫСЕЛ РУССКИХ ОХОТНИКОВ В МАНЬЧЖУРИИ

Аргус

Маньчжурская тайга, особенно в восточной части страны, является подлинным раем для охотников. Здесь встречаются и властители маньчжурских лесов – тигры и, ценящиеся своими пантами и хвостами изюбри, бродят стада кабанов, лениво прогуливается косолапый «мишка», нападают на неосторожного лесного путника барс и рысь. Много и другого зверья, птиц встретит охотник в Маньчжурии, и нет ничего удивительного в том, что сюда приезжали и приезжают поохотиться любители этого спорта из Ниппона, Китая и более отдалённых районов.

Наряду с охотниками-спортсменами, в Маньчжурии имеется немало профессионалов, охотящихся специально за тиграми. В частности, есть здесь охотники, которые посвятили себя ловле молодых тигров живьём и продажи их затем для зверинцев и зоологических садов не только Маньчжу-Го и Ниппона, но и Германии и др<угих> стран.

Одним из таких смелых охотников является К.И. Назаренко, который, вместе со своими двумя приятелями М. Мартешевым и С. Калугиным, взяли прошедшей зимой живьём двух трёхлетних тигров и продали их в Синьцзинский зоологический сад.

Охота такого рода, разумеется, очень опасна. Обычно тигра окружает свора собак и, когда он начинает отбиваться от них, на него с рогулинами выступают охотники, которые сваливают его на землю, а затем связывают. Не раз тигр ломает эти рогулины и набрасывается на охотников, и только хладнокровие и сноровка могут спасти их от смертельных объятий властелина тайги.

К.И. Назаренко – старый спец по ловле тигров живьём. На своём веку он, вместе с другими охотниками, взял живьём 9 тигров и убил 13. Раньше он охотился в восточных районах, а последнее время – в низовьях Сунгари и её притоков.

Менее опасной, но не менее выгодной является охота на изюбрей, который очень ценится маньчжурами, так как идёт для медицинских целей. Хвост хорошего изюбря стоит 500 гоби; вообще же, туша продаётся по 1000 гоби.

Особенно выгодна охота на них весной, когда животное начинает менять рога, и у него появляются молодые отростки – «панты», высоко ценящиеся в восточной медицине, как богатые гормонами.

Приведённые выше снимки сделаны К.И. Назаренко во время охоты на тигров и изюбрей и любезно предоставлены им в распоряжение «Рубежа».

Илл.: «Изюбрь-самка насторожилась...», «Вывозка «волоком» из тайги трофеев охоты», «Опасный момент: охотники удерживают рогулинами молодого тигра», ««Великий князь тайги» – в клетке».

Печ. по.: Рубеж. 1941. № 18. С. 15–16.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА НА ВОЛЬНЫХ ПРОСТОРАХ МАНЬЧЖУРИИ

Б. Муратов

О «женской доле» народ складывал песни. Русская крестьянка пела под гармонь:

То-то наше бабье дело,
Доля злая-а, доля злая!..

Тургенев, Толстой, Григорович, Чехов, Некрасов, – сколько в их произведениях прекрасных страниц, посвящённых всё той же женской доле, – самоотверженному мужеству русской женщины в борьбе за семью, за достаток её и целость.

Главой крестьянской семьи является мужчина, муж.

«Жена да убоится своего мужа», – здесь не только слова.

Но русская крестьянка к словам «да убоится» прибавила ещё четыре слова: – И да уберегу его!

От кого, от чего? Прежде всего, от самого лихого врага семьи, – от нужды. Что же вкладывает в семью крестьянская женщина, пресловутая русская баба?

Свой труд от венца до могилы, свою заботливость, свой зоркий хозяйский глаз. Муж пашет, боронит, сеет.

Жена жнёт, помогает в молотье. Огромная часть и других полевых работ лежит на её плечах.

А скотный двор со всеми заботами о нём? Кто позаботится о птичнике? А потом, дети, – бесконечная забота: обшить, помыть, приласкать, накормить, вылечить.

Девичья пора отгуляна, справлена свадьба...

Ах, как грустны свадебные песни русского народного эпоса! С какой грустью прощается девушка со своим девичеством, с государем-батюшкой, с матушкой родимою. Она знает, что с первого дня супружеской жизни встанет она на бессменный сторожевой пост зоркого хранителя своей крестьянской семьи.

Мужа и в солдаты угонят, и в отхожий промысел он уйдёт, а жена будь до гроба на своём месте!

Таков крепкий быт старой, дореволюционной, довоенной ещё русской деревни.

Ничего подобного, конечно, нет в деревне современной, советской. Да и русской деревни, в настоящем смысле этого слова, нет в СССР. Там лишь некая разновидность общей советской тюрьмы:

– Совхозы и колхозы...

Но вот рачительной заботливостью правительства Маньчжу-Ди-Го возродилась подлинная русская деревня на широких и плодородных просторах Маньчжурии. В частности, – Трёхречья. Там теперь расцвёл и укрепился настоящий, кондовый русский крестьянский быт!

И как в старой, крепкой, дореволюционной русской избе полноправно царила русская женщина-крестьянка, так царит она и в посёлках русского Трёхречья.

Трёхречье, как говорит это самое слово, – богато водой. В реках и речках его водится таймень, достигающий огромных размеров, свыше пуда весом, там же много форели и хариуса.

Много в Трёхречье и зверья, – волк, рысь, колонок. Трёхреченские волки достигают огромных размеров, и мех их ценится очень высоко.

Почва Трёхречья очень плодородна.

Хлебопашество, скотоводство и пушной промысел, – вот три хозяйственных отрасли, позволяющие русской деревне Трёхречья существовать и богатеть.

Такие посёлки, как, например, Драгоценка, возникла на наших глазах, – это будущие трёхреченские города. Жизнь в них – полная чаша.

Не всегда Трёхречье было таким; когда-то – и совсем ещё недавно, – оно было диким и только-только заселялось. Его засельником был русский казак.

И с казаком шла его жена, казачка, – русская женщина.

В деле заселения Трёхречья, в деле насаждения на территории его русских деревень, станиц, посёлков, – русская женщина сыграла огромную роль. Ведь вместе с мужем и рядом с ним поднимала она *ц е л и н у*, в буквальном и переносном смысле этого слова.

Трудности первых шагов в диком краю... Мало ли было их? Но в настоящий момент всё это уже позади. Рядом с мужем, рука об руку с ним, вышла русская женщина Трёхречья на широкий и удобный путь. Но и добившись зажиточности, достатка, не сложила она рук.

С подойником у коров, с серпом или косой в поле, со сковородой у шестка русской печи, с ласковой улыбкой перед детьми своими, казачатами-крепышами, – везде она там, русская женщина Трёхречья.

Вся – в семье, всю силу рук и ума, всю силу сердца – семье! Деловитая и заботливая, весёлая, к чужому горю отзывчивая...

– Царь-баба!

Ни в чём не уступит она мужчине, в крестьянском деле промаха не сделает. Не скиснет при первом натиске вихрей невзгоды и незадачи. Выстоит. Выдержит. Мужу поможет, семью выкормит.

Даже если и мужа потеряет, – не распустит вожжей, не позволит крепко кованному возку своей крестьянской жизни свернуть с дороги и увязнуть в топях и болотах беспомощности и безволия.

Сама станет во главе семьи и взрастит её. Но мужа-покойника не позабудет, – будет наведываться на родную могилу:

– Поплакать, посетовать, посоветоваться.

А домой вернётся прежней царь-бабой.

И наличие в русском Трёхречье таких женщин, героинь труда и мужества, на чужой земле создавших богатую русскую деревню, – не есть ли это лучшее опровержение вражеских наветов, что русская эмиграция будто бы вырождается?

Ложь и трижды ложь! Человеческий коллектив, создающий таких женщин, как трёхреченские казачки, – жизненосен физически и духовно. И мы должны быть глубоко признательны властям Маньчжу-Ди-Го, предоставившим русскому землепашцу возможность на чужой, но гостеприимной земле возродить полнокровный русский дореволюционный быт нашей деревни!

Илл.: «Хороша уродилась пшеница!», «Бабушка и внучка», «Ребята растут как грибы», «Сколько ртов!..», «За доением коровы», «В трёхреченском казачьем посёлке», «На могиле мужа».

Печ. по: Рубеж. 1938. № 47. С. 16–18.

Русские и китайцы в условиях дальневосточного фронта

УРОКИ КИТАЙСКОГО (ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ)

А.А. Забияко

От автора

Перед вами – действительно, реальная история. Опыт рассказа по следам устных историй Надежды Женовны Цмыкал [1936 – 2021] – потомка русско-китайского брака, жительницы г. Благовещенска. Мемораты были собраны в результате двух интервью с нею и её сыном Игорем Цмыкалом в 2016 и 2020 гг. сотрудниками Центра изучения дальневосточной эмиграции. Полностью устные истории Надежды Женовны были опубликованы в сборнике «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (вып. 13, 2020) [Забияко, Зиненко, Чжан; 314–336]. Обаяние собеседницы (не могу именовать Надежду Женовну «респондентом», а тем паче – «информантом»), глубоко личная симпатия к ней, проникновение в историю её детства и юности стали поводом рождения художественно-этнографического текста.

Надежда Женовна родилась на ст. Хор Амурской области. Родной и приёмный отцы Нади были китайцами, выходцами из южных районов Китая, в результате этномиграционных процессов первой половины XX в. оказавшихся на русской территории. В начале прошлого столетия жители южных и центральных провинций Поднебесной, спасаясь от нужды, голода, бесконечных войн, ринулись в поиске заработка осваивать дальневосточные территории. Дальневосточные приграничные земли эти возможности китайским мигрантам предоставляли – кто-то находил работу на золотоносных приисках, кто-то занимался сельским хозяйством, кто-то устраивался работать в строительных артелях. События Октябрьской революции и Гражданской войны осложнили возможности для возвращения китайцев на родину, а последующие за этим политические события в самом Китае заставили его граждан выстраивать брачные отношения с представительницами славянского населения в России и граничащих с нею территориях Маньчжурии и Трёхречья. В судьбе Надежды Женовны, её русской матери и китайских отцов, а позднее и её детей отразились демографические, социально-политические, социокультурные и этнокультурные процессы в СССР 30–70-х гг. прошлого века.

Судьба девочки-полукровки вместила множество частных перипетий, связанных с русско-китайским бытом, отношениями внутри межнациональной семьи, межэтническими связями с русскими ровесниками. В устных историях Надежды Женовны выпукло представлен и образ жизни амурских китайцев в Благовещенске уже советской поры, о чём до сей поры не писали ни историки, ни этнографы.

В данном рассказе нет ни одной придуманной детали, ни одного сюжетного поворота, ни одного «чужого» слова. Жизнь в своих причудливых комбина-

*Надежда Женовна Цмыкал.
Молодые годы (архив ЦИДВЭ)*

циях человеческих судеб порою дарит сюжеты куда более интересные, чем фантазия сочинителя. Некоторая беллетризация жизненных коллизий может только способствовать привлечению внимания наших современников, читающих и интересующихся историей своей страны, своего народа. Я старалась сохранить темп и прагматику речи нашей собеседницы. Речь Надежды Женовны – речь человека, много читающего, всем интересующегося. Несмотря на то, что по бедности родители не смогли дать ей много, окружающая советская действительность и собственный пытливым ум поощряли Надю к самообразованию. Надежда Женовна была настоящим самородком – не только читала, но и писала стихи.

Когда рассказ был написан, я озвучила его и успела послать своей героине на «экспертизу», благо, Whatsapp спешит на помощь. Волнение было, чего скрывать... Но вскоре при посредничестве Игоря Цмыкала состоялся наш телефонный разговор с Надеждой Женовной. Старушка была тронута, и самое главное – несколько раз спросила: «А как же Вы это всё узнали, всё до мельчайших деталей, даже как мама меня звала?» Запомнила, что мы каждую фразу её, данную в интервью, скрупулёзно зафиксировали, потом ещё несколько раз связывались с Игорем Цмыкалом, уточняли у неё же, и лишь затем, расшифровав и транскрибируя данные в Центре изучения дальневосточной эмиграции, опубликовали мемораты [Забияко, Зиненко, Чжан, 2020].

Надежда Женовна в этом году должна была отметить свой 85-летний юбилей. Но судьба и эпидемия распорядились иначе.

Последнее интервью. Надежда Женовна и её сын Игорь беседуют с учёными АмГУ (Чжан Жуян, Я.В. Зиненко). Апрель 2020 (архив ЦИДВЭ)

Для меня история Надежды Женовны – не только сюжет «по научному случаю», чего уж греха таить. Это – часть нашей большой семейной истории, в которой на дальневосточной почве переплелись судьбы русских, китайцев, гуранов, евреев, украинцев, поляков, туркменов... Это рассказ про Большую Бабушку – если мерить мерками европейских канонов, Старую Бабушку – если китайскими. В общем, про одну из Прабабушек – говоря русским языком.

Спасибо Вам, Надежда Женовна, за радость общения, за щедрость русско-китайских воспоминаний, за пример жизнестойкости и приятия мира таким, каким он есть. Светлая Вам память.

А.З.

Библиографический список

Забияко, А.А. «Мама – русская, папа родной – китаец, второй папа – китаец»: мемораты потомков русско-китайских браков в Амурской области / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на англ.: О.Е. Цмыкал, на кит.: Ван Цзюньчжэн, Чжан Жуян, Чжоу Синьюй и др. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. – С. 314–336.

Забияко, А.А. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских / А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуян // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 135–151.

УРОКИ КИТАЙСКОГО

– Надька, собачья шкура, вылезай из воды! – кричит мать. Не зло кричит, просто волнуется. А Надька – не вредная, просто она плавать любит. Потому делает вид, что не слышит. Нырять поглубже и почаще, наслаждаясь водной стихией, чувствуя себя рыбкой. Ровно до того момента, пока зубы не начинают выбивать мерную дробь, иногда заскакивая на посиневшие губы. Селемджа – река северная, холодная.

Надька выпрыгивает из воды и бежит домой. Волосы, как смоль, чёрные, густые да вьющиеся, сушить некогда – отожмёт, в косы соберёт, бьются по смуглым плечам, как плети... Глаза честные, чуть с роскосинкой, выпучит:

– Вот она я, мама, только-только тебя услышала...

Мать ждёт терпеливо, не рискует спускаться к реке вниз по косогору. В детстве её укусил клещ-кровопит, потому она хромя и немощная. Работать, как все, не может – руки трясутся. По этой причине так сложилась её женская судьба и судьба её единственной дочери-полукровки.

У Надежды два отца. И оба китайцы. В самые голодные годы привезли её мать-калеку родные на север Амурской области. Привезли да бросили там на произвол судьбы... Хромоножку-красавицу русские парни брать замуж не захотели. С ней ни в клуб не сходить, ни в лесхоз на работу отрядить. Да и поведение уж больно строгое, не по чину хромоножке... Мужиков в приамурских посёлках всегда было мало, каждый –

*Надя. Детские годы
(архив ЦИДВЭ)*

на особом счету. А во время ежовщины их вообще повыкосило – кого в кулаки записали, кого в саботажники. И тех, и других, да и третьих заодно – извели... Потому оставшиеся ребята избаловались, ведут себя вольно, выбирать невест им дозволено...

А мужчин-китайцев, молодых и не очень, в приграничных посёлках – достаточно, и им, ходям¹, ходькам, тоже надо как-то обустроиваться. Таков уж удел этих бедолаг, приехавших, в основном, сюда с юга Китая, где голод да война, на заработки, и не имеющих возможности найти в России соплеменницу. Да к тому же, положила руку на сердце, – любят китайские мужички белолицых, статных, сердобольных русских женщин.

Так и вышла Надеждина мать за Василия Сунь Женьмина. Василий – это для китайца в России имя самое подходящее. Мужик работающий, как все китайцы в те годы, пилит в леспромхозе чурки для титана. Держит свой огородик, зимой в погребе у него водится всякая всячина – картошка, морковь, лоба [китайская редька – А.З.]... Но только вот характер у Василия злющий. То ли от скрытого, но укоренённого китайского шовинизма, то ли от мужской ущербности, то ли просто так – злые люди у всех наций имеются... Надежда родилась в тридцать шестом, а в сорок первом, когда война началась и настало вроде бы самое тяжёлое время, когда бабы приговаривали о своей доле «с нами Бог и два китайца», мать от отца ушла.

А дело было так: достал где-то предприимчивый Василий ставшее уже дефицитным по причине военного времени мыло и отправил мать им торговать. По дороге на рынок, прямо в грузовичке, простодушную калеку обокрали, утащив под шумок заветный мешок. Та вернулась домой, не солоно хлебавши. Китаец-злыдень повинившуюся жену не пожалел, избил жестоко и во зле все-все нехитрые пожитки её поизрезал-поизорвал...

Надежда об отце не жалела, у неё к нему был особый счет. Еще раньше он и её, дитя своё кровное, зачем-то жестоко обидел. Опять же – то ли оттого, что китайцы девочек за детей настоящих не считают, то ли от нелюбви к матери, то ли просто – от непонятного русскому уму китайского юмора. Как-то летом, к вечеру, мать ушла к соседкам на посиделки. А Надежда, забежавшись до сумерек, понеслась, голодная, домой. Бежит, в животе сосёт, любой корочке

Надька рада. Чует она какой-то чудный дух, как вроде пирожками из двора их пахнет... Вот бы так оно и было, уж шибко вкусные у отца пирожки с туюцзой [диким чесноком. – А.З.] получаются... По дороге соседку Валюшку встретила, та её кулинарные фантазии подогрела:

*Наталья, мать Нади
(архив ЦИДВЭ)*

¹ *Ходя* – до середины XX в. именование китайцев в России. Обращение и именование ходя по отношению к китайцам было широко известно на российском Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии в первой половине XX в. *Ходя* – слово китайское: *хуоцзи*, 伙计 (*huǒjì*). Его основное значение – товарищ по работе, напарник (обращение друг к другу). Пришло в русский язык от самих китайцев-рабочих, мигрировавших в Россию на заработки и так обращавшихся друг к другу [Забияко, Забияко, Чжан, 2020, 135–151].

– Беги, Надька, скорей, там Вася пирожки тебе жарит!

Надька в чиварку [кухню летнюю. – А.З.] шасть, а там дух пирожковый, масляный... Отец у печки стоит, ухмыляется:

– Пришла? Сейчас, я тебе тут приготовил... – И подаёт на тарелочке. Ей специально нажарил!

Надька пирожок хватать, дует – горячий! Да скорее – кусь. А внутри пирожка... вата. Отец, довольный, хохочет, заливается. Такая у него к дочери душевная шутка вышла... Пятилетняя девочка повернулась и в дом. Слезу вытерла, хлеб из буфета старого достала, кипятком запила.

Про это отцово угощение матери она не сказала – чего её, бедную, расстраивать. Легла спать натошак, ничего. Утром огурцов с грядки нарвала, посолила. Снова корочкой закусила и убежала к ребятам. Но к отцу более вообще не подходила. Потому, когда они уехали, она и не вздохнула о нём ни разу. Потом уже, много времени спустя, приезжал он посмотреть на дочь. Но у неё уже была другая жизнь, хорошая и складная.

Мать не просто съехала от отца в Норск. А съехалась, как у них в Норске говорили, с другим мужичком. И тоже – с китайцем.

Звали его Алексей, Лю Юйцин. Наверное, по молодости был он очень красив красотою хэнаньских¹ мужчин. Но к своим годам был он просто стареющим китайцем – долго перед тем работал в артели, на золотодобыче, ничего не наработал, а вот самого перекосило так, что одна лопатка у него, как горб, торчит. Теперь он на пристани кладовщиком да грузчиком. А летом подрабатывает конюхом.

С новым отцом голода такого уже не было. Настоящий крестьянин-китаец, он тоже держал огород, деляна большая, а на ней не только огурцы, капуста, картошка, помидоры. На своей деляне Алексей садил ещё на продажу веники и, конечно, мачок подсеивал. Когда красный цвет отполыхает, бутончик завяжется, отец его надрежет чуть-чуть, пока молочко не покажется. Молочко это он потом снимет, накатает из него катышки. Если у Надьки зуб заболит или, хуже чего, живот – отец ей шарик такой даст, боль как рукой и снимет. И сама Надежда в огород заберётся, коробочек нарвёт, понараскроет, в рот засыплет. Жуёт – вкусно, сладко... А потом в дрему так глубоко провалится, да и дрыхнет до утра.

С Алексеем мать Надежды поняла, как хорошо русской бабе за китайцем жить. Мать он любил простецкой мужицкой любовью – то есть заботился. При нём она вообще ничего не делала, просто сидела. Надежду он тоже сразу признал. По-русски вот почти не говорил, никак к ней не обращался. Да Надьке и не надо особых обращений – ей просто теплоты надо да чтобы мать отца не боялась. Жену с приёмной дочерью Алексей баловал. Надюшка дома ничего не делала, всё более с подружками бегала. Утром спят с матерью сладко. А отец

Лю Юйцин, второй отец Нади, в молодости (архив ЦИДВЭ)

¹ Хэнань – провинция Центрального Китая. О том, что Лю Юйцин был, скорее всего, из Хэнань, мы заключили на основе визуального анализа фотографий нашим коллегой, Чжан Жуяном. Будучи сам хэнаньцем, Чжан Жуян сразу узнал по фенотипическим признакам своего земляка.

поднимется часа в четыре, и в огород. У него там – его царство, его вотчина. В этом царстве – ни травинки, порядок и чистота. На грядках помидоры спеют, а между ними – лоба. Тюцзу он рано-рано высаживал, это – самая была первая зелень, и до заморозков. С нею и мясо, и яйца, и капусту жарь – только бы пальчики не проглотить, когда облизываешь. А ещё выращивал он сою, ростки снимет, поставит киснуть. Они бродят в жбане, вонища стоит, а он потом из сои пасту наделает. С этой пастой можно хоть ботинки есть – прожухёшь и не выплюнешь. На деяне он часов до восьми утра проторчит, придёт, что-нибудь перекусит и в своё райпо.

Получит отец вместо зарплаты на складе муки, налепит пельменей, пирожков-паоцзы или пампушек-маньтоу, всех соседей с детьми созовёт, угощает. Бабы уплетают-жмурятся, а он только хмыкает, довольный... Бывали у них и китайские праздники. Обычно в феврале мать ставила в большом молочном бидоне бражку, отец покупал на рынке хорошее мясо, без прожилок, говядину. Нарубит на берёзовом чурбачке мясо острым китайским тесаком, наделает фарша, лука туда побольше, сухих трав каких-то, ему одному ведомых. А пельмени лепит – это целый цирк и фокусы!левой рукой заготовку из муки держит, в правой скалочка, он ею быстро-быстро тесто катает, раз – и тонюсенькая лепёшечка готова, он в неё фарш кладёт, быстро рукой какое-то движение производит. Очередной пельмень уложен на досочку. Надька только успеваешь глазами туда-сюда водить. Ну, виртуозный у неё папка!

Наделает так отец листа три своих пельменей, созовёт всех норских китайцев. Их в деревне немного было, трое-четверо одиноких, каждый своим делом занят, но в праздник их самый главный держатся китайцы вместе. Надежда с матерью налопаются, уснут. А китайцы долго ещё сидят себе тихонечко, трубками пыхтят, беседуют о своём, китайском... В Новый год, который отец почему-то называл встречей Весны, он позволял себе немножко брагульки выпить. Глотнёт, покраснеет, как рак, и всё, более – ни капли.

Вот только курил много, и мать с ним. Табака вырастит, засушит, листочки накрутит – сидят, дымят самосадом, каждый о своём хорошем молчат... Надежда, когда в школу пошла, поначалу не понимала, что к чему. Придёт – а от неё все подальше держатся, за последнюю парту садят. А потом учительница-то ей и шепнула: – Табачищем от тебя разит...

Надежда к матери: – Бросайте курить, мне стыдоба! Ну, мать малопомалу – бросила. А отец, тот не смог...

Но зато он же Надюшку читать научил. Мать сама была неграмотная и этими вопросами не обременялась. Отец тоже китайскую грамоту не разумел – вырос в глухой бедности, в Россию уже в семнадцать лет приехал. Но, видимо, не хотел, чтобы дочь его, как других китаюшек да китайцев, дразнили бы в деревне да презирали. Это дело известное – идёт такой работяга по селу, овощи разносит, продаёт, а за ним ребятишки ватагой:

– Ходя-ходя, чего ходишь? Ходя-ходя, походи...

Как-то раз притащил он Надежде со склада книгу бухучёта, посадил её за стол:

– Учи буквы.

Надежда через «не хочу», со скрипом, а выучилась! Вечером лампу керосиновую отец зажжёт, Надюшка садится, слова из букв складывает – все бухгалтерские. Книжки настоящие уж потом у неё пошли, и от них Надежду было не оторвать. Отец довольно глаза свои узкие жмурил, на неё, читающую, глядя...

Вообще, китайцу в России – житьё неплохое. Земля есть, не пятак какой-то, а достаточно. Люди, хоть не свои, лаомаоцзы [волосатики по-китайски – А.З.]¹, а не злые. Встречаются разные, конечно, но ему и близких достаточно. Жена – добрая, дочь уважительная и красавица, своя кровь, китайская, а кожа белая, фигура статная – гордость. И всё же какой китаец без Родины... Тосковал он по родным местам крепко. Внимательно слушал рассказы своих соплеменников, кто домой умудрялся съездить и вернуться назад. Один раз в Хэнань, на его родину, поехал дружок – Алексей пришёл домой, достал все свои сбережения из заветного сундучка, все облигации – тому отдал, без возврата. Такой он был добрый человек. И сам было хотел поехать, да тут начались в Китае страшные беспорядки. Мао Цзедун вдруг из младшего брата превратился в хулителя и ругателя нашего государства, учинил у себя какую-то культурную революцию... Вот границы и закрылись, надолго. Говорили ему сельчане-китайцы, что на Родине теперь так голодно, что всех воробьёв поели. Он вздыхал – не верил, но огорчился...

А отцовы друзья между тем постепенно переженились все на русских. Потому детство и юность Надеждины прошли в русско-китайском нехитром и незлобивом бытии. И подружки, и друзья все были такие же, как она – полукровцы, чернявенькие да жёлтенькие, симпатичные и весёлые. Только в школе пришлось ей узнать о том, что она *китайка* и что её папка у неё – *ходька*. Надежда про себя так не думала – не гадала, она ж ни слова по-китайски. Да и жизнь дома – вроде бы совсем русская, ей так казалось. Один мальчишка стал её за школой поджидать да колотить, приговаривая со злостью: – Морда китайская... и всякие обидные слова. Терпела-терпела Надюшка – когда убежит, когда он её нахлобучит, снега за шиворот насыплет, изваляет. Но пришлось, в конце концов, к каким-то генам своим воззвать – то ли к русским, которым «долго запрягать да быстро погонять», то ли к китайским, которые зло долго помнят и обязательно обидчику отомстят. Только вот идёт она с подружкой, такой же метиской, домой. Сумерки, домой хочется, а этот сзади бежит, улюлюкает.

Надежда чернильницу-непроливайку из ранца достала:

– Ну, всё, Элька. Теперь или убью его, или не знаю, что... Будь что будет. И долбанула паразита по башке.

Вечером приволоклась мать за руку с раненым. Голова у обидчика пробитая перевязанная. А отец оглядел парочку, дверь перед их носом закрыл, ничего Надежде не сказал. По голове дочь погладил. Больше Надьку никто в школе не обзывал.

Так и вырастил её китайский отец. И дочь Надеждину первую, безмужнюю, принял, вынянчил, ни взглядом не попрекнул, и замуж Надежду потом выдал,

Надежда с подругой (архив ЦИДВЭ)

¹ *Лаомаоцзы* (волосатики, старые волосатые шапки) – презрительное именование китайцами русских [Забияко, Забияко, Чжан, 2020, 135–151].

и следующих её детишек, дочь и сына, помогал растить, баловал, насколько мог. Строжился только, если эти разбойники первую редиску с грядок воровали. А так – бери всё, что хочешь, настоящий китаец детишек никогда не обидит. Бывало, внучка завопит, отец её возьмёт, животик как-то хитро погладит – та носиком и засопит мирно... Особенно нравился ему внучок-китайчонок. Оно и понятно: мальчик для китайца – это основа мироздания. Даром, что отец у него хохол... И внучок платил деду той же искренней детской любовью.

Надежда своих старичков перевезла потом в город. Китайцы-земляки и здесь друг друга нашли, скооперировались, стали выращивать для ресторанов овощи в теплицах. Огородный талант отцу в Благовещенске куда как нужнее оказался: редиска там первая, огурцы, тыза [чесночѣк китайский. – А.З.] – соберѣт Алексей да на рынок с корзиной. Дед – так уже Надежда и её дети отца называли – до самого конца мать жалел. Уже болея, никак её не обременял. Потому она его немного пережила, хоть и моложе была на десять лет. Не смогла без опоры.

Много времени спустя, когда деда и бабушки уже не стало, вернулась бывлая российско-китайская дружба, проснулся в России интерес к познанию Китая, ставшего великой державой. Сын внучка выучил китайский язык, жену себе подобрал, не ведая, тоже с китайскими дальними корнями. Вдвоѣм воспитали они уже у своей дочери культ русско-китайского брака. И потому рассказы бабушки Нади теперь для них – ценнее ценного.

Судьба незадачливой русской девушки, вышедшей по несчастью замуж за китайца и обретшей потом настоящее счастье – с другим китайцем, перетекла в семейное предание о настоящей любви и верности, о чистых сердцах и добрых поступках.

Такие они, уроки китайского...

*Из сборника «Дары генетики».
Благовещенск, 2020.*

АННОТАЦИИ

Харбин в воспоминаниях, письмах, исследованиях

Забияко А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина

Аннотация. Статья предваряет подборку воспоминаний (устных и письменных) Наталии Николаевны Лалетиной, уроженки Харбина, в 50-е гг. XX в. переехавшей в СССР, ныне живущей в Латвии (г. Огре). Автор этих текстов – свидетель жизни русского Харбина 30–50-х гг. прошлого столетия, времени Маньчжу-диго, японской оккупации Северного Китая. В биографии Н.Н. Лалетиной скрестились все пути и перепутья русской судьбы в дальневосточном рассеянии: китайский брат от первого брака матери, драматическая история его потери, наставления отца-белопоходника, детские годы с японскими и китайскими соседями, учёба в школе по трём образовательным системам (русской, японской, советской), репатриация в СССР, целина. Накануне своего юбилея Наталия Николаевна, автор уникальных воспоминаний «Японцы», продолжает писать и деятельно участвует в сохранении памяти о русском Харбине. Автор статьи обращает внимание на жанрово-тематическое и стилистическое своеобразие воспоминаний Наталии Николаевны Лалетиной, позволяющее определить их как маргинальные тексты русского городского фольклора.

Начинается цикл «**Автобиографией**» Н.Н. Лалетиной. «**Ода Большому проспекту**» сосредоточена на детальном описании повседневной и праздничной жизни Большого проспекта – главной улицы русского Харбина в 30–40-е гг. прошлого века. Воспоминание выстроено в жанре пешей экскурсии по Харбину тех лет, во время которой автобиографический рассказчик представляет русских город и его топонимический, культурный, эмоциональный семиозис.

«**Будни прошлого китайской деревни**» обращены к повседневной жизни китайской деревни, расположенной в черте Харбина 30–40-х гг., фиксируют исторические реалии жизни Харбина и свидетельствует о социокультурных и этнокультурных обстоятельствах формирования харбинского населения в первой половине XX в.

Устные истории («**Мемораты о Харбине и харбинцах**») Наталии Николаевны собраны в результате многочисленных бесед и интервью с нею А.А. Забияко (2018–2020 гг.). В настоящей публикации представлены мемораты о школьном образовании в Харбине 40-х гг., образах восприятия китайцев и японцев русскими детьми-эмигрантами.

Завершают цикл воспоминания Ивана Лалетина, записанные его супругой Наталией Лалетиной «**Я был свидетелем конца Квантунской армии...**».

Этот текст обращает читателя к малоизвестным страницам советско-китайской истории, а именно – решающему этапу молниеносной советско-японской войны и капитуляции Квантунской армии. Повествование идёт от лица юного переводчика, выросшего в русском Харбине и в совершенстве знавшего китайский и японский языки. Восприятие эпохальных исторических событий даётся сквозь призму сопутствующих общественно-политических, социокультурных, этнокультурных реалий жизни русской диаспоры в Китае и её отношения к своей исторической Родине.

Ключевые слова: устная история, историческая память, образы восприятия, мемуары, мемораты, маргинальные тексты городского фольклора, Харбин, Большой проспект, русские, китайцы, японцы, китайская деревня, Советская Армия, Квантунская армия, капитуляция, патриотизм.

Руденко В.Д. Надежда

Аннотация. Воспоминания Валерия Джановича Руденко посвящены матери, Надежде Аверьяновне Руденко. В её судьбе переплелись разнообразные историко-культурные, социально-политические, этнокультурные обстоятельства: авантюризм отца, уехавшего из Америки в Харбин, революция, Гражданская война, миграции китайцев в Россию, деятельность КИМа, русско-китайские браки, годы советско-китайской дружбы, «культурная революция».

Ключевые слова: Америка, Харбин, КВЖД, революция, Гражданская война, Интернационал, русско-китайский брак, политические репрессии, «культурная революция».

Белькова Т.М. «Не думайте, что мы Вас забыли...»: письма китайских студентов преподавателю русского языка в Харбине Г.П. Клепиковой 1950-х гг.

Аннотация. Публикация обращена к коллекции писем китайских студентов преподавателю русского языка в Институте Иностранных языков в г. Харбине Г.П. Клепиковой 1950-х гг. из собрания Гродековского музея. Письма китайских студентов отражают настроение времени в строительстве новой страны – Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: Харбин, коллекция писем, преподаватели Харбина, Гродековский музей, Институт иностранных языков Харбина.

Источниковедение и текстология литературной харбинистики

Кузнецова О.Ф. Письма Валерия Перелешина Лидии Хаиндровой из Харбина и Пекина. 1938–1941

Аннотация. В публикации представлены архивные письма (1938–1941) эмигрантского поэта Валерия Перелешина из Харбина и Пекина в Дайрен Лидии Хаиндровой. В письмах Перелешин обсуждает издание в Харбине первой книги стихов Хаиндровой, которая считала себя ученицей поэта Арсения Несмелова. Перелешин редактирует книгу Хаиндровой, даёт оценку её стихам. Другая значительная тема в письмах Перелешина, ставшего монахом – его переезд из Харбинского монастыря в Российскую православную миссию в Пекине. Перелешин рассказывает о жизни в Харбине и в Пекине, о своих творческих планах.

Ключевые слова: дальневосточная эмиграция, русский Харбин, архив В. Перелешина, письма, харбинские поэты, Российская духовная миссия.

Гребенюкова Н.П. «Ты снова в добрый улей влит...» (возвращение поэта В.Ф. Перелешина в Россию)

Аннотация. Статья продолжает серию работ, посвящённых проблемам изучения русской поэзии дальневосточного зарубежья. Объект исследования – творческая личность поэта В.Ф. Перелешина в культурном пространстве Китая.

Ключевые слова: В.Ф. Перелешин, Л.Ю. Хаиндрова, М.С. Рокотов, А.И. Несмелов, дальневосточное зарубежье, Маньчжурия, репатриированные эмигранты, прижизненные издания книг, коллективные сборники, журнал «Рубеж», стихотворные переводы, псевдонимы, возвращение в Россию.

Кириллова О.Е. «Обаятельнее всех был поэт Алымов»: штрихи к биографии эстета, кандалящика и песняра

Аннотация. Статья посвящена творческому пути русского поэта-эмигранта С.Я. Алымова (1892–1948), значительная часть жизни которого была связана с пребыванием на Дальнем Востоке, где во Владивостоке и Харбине он активно работал и издавался. Культурно сформировавшийся в традициях рубежа веков, испытавший мощное влияние поэзии Серебряного века, литератор был репрессирован, отбывал срок, впоследствии получил славу известного советского поэта-песенника.

Ключевые слова: Сергей Алымов, дальневосточная модернистская поэзия, Серебряный век, Владивосток, Китай, Харбин, русская дальневосточная эмиграция.

Кириллова О.Е. Серебряный век дальневосточной поэзии и «чудесный ребёнок непогибшей богемы»: владивостокско-харбинские стихи Сергея Алымова

Аннотация. Статья продолжает серию авторских работ, посвящённых проблемам изучения путей развития русской модернистской поэзии на Дальнем Востоке России в первой трети XX в. на примере творческого пути поэта-эмигранта С.Я. Алымова. Впервые привлекаются материалы фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края и Государственного архива Хабаровского края.

Ключевые слова: Сергей Алымов, дальневосточная модернистская поэзия, Серебряный век, Владивосток, Китай, Харбин, русская дальневосточная эмиграция.

Сенина Е.В. Яков Аракин: «Недаром жил»

Аннотация. Предлагаемая публикация представляет собой автобиографию харбинского писателя и поэта Якова Ивановича Аракина, написанную в Харбине в 1939 г. Публикация сопровождается небольшой вступительной заметкой. Оригинал машинописи хранится в Государственном Архиве Российской Федерации. Автобиография писателя публикуется впервые.

Ключевые слова: Яков Аракин, русский Харбин, литературный процесс, автобиография, творческая биография.

Рубан Н.А. Писатель русского зарубежья Софья Зайцева

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству харбинского прозаика Софьи Артемьевны Зайцевой, книги которой имели большую популярность в среде восточной и западной русской эмиграции в 1930–1940-е гг. Автор, прожившая недолгую жизнь, написала три повести, две из которых были изданы посмертно. Трилогия, посвящённая формированию личности петербургской девочки, а затем молодой женщины, написана в доступной форме, наполнена светлыми воспоминаниями о жизни в атмосфере предреволюционного Петербурга. Софья Зайцева была известна в Харбине и как талантливая певица, и как глубоко верующий человек, оказывавшей духовную поддержку своему мужу – будущему архимандриту Константину (Зайцеву), известному богослову Русской Православной Церкви Заграницей.

Ключевые слова: русская эмиграция, проза, духовность, православие, творчество, лиризм.

Борисова О.Н. Возвращённые имена: харбинский писатель Борисов Михаил Иванович

Аннотация. Основу статьи составляют собственноручно написанная автобиография и личное дело БРЭМ (1935 г.) М.И. Борисова, сибиряка-белопоходника, харбинского журналиста, писателя, книготорговца. В его судьбе – отражение сотен тысяч судеб таких же русских эмигрантов, волею истории оказавшихся в Северной Маньчжурии, в Харбине.

Ключевые слова: Борисов М.И., Харбин, БРЭМ, дальневосточная эмиграция.

Землянская К.А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя

Аннотация. В 1931 г. в ежедневной вечерней харбинской газете «Восток» в жанре традиционного «святочного рассказа» был опубликован рассказ советского писателя, бывшего харбинца Венедикта Марта «Смерть под маской. Святочная быль». Рассказ, написанный по рождественской «заказной» тематике и опубликованный за пределами СССР, развивал мотивы и образы, близкие харбинскому читателю. Однако, в отличие от русского традиционного святочного рассказа, произведение Марта тяготеет к европейской и американской культурной традиции.

Ключевые слова: Венедикт Март, святочный рассказ, литература дальневосточной эмиграции, харбинская беллетристика.

Этнография Маньчжурии в художественных и публицистических текстах дальневосточных писателей

Зиненко Я.В., Цмыкал О.Е. Художественная этнография в Маньчжурии в начале XX века («Вестник Азии»: избранная библиография)

Аннотация. В публикации представлена избранная тематическая библиография, охватывающая публикации русских ориенталистов. Данные тексты представляют материалы по художественной этнографии Маньчжурии. Большая часть из описываемых работ была напечатана в журнале Общества русских ориенталистов «Вестник Азии», некоторые из них – в журнале, находившемся в ведении торгово-промышленной секции Общества изучения Маньчжурского края, «Вестнике Маньчжурии».

Ключевые слова: этнография, художественная этнография, Маньчжурия, Харбин, «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии».

Эфендиева Г.В. «Хитрость лисицы, выносливость тигра, чутьё собаки, глаз сокола, ухо зайца»: харбинские авторы о людях Маньчжурии

Аннотация. В публикации собран ряд очерков (или их фрагментов) и рассказов блестящего знатока Маньчжурии, известного натуралиста и литератора Н.А. Байкова, а также несколько работ других харбинских журналистов. Все они посвящены региональной этнографии – анализу этнического компонента в миграционной истории Дальнего Востока в первой половине XX века. Авторы на основе личных бытовых наблюдений, экспедиционных исследований, а также материале известных им научных работ или воспоминаний учёных рассказывают об истории и современном положении различных этнических групп (русских, маньчжуров, китайцев, корейцев и др.), их культурной и хозяйственно-бытовой жизни, особенностях традиционного мировоззрения и обрядов. За многими историческими экскурсами, сравнительным анализом, фиксацией реальной, теку-

щей жизни охотников и таёжников, крестьян и инженеров – неподдельный интерес авторов к своей теме и героям, захватывающие сюжеты, живой язык и юмор.

Ключевые слова: русский Китай, русский Харбин, народы Маньчжурии, Н. Байков, харбинская периодика, публицистика, этнография, этнографические очерки, художественная этнография, хунхузы, охотники, звероловы, промысловики, культ тигра, культ медведя, русское Трёхречье, трёхреченские казаки.

Русские и китайцы в условиях дальневосточного фронта

Забияко А.А. Уроки китайского (правдивый рассказ)

Аннотация. Публикуемый текст представляет собой беллетризованные воспоминания Надежды Женовны Цмыкал – жительницы Амурской области, потомка русско-китайского брака. По возможности сохраняя авторскую манеру изложения, автор рассказа акцентирует внимание на социально-культурных, этнокультурных, этнопсихологических обстоятельствах возникновения русско-китайских браков в приграничных территориях, на проблемах совместимости/несовместимости базовых установок этнического сознания русских и китайцев, на психологических проблемах идентификации детей-метисов и универсальных установках человеческой психики, стирающих этнические различия.

Ключевые слова: русские, китайцы, метисы, Амурская область, Хэнань, бедность, трудолюбие, доброта.

ABSTRACTS

Harbin in Memories, Letters, Research

Zabiyako A.A. Harbin Lady at Life. Natalia Nikolaevna Laletina

Abstract. The article introduces a selection of memoirs (oral and written) by Natalia Nikolaevna Laletina, a native resident of Harbin, who moved to the USSR in the 1950s and lives in Latvia (Ogre) now. The author of these texts is a witness to the life of Russian Harbin in the 1930s – 1950s, the time of Manchukuo, the Japanese occupation of Northern China. All the paths and crossroads of Russian fate in the Far Eastern diaspora crossed in the biography of N.N. Laletina: a Chinese brother from her mother's first marriage, the dramatic story of his loss, the instructions of the father – the officer of the Kolchak army, childhood spent next to Japanese and Chinese neighbors, schooling in three educational systems (Russian, Japanese, Soviet), repatriation to the USSR, virgin lands. Just before her birthday Natalya Nikolaevna, the author of the unique memoirs “The Japanese”, continues to write and actively participates in preserving the memory of Russian Harbin. The author of the article draws attention to the genre, thematic and stylistic originality of the memoirs of Natalia Nikolaevna Laletina, which makes it possible to define them as marginal texts of Russian urban folklore.

The cycle opens with the “**Autobiography**” by N.N. Laletina. “**Ode on Bolshoy Prospect**” focuses on the detailed description of the everyday and festive life of Bolshoy Prospect, the main street of Russian Harbin in the 1930s and 1940s. The memoir is written in the genre of a walking tour of Harbin in those years, during which the autobiographical narrator introduces the Russians to the city and its toponymic and cultural semiosis.

“**Everyday Life of the Past of the Chinese village**” is addressed to the daily life of a Chinese village located within the boundaries of Harbin in the 1930s – 1940s, captures the historical realities of Harbin's life and testifies to the socio-cultural and ethnocultural circumstances of the formation of the Harbin population in the first half of the 20th century.

Oral stories (“**Memorats of Harbin and Its Residents**”) by Natalia Nikolayevna were collected by A.A. Zabiyako through numerous conversations and interviews (2018–2020). This publication presents memorats about school education in Harbin in the 1940s, the perceptions of the Chinese and Japanese by the children of Russian emigrants.

The cycle ends with the memoirs of Ivan Laletin, recorded by his wife Natalia Laletina “**I Witnessed the End of the Kwantung Army...**”.

This text draws the reader to little-known pages of Soviet-Chinese history, namely, the decisive stage of the lightning-fast Soviet-Japanese war and the surrender of the Kwantung Army. The story is told in the voice of a young translator who grew up in Russian Harbin and perfectly knew the Chinese and Japanese languages. The perception of epoch-making historical events is given through the prism of the accompanying socio-political, socio-cultural, ethnocultural realities of the life of the Russian diaspora in China and its relationship to their historical homeland.

Keywords: oral history, historical memory, images of perception, memoirs, memorats, marginal texts of urban folklore, Harbin, Bolshoy Prospect, Russians, Chinese, Japanese, Chinese village, Soviet Army, Kwantung Army, surrender, patriotism.

Rudenko V.D. Nadezhda

Abstract. Memoirs of Valery Zhanovich Rudenko tell about his mother, Nadezhda Averyanovna Rudenko. Various historical, cultural, socio-political, ethnocultural circumstances intertwined in her fate: the adventurism of her father who left America for Harbin, the revolution, the Civil War, Chinese migrations to Russia, the activities of KIM, Russian-Chinese marriages, the years of Soviet-Chinese friendship, “cultural revolution”.

Key words: America, Harbin, CER, revolution, Civil war, International, Russian-Chinese marriage, political repression, “cultural revolution”.

Belkova T.M. “Do not Think That We Have Forgotten You...”: Letters from Chinese Students to G.P. Klepikova, a Teacher of the Russian Language in Harbin in the 1950s

Abstract. The publication is addressed to the collection of letters from Chinese students to G.P. Klepikova, the Russian language teacher at the Institute of Foreign Languages in Harbin in the 1950s, from the collection of the Museum of Grodekov. The letters from Chinese students reflect the mood of the times in the construction of a new country – the People’s Republic of China.

Key words: Harbin, collection of letters, teachers of Harbin, Museum of Grodekov, Institute of Foreign Languages of Harbin.

Source Studies and Textual Criticism of Harbin Literature

Kuznetsova O.F. Letters of Valery Pereleshin to Lydia Khaindrova from Harbin and Beijing. 1938–1941

Abstract. The publication presents archival letters (1938–1941) of the emigrant poet Valery Pereleshin to Lydia Khaindrova (sent from Harbin and Beijing to Dairen). In his letters, Pereleshin discusses the publication of the first book of poetry by Khaindrova (in Harbin), who considered herself a follower of the poet Arseny Nesmelov. Pereleshin edits the book by Khaindrova, evaluates her poems. Another significant theme in the letters of Pereleshin, who became a monk, is his move from the Harbin Monastery to the Russian Orthodox Mission in Beijing. Pereleshin talks about life in Harbin and Beijing, about his creative plans.

Key words: Far Eastern emigration, Russian Harbin, V. Pereleshin’s archive, letters, Harbin poets, Russian Spiritual Mission.

Grebenyukova N.P. “You’ve been Poured into a Good Hive Again...” (From the History of Returning the Literary Heritage of V.F. Pereleshin to Russia)

Abstract. The article continues a series of works dealing with the problems of studying Russian poetry in the Far East émigré. The object of the research is the personality of the poet V.F. Pereleshin in the cultural space of China.

Key words: V.F. Pereleshin, L.Yu. Khaindrova, M.S. Rokotov, A.I. Nesmelov, the Far East emigration, Manchuria, repatriated emigrants, lifetime editions of books, collective collections, the journal „Rubezh“, poetic translations, pseudonyms, returning to Russia.

Kirillova E.O. “Poet Alymov was the Most Charming of All”: Touches to the Biography of an Esthete, Shackler and Songwriter

Abstract. The article studies the heritage of the Russian émigré poet S.Ya. Alymov (1892–1948). A significant part of his life was associated with his stay in the Far East, where he actively worked and published in Vladivostok and Harbin. Culturally formed in the traditions of the turn of Silver Age, experiencing the powerful influence

of the poetry of this epoch, the writer was repressed, served time, and later became a famous Soviet songwriter.

Key words: Sergey Alymov, Far Eastern modernist poetry, Silver Age, Vladivostok, China, Harbin, Russian Far Eastern emigration.

Kirillova E.O. The Silver Age of Far Eastern Poetry and the “Wonderful Child of the Undead Bohemia”: the Vladivostok-Harbin Poems of Sergei Alymov

Abstract. The article continues a series of author’s works investigating the problems of studying the ways of development of Russian modernist poetry in the Far East of Russia in the first third of the twentieth century on the example of the emigrant poet S.Ya. Alymov. For the first time, materials from the funds of the Russian State Historical Archives of the Far East, the State Archives of the Primorsky Territory and the State Archives of the Khabarovsk Territory are used.

Key words: Sergey Alymov, Far Eastern modernist poetry, Silver Age, Vladivostok, China, Harbin, Russian Far Eastern emigration.

Senina E.V. Yakov Arakin: “It Was not Nothing that He Lived for”

Abstract. The presented publication is an autobiography of the Harbin writer and poet Yakov Ivanovich Arakin, written in Harbin in 1939. The publication is accompanied by a short introductory note. The original typescript is kept in the State Archives of the Russian Federation. The autobiography of the writer is published for the first time.

Key words: Yakov Arakin, Russian Harbin, literary process, autobiography, creative biography.

Ruban N.A. Sofya Zaitseva, the Writer of the Russian emigration

Abstract. The article deals with the life and work of the Harbin prose writer Sofia Artemyevna Zaitseva, whose books were very popular among the Eastern and Western Russian emigration in the 1930s – 1940s. The author, who lived a short life, wrote three stories, two of which were published posthumously. The trilogy, dedicated to the formation of the personality of a Petersburg girl, and then a young woman, is written in an accessible form, filled with bright memories of life in the atmosphere of pre-revolutionary Petersburg. Sofia Zaitseva was known in Harbin both as a talented singer and as a deeply religious person who provided spiritual support to her husband, the future Archimandrite Konstantin (Zaitsev), a well-known theologian of the Russian Orthodox Church Outside of Russia.

Key words: Russian emigration, prose, spirituality, Orthodoxy, literary works, lyricism.

Borisova O.N. Returned names: Harbin writer Borisov Mikhail Ivanovich

Abstract. The basis of the article is the autobiography and personal file of BREM (1935) of M.I. Borisov, a Siberian white-walker, a Harbin journalist, writer, bookseller. His fate reflects hundreds of fates of Russian emigrants who had to leave Russia for Northern Manchuria, Harbin.

Key words: Borisov M.I., Harbin, BREM, Far Eastern emigration.

Zemlyanskaya K.A. “Death under the Mask. A Christmas Story” by Venedikt Mart: The Experience of Comprehending the Harbin Fiction

Abstract. The work “Death under the Mask. Christmas story” was written by the Soviet writer, former Harbin resident Venedikt Mart. The story was published in 1931, in the Harbin daily evening newspaper Vostok. It refers to the genre of the traditional Christmas story. The piece work, written on a Christmas “custom” theme and published outside the USSR, developed motives and images that were close to the Harbin

reader. However, in contrast to the Russian traditional Christmas story, Mart's work gravitates towards the European and American cultural tradition.

Key words: Venedikt Mart, Christmas story, literature of the Far Eastern emigration, Harbin fiction.

Ethnography of Manchuria in Fiction and Journalism of Far Eastern Writers

Zinenko Ya.V., Tsmyskal O.E. Literary Ethnography in Manchuria in Early 20th Century (Selected Bibliography)

Abstract. The publication presents the selected thematic bibliography covering the publications of Russian orientalists. These texts represent materials on the literary ethnography of Manchuria. Most of the works were published in the journal of the Society of Russian Orientalists "The Monitor of Asia", some of them – in the journal administered by the trade and industrial section of the Society for the Study of the Manchurian Territory, "The Monitor of Manchuria".

Key words: ethnography, literary ethnography, Manchuria, Harbin, "The Monitor of Asia", "The Monitor of Manchuria".

Efendieva G.V. "The Cunning of the Fox, the Endurance of the Tiger, the Instinct of the Dog, the Eye of the Falcon, the Ear of the Hare": Harbin Authors about the People of Manchuria

Abstract. The publication contains a number of essays (or their fragments) and stories of the famous naturalist and writer N.A. Baykov, as well as several works by other Harbin journalists. All of them deal with regional ethnography – the analysis of the ethnic component in the migration history of the Far East in the first half of the 20th century. The authors tell about the history and current situation of various ethnic groups (Russians, Manchus, Chinese, Koreans, etc.), their cultural and household life, features of the traditional worldview and rituals on the basis of personal everyday observations, expeditionary research, as well as the material of scientific works known to them or the memoirs of scientists. Historical excursions, comparative analysis, fixation of the real, current life of hunters and taiga people, peasants and engineers reveal the authors' genuine interest in their topic and heroes, exciting plots, lively language and humor.

Key words: Russian China, Russian Harbin, peoples of Manchuria, N. Baikov, Harbin periodicals, journalism, ethnography, ethnographic essays, literary ethnography, honghuzi, hunters, trappers, tiger cult, bear cult, Russian Trekhrechy, the Cossacks of Trekhrechy.

Russians and Chinese in the Far Eastern Frontier

Zabiyako A.A. Lessons of Chinese (Real Story)

Abstract. The published text presents fictionalized memoirs of Nadezhda Zhenovna Tsmyskal – a resident of the Amur region, a descendant of a Russian-Chinese marriage. As much as possible, keeping the author's style of presentation, the author of the story focuses on the socio-cultural, ethnocultural, ethno-psychological circumstances of the emergence of Russian-Chinese marriages in the border territories, on the problems of compatibility/incompatibility of the basic attitudes of the ethnic consciousness of Russians and Chinese, on the psychological problems of identifying mestizo children, on the universal attitudes of the human psyche, erasing ethnic differences.

Key words: Russians, Chinese, mestizos, Amur region, Henan, poverty, hard work, kindness.

文章摘要

回忆录、书信及科学著作中的哈尔滨

扎比娅卡A.A哈尔滨女俄侨的一生。娜塔莉亚·拉伦蒂娜。

摘要。文章致力于娜塔莉亚·尼古拉耶夫娜·拉伦蒂娜回忆录的整理,精选,分析(口述与笔录工作)。回忆录作者生于哈尔滨,在上世纪五十年代返回苏联,现居于拉脱维亚(奥格列市)。拉伦蒂娜是上世纪30年至50年间哈尔滨俄侨生活、伪满洲国时期及日本侵占中国东北时期的见证者。她的一生和俄罗斯命运相互交织,在远东的土地上生根发芽:母亲初婚生下的中国兄弟以及他的悲惨丧偶经历,来自白卫军父亲的教诲,与中日邻居度过的童年时光,三种教育制度下的学习生活(俄罗斯、日本,苏联),遣返回苏联。拉伦蒂娜作为回忆录《日本人》的作者,在生日前夕仍继续写作,积极参与哈尔滨俄侨回忆记录工作。本文作者在此恳请读者关注拉伦蒂娜回忆录的体裁、主题和风格独创性,它可以被视为俄罗斯城市民俗的边疆文本。

H.H.拉伦蒂娜系列文集从《作者自传》开始。

《**大街颂歌**》重点描述上世纪30-40年代哈尔滨俄侨的主要街道:街道上日常生活和节日景象的细微之处。作者以沿哈尔滨徒步游历的形式重塑记忆,同时介绍了俄罗斯城市及其地名与文化符号。

《**中国旧日乡村生活**》致力于30-40年代中国哈尔滨周边乡村的日常生活及历史现实进行记录,并对20世纪上半叶哈尔滨人口形成的社会文化与民族文化状况做出说明。

口述历史《**哈尔滨和哈尔滨人**》。文字基于拉伦蒂娜和本文作者A.A.扎比娅卡的多次对话和访谈(2018-2020年间)整理而成。在此呈现了拉伦蒂娜有关哈尔滨40年代学校教育的口述回忆以及俄罗斯侨民儿童对中日两国人民的形象认知。

文集以伊万·拉列金的回忆录《**我,关东军灭亡的见证者...**》结尾,此回忆录由拉列金的妻子拉伦蒂娜代笔。回忆录使读者转向中苏历史中鲜为人知的一页,也就是苏日战争的决定性阶段和关东军的投降。叙述以青年翻译官的视角进行,这位俄罗斯人成长于哈尔滨,精通中文、日文。俄罗斯侨民对此具有重大历史事件的认知与他的中国社会政治生活,社会文化生活,俄罗斯流亡者在中国的民族文化现实状况以及和俄罗斯的联系紧密结合,并展现在我们眼前。

关键词:口述历史, 历史记忆, 认知形象, 回忆录, 口述回忆, 城市民俗的边疆文本, 哈尔滨, 中央大街, 俄罗斯人, 中国人, 日本人, 中国乡村, 苏联红军, 关东军, 投降, 爱国主义。

鲁坚科 B.Д. 希望

摘要。本文中瓦列里·亚诺维奇·鲁坚科以此回忆录纪念自己的母亲 - 娜杰日达·艾维利亚诺娃·鲁坚科。她一生命运受各种历史文化, 社会政治事件, 民族文化环境所影响, 并与他们紧紧交织在一起: 父亲的冒险主义思想-离开美国前往哈尔滨。革命, 内战, 移居俄罗斯的中国侨民, 青年共产国际活动家, 中俄联姻, 中苏友好时期, 《文化大革命》。

关键词:美国, 哈尔滨, 中东铁路, 革命, 内战, 国际, 中苏联姻, 政治压迫, 《文化大革命》

别尔科娃 T.M. 《请不要认为我们忘记了你》:1950年间中国哈尔滨大学生们致俄语教师Г.П.克莱皮科娃的信件

摘要。本文研究了1950年间哈尔滨外国语学院大学生致俄语教师Г.П.克莱皮科娃的信件收藏品,这些信件收藏于格罗德科夫博物馆。在中国大学生的信件中反映了新中国建设中的时代面貌。

关键词: 哈尔滨, 信件藏品, 俄罗斯的大学教师, 格罗德科夫博物馆, 哈尔滨外国语学院

哈尔滨文学史料与文献研究

库兹涅佐娃 O.Ф. 瓦列里·佩列列申于哈尔滨和北京致莉迪亚·哈茵德洛娃的信件。1938-1941

摘要。本文呈现了侨民诗人瓦列里·佩列列申致莉迪亚·哈茵德洛娃的档案信件(1938-1941)。信件从哈尔滨和北京两地寄出。在佩列列申的信中他讨论了哈茵德洛娃在哈尔滨出版的第一部诗集,在该诗集中哈茵德洛娃将自己视为诗人阿尔谢尼·内斯梅洛夫的学生。佩列列申编辑了哈茵德洛娃的书籍,对她的诗给予了评价。佩列列申信件中的另一个重要主题 - 他在哈尔滨与北京的生活经历 - 从哈尔滨修道院迁至北京东正教教会,以及自己的创作计划。

关键词: 远东侨民, 哈尔滨俄侨, B. 佩列列申档案, 信件, 哈尔滨诗人, 俄罗斯宗教教会

格列本尤科娃 H.П. 《你再一次飞到了美妙的蜂房中》(诗人B. Ф. 佩列列申返回俄罗斯)

摘要。文章继续致力于一系列针对国外远东地区俄罗斯诗歌研究问题的著作。研究对象:诗人B. Ф. 佩列列申在中国文化空间中的创作特性。

关键词: B. Ф. 佩列列申, Л.Ю.哈茵德洛娃, М.С. 洛科托夫, А.И.涅斯梅洛夫, 远东侨民, 满洲, 被遣返的侨民, 生平作品, 作家作品集粹, 杂志《边界》, 诗歌翻译, 笔名, 返回俄罗斯

基里洛娃 O.E. 《最迷人的诗人, 阿里莫夫》:被爱与桎梏萦绕的人生轨迹

摘要。文章致力于俄罗斯侨民诗人 С.Я. 阿里莫夫(1892-1948)的创作之路。远东地区生活在诗人的一生中占据了极其重要的部分,他在符拉迪沃斯托克和哈尔滨两个城市之间积极工作并且出版了大量作品。作家受到白银时代诗歌的强力影响,并在世纪之交的传统文化环境中形成自己的文学风格。他具有不同于常人的个人经历:受压迫,服役,作为苏联著名诗人、作曲家而闻名。

关键词: 谢尔盖·阿里莫夫, 远东现代主义诗歌, 白银时代, 符拉迪沃斯托克, 中国, 哈尔滨, 俄罗斯远东侨民

基里洛娃 O.E. 远东诗歌的白银时代和《永远不朽却四处漂泊的文学少年》:谢尔盖·阿里莫夫 - 符拉迪沃斯托克-哈尔滨诗歌

摘要。文章基于作者的一系列作品,致力于研究20世纪前三分之一发生在俄罗斯远东土地上的俄罗斯现代主义诗歌发展问题。(以侨民诗人 С.Я. 阿里莫夫的创作之路为例)。本文率先使用了俄罗斯国家档案馆远东历史档案,滨海边疆区国家档案,哈巴罗夫斯克地区国家档案中的资料。

关键词: 谢尔盖·阿里莫夫, 远东现代主义诗歌, 白银时代, 符拉迪沃斯托克, 中国, 哈尔滨, 俄罗斯远东侨民

谢妮娜 E.B. 雅科夫·阿拉金:《活着的目的》

摘要. 本作品呈现了1939年哈尔滨作家, 诗人雅科夫·伊万诺维奇·阿拉金的哈尔滨自述传记。文章中附有简短的介绍。打字机原稿存于俄罗斯联邦国家档案之中。这是作家自述的首次公布。

关键词: 雅科夫·阿拉金, 哈尔滨俄侨, 文学进程, 自述传记, 创作经历

卢班 H.A. 俄罗斯侨民作家索菲亚·扎伊采娃

摘要. 本文研究了哈尔滨作家索菲亚·阿尔捷米耶夫娜·扎伊采娃的生活与创作。1930-1940年期间作家的书籍在东方和西方俄罗斯侨民中十分流行。在作者短暂的生命中创作了三部小说, 其中两篇在她死后才得以发表。小说三部曲致力于塑造圣彼得堡女孩形象, 其中讲述了女主人公的性格形成, 成年后的性格变化。文章以通俗易懂的形式书写。文字中充斥着彼得堡革命前夕当地居民对于幸福生活的美好回忆。索菲亚·扎伊采娃作为一名才华横溢的歌手, 在哈尔滨拥有着极高的声誉, 也是一名虔诚信徒。同时是自己丈夫康斯坦丁(扎伊采夫"未来的神学家, 俄罗斯海外东正教修士大司祭)"精神上的支柱。

关键词: 俄罗斯侨民, 散文, 灵性, 东正教, 创作, 抒情

鲍里索娃 O.H. 归来的名字:哈尔滨作家鲍里索夫·米哈伊尔·伊万诺维奇

摘要. 本文包含M.И.鲍里索夫的个人传记和伪满洲国俄国侨民事务局留存的个人档案(1935年)。M.И.鲍里索夫 - 西伯利亚白卫军, 哈尔滨新闻工作者, 作家, 书商。鲍里索夫的命运, 既属于他个人, 也可以视为那一批俄罗斯侨民的共同命运。在历史的宿命下, 他们最终留在了满洲, 留在了哈尔滨。

关键词: 鲍里索夫 M.И., 哈尔滨, 伪满洲国俄国侨民事务局, 远东侨民。

杰姆里昂斯卡娅 K.A. 《面具下的死亡, 圣诞故事》B.玛尔特:苏联作家的小说历程

摘要. 1931年在哈尔滨晚报《东方》中发表了苏联作家韦涅季克特·玛尔特的圣诞传统体裁小说作品《面具下的死亡. 圣诞故事》。小说以圣诞节《习俗》为主题进行撰写, 并在苏联以外的国家出版。在哈尔滨读者中引起了极大反响。但是与俄罗斯传统圣诞故事不同的是, 玛尔特的作品中更倾向于欧洲和美国的传统文化。

关键词: 韦涅季克特·玛尔特, 圣诞故事, 远东侨民文学, 哈尔滨小说文学

远东作家艺术作品与政论作品中的满洲民族志

季年科Я.В., 茨梅卡尔O.E. 20世纪初期满洲地区的艺术民族志(精选书单)

摘要. 本文所呈现的专题作品书目涉及俄罗斯东方主义者的出版刊物。这些文字作为满洲地区艺术民族志的代表资料, 其中很大一部分发表于俄罗斯东方主义者协会杂志《亚洲公报》中, 另一部分由处于工商部管辖的满洲地区研究协会发表, 刊登于杂志《满洲公报》。

关键词: 民族志, 艺术民族志, 满洲, 哈尔滨, 《亚洲公报》

艾芬季耶娃 Г.В.《狐狸的狡猾,老虎的持久力,狗的嗅觉,雄鹰的视觉,兔子的听觉》:和满洲人相关的哈尔滨作家

摘要。本出版物包含以满洲为主题进行创作的大量随笔、小说(或节选)。这些作品的创造者包括著名的自然主义者,文学家H.A.巴依阔夫,他对满洲有着深刻的认识 and 了解。同样也收录了其他哈尔滨新闻工作者的作品。他们致力于区域民族志研究-20世纪上半叶远东地区迁徙历史中的民族成分分析。作家们以个人日常观察,科学探索,学术研究或回忆录为基础,讲述了各个种族的历史现状(俄罗斯,朝鲜族等),文化与家庭生活,传统观念和习俗特点。在历史考察的同时,进行了比较分析,真实地记录了泰加森林居民,猎人,农民,工程师的生活状况 - 彰显作家对此主题与其中角色,激动人心的情节,鲜活、幽默语言的真挚兴趣。

关键词: 俄式中国, 俄式哈尔滨, 满洲人, H. 巴依阔夫, 哈尔滨期刊, 政论作品, 民族志, 民族志随笔, 艺术民族志, 红胡子, 猎户与打猎爱好者, 渔夫, 老虎崇拜, 熊崇拜, 三河地区俄罗斯族, 三河地区哥萨克族。

远东边境地区的俄罗斯人与中国人

扎比娅卡 A.A. 中华教诲(真实故事)

摘要。本文介绍了娜杰日达·珍诺夫娜·茨梅卡尔的文学回忆录,文本中的女主人公茨梅卡尔是阿穆尔地区的居民,中俄婚姻的后裔。故事作者尽可能地保持原本的叙述风格,着重研究中俄边疆地区跨种族婚姻的社会文化,民族文化,民族心理环境以及中俄民族意识下基本态度相容性/不相容性问题,混血儿对民族认同的心理问题以及消除种族差异的普遍人类心理态度问题。

关键词: 俄罗斯人, 中国人, 混血儿, 阿穆尔地区, 河南, 贫穷, 勤劳, 友善

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белькова Татьяна Михайловна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск, Россия). *E-mail: tbelkova@gmail.com*

Борисова Ольга Никитична, правнучка сибирского, харбинского писателя и журналиста Михаила Ивановича Борисова (гг. Екатеринбург – Ноябрьск – Санкт-Петербург, Россия). *E-mail: Lady.olga.borisova@mail.ru*

Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник сектора истории культуры и искусства Дальнего Востока, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск, Россия). *E-mail: suerte.09@mail.ru*

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и мировой художественной культуры, главный научный сотрудник, Центр изучения дальневосточной эмиграции, Амурский государственный университет (г. Благовещенск, Россия). *E-mail: ciencia@yandex.ru*

Землянская Ксения Александровна, аспирант, преподаватель, кафедра литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет (г. Благовещенск, Россия). *E-mail: phlox@mail.ru*

Зиненко Яна Викторовна, магистр филологии, преподаватель, кафедра литературы и мировой художественной культуры, аспирант, кафедра религиоведения и истории, Амурский государственный университет (г. Благовещенск, Россия). *E-mail: yasya1111@mail.ru*

Кириллова Елена Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет; старший научный сотрудник, Центр истории культуры и межкультурных коммуникаций, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН (г. Владивосток, Россия). *E-mail: sevia@rambler.ru*

Кузнецова Ольга Феликсовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел рукописей ИМЛИ РАН (г. Москва, Россия). *E-mail: oliaol.555@gmail.com*

Лалетина Наталия Николаевна, харбинка, дочь бывшего колчаковского офицера, впоследствии – советский инженер, автор книг воспоминаний о харбинской жизни «Японцы» (2016), «Картинки с китайской природы» (2017), «Как живёшь, мой Харбин, ни хао!» (2017), «И снова мой Харбин. К 120-летию Харбина» (2018) (г. Огре, Латвия). *E-mail: nlal@mail.ru*

Лалетин Иван Геннадиевич, харбинец, военный переводчик с японского и китайского, свидетель капитуляции Квантунской армии в Китае. Впоследствии – советский инженер, супруг Н.Н. Лалетиной (г. Рига, Латвия).

Рубан Наталия Алексеевна, старший научный сотрудник, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск, Россия). *E-mail: na_ruban@mail.ru*

Руденко Валерий Джанович, архитектор, художник, писатель, член Союза журналистов России (г. Пекин, КНР). *E-mail: rvd@mail.ru*

Сенина Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России (г. Москва, Россия). *E-mail: katya-senina@mail.ru*

Цмыкал Ольга Евгеньевна, магистр филологии, преподаватель кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск, Россия). *E-mail: Olgatsmykal@yandex.ru*

Эфендиева Галина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр изучения дальневосточной эмиграции, Амурский государственный университет (г. Москва, Россия). *E-mail: galina.efendiyeva@gmail.com*

INFORMATION ON THE AUTHORS

Belkova Tatyana Mikhailovna, Researcher, Research Department of History, Khabarovsk Regional Museum of N.I. Grodekov (Khabarovsk, Russia). *E-mail: tbelkova@gmail.com*

Borisova Olga Nikitichna, great-granddaughter of the Siberian, Harbin writer and journalist Mikhail Ivanovich Borisov (Yekaterinburg – Noyabrsk – St. Petersburg, Russia). *E-mail: Lady.olga.borisova@mail.ru*

Grebenyukova Natalya Petrovna, Senior Researcher of the Sector for the History of Culture and Art of the Far East, Khabarovsk Regional Museum of N.I. Grodekov (Khabarovsk, Russia). *E-mail: suerte.09@mail.ru*

Zabiyako Anna Anatolyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Literature and World Culture, Chief Research Fellow of the Center for the Study of Far Eastern Emigration, Amur State University, Blagoveschensk. *E-mail: sciencia@yandex.ru*

Zemlyanskaya Ksenia Aleksandrovna, Lecturer of the Department of Literature and World Culture, Amur State University. *E-mail: phlox@mail.ru*

Zinenko Yana Viktorovna, Master of Philology, Lecturer of the Department of Literature and World Culture, post-graduate student of the Department of Study of Religions and History, Amur State University. *E-mail: yasya1111@mail.ru*

Kirillova Elena Olegovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. *E-mail: sevia@rambler.ru*

Kuznetsova Olga Feliksovna, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Manuscripts, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow. *E-mail: oliaol.555@gmail.com*

Laletina Natalia Nikolaevna, resident of Harbin, daughter of a former officer of the Kolchak army, later – a Soviet engineer, author of the memoir books about Harbin life “The Japanese” (2016) and “Pictures from Chinese Nature” (2017) (Ogre, Latvia). *E-mail: nlal@mail.ru*

Laletin Ivan Gennadievich, resident of Harbin, military translator from Japanese and Chinese, witness to the surrender of the Kwantung Army in China. Later – a Soviet engineer, husband of N.N. Laletina (Riga, Latvia).

Ruban Natalia Alekseevna, Senior Researcher, Khabarovsk Regional Museum of N.I. Grodekov (Khabarovsk, Russia). *E-mail: na_ruban@mail.ru*

Rudenko Valery Zhanovich, architect, artist, writer, member of the Union of Journalists of Russia (Beijing, China). *E-mail: rvd@mail.ru*

Senina Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Lecturer of the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao languages, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. *E-mail: katya-senina@mail.ru*

Tsmykal Olga Evgenievna, Master of Philology, Lecturer, Department of Literature and World Culture, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia). *E-mail: Olgatsmykal@yandex.ru*

Efendieva Galina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Center for the Study of Far Eastern Emigration, Amur State University (Moscow, Russia). *E-mail: galina.efendiyeva@gmail.com*

作者简介

别尔科娃·塔季扬娜·米哈伊洛夫娜, 哈巴罗夫斯克市格罗德科夫地方志博物馆历史部研究员(城市:哈巴罗夫斯克, 俄罗斯)。邮箱: tbelkova@gmail.com

鲍里索娃·奥丽加·尼基季奇娜, 米哈伊尔·伊万诺维奇·鲍里索夫的曾孙女, 他的祖父曾是西伯利亚白卫军, 哈尔滨作家, 新闻工作者(城市:叶卡捷琳堡, 诺亚布里斯克, 圣彼得堡, 俄罗斯)。邮箱: Lady.olga.borisova@mail.ru

格列本尤科娃·娜塔莉亚·彼得罗夫娜, 哈巴罗夫斯克市格罗德科夫地方志博物馆远东艺术与文化历史部高级研究员(城市:哈巴罗夫斯克, 俄罗斯)。邮箱: suerte.09@mail.ru

扎比娅卡·安娜·安纳托利耶夫娜, 语文学博士, 教授, 阿穆尔国立大学文学与世界艺术文化教研室主任、远东侨民研究中心主任(城市:布拉格为申斯克, 俄罗斯)。邮箱: sciencia@yandex.ru

杰姆里昂斯卡娅·克谢尼娅·亚历山大罗夫娜, 阿穆尔国立大学文学与世界艺术文化教研室博士研究生, 助教(城市:布拉格为申斯克, 俄罗斯)。邮箱: phlox@mail.ru

季年科·亚娜·维克多罗夫娜, 阿穆尔国立大学文学与世界艺术文化教研室讲师, 阿穆尔国立大学宗教学与历史教研室博士研究生(城市:布拉格为申斯克, 俄罗斯)。邮箱: yasya11111@mail.ru

基里洛娃·叶莲娜·奥利卡芙娜, 语文学副博士, 副教授, 远东联邦大学高级研究员, 俄罗斯科学院远东分院历史·考古学·民族学研究所研究员(城市:符拉迪沃斯托克, 俄罗斯)。邮箱: sevia@rambler.ru

库兹涅佐娃·奥丽加·费力克索夫娜, 语文学副博士, 俄罗斯科学院世界文学研究所手稿文献部主导研究员(城市:莫斯科, 俄罗斯)。邮箱: oliaol.555@gmail.com

拉伦蒂娜·娜塔莉亚·尼古拉耶夫娜, 哈尔滨人, 前高尔察克下属军官的女儿, 随后成为了苏联工程师, 哈尔滨生活回忆录《日本人》(2016)和《中国自然图片》(2017)的作者(城市:奥格雷, 拉脱维亚)。邮箱: nlal@mail.ru

拉伦金·伊万·根纳季耶维奇, 哈尔滨人, 从事日文和中文的军事翻译工作, 是关东军投降的见证者。随后与妻子拉伦蒂娜一同成为了苏联工程师(城市:里加, 拉脱维亚)。

罗索夫·弗拉基米尔·安德烈耶维奇, 历史学博士, 东方学家, 科学专著、俄罗斯侨民文集的作者, 东方国家博物馆, 罗里希斯遗产“部门主任(城市:莫斯科, 俄罗斯)。邮箱: rosov@yandex.ru

卢班·娜塔莉亚·阿列克谢耶夫娜, 哈巴罗夫斯克市格罗德科夫地方志博物馆高级研究员(城市:哈巴罗夫斯克, 俄罗斯)。邮箱: na_ruban@mail.ru

鲁坚科·瓦列里·亚诺维奇, 建筑师, 艺术家, 作家, 俄罗斯新闻工作者协会成员(城市:北京, 中国)。邮箱: rvd@mail.ru

谢妮娜·叶卡捷琳娜·弗拉基米罗夫娜, 语文系副博士, 俄罗斯联邦莫斯科国际关系国立学院汉语、越南语、泰语与老挝语教研室讲师(城市: 莫斯科, 俄罗斯)。邮箱: katya-senina@mail.ru

茨梅卡尔·奥丽加·叶夫格尼耶夫娜, 语文系硕士, 阿穆尔国立大学文学与世界艺术文化教研室讲师(城市: 布拉戈维申斯克市, 俄罗斯)。邮箱: Olgatsmykal@yandex.ru

艾芬季耶娃·加莉娜·弗拉基米罗夫娜, 阿穆尔国立大学远东侨民研究中心主导研究员, 副教授(城市: 莫斯科, 俄罗斯)。邮箱: galina.efendiyeva@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Харбин в воспоминаниях, письмах, исследованиях

<i>Забияко А.А.</i> Харбинка по жизни. Наталия Лалетина.....	7
<i>Лалетина Н.Н.</i> Автобиография.....	16
<i>Лалетина Н.Н.</i> Ода Большому проспекту.....	18
<i>Лалетина Н.Н.</i> Будни прошлого китайской деревни.....	39
<i>Лалетина Н.Н.</i> Мемораты о Харбине и харбинцах.....	43
<i>Лалетин Б.</i> «Я был свидетелем конца Квантунской армии...».....	52
<i>Руденко В.Д.</i> Надежда.....	58
<i>Белькова Т.М.</i> «Не думайте, что мы Вас забыли...»: письма китайских студентов преподавателю русского языка в Харбине Г.П. Клепиковой 1950-х гг.....	66

Источниковедение и текстология литературной харбинистики

<i>Кузнецова О.Ф.</i> Письма Валерия Перелешина Лидии Хаиндровой из Харбина и Пекина. 1938–1941.....	73
<i>Гребенюкова Н.П.</i> «Ты снова в добрый улей влит...» (Из истории возвращения творческого наследия В.Ф. Перелешина в Россию).....	92
<i>Кириллова Е.О.</i> «Обаятельнее всех был поэт Алымов»: штрихи к биографии эстета, кандалыщика и песняра.....	99
<i>Кириллова Е.О.</i> Серебряный век дальневосточной поэзии и «чудесный ребёнок непогибшей богемы»: владивостокско-харбинские стихи Сергея Алымова.....	108
<i>Сенина Е.В.</i> Яков Аракин: «Недаром жил» (автобиография).....	133
<i>Рубан Н.А.</i> Писатель русской эмиграции Софья Зайцева.....	147
<i>Борисова О.Б.</i> Возвращённые имена. Харбинский писатель и журналист Михаил Иванович Борисов.....	152
<i>Землянская К.А.</i> «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя.....	161

Этнография Маньчжурии в художественных и публицистических текстах дальневосточных писателей

<i>Зиненко Я.В., Цмыкал О.Е.</i> Художественная этнография в Маньчжурии начала XX века (избранная библиография).....	172
<i>Эфендиева Г.В.</i> «Хитрость лисицы, выносливость тигра, чутьё собаки, глаз сокола, ухо зайца»: харбинские авторы о людях Маньчжурии.....	179
Приложение	
<i>Байков Н.А.</i> Русские промысловики в Маньчжурии (очерк).....	184
<i>Байков Н.А.</i> Леший и ведьма (рассказ).....	189
<i>Байков Н.А.</i> В ущельях тигровой горы (очерк).....	194
<i>Байков Н.А.</i> Жертва горному духу (рассказ).....	197
<i>Байков Н.А.</i> Язык тайги (очерк).....	202
<i>Байков Н.А.</i> Культ медведя.....	204
<i>Байков Н.А.</i> Охотники-корейцы.....	206
<i>Байков Н.А.</i> Таёжные братства.....	207
<i>Байков Н.А.</i> Встреча с хунхузами.....	208
<i>Н.А.</i> Тайны тайги. Встречи молодого русского учёного М.И. Никитина.....	213

<i>Холодов А.</i> В борьбе с хунхузами и тиграми (по воспоминаниям Н.А. Байкова).....	216
<i>Невский Дм.</i> От тигров и «дикарей» к Харбину! Как встречал Харбин Новый год в старое время.....	218
<i>Аргус.</i> Три тигра на двоих! Удачная охота русских зверобоев в Маньчжунди-го.....	224
<i>Аргус.</i> Ловля тигров живьём.....	226
<i>Муратов Б.</i> Русская женщина на вольных просторах Маньчжурии.....	227

Русские и китайцы в условиях дальневосточного фронта

<i>Забияко А.А.</i> Уроки китайского (правдивая история).....	229
Аннотации	237
Сведения об авторах	250

CONTENTS

Harbin in Memories, Letters, Research

<i>Zabiyako A.A.</i> Harbin Lady at Life. Natalia Laletina.....	7
<i>Laletina N.N.</i> Autobiography.....	16
<i>Laletina N.N.</i> Ode on Bolshoy Prospect.....	18
<i>Laletina N.N.</i> Everyday Life of the Past of the Chinese Village.....	39
<i>Laletina N.N.</i> Memorats of Harbin and Its Residents.....	43
<i>Laletin B.</i> “I Witnessed the End of the Kwantung Army...”.....	52
<i>Rudenko V.D.</i> Nadezhda.....	58
<i>Belkova T.M.</i> “Do not Think That We Have Forgotten You...”: Letters from Chinese Students to G.P. Klepikova, a Teacher of the Russian Language in Harbin in 1950s....	66

Source Studies and Textual Criticism of Harbin Literature

<i>Kuznetsova O.F.</i> Letters of Valery Pereleshin to Lydia Khaindrova from Harbin and Beijing. 1938–1941.....	73
<i>Grebenyukova N.P.</i> “You’ve been Poured into a Good Hive Again ...” (From the History of the Returning the Literary Heritage of V.F. Pereleshin to Russia).....	92
<i>Kirillova E.O.</i> “The Poet Alymov was the Most Charming of All”: Touches to the Biography of an Esthete, Shackler and Songwriter.....	99
<i>Kirillova E.O.</i> The Silver Age of Far Eastern Poetry and the “Wonderful Child of the Undead Bohemia”: the Vladivostok-Harbin Poems of Sergei Alymov.....	108
<i>Senina E.V.</i> Yakov Arakin: “It Was not Nothing that He Lived for” (Autobiography).....	133
<i>Ruban N.A.</i> Sofya Zaitseva, the Writer of the Russian Emigration.....	147
<i>Borisova O.N.</i> Returned names: Harbin writer Borisov Mikhail Ivanovich.....	152
<i>Zemlyanskaya K.A.</i> “Death under the Mask. A Christmas Story” by Venedict Mart: The Experience of Comprehending the Harbin Fiction.....	161

Ethnography of Manchuria in Fiction and Journalism of Far Eastern Writers

<i>Zinenko Ya.V., Tsymkal O.E.</i> Literary Ethnography in Manchuria in Early 20th Century (Selected Bibliography).....	172
<i>G.V. Efendieva.</i> “The Cunning of the Fox, the Endurance of the Tiger, the Instinct of the Dog, the Eye of the Falcon, the Ear of the Hare”: Harbin Authors about the People of Manchuria.....	179
Supplement	
<i>Baikov N.A.</i> Russian Trappers in Manchuria.....	184
<i>Baikov N.A.</i> The Forest Spirit and the Witch.....	189
<i>Baikov N.A.</i> In the Gorges of the Tiger Mountain.....	194
<i>Baikov N.A.</i> Mountain Spirit Sacrifice.....	197
<i>Baikov N.A.</i> The Language of Taiga.....	202
<i>Baikov N.A.</i> The Cult of the Bear (Fragment from “The Bears of the Far East”)...204	
<i>Baikov N.A.</i> The Korean Hunters.....	206
<i>Baikov N.A.</i> The Brotherhoods of Taiga.....	207
<i>Baikov N.A.</i> Meetings with the Honghuzi.....	208
<i>N.A.</i> Secrets of the Taiga. Meetings of the Young Russian Scientist M.I. Nikitin.....	213

<i>Kholodov A.</i> Fighting Against Honghuzi and Tigers (On the Memoirs of N.A Baikov).....	216
<i>Nevsky Dm.</i> From Tigers and “Savages” to Harbin! How Harbin Celebrated New Year in the Old Time.....	218
<i>Argus.</i> Three Tigers for Two! Successful Hunting of Russian hunters in Manchudi-go.....	224
<i>Argus.</i> Catching a Tiger Alive.....	226
<i>Muratov B.</i> Russian Woman in the Open Spaces of Manchuria.....	227

Russians and Chinese in the Far Eastern Frontier

<i>Zabiyako A.A.</i> Lessons of Chinese (True Story).....	229
Abstracts	242
Information on the authors	252

目录

回忆录、书信及科学著作中的哈尔滨

扎比娅卡 A.A. 哈尔滨女俄侨的一生。娜塔莉亚·拉伦蒂娜.....	7
拉伦蒂娜 H.H. 作者自传.....	16
拉伦蒂娜 H.H. 大街颂歌.....	18
拉伦蒂娜 H.H. 中国旧日乡村生活.....	39
拉伦蒂娜 H.H. 口述历史:哈尔滨和哈尔滨人.....	43
拉伦金 B. 我, 关东军灭亡的见证者.....	52
鲁坚科 B.Д. 希望.....	58
别尔科娃 T.M. 《请不要认为我们忘记了您》:1950年间中国哈尔滨大学生们致敬.....	66
俄语教师 Г.П. 克莱皮科娃的信件.....	73

哈尔滨文学史料与文献研究

库兹涅佐娃 O.Ф. 瓦列里·佩列列申于哈尔滨和北京致莉迪亚·哈茵德洛娃的信件。1938-1941.....	73
格列本尤科娃 H.П. 《你再一次飞到了美妙的蜂房中》(诗人 B.Ф. 佩列列申返回俄罗斯).....	92
基里洛娃 E.O. 《最迷人的诗人, 阿里莫夫》:被爱与桎梏萦绕的人生轨迹.....	108
基里洛娃 E.O. 远东诗歌的白银时代和《永远不朽却四处漂泊的文学少年》:谢尔盖·阿里莫夫.....	133
谢妮娜 E.B. 雅科夫·阿拉金:《活着的目的》(自传).....	147
卢班 H.A. 俄罗斯侨民作家索菲亚·扎伊采娃.....	152
鲍里索娃 O.B. 归来的名字:哈尔滨作家鲍里索夫·米哈伊尔·伊万诺维奇.....	161
杰姆里昂斯卡娅 K.A. 《面具下的死亡。圣诞故事》韦涅季克特·玛尔特:苏联作家的小说历程.....	172

远东作家艺术作品与政论作品中的满洲民族志

季年科 Я.В., 茨梅卡尔 O.E. 20世纪初期满洲地区的艺术民族志(精选书单).....	172
艾芬季耶娃 Г.В. 《狐狸的狡猾, 老虎的持久力, 狗的嗅觉, 雄鹰的视觉, 兔子的听觉》:和满洲人相关的哈尔滨作家.....	179
附录	
巴依阔夫 H.A. 满洲的俄罗斯渔夫(随笔).....	184
巴依阔夫 H.A. 林妖和巫婆(短篇小说).....	189
巴依阔夫 H.A. 在虎山峡谷(随笔).....	194
巴依阔夫 H.A. 祭祀山神(短篇小说).....	197
巴依阔夫 H.A. 泰加林的语言(随笔).....	202
巴依阔夫 H.A. 熊崇拜.....	204
巴依阔夫 H.A. 韩国猎户.....	206
巴依阔夫 H.A. 泰加林兄弟会.....	207

巴依阔夫 H.A. 会见红胡子.....	208
巴依阔夫 H.A. 神秘的泰加林。年轻俄罗斯学者 M.И. 尼基京的会面....	213
霍罗多夫 A. 与红胡子和老虎的斗争 (参照 H.A. 巴依阔夫的回忆录)....	216
涅夫斯基 Д.М. 虎爪和《野蛮人》笼罩下的哈尔滨流亡之路! 旧时哈尔滨人 庆祝新年的方式.....	218
厄尔古斯. 三虎二人! 满洲帝国俄罗斯捕猎者的成功狩猎.....	224
厄尔古斯. 活捉老虎.....	226
穆拉托夫 B. 在满洲土地上自由生活的俄罗斯女人.....	227

远东边疆的俄罗斯人与中国人

扎比娅卡 A.A. 中华教诲 (真实故事).....	229
摘要.....	246
作者简介.....	254

Русский Харбин, запечатлённый в слове. Выпуск 8: Сборник научных работ.

Издательство АмГУ. Подписано к печати 11.06.2021. Дизайн обложки – Ю.М. Гофман, корректорская правка – О.Е. Цмыкал, дизайн и макет – Е.А. Конталева.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 100.

Отпечатано в типографии АмГУ (г. Благовещенск).